

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

СУВЕРЕНИТЕТ –
БЕЗОПАСНОСТЬ –
ИНТЕГРАЦИЯ
КАК КОНСТАНТЫ
УСТОЙЧИВОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ.
К 30-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА
ПРЕЗИДЕНТСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БЕЛОРУССКАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ:
МНОГООБРАЗИЕ
В ЕДИНСТВЕ

Материалы X международной
научно-практической конференции

(Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.)

В 2 частях
ЧАСТЬ 1

Гродно
ГрГУ им. Янки Купалы
2024

УДК 321.01
ББК 66.4(0)
С89

Редакционная коллегия:

*В. Н. Ватыль (гл. ред.), В. А. Белозорович,
О. Н. Гаврилик, А. К. Касяновская, О. В. Лапа,
Л. И. Цыганкова, А. А. Кизюкевич*

С89 Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы X междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.). В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2024. – 301 с.

ISBN 978-985-582-615-7 (ч. 1)

ISBN 978-985-582-618-8

Отражены основные направления развития отечественной политологии в её органичном сочетании с мировой; значительное место уделено анализу перспектив политического знания и политологии в Республике Беларусь. Адресовано преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, представителям практической политики, студентам, аспирантам.

**УДК 321.01
ББК 66.4(0)**

**ISBN 978-985-582-615-7 (ч. 1)
ISBN 978-985-582-618-8**

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2024

О. А. Авдеевич

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)

А. К. Гецевич

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, a.geceвич@grsu.by)

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Для выявления самой природы взаимодействия между государствами – участниками Договора необходимо было выяснить, какие принципы и прерогативы регулируют отношения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. На протяжении долгого периода лет Россия и Беларусь развиваются в одном направлении. Это значит, что близкие взаимоотношения сложились ещё до того, как началась интеграция двух стран на современном этапе, и поэтому принцип взаимодействия России и Беларуси уже отработан в разных исторических и экономических эпохах.

Важным аспектом при выявлении особенностей деятельности органов управления СГРБ является выделение наиболее и наименее успешных сфер интеграционных процессов. Экономическое взаимодействие на сегодняшний день является приоритетным направлением интеграции двух стран. Особое место также занимает ядерная энергетика, вопросы вооружения и продовольствия.

Но если говорить непосредственно о системе управления СГРБ, то стоит выделить активную работу ВГС и ПС СБР как основных структур политической жизни Союзного государства. Данные органы успешно справляются со своим функциональными обязанностями и являются основополагающей силой управления Союзного государства.

Слабым звеном в механизме межгосударственного управления сегодня по праву считают судебную систему. Существует вся необходимая институциональная почва для полного функционирования Суда Союзного государства, однако при этом Суд, как орган СГРБ, создан не был.

Как и у всех наднациональных образований, у Союзного государства имеется некоторая неповоротливость механизмов системы управления. Но в связи с тем, что в Договоре всего две страны-участницы, данные трудности можно преодолеть достаточно быстро.

Страны пока так и не сошлись во мнении по поводу эмиссионных процессов. Единая валюта СГРБ не была создана. Хотя, исходя из опыта других наднациональных объединений, можно предположить, что даль-

нейшее существование Союзного государства без внедрения в ближайшей перспективе общей денежной валюты вполне вероятно. Отсутствие единой валюты может иметь и негативный характер, но назвать это обстоятельство категорическим минусом интеграции нельзя.

Большинство международных организаций, образований имеют собственную атрибутику. Так называемые символы единения. Но за свой почти 25-летний период существования Союзное государство не создало свою символику: флаг, герб, гимн. Эмблема как символ, который подразумевает под собой идею, должна быть создана в первую очередь для граждан Союзного государства. Дальнейшая интеграция России и Беларуси полностью зависит от настроения их граждан. Поэтому для продвижения идей СГРБ необходимо разработать и активно культивировать атрибуты объединения двух стран.

Если рассматривать принятие стратегических решений внутри Союзного государства России и Беларуси, то нужно обратиться к процессам обеспечения координации и взаимодействия внутри системы органов управления СГРБ.

Очевидным является факт, что наднациональная надстройка, то есть непосредственно сама система управления, есть и функционирует. Не все органы, которые предполагались Договором, были сформированы. Но те, которые были созданы, на сегодняшний день функционируют вполне успешно, что отражено в сложившейся преемственности и организованной работе органов управления.

Чтобы рассматривать перспективу развития отношений России и Беларуси, нужно оценить динамику их взаимодействий последние несколько лет.

Большинство актов и документов, на которых сегодня базируется Союзное государство, было принято в конце 1990-х годов. После принятия данных документов произошла экономическая и политическая стабилизация, и с того момента наблюдается положительная динамика развития интеграционных процессов. Ссылаясь на цикличность исторических процессов, можно выявить периоды сближения и отдаления государств. Но последние четыре года взаимодействие органов управления Союзного государства можно расценить как достаточно тесное.

Чтобы определить направления совершенствования системы органов управления Союзного государства, необходимо оценить их эффективность и выявить, руководствуются ли страны-участницы интересами СГРБ или же, в первую очередь, преследуют свои интересы.

В это связи стоит отметить, что в вопросах глобального характера, например, таких, как оборона, Россия и Беларусь, безусловно, руко-

водствуются общими интересами. Вместе с тем, Республика Беларусь и Российская Федерация в отдельных сферах являются конкурентами по ряду направлений, например, по поставке на мировой рынок сельхозпродукции.

Правительства обеих стран понимают, что если территория одного из государств будет развиваться не в унисон с остальной частью Союзного государства, то могут возникнуть проблемы. Поэтому был найден достаточно неплохой консенсус. Например, белорусские фирмы, строительные организации и иные производители могут участвовать в проектах в Российской Федерации. Выход белорусских производителей на российский рынок позволяет сохранить денежные средства внутри Союзного государства. Такой подход можно в целом назвать эффективным, так как есть взаимопонимание между Правительствами обеих стран.

Любое большое объединение, тем более на государственном уровне, требует дополнительных согласований. А в наднациональной структуре превалирующая их часть еще связана с большой длительностью урегулирования определенных вопросов. Это можно было бы преодолеть путем внедрения «электронного правительства», но это скорее перспективы развития Союзного государства, а не вопрос ближайшего времени.

В настоящий момент необходимо сохранить и поддерживать тот уровень межгосударственных отношений, которые существуют между Российской Федерацией и Республикой Беларусь на данном этапе и которые способствуют решению глобальных вопросов. Кроме того, важно реализовать основные проекты союзного государства на локальном, местном уровне. Поскольку, чем больше наднациональная надстройка, тем больше каждый ее участник живет сам по себе. Поэтому важно, чтобы система действительно работала. В случае России и Беларуси решать вопросы интеграции проще из-за языкового, религиозно-конфессионального аспектов. Совершенствовать систему управления можно, но здесь следует учитывать, как граждане сами реагируют на Союзное государство.

Сегодня важное место на политической арене занимают корпорации. И если в Западной Европе они преимущественно частные, то в России – государственные. Поэтому положение корпораций важно учитывать при формировании направлений развития Союзного государства.

О создании единого государства России и Беларуси пока задумываться не стоит. Очевидно, что это приведет, как минимум, к изменению политико-правовых отношений в рамках СГ и исчезновению одного полноправного государственного субъекта на международной арене, что в перспективе возросшей изоляции и поиска предсказуемых партнеров не выгодно ни Беларуси, ни Российской Федерации.

Н. С. Аветян

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
narina.avetyan@mail.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Процесс адаптации мигрантов к условиям другой социокультурной среды и их последующей интеграции достаточно сложен и многоаспектен. Попадая в иную, новую для себя социальную среду, мигранты чувствуют себя потерянными, поскольку меняются не только этнокультурные, но и географические, экологические и климатические условия существования. Нарушается динамическое равновесие между внутренними устоявшимися нормами, правилами и моделями поведения и внешними требованиями со стороны принимающей среды. Противоречивость адаптации и последующей интеграции заключается в том, что одни стороны социальной адаптации и интеграции мигрантов на новом месте могут быть успешными и удовлетворять как их, так и принимающее сообщество, а другие нет, что в перспективе может повлечь за собой определенные противоречия и конфликтные ситуации как со стороны мигрантов, такая и со стороны принимающей среды. В случаях, когда отдельный индивид либо группа под давлением тех или иных обстоятельств оказываются оторванными от привычного для них места и образа жизни, где они занимали определенное положение и выполняли определенные социальные роли, возникает необходимость приспособления.

В связи с необходимостью всестороннего изучения феномена адаптации и интеграции мигрантов большое значение имеет использование *структурно-функционального подхода*, применение которого раскрывает особенности процесса вхождения мигранта в новую среду, а также позволяет выявить степень согласования целей и интересов, которые ставят перед собой мигранты, с функциями и структурой принимающего сообщества. Адаптация описывается как процесс установления соответствия между характеристиками индивида либо группы и существующими нормами принимающей среды, в которую они попадают. Нормы среды представляются в виде постоянной величины, которые являются мерилем оценки успешности-неуспешности адаптации мигрантов и последующей их интеграции.

Э. Дюркгейм утверждал, что массовые миграции оказывают существенное влияние на социальные трансформации, происходящие в обществе, поскольку мигранты либо выполняют устойчивые социально значимые функции принимающего сообщества, либо вызывают дисбалансные состояния и конфликты. Адаптация, по Э. Дюркгейму, представляет со-

бой процесс усвоения адаптантом либо группой социальных норм с их последующей интеграцией. Влияние социальных норм на поведение мигрантов, по мнению ученого, происходит под влиянием социальных факторов, которые обладают такими важными признаками, как объективность, не зависящая от воли индивида, и принудительная сила, т. е. оказание давления на личность либо группу посредством различных механизмов их интеграции [1, с. 82].

М. Вебер полагал, что в основе деятельности человека лежит субъективное побуждение, а назначением его конкретных действий является достижение цели. В подавляющем большинстве случаев действия выполняются «социально ориентированным способом», т. е. в рамках вскрытых Э. Дюркгеймом социальных норм. Нормативное поведение человека М. Вебер объяснял его высоким уровнем рациональности, когда достижение цели гарантируется существованием тех же самых социальных норм при известном заранее уровне затрат. Однако так происходит не всегда. Человек старается «рационализировать» свою деятельность, снизить собственные затраты в сравнении с общественно принятыми и получить таким образом определенные преимущества. Если это удастся, образ действий может привлечь и других людей и со временем стать нормой [2, с. 347].

Т. Парсонс видит социальную систему как совокупность взаимодействий, однако само взаимодействие не является доминирующей единицей изучения социальной системы. В качестве базовой единицы он использовал статусно-ролевой комплекс. «Это не аспект, связанный с акторами или их взаимодействием, скорее, это структурный компонент социальной системы. Статус относится к структурной позиции в пределах социальной системы, а роль есть то, что человек делает, занимая данную позицию, рассматриваемую в контексте ее функциональной значимости для системы в целом. Актор анализируется не с точки зрения его мыслей и поступков, а как не более чем набор статусов и ролей» [3, с. 125].

Центральным для структурно-функционального анализа является понятие функции, которая рассматривается в двух аспектах. Первый характеризуется как «роль» «одного» из элементов некоторой целостности по отношению к «другому» или к системе в целом, второй аспект трактуется как такая зависимость в рамках данной системы, при которой изменения «одного» оказываются производными от изменения «другого».

При этом вводится понятие функциональных связей внутри системы (а также между системами, системой и средой). Соответственно выделяются и процессы функционирования наряду с процессами производства (ресурсов), воспроизводства (структуры), в совокупности обеспечивающие стабильное существование системы и соотносимые с процессами ее изменения и развития [4, с. 1098].

Р. Мертон утверждал, что «любой объект, который может подлежать структурно-функциональному анализу, должен «представлять собой стандартизированное» (то есть шаблонное и повторяющееся явление)» [5, с. 98]. Он имел в виду «социальные роли, институциональные модели, социальные процессы, культурные образцы, социальные нормы, групповую организацию, социальную структуру, средства социального контроля и т. д.». Рассматривая понятия «функция – дисфункция» по теории Р. Мертона, можно изучить потенциальные источники социальных изменений.

Бихевиористский подход основан на исследовании поведения индивидов, испытывающих на себе влияние среды, под воздействием которой происходят трансформации и формирование новых образцов поведения. Данный подход наиболее точно отражен в труде У. Томаса и Ф. Знанецкого в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» [6], где подчеркивались социально-культурные основы принимающей среды. Исследователи понимали социальную жизнь мигранта как процесс адаптации: «Поведение есть адаптация к среде, и нервная система <...> есть развивающаяся адаптация» [6, с. 94]. Информация, полученная в ходе анализа личных документов эмигрантов, позволила исследователям выстроить типологию социальных характеров на основе реальной динамики мотиваций конкретных людей, смоделировать механизм адаптации мигранта к среде, а также представить варианты, характеризующие возможные пути адаптации и интеграции.

Позитивистский подход базируется на том, что миграционное поведение каждого отдельного индивида или группы рассматривается как результат индивидуального выбора, который зависит от исторических, политических, экономических, климатических, географических и иных факторов. Примером позитивистского подхода могут служить работы М. Тодара [7, с. 361], в основе которых находится теория рационального выбора, в них отводится довольно значимая роль индивидам в принятии решения о миграции. Важнейшим мотивом миграционного поведения позитивисты рассматривают заинтересованность индивида или группы в улучшении своего положения.

Этносоциологический подход получил свое развитие в тот период, когда для решения проблем миграции стало недостаточно простого учета количества мигрантов и их состава, личностных характеристик и установок. Данный подход начал развиваться в тот период, когда появилась необходимость учитывать влияние на миграционное поведение людей не только их индивидуальных предпочтений, но и желаний тех социальных групп, в состав которых они входят, на нормы которых они ориентируются. Этносоциологическое направление базируется на концепции культуры как коллективного способа адаптации к окружающей природной и со-

циальной среде и, на взгляд разработчиков, представляет собой новый, более глубокий уровень понимания механизмов миграции, неотделимый от учёта исторических традиций народа, в том числе отражающих прежний миграционный опыт.

Представитель *конфликтного подхода* Р. Дарендорф отмечает, что во второй половине XX века в развитых странах значительно расширились возможности людей. Индивиду предоставилось множество неизвестных ранее жизненных шансов (широкие возможности к образованию, возможности самореализации в бизнесе, политике, творчестве и т. д.), однако не каждый имеет к ним доступ. «Если человек поставлен в такие условия, когда он не может воспользоваться данными ему шансами, все остальное остается пустыми посулами» [8, с. 31]. Жизненные шансы он рассматривает как функцию опций и лигатур. Опции понимаются как свобода в осуществлении выбора благодаря наличию прав и их обеспечения. Лигатуры – это глубинные культурные связи, помогающие людям найти свой путь в мире опций [8, с. 34–35]. Они выступают как система координат, способствующая самореализации личности, однако полностью этот процесс может быть воплощен только в условиях гражданского общества, представляющего множество социальных институтов и организаций для выбора жизненного пути и признающего плюрализм в ценностных ориентациях людей.

Подобной позиции придерживается американский социолог Л. Козер, указывая на возможность сделать конфликт функциональным, если им управлять. Это зависит от типа конфликта, которых, по мнению исследователя, два: реалистический и нереалистический. Описывая первый тип, он вслед за Г. Зиммелем отмечает, что конфликты могут возникать по поводу достижения какой-либо цели. Они предполагают наличие института участников и посредников, а также регулирующих их правил и норм, в том числе и новых. Такие конфликты могут носить функциональный характер для системы в целом и для ее институтов: «конфликты являются механизмом, посредством которого происходит приспособление к новым условиям» [9, с. 159]. Главным условием функциональности реалистического конфликта является разделение базовых ценностей общества. Второй тип конфликтов носит дисфункциональный для общества характер, так как возникает исключительно из агрессивных импульсов, ищущих выхода независимо от того, каков их объект, и когда выбор объекта совершенно случаен [10 с. 71]. Нереалистические конфликты субъективны и управлять ими затруднительно из-за отсутствия норм и ограничений в отношении человеческих фобий, напряжения.

Р. Коллинз изучал теорию конфликта через стратификацию. «Стратификация и организация основываются на повседневных взаимодействии

ях» [11, с. 86]. Исследователь подходил к конфликту с индивидуальной точки зрения, потому что теоретические истоки его воззрений лежат в феноменологии и этнометодологии. Тем не менее он признавал, что теория конфликта не может обойтись без социатального уровня анализа.

Таким образом, анализ существующей литературы относительно методологии исследования адаптационного и интеграционного поведения мигрантов позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Процесс адаптации мигрантов к условиям другой социокультурной среды и их последующей интеграции достаточно сложен и многоаспектен.

2. В социологии существуют различные теории в исследовании процесса адаптации и интеграции мигрантов, поскольку данные понятия в русле каждой социологической парадигмы трактовались исследователями по-разному в зависимости от методологического подхода.

3. Социальная и культурная адаптация мигрантов в принимающее общество и последующая их интеграция содержит в себе внутреннее противоречие, заключающееся в том, что первоначально происходит стремление мигрантов к приспособлению к условиям принимающей среды, а затем наступает потребность обособления, то есть переход к становлению личностной и групповой независимости. Это рассогласование и является источником конфликтной ситуации, но она не обязательно реализуется в виде социально-психологической напряженности, а может использоваться для совершенствования межнациональных отношений в социальной и культурной сфере принимающего сообщества. Можно определить, что успешность адаптационного и интеграционного процесса характеризуется оптимальным соотношением приспособления к независимости в поведенческих установках мигрантов.

Список литературы

1. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 82–88.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. ; под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М. : Академический проект, 2000. – 880 с.
4. Абушенко, В. Л. Структурно-функциональный анализ / В. Л. Абушенко // Социология : энцикл. / сост.: А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный Дом, 2003. – С. 1098.
5. Мертон, Р. Явные и латентные функции / Р. Мертон // Современная западная социология : хрестоматия. – М. : Тесей, 2008. – С. 92–106.
6. Thomas, W. The Polish peasant in Europe and America / W. Thomas, F. Znaniecki. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 1958. – 1150 p.
7. Todaro, M. Internal migration in developing countries: a survey / M. Todaro // Population and economic change in developing countries / ed. R. Easterlin. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – P. 361–402.

8. Дарендорф, Р. От социального государства к цивилизованному сообществу / Р. Дарендорф // Полис. – 1993. – № 5. – С. 31–35.

9. Зиммель, Г. Философия культуры. Избранное / Г. Зиммель ; гл. ред. С. Я. Левит. – М. : Юрист, 1996. – Т. 1. – 671 с.

10. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 542–556.

11. Коллинз, Р. Теория конфликта в современной макроисторической социологии / Р. Коллинз // Философская и социологическая мысль. – 1993. – № 6. – С. 81–98.

И. М. Авласенко

(Белорусский государственный университет, г. Минск,
AvlasenkIM@bsu.by)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Начало вооружённого конфликта между Российской Федерацией и Украиной стало новым этапом кризисной трансформации европейской системы международных отношений. Этот процесс требует и переосмысления теоретико-методологических подходов к обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь. Вместе с тем, нельзя оценить внешние риски и угрозы в новом состоянии региональной среды без комплексного анализа причин данного кризиса. Особый интерес представляет обзор уже существующих оценок в отечественной и зарубежной политической науке. Цель данного исследования – выделить основные теоретико-методологические подходы, в рамках которых российские исследователи объясняют процесс трансформации и последующего кризиса системы европейской безопасности.

Значительную часть трудов, посвящённых этой теме, можно отнести к парадигмам неореализма, а также конструктивизма, поскольку они затрагивают в том числе и аспекты восприятия рисков для национальной безопасности участниками региональной системы международных отношений. В частности, системному кризису в отношениях России и Запада посвящён целый ряд трудов Д. В. Тренина. В докладе «Европейская безопасность: от “лишь бы не было войны” до поиска нового равновесия», выпущенном в 2018 г., он писал: «Ближайшая задача всех сторон, заинтересованных в обеспечении безопасности в Европе, – не допустить прямого военного столкновения между Россией и странами НАТО. Следующая по важности задача – найти пути сотрудничества в тех областях, где интересы России и Запада частично совпадают, и таким образом сформировать тенденцию, которая смогла бы немного компенсировать нынешнюю

взаимную отчужденность» [1, с. 1, 2]. Была высказана гипотеза, что «после украинского выборного цикла 2018–2019 годов может появиться возможность начать движение к ослаблению интенсивности конфликта в Донбассе с использованием элементов Минского соглашения – 2» [1, с. 2, 18]. Однако последующие события показали, что такая оценка оказалась излишне оптимистичной: саммит в нормандском формате, прошедший в декабре 2019 г. в Париже, фактически оказался неудачным, и после него начался новый виток напряженности. В монографии 2021 г. под названием «Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия» автор усилил пессимистические оценки: «Говорить об архитектуре безопасности, включающей НАТО/ЕС, Россию и другие страны, можно будет не скоро. Никакого “Хельсинки-2” в обозримом будущем не предвидится. Кроме того, это потребовало бы взаимодействия с США, что в видимой перспективе представляется нереальным. ЕС некомпетентен в этом вопросе, а отдельные страны союза являются членами НАТО и подчиняются дисциплине американского лидерства» [2, с. 354].

Схожую озабоченность высказал аналитик О. И. Шакиров в докладе 2019 г. «Будущее Венского документа: перспективы развития мер укрепления доверия и безопасности в Европе». В данном обзоре он отметил, что на фоне ухудшения ситуации в области европейской безопасности обновление документа фактически остановилось. Автором был высказан ряд предложений, которые могли бы обратить вспять негативный тренд по деградации системы европейской безопасности. Он констатировал, что деградация Венского документа будет способствовать снижению мер доверия в сфере безопасности в Европе [3, с. 21].

В работах российских исследователей также значительная роль отводится анализу внешнего фактора – влияния Вашингтона на трансформацию архитектуры европейской безопасности. В частности, Н. Н. Алексеев, рассуждая о её «постнациональном» характере, даже поставил вопрос о том, почему она называется «европейской», хотя её ключевым элементом является альянс с доминирующей ролью неевропейского государства [4, с. 83]. В его статье отмечается, что «США не упустили момент посредством НАТО фактически взять на себя контроль над оборонной политикой Европы, а, следовательно, оказывать значительное влияние на внешнюю политику в целом. Таким образом, наверстывая упущенное, Евросоюз, в конце концов, пришел к осознанию необходимости создания самостоятельного оборонного объединения» [4, с. 80–81]. И. В. Михайлов показал, что «Соединенные Штаты рассматривали архитектуру европейской безопасности как основу для построения более глобальной по своему охвату трансевразийской системы безопасности», однако сделал вывод, что эта попытка успехом не увенчалась [5, с. 288, 296].

В российской науке представлены и труды в рамках институционального подхода. В частности, в 2021 г. российский аналитик Т. В. Бордачёв защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора политических наук, посвящённую кризису европейского международного порядка в контексте отношений России и Европейского союза. Основная гипотеза автора состояла в том, что «международные институты могут быть регуляторами поведения только в отношении тех стран, которые участвуют в балансе сил, лежащем в основе этих институтов. Это влияние институтов не распространяется на взаимодействие их участников, и самих институтов, как коллективов, с третьими странами» [6, л. 9]. Говоря иными словами, отсутствие членства в Евросоюзе стало решающим фактором, который не позволил России полноценно влиять на концептуальные подходы и политическую практику ЕС по выстраиванию регионального порядка в Европе. Выстраивание полноценной равноправной европейской системы международных отношений после окончания «холодной войны» было невозможно по причине недостаточной степени её инклюзивности. По мнению Т. В. Бордачёва, «отношения России и Европейского союза после холодной войны – это масштабный пример того, как мораль, право и относительная справедливость в международной политике не могут существовать без баланса сил между участниками и как институты коллективной безопасности ограничивают способность участвующих в них государства искать устойчивые дипломатические решения с внешними партнерами. Региональный порядок, составными частями которого должны были стать Европейский союз, его отдельные государства, и Россия, не принимал в качестве основного критерия совокупные военно-политические возможности участников, соответственно был лишён прочной институциональной основы. Поэтому в нём изначально оказалась заложена неустойчивость, связанная со стремлением каждого из партнеров максимизировать собственные тактические преимущества» [6, л. 10].

В современной российской историографии несколько меньше представлено неомарксистское направление в объяснении причин кризиса системы европейской безопасности, хотя его потенциал, с точки зрения членов нашего авторского коллектива, является весьма значительным. Согласно парадигме неомарксизма, вся глобальная совокупность политических и экономических акторов образует единую, взаимосвязанную Мир-систему, которая структурируется на 3 части: центр, полупериферия и периферия [7]. Ключевым, системообразующим влиянием на глобальные процессы обладают государства Центра, к которым относятся Соединённые Штаты, Евросоюз, а также примыкающие к ним некоторые другие развитые страны – Австралия, Япония, Республика Корея и др. По мере отхода от Центра государства всё больше теряют возможность влиять на

глобальные процессы и всё больше их роль сводится к подчинению, к включению в уже существующие структуры и институты. Вместе с тем, отдельные государства полупериферии бросают вызов государствам Центра, стремясь их сместить и образовать новый Центр глобальной Мир-системы либо образовать альтернативную Мир-систему (как это было, к примеру, в годы «холодной войны»). К этой парадигме можно отнести подход российского аналитика А. О. Безрукова, который рассматривает нынешний кризис европейской (и глобальной) системы безопасности как итог конфликта между государствами-консерваторами и государствами-«челленджерами» из группы полупериферии [8]. А. А. Изгарская также подчёркивает, что роль «челленджера» в настоящий момент взяла на себя Российская Федерация [9, с. 22].

Таким образом, российские исследования, объясняющие процесс трансформации и кризиса системы европейской безопасности, можно отнести к нескольким основным современным парадигмам в теории международных отношений – неореализму, институциональному подходу, неомарксизму, конструктивизму. Наиболее представленными в российской историографии являются те работы, которые исходят из сочетания неореализма и институционального подхода, а также неореализма и конструктивизма. Несколько меньше представлены исследования, опирающиеся на методологическую базу неомарксизма, однако не исключено, что их число в дальнейшем будет возрастать.

Список литературы

1. Тренин, Д. В. Европейская безопасность: от «лишь бы не было войны» до поиска нового равновесия / Д. В. Тренин. – М. : Московский центр Карнеги, 2018. – 29 с.
2. Тренин, Д. В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Д. В. Тренин. – М. : Альпина Паблишер, 2021. – 471 с.
3. Шакиров, О. И. Будущее Венского документа: перспективы развития мер укрепления доверия и безопасности в Европе / О. И. Шакиров. – М. : Триалог, 2019. – 26 с.
4. Алексеев, Н. Н. Системы безопасности Европейского Союза и Европы: сложности определения, перспективы трансформации, постнациональный контекст / Н. Н. Алексеев // Конфликтология / Nota Bene. – 2020. – № 4. – С. 79–87.
5. Михайлов, И. В. Роль США в трансформации архитектуры европейской безопасности / И. В. Михайлов // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 288–299.
6. Бордачёв, Т. В. Отношения Россия – Европейский союз и происхождение кризиса европейского международного порядка: дис. ... д-ра полит. наук : 5.5.4 / Т. В. Бордачёв. – СПб., 2021. – 336 л.
7. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: сб. / И. Валлерстайн. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 414 с.
8. Передел мира: против России и Китая действует одна и та же пропаганда // Вести. – 05.09.2015. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/1715460>. – Дата доступа: 08.12.2023.
9. Изгарская, А. А. Геополитические и миросистемные факторы динамики современных обществ: исследование структурных различий / А. А. Изгарская // Власть. – 2022. – № 4. – С. 14–24.

Г. И. Авцинова

(Российский государственный социальный университет, г. Москва,
Avtsinov@rambler.ru)

Ю. А. Березнев

(Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва,
1132236557@pfur.ru)

Д. А. Кряжева

(Российский государственный социальный университет, г. Москва,
daria.kryazheva2315@mail.ru)

НОВАЯ ФОРМАЦИЯ СВЕРХДЕРЖАВЫ – РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Первостепенно институционализируем Россию как сверхдержаву теоретическими подкреплениями. Термин «сверхдержава» впервые появляется в 1944 году у американского политолога У. Фокса, что свидетельствует о необходимости нового статуса для государств, чьё преимущество охватывает одновременно политическую, военную, экономическую и культурную сферы [1]. Наиболее точное определение принадлежит американской исследовательнице, философу Э. Лайман Миллер: «Сверхдержава – это страна, способная проецировать своё влияние повсюду в мире, а порой более чем в одном регионе одновременно, что в перспективе может сулить ей статус глобального гегемона». Тем не менее, Россию отличает борьба с гегемонией, стремление к мирному сосуществованию, равноправному сотрудничеству, предсказуемости, последовательности и прагматичности [2]. Особенные условия России, создающие «труднопроходимый рельеф» – национальные республики, различные конфессии, многонациональность означают различные подходы к традициям, насилию, власти, другим религиям.

Формирование новой политической элиты.

В России такая социальная группа, как политическая элита образует некоторые «центры силы» («башни Кремля»). В данной парадигме выделяется фигура Президента, не ассоциирующаяся ни с одной из ветвей власти. В данном вопросе мы опираемся на классификацию Президента Российской ассоциации по связям с общественностью Евгения Минченко. Высшее руководство Российской Федерации представлено «Командой В. Путина», названной в работе Минченко «Политбюро»: круг доверенных лиц представляют М. Мишустин, С. Кириенко, И. Сечин, Н. Патрушев, С. Шойгу, Д. Медведев и др. [3]. Можно сделать вывод: занятие крепких позиций возможно посредством представительства своей команды в нескольких ключевых сферах. Для политика масштаба Президента России такими сферами являются оборона и безопасность, эко-

номика, крупные корпорации, верх исполнительной власти. Отметим, что законодательная и судебная власть Российской Федерации остаётся в некотором смысле автономной, то есть регулируется только правовыми инструментами без теневых процессов. Владимир Путин обозначает участников специальной военной операции как будущую элиту России, которой возможно передать её будущее [4]. Для уровня сверхдержавы модель опоры на силовиков внутри страны, как и на силу во внешней политике представляется наиболее способствующей выживанию. Опыт крупнейшего ослабления государственных позиций к концу XX в., а именно прекращение военного присутствия в «странах соцблока» в надежде на зеркальные меры Запада, привёл к прекращению существования СССР и пертурбациям в России. Факторы, представляющие угрозу, – наличие ядерного оружия, природные ресурсы государства, необходимые всему миру, оставшееся вооружение, сосредоточенное на отошедших от России территориях.

Цензура и общественная мораль в сверхдержаве.

Сверхдержава оставляет за собой право определять смыслы и ценности гражданина, менять приоритеты его нравственной жизни. Целью может являться перенесение акцентов с личных задач человека на решение общественно важных задач, что является предметом философских споров о пропорции значения интересов человека и интересов его Отечества. Макиавелли рассматривал политику как область, где недействительны любые моральные законы. Великие деяния совершаются путём аморальности, цель оправдывает средства [5]. Разговоры о национальной идее или идеологии в России не останавливались уже несколько десятилетий. Администрация Президента России разработала «Пентабазис» [6] – модель идеологии российского общества, данная концепция станет аксиомой, но не идеологией, будет включена в образовательные программы. Пять компонентов касаются человека, семьи, общества, государства, страны. Роль человека первостепенна – он является носителем традиций и ценностей, ответственен за передачу нравственного и физического наследия. Семья не раз упоминалась в выступлениях Владимира Путина как основа общества. Главная задача заключается в сохранении её в традиционном виде для передачи поколениям истории, духа патриотизма. Общество России разнообразное и концепция во главе угла предлагала бы мир и гармонию между социальными группами, ценностями бы назначались взаимопомощь и межличностные отношения. Справедливость и служение народу подразумевают глобальное сотрудничество, извлечение выгоды и недопущения эксплуатации любых ресурсов России ни природных, ни человеческих. Страна понимается как родина, с которой должен отождествляться каждый гражданин, только исключительная любовь потомков к Отечеству побудит их его сохранить. Осознавший ценность, терри-

торию, уникальность, историю россиянин будет этим дорожить – этим объясняется надежда Владимира Путина на участников специальной военной операции, которые в горе остались с Родиной, значит в светлом будущем достойны и, что важно, способны вести дела сверхдержавы.

Приоритизация внутренней и внешней политики для сверхдержавы.

Существование сверхдержавы напрямую зависит от обеспечения внешней безопасности больше, чем от экономического благополучия внутри – это важная пропорция для Российской Федерации, которую не раз либеральная общественность ставила в упрёк российским властям с 2022 года. С другой стороны, реализовывать внутреннюю политику во время накаливания конфликтов на прилегающих к границе территориях не представляется возможным. Россия – это «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава», которая сплотила русский народ и другие народы, «составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира», имеющее «более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности» не может не иметь приоритета по противодействию внешним угрозам [2]. Сегодня в странах Запада рядовому обывателю навязывается образ злой России, изощренной в своей жестокости, возрождается понятие «империя зла». Образ страны включает в себя образы главы государства, правящей элиты, аффилированных с государством компаний [7].

Справедливость: всем поровну или по заслугам?

Мы предполагаем справедливость подхода «каждому по заслугам», что практически идеально отображают законы рынка. Человечество способно дойти до коммунизма, когда большинство низкоквалифицированного труда доверяют роботам и другим механизмам. Современное крупное государство не способно поддерживать свою мощь без элементов капитализма, и дело не только в экономике. Например, Китай – государство, идущее по коммунистическому пути, использующее рыночные элементы и с помощью этого набравшее свою силу, по праву может считаться сверхдержавой в соответствии с приведенным выше определением. Проводя параллель по законам рынка в самом широком смысле «сильные сильнее» – несмотря на попытки человечества с середины XVII века построить международную систему, основанную на равенстве всех государств вне зависимости от территории и других признаков, мировое сообщество наблюдает реализацию интересов государств-лидеров по всему миру. Государства со слабой экономикой и военно-техническим потенциалом так или иначе становятся «хабом» для государства с большим потенциалом, в том числе для сверхдержав – США, России, Китая и др. Самым изысканным примером ведения такой политики являются Штаты – посредством введения в экономическую зависимость, финансирования различных ин-

ституты внутри страны, военным и другими способами происходит вмешательство во внутренние и внешние дела других государств. Россия на данный момент особенно скромна, старается не признавать естественно-го для неё факта – её интересы находятся на её приграничных территориях, а также у границ идеологических и экономических противников. С началом специальной военной операции Россия заявила о подобных мотивах, но сделала это робко и неуверенно, ведь мирное сосуществование является её важнейшим принципом ведения политики на протяжении десятилетий. Парадоксально, что успешнее выглядит то государство, которое имеет в мире большее влияния и военное присутствие, – а значит, вне зависимости от норм международного права уважают мощную, крепкую, расширяющуюся власть.

Список литературы

1. Беляков, А. В. Большая актуальная политическая энциклопедия. Настольная книга современного политика / А. В. Беляков, О. А. Матвейчев, О. В. Фомин. – М. : Эксмо, 2009. – 416 с.
2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федер. от 31 марта 2023 года № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
3. Российские элиты через год после начала СВО. Презентация выступления Евгения Минченко на XXXI Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс] // Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг». – Режим доступа: https://minchenko.ru/analitika/analitika_101.html. – Дата доступа: 29.02.2024.
4. Президент Путин провел в Петербурге совещание по вопросам социально-экономического развития [Электронный ресурс] // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/1640788/2024-01-27/prezident-putin-provel-v-peterburge-soveshchanie-po-voprosam-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia>. – Дата доступа: 29.02.2024.
5. Доронина, Н. Г. Мораль и политика в управлении государством / Н. Г. Доронина // Мониторинг правоприменения. – 2013. – № 1. – С. 39–43.
6. Харичев, А. Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – № 3. – С. 9–19.
7. Маткаримова, Г. В. Формирование образа России на Западе / Г. В. Маткаримова // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Общественные науки. – 2022. – № 3. – С. 75–82.

Т. И. Адуло

(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, tadoul@mail.ru)

ИДЕЯ ОРГАНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРА И. ГЕРДЕРА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

На 2024 год пришлись юбилейные даты двух крупных немецких мыслителей – Иммануила Канта (1724–1804) и его ученика и оппонента Йоганна Гердера (1744–1803). Наряду с проблемами онтологии, гносеологии и

естествознания в их творчестве значительное место заняла проблема вечного мира. И если для И. Канта она представила особый интерес лишь на склоне его жизненного пути и только как своего рода отвлечение от гносеологической и этической проблематики, занимавших центральное место в творческом мышлении философа, то для И. Гердера она в виде идеи органического развития мира изначально была базовой и вошла во все его разработки, квинтэссенция которых представлена в четырехтомном труде «Идеи к философии истории человечества» [1].

На протяжении всей своей жизни И. Гердер оставался непоколебимым защитником свободы, ибо «в рабстве человек умолкает» [1, с. 417], приверженцем и пропагандистом гуманизма. Гуманный дух является как бы атрибутивным свойством человеческой природы. «Мы уже видели, – утверждал философ, – что натура наша получила свой органический строй, чтобы достигать именно этой очевидной цели – гуманности; для этого даны нам и все более тонкие ощущения и влечения, разум и свобода, хрупкость и выносливость тела, язык, искусство и религия» [1, с. 428–429]. Независимо от возраста, конкретных условий, в уме человека всегда была гуманность, чему способствовала окружающая его природа. И хотя гуманность выступает как атрибутивное свойство человека, процесс гуманизации не следует пускать на самотек. Важную роль в возделывании духа гуманности в человеке играет воспитательный процесс, именно поэтому об обучении гуманности необходимо постоянно заботиться.

Акцентируя внимание на гуманности, немецкий классик отдает должное и разуму – ратует за их соразмерность, ибо «как только нарушена в человечестве соразмерность разума и гуманности, то возвращение назад, новое обретение соразмерности редко совершается иначе, нежели путем судорожных колебаний от крайности к крайности» [1, с. 444].

Иногда, правда, в творчестве И. Гердера все же проскальзывают нотки пессимизма. Охватывая своим взором человеческую историю, он не мог уйти от реальных событий, реальной жизни – не заметить жалкую, порой, судьбу человеческого рода, безуданно катящего Сизифов камень и обреченного на муки Тантала [1, с. 427]. Но в конечном счете, побеждает оптимизм, поскольку «все хорошее делалось в истории ради гуманности, а все нелепое, порочное и омерзительное, что тоже появлялось в истории, было преступлением против духа гуманности» [1, с. 429]. Окончательный вывод И. Гердера обрел такую формулировку: «<...> Не подлежит сомнению: все, что не успело совершиться на земле, еще совершится в будущем; ибо права человечества не застаревают и силы, вложенные Богом, не искореняются» [1, с. 431]. Таким образом, не кто иной, а именно Бог является гарантом гуманности в этом мире.

Возникает, однако, вопрос относительно логической обоснованности оптимистических выводов И. Гердера. Философ связывает оптимистичес-

кое будущее человечества, во-первых, с ростом на земле подлинной гуманности как объективным, закономерным процессом, развитием разума, наконец, с поступательным развитием искусств и изобретений. Речь идет, в конечном счете, о роли просвещения, способного противостоять демонам разрушения. Ведь в творениях человеческих мы ждем «разумности, планомерности, преднамеренности. Если ничего этого нет, то нет и ничего человеческого, – действовала слепая сила» [1, с. 442]. К тому же лучше возделывать, хотя это и труднее, «а не разорять землю, строить, а не разрушать города» [1, с. 434].

Аргументация немецкого классика в пользу социальной гармонии не совсем убедительна, на что обратил внимание его учитель И. Кант. «Это сочинение (Идеи к философии истории человечества. – Т. А.), – отмечал он, – как и некоторые другие вышедшие из-под его пера, не следовало бы разбирать по обычному мерилу. Пожалуй, по этой причине то, что он называет философией истории человечества, есть вовсе не то, что обычно подразумевают под этим: не логическая точность в определении понятий или тщательное различие и доказательство принципов, а не останавливающийся надолго широкий взгляд, пронизательность, способная всегда найти аналогии, а в применении их – смелое воображение, связанное с умением располагать при помощи чувств и ощущений к своему предмету, который он все время держит в туманной дали. В этих чувствах и ощущениях мы скорее угадываем большое содержание мыслей или многозначимые намеки, чем холодное рассуждение» [3, с. 39].

В отличие от величайшего оптимиста И. Гердера, изначально признававшего всеобщую гармонию как атрибутивное свойство мироздания и отчасти по этой причине не предложившего конкретного плана ее реализации, И. Кант разработал и вынес на обсуждение свой проект «вечного мира», в котором определены необходимые для его реализации условия. К ним отнесены следующие: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны», «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое – это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара», «Постоянные армии (*miles perpetuus*) должны со временем полностью исчезнуть», «Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел», «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств», «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка *убийц из-за угла*

(*percussores*), *отравителей* (*venefici*), *нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене* (*perduellio*) в государстве неприятеля и т. д.» [2, с. 260–263].

При всей гуманной ориентированности, привлекательности и, казалось бы, логической убедительности предложенный проект И. Канта оказался утопическим. Социальность, включающая в себя и реальные международные отношения, выстраивается на иной основе. Впрочем, и сам автор проекта не был уверен в его реализации в ближайшее время, отнеся ее на отдаленное будущее.

Спустя столетие, в 1988 году, к идее гуманного обустройства мирового сообщества обратился русский мыслитель-фантаст Н. Ф. Федоров. В «Новом времени» им была опубликована статья «Разоружение», в которой предлагалось превратить армию в «естествоиспытательную силу». Н. Ф. Федоров определил войну как «страшную нравственную антиномию», но в то же время не считал нужным «отказаться от защиты подвергшегося нападению по большей части слабого против сильного», что стало бы «величайшим преступлением», участием «в убийстве, и притом слабого – сильным, обиженного – обидчиком, быть может, безоружного – всеоружным» [4, с. 652]. Армия пока нужна, но необходим определенный контроль за ее действиями – «хотя бы пока метеорологические лишь наблюдения во время учений, маневров и т. п.» [4, с. 653].

Идею мира и гармонии отстаивал также русский философ, один из пассажиров «Философского парохода» Б. П. Вышеславцев. «Конец и конечная цель (телос) борьбы, – утверждал он, – есть *мир и гармония*» [5]. Правда, переехав на жительство в Германию во время Второй мировой войны, мир и гармонию Б. П. Вышеславцев преподносил читающей публике в перевернутом виде. В дальнейшем, проживая в Швейцарии, обобщил свои наработки тех лет в весьма дискуссионной книге «Философская нищета марксизма».

Список литературы

1. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер ; пер. с нем. А. В. Михайлова. – 2-е изд., испр. – М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.
2. Кант, И. К вечному миру. 1795 / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. Л. Ф. Асмуса [и др.]. – М. : Мысль, 1966. – С. 257–309.
3. Кант, И. Рецензия на книгу И. Г. Гердера «Идеи философии истории человечества», часть 1. 1785 / И. Кант / Сочинения : в 6 т. / под общ. ред. Л. Ф. Асмуса [и др.]. – М. : Мысль, 1966. – С. 36–51.
4. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров ; под общ. ред. А. В. Гулыги ; вступ. ст., примеч. и сост. С. Г. Семенов. – М. : Мысль, 1982. – 711 с.
5. Вышеславцев, Б. П. Философская нищета марксизма [Электронный ресурс] / Б. П. Вышеславцев. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/visheslavcev/visheslavcev_nisheta_m_. – Дата доступа: 10.01.2020.

С. М. Алейникова

(Белорусский институт стратегических исследований, г. Минск,
aleinikova@gmail.com)

МАТРИЦА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Обобщение опыта Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) позволяет предложить в качестве эффективного инструмента изучения политических явлений и процессов аналитическую матрицу. Матрица выстраивается на основе выявления связей между процессами и явлениями и предполагает анализ трендов с минимальным обращением к количественным показателям (индексам, рейтингам, статистическим данным и т. п.). Структура матрицы определяется предметом исследования и может включать разнообразные позиции: сферу и методологические подходы анализа, причины и источники, тип риска и вероятности его возникновения, субъекты и объекты воздействия, возможные прогнозные сценарии и др.

Работа с матрицей предполагает пошаговое продвижение исходя из логики основных этапов аналитической деятельности: постановка задачи, сбор, обработка и анализ информации, разработка прогноза, предложение выводов и рекомендаций, подготовка документа.

1. **Постановка задачи.** В научной деятельности общепринятым правилом при подготовке к исследованию является постановка цели, задач, гипотез, а также обозначение употребляемой терминологии (рабочая программа исследования). В аналитике подобная логика может сохраняться с условием дальнейшей применимости полученного знания на практике. При этом постановка задачи определяет все последующие шаги, инструменты и средства ее реализации.

2. **Определение предмета.** Предмет анализа определяется задачей исследования и логически должен вытекать из нее. Суть изучаемой проблемы, как правило, заключается в выявлении противоречия (расхождения) между знанием и незнанием, декларацией и фактом, имеющимся и ожидаемым, должным и сущим и т. д. Общим принципом при определении предмета является конкретизация области анализа, при этом обязательные для научной работы теоретические основания в аналитической матрице выполняют роль функции – перехода от определения предмета к механике его изучения (определению теоретико-методологического подхода, подбору методов и инструментов анализа, способов получения и обработки информации и т. д.).

3. **Определение подхода.** При определении методологического подхода в научной литературе чаще используется понятие «исследовательский

кой оптики», правильный подбор которой определяет качество анализа. В аналитике выбор подхода уместно определить как направление поиска решения аналитических задач и связанной с ним совокупности методов и инструментов анализа.

4. Выбор метода. Ключом в работе с методами выступает принцип методологической адаптации как возможность настройки аналитического инструментария под задачу и сопутствующие условия: сроки, доступные источники информации, адресат документа, вид документа и т. д. В работе с методами целесообразно отталкиваться от выбора базового (основного) метода, который, в свою очередь, может сочетаться с другими методами и включать в себя ряд инструментов и средств анализа.

5. Подбор инструментов. Появление новых технических средств анализа значительно облегчает задачи сбора и обработки больших объемов информации («больших данных»). В то же время подобные инструменты не всегда применимы именно в стратегическом анализе и долгосрочном прогнозировании при изучении качественных характеристик или изменений тех или иных явлений. В связке «подход → метод → инструмент» все составляющие должны исходить из задачи. Таким образом, «входом» (начальным этапом) в матрицу всегда выступает задача либо постановка проблемы, «выходом» (завершающим этапом) – выводы, прогноз и рекомендации. Различие между методом и инструментом определяется главным образом важностью и достоверностью информации, которую можно получить с их помощью.

Последовательное прохождение цепочки «задача → предмет → подход → метод → инструмент» позволяет сформировать *методологическую основу матрицы* для ее последующей детализации.

Дальнейшая сборка матрицы определяется задачей и методологическим подходом и может предусматривать широкое разнообразие вариантов: механику анализа сфер, институтов, процессов, событий, явлений, трендов, рисков, угроз и т. д. В матрицу могут встраиваться различные аналитические методы и модели, а также инструменты из других отраслей знания. Например, частью матрицы часто становится SWOT-анализ, элементы процессного и сценарного моделирования, системы индикаторов и др.

Результатом сборки и заполнения матрицы становится структурированная информация, составляющая основу для выводов, рекомендаций и их последующего преобразования в текст (документ).

6. Подготовка документа. Главная задача документа – преобразование полученной и проанализированной на предыдущих этапах информации в краткий текст либо другую ёмкую форму подачи материала (схемы, карты, инфографика). Задача аналитического документа – предоставле-

ние лицу, принимающему решения (ЛПР), в краткие сроки максимально объективной и полной картины об изучаемой проблеме.

К основным видам аналитических документов относятся: хронологические (повторяющиеся – например, обзоры, сводки и т. д.), проблемные (основной вид документов, раскрывающий ту или иную проблему), прогнозные. Важным условием эффективности прогнозных документов является прописывание степени вероятности возможных сценариев и предлагаемых мер реагирования, поскольку констатация набора сценариев не решит задачи документа и достигнет противоположной цели – повысит неопределенность для ЛПР.

Основными формами документа являются аналитическая записка, аналитический доклад, информационный материал, тезисы, справка, отчет и т. д. На данном этапе определяется вид и форма документа, каждый из которых должен соответствовать его основным принципам: достоверности, полноте, своевременности, важности и точности содержащейся в нем аналитической информации. В процессе работы с документом необходимо свериться с задачей, предметом и гипотезами в проведенном анализе, обозначить суть решаемой документом проблемы, следовать принципу «одна проблема – один документ», выстраивать текст в последовательности (принцип «один абзац – одна мысль»); четко разделять доказанное и оценочное знание, структурировать документ.

Таким образом, в качестве инструмента анализа политических явлений и процессов предлагается применение аналитической матрицы как подчиненной единой задаче, логике и методологическому подходу последовательности действий по сбору, обработке и анализу информации.

Н. А. Антанович

(Белорусский государственный университет, г. Минск, antanovich@bsu.by)

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПРОБЛЕМАТИКИ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИДЕНТИЧНОСТИ
(ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОСТСОВЕТСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ)¹**

К двадцатым годам XXI в. в полной мере проявились следствия глобализации, начатой в форме «глобального либерального проекта», «мира без границ», «размывания суверенитета», «смягчения пограничных режимов», «формирования глобального управления». Постмодернисты выдвигают

¹ Статья подготовлена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

гали лозунги распространения мультикультурализма, глобального гражданского общества, исчезновения суверенного, территориально определенного государства, передачи его функций транснациональным глобальным институтам. Общим местом стала констатация сдвигов в сложившейся системе международных отношений, борьба за установление баланса сил между крупными государствами, жесткой конкуренцией за статус мировой державы. Рост международной конфликтности привел к особому вниманию во внутренней политике к проблемам национально-государственной безопасности, разработке государственной исторической политики и политики идентичности. Актуализированы вопросы этнокультурных отношений и идентичности. На смену лозунгам о «мультикультуралистском фьюжене» пришли алармистские констатации об опасных следствиях миграции, негативной роли диаспор. Пришло осознание актуализации этнокультурной и этнической идентичности, появились заявления об «этническом ренессансе» [1, с. 50]. «Мир переживает ренессанс национализма, и этот неожиданный для «мира без границ» поворот в сознании и в политике можно считать своего рода «парадоксом глобализации» [2, с. 5]. М. А. Игошева указывая на нелинейную динамику мирового развития, появление «большого числа геополитических акторов», распространение ИКТ, пишет: «этническая идентичность, выступая действенным инструментом как для консолидации, так и деконсолидации групп по этническим основаниям, обретает свою политическую субъектность [3, с. 27].

Проблематика этнокультурных отношений и идентичности изучается широко кругом авторов (известные российские ученые: Ю. В. Арутюнян, В. А. Ачкасов, К. С. Гаджиев, Л. М. Дробижева, В. В. Лапкин, В. И. Пантин, Е. С. Садовая, И. С. Семенов, В. А. Тишков, Ю. П. Шабаяв и др.; белорусские ученые: А. А. Гужаловский, С. А. Захаревич, С. В. Зенченко, Т. А. Новогородский, Л. В. Слуцкая, специалисты Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси А. И. Локотко, А. В. Гурко, А. В. Барановский, С. П. Витязь и др.), Специализированное исследование политического дискурса проблематики этнокультурных отношений, идентичности и конфликтов реализовано коллективом российских исследователей Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН под руководством доктора политических наук, член-корреспондента РАН И. С. Семенов [2].

Цель данной статьи – выявить особенности научного и политико-публицистического дискурса проблематики этнокультурных отношений и идентичности применительно к постсоветскому пространству. Этнокультурные отношения нами определяются как «контакты и взаимовлияния самостоятельных этнических культур в духовной и материальной сферах,

влекущие за собой изменения ядра либо периферии нормативно-ценностной системы контактирующих этносов» [4, с. 82]. Этнокультурные отношения теснейшим образом переплетены с проблематикой этничности. Отметим, что в ряде статей по проблемам идентичности и этнокультурных отношений, этничности, этнических конфликтов большое внимание уделяется англоязычной терминологии, однако в данной статье мы не будем затрагивать этот исследовательский ракурс, сфокусировавшись на русскоязычном дискурсе.

Как известно, идентичность – феномен многоуровневый, включающий такие виды, как личная / индивидуальная, социально-групповая, национально-государственная; возрастная, гендерная, культурная, этническая, территориальная, религиозная, историческая, политическая, гражданская, патриотическая и др. идентичности. Уровни идентичности: 1) внутриличностный, 2) повседневных практик и общения, 3) институциональный, 4) геополитический [5, с. 29]. Самое простое понимание идентичности известно: она означает понимание того, кто Я есть, кто Мы есть. Можно утверждать, что осознание свой идентичности это смысловой процесс. Теряя идентичность – теряешь смысл жизни. И проблемы формирования идентичности по всем указанным выше уровням политизируются. Процесс политизации идентичности проявляется в целенаправленной выработке и реализации государственной исторической политики или политики памяти, а если таковые оказываются провальными – то в «войнах памяти», «культуре отмены», этнических конфликтах. Государственная историческая политика, или политика памяти, неизбежно сталкивается в решение вопросов государственного строительства (здесь используется многообразная терминология: нацистроительство, создание / укрепление национальной государственности, формирование и поддержание устойчивого государства). Мы с уверенностью утверждаем, что проблематика государственной исторической политики, или политики памяти, актуальна не только для молодых государств, но и для стран с длительной непрерывной историей их государственности, а также для мировых держав. Ядро политической идентичности конкретной страны – национально-государственная идентичность, которая представляет собой сформированный образ коллективного «Мы» политически организованного сообщества. Ключевой актор в формировании политической идентичности – государство, которое поддерживает и развивает культуру, использует институты социализации, а вот их функциональность зависит от развитости и активности гражданского общества. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Послании к белорусскому народу и Национальному собранию, 28 января 2022 г. сказал: «Культура – вот что делает белоруса белорусом». «Мы сбережем и приумножим материальное и духовное наследие поко-

лений, передадим потомкам суверенное и независимое государство, наш общий дом, где они всегда будут чувствовать себя в безопасности и комфорте. Это и есть наш путь! И правда (а в ней сила) – на нашей стороне!» [6].

Феномены культурного, а тем более этнокультурного, и цивилизационного разнообразия проявили себя и как факторы стабилизации социально-политических отношений, драйвера развития путем принесения новых культурных элементов, и как факторы острой дестабилизации социально-политической конфликтности, особенно когда этничность используется как ресурс политической мобилизации. Государства постсоветского пространства характеризуются сложным этническим составом. Так, известный российский ученый В. А. Тишков утверждает, что Россия – это «нация наций» [7]. В России проживает более 190 народов и народностей. В переписях 2002 и 2010 гг. около 80 % респондентов отнесли себя к русским [8]. В многонациональном Казахстане большинство населения (более 65 %) относит себя к казахам, второй по численности нацией являются русские (более 23 % населения) [9]. В Беларуси по данным переписи 2019 г. процент белорусов в национальном составе населения страны вырос с 81,2 % до 84,9 %. Русскими себя назвали 7,5 % жителей, поляками – 3,1 %, украинцами – 1,7 % [10].

Дискурс проблематики этнокультурных отношений и идентичности можно разделить на научный и политико-публицистический. Научный политологический дискурс призван осмыслить реальность, выработать адекватную терминологию и объяснительные модели изучаемых феноменов и процессов, а также дать практические рекомендации для политической практики. В советской исторической и общественно-политической литературе доминировали термины «нация» и «национальность» применительно к процессам XX в. Термин «этнос» использовался как интегративная категория, включающая понятия: род, племя, народность (народ), нация. Применялось понятие «национальное меньшинство». В постсоветский период соотносить с понятием «национальность» чаще стали термин «этническая группа». Однако терминология, сложившаяся в советский период актуальна, она применяется в политическом и государственном обороте. Так, в Республике Беларусь действует Закон о национальных меньшинствах, функционирует институт Уполномоченного по делам религий и национальностей. В Конституции Республики Беларусь закреплены понятия «национальная принадлежность» (ст. 12), «национальная общность» (ст. 14, 15), «национальная принадлежность», «национальное достоинство» (ст. 50), «национальные традиции» (ст. 52), «национальные ценности» (ст. 54), «национальные меньшинства» (ст. 97), множество раз упоминается понятие «национальная безопасность» [11].

Научная терминология, касающаяся этнополитических отношений и идентичности, достаточно широка. Перечислим основные понятия: национальная политика, этнополитика, этнонациональная политика, этнокультурная политика, этно-конфессиональная политика, этноконфессиональные отношения, этнические меньшинства, национальные меньшинства, этнизация, этнотерриториальный статус, этноцентризм, национализм, нация, национально-государственная (идентичность, стратегия и др.) и т. п.

Политико-публицистический дискурс проблематики этнокультурных отношений и идентичности в постсоветских государствах в период после более чем тридцати десятилетий с распада СССР фокусируется на обобщении процессов государственного строительства каждого отдельного государства, а также аргументации развития инерционных и союзнических отношений в силу определения геополитического выбора. Отличительные характеристики этого дискурса как раз касаются проблем этничности, определения статуса «титупной нации», политизации либо стремления к деполитизации этничности. В русскоязычном и белорусскоязычном научном дискурсах убедительно представлена *дуальность факторов политизации этничности* и ее высокий конфликтный потенциал. В перечень конфликтных факторов включают: актуализация памяти об исторической травме, диспропорции в экономическом развитии регионов государства, сопряженные с этническими особенностями проживающего там населения, культурные и языковые особенности, межэтнические и межклановые, религиозные различия и, безусловно, внешнеполитический фактор. В политической практике нациестроительства, особенностей этнокультурных отношений и политики идентичности государства постсоветского пространства пошли двумя путями: 1) приоритет культуры государствообразующей этнической группы; 2) построение гражданской нации, преодолевая препятствующие этому религиозные, собственно этнические, языковые различия. Фактор сохранения культурного разнообразия остаётся чувствительной проблемой при выборе любого из названных путей.

Таким образом, проблематика этнокультурных отношений и идентичности тесно переплетается с изучением цивилизационного разнообразия. Исследования амбивалентного характера феноменов культурного и цивилизационного разнообразия, проблем идентичности к 2024 г. стали одним из «мейнстримов» политологической мысли. Осознание своей идентичности и культуры – это смысловой процесс, формирующий модели социального, в том числе политического, поведения. К двадцатым годам XXI в. в мире наблюдается рост конфликтности, в том числе связанный с «этническим ренессансом», который в значительной степени стимулиро-

ван проблемой массовой миграции. Процесс политизации идентичности проявляется в целенаправленной выработке и реализации государственной исторической политики или политики памяти. Политико-публицистический дискурс проблематики этнокультурных отношений и идентичности в постсоветских государствах фокусируется на обосновании процессов государственного строительства каждого отдельного государства, а также аргументации развития инерционных и союзнических отношений в силу геополитического выбора. Отличительные характеристики этого дискурса касаются проблем политизации либо деполитизации этничности. Преодоление кризисов этнокультурных отношений видится в формировании гражданской политической инклюзивной идентичности и сохранении культурного разнообразия.

Список литературы

1. Курбачёва, О. В. Феномен этнического Ренессанса в условиях глобального транскультурного диалога / О. В. Курбачёва // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. и обществ. науки. – 2018. – № 4. – С. 49–56.
2. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : ИМЭМО РАН, 2017. – 229 с.
3. Игошева, М. А. Политический ресурс этнической идентичности в условиях трансформации современного мироустройства / М. А. Игошева // Социодинамика. – 2020. – № 5. – С. 26–42.
4. Антанович, Н. А. Роль научного изучения этнокультурных отношений в формировании политики идентичности / Н. А. Антанович, О. Е. Побережная // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2022. – № 1. – С. 81–91.
5. Антанович, Н. А. Научное изучение идентичности и возможности его применения в формировании политики идентичности / Н. А. Антанович, О. Е. Побережная, Л. В. Слуцкая // Весці БДПУ. Сер.: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2021. – № 3. – С. 25–30.
6. О духовности и культуре [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-duhovnosti-i-kulture>. – Дата доступа: 27.02.2024.
7. Тишков, В. А. Россия – это нация наций. В поисках формулы [Электронный ресурс] // В. А. Тишков ; Ин-т этнологии и антропологии РАН. – Режим доступа: http://www.vale.rutishkov.ru/cnnt/publicacii3/novye_publicacii/rossiya_e1.html. – Дата доступа: 27.02.2024.
8. Население Российской Федерации [Электронный ресурс] // Законодательство СНГ. – Режим доступа: <https://ru.spinform.ru/people.html>. – Дата доступа: 27.02.2024.
9. Население Казахстана [Электронный ресурс] // Законодательство СНГ. – Режим доступа: <https://kz.spinform.ru/people.html>. – Дата доступа: 27.02.2024.
10. Подведены итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/september/54414>. – Дата доступа: 27.02.2024.
11. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – 2022.

А. Б. Арлукевич

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
arlukevich_ab@grsu.by)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ
БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В ПРОГРАММНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**

Целью исследования является выработка критериев для анализа теоретических конструктов белорусского национального государства, сформированных в рамках различных идейно-политических течений на рубеже XIX–XX вв.

Поиск общих тенденций в воззрениях на политико-государственное самоопределение Беларуси, отраженный в программных документах политических организаций различной идеологической направленности, действовавших на территории белорусских губерний и за ее пределами (среди землячества) на рубеже XIX–XX вв. позволит в перспективе выделить то консолидирующее ядро в политической культуре, которое вот уже более ста лет служит фундаментом национального единства.

Отсутствие на ранних стадиях формирования нации отдельных неотъемлемых атрибутов конструкции будущего национального государства свидетельствует не о слабости проекта как такового, а о незавершенности цикла его создания, результаты которого можно оценивать лишь в исторической перспективе. Идея суверенитета предстает как развивающаяся во времени система взглядов. Опираясь на принцип единства исторического и логического, нам предстоит построить логическую модель процесса ее созревания, отраженный в предлагаемых различными течениями общественно-политической мысли проектах политико-государственного самоопределения Беларуси (каждый из них, следуя тому же принципу, также можно рассматривать как логически созревающую во времени систему убеждений), которые, выделив общие идеи, линии эволюции и внутренние законы, необходимо свести воедино.

Политический дискурс можно рассматривать в широком и узком значениях: в широком, в поле политического дискурса попадают внеинституциональные продукты политической коммуникации – политические выступления и заявления, письма и статьи, бытовые разговоры, в узком – это «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ». Программно-политический дискурс – представляет собой ту часть политического дискурса, которая содержит программное нормативное описание желаемого

состояния системы политической организации общества (в контексте нашего исследования – на территории компактного проживания белорусов). При этом, очевидно, что отдельные элементы описания желаемого состояния политической системы можно обнаружить на повседневно-бытовом уровне в рамках т. н. маргинальных жанров (в бытовых разговорах, газетных статьях, публичных выступлениях граждан, напрямую не связанных с политикой), однако последние скорее отражают готовые программно-политические построения (в этом смысле это дискурс реагирования), пришедшие из центра поля политического дискурса (дискурса политиков) – или первичного жанра – программных документов политических партий и организаций, официальных заявлений и выступлений политиков. Таким образом, главным производителем и носителем программно-политического дискурса выступает политическая элита, а в нашем случае – претендовавшая на ее роль зарождавшаяся белорусская интеллигенция, представленная, главным образом, радикальным студенчеством. В целом же, программно-политический дискурс 1880-х – 1910-х гг. (до Февральской революции), содержащий в себе теоретические конструкты белорусского национального государства, строго не институционализирован и условно находится на верхнем ярусе маргинального жанра как в силу его радикализма, так и относительно неустойчивой и подвижной организационной структуры белорусских политических кружков, движений и организаций.

Теоретический конструкт как теоретическое описание абстрактной или реальной системы, используемое для прояснения закономерностей ее функционирования в качестве целого, так или иначе представляет собой структуру с набором устойчивых элементов (подсистем), выполняющих в рамках данной структуры (системы) определенные функции, то и для ее изучения наиболее целесообразно будет воспользоваться методом структурно-функционального анализа. В данном случае нашей задачей является вычленение функциональных элементов (макроструктур) в предложенных на рубеже XIX–XX вв. моделях белорусского национального государства и их всесторонняя оценка, в числе которых:

1) элементы политико-институциональной подсистемы, включая представления о формально-правовых аспектах формирования и функционирования органов государства, их полномочиях и принципах взаимодействия (на основе разделения либо централизма), которые, условно, можно разделить на три группы: а) форма правления; б) форма государственного устройства; в) режим и предполагаемые каналы взаимодействия государства и гражданского общества;

2) представления о социально-политической организации общества, включая классовую структуру, политико-правовой статус и функции от-

дельных социальных (этнических, конфессиональных) групп, способы и критерии рекрутирования элит. С подачи марксизма важнейшим элементом программно-политических построений на рубеже XIX–XX вв. стал вопросы массовизации политического участия и, в особенности, перераспределения собственности, которому отводилось, зачастую, большее значение, нежели собственно проблемам политико-институциональной организации;

3) геополитические ориентации. Учитывая географическое положение Беларуси на пересечении ключевых торгово-экономических и военно-стратегических артерий Европы, важнейшим пунктом модели будущего белорусского национального государства в преддверии Первой мировой войны и начавшегося переустройства мира после ее завершения, должен были стать именно геополитический фактор;

4) культурно-исторические символы – представления об истоках и исторических формах белорусской государственности, способах и критериях самоидентификации белорусов, ментальных чертах национального характера;

5) конфессиональная политика;

6) национальная политика: принципы сосуществования представителей различных этнических групп (белорусов, русских, евреев, поляков и других) в рамках будущего государства.

Очевидно, что государственность не является детищем исключительно одной политической партии либо порождением конкретной доктрины, но передается как достояние от поколения к поколению, а к ее созиданию так или иначе (опосредованно или напрямую) прилагают усилия представители различных направлений общественно-политической мысли (зачастую, антагонистичных). Данный подход, преодолевая узкокорпоративный эгоизм конкурирующих политических сил, позволяет раскрыть подлинную синкретическую природу идеи суверенитета как общенационального достояния. Связь и взаимопроникновение всего спектра идейно-политических течений Беларуси 1880-х – 1920-х гг. должны стать основой современной гипотезы становления белорусской национальной государственности.

А. И. Архипов

(г. Минск, al.iv.arkhipov@gmail.com)

НОВАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Азербайджан сегодня, по нашему мнению, является самым значимым игроком на Южном Кавказе. Этому способствуют географические, по-

литические, экономические и другие факторы. Основой роста роли Азербайджана является экономика, которая за последние десять лет выросла с 25 млрд долларов США до 72,4 (для сравнения: Грузии – с 17,2 до 24,6, Армении – с 11,1 до 23,5), при среднегодовом росте 1,3 %, в т. ч. в 2023 г. – 1,1 %. Заметим, что объективность оценки роста экономики снижает тот факт, что соотношение доллара США к манату (1:1,7) не изменяется с 2017 г., при незначительной инфляции и ежегодном среднем изменении индекса потребительских цен на 107,7 % [1].

Выгодное географическое положение страны на побережье Каспия и в междугорье Большого и Малого Кавказа способствовало формированию транспортных путей Север-Юг и Восток-Запад, актуальных и в современных условиях. Роль Азербайджана как транспортного коридора возросла в последние годы, чему существенно способствовали санкции в отношении Беларуси и России. Однако прорывного роста транзитных перевозок пока не произошло. Если оценивать транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия (без учета трубопроводного транспорта), то разброс объемов транзитных перевозок колеблется от наибольшего – 18 873 тыс. тонн в 2003 г. до минимального – 7997 в 2016 г., а в 2022 г. перевозки составили 13 635 тыс. тонн [1]. Ряд экспертов отмечают, что объем транспортировки всех грузов по территории Азербайджана вырос в 2023 г. по сравнению с 2003 г. с 110 млн тонн до 230,2 млн тонн, однако данный объем был достигнут еще в 2018 г. Драйвером роста транзитных перевозок должны быть не только изменения конъюнктуры рынка транзитных услуг, и руководство Азербайджана это понимает, а и строительство новой и модернизация существующей транспортной инфраструктуры, например, расширение морского порта Алят позволит увеличить перевалку грузов с 15 млн тонн до 25, модернизация железной дороги Баку – Тбилиси – Карс увеличит возможность перевозки грузов с 1 млн тонн в год до 5. Эти и другие проекты, реализуемые в настоящее время, в т. ч. в рамках транспортного пути Север-Юг, улучшат возможности Азербайджана по реализации стратегических планов по повышению транзитной привлекательности. Развитие таможенной и пограничной инфраструктур (строительство пункта пропуска Ханоба, реконструкция пункта пропуска Астара, строительство пунктов пропуска на границе с Ираном и т. д.), упрощение таможенных процедур также будут способствовать привлечению транзитных грузов. Азербайджан продолжает предпринимать новые меры, направленные на увеличение транзитного потенциала международных транспортных коридоров и стимулирование транзитных перевозок, которые планируется выполнить в 2024–2026 годах [2].

Существенную нагрузку бюджет Азербайджана испытывает из-за проведения широкомасштабных инфраструктурных проектов на деокупи-

рованных территориях и мер, предпринимаемых по возвращению вынужденных переселенцев. Отдача реализуемых проектов будет, но не в краткосрочной перспективе. Укрепление военной мощи, принятие под охрану новых участков государственной границы, социальные проекты по поддержке участников боевых действий и членов их семей также уменьшают возможности государства по вовлечению бюджетных средств в экономику. На финансирование сферы обороны и национальной безопасности в бюджете 2023 г. было предусмотрено 3,56 млрд долларов США (в 2022 г. – 2,991), в 2024 г. планируется выделить 3,78 млрд (17,4 % расходов госбюджета) [1]. Однако при сложившейся цене на нефть Азербайджан (доля нефти в структуре экспорта в 2023 г. составила 47,91 % (в 2022 г. – 51,08 %)) может сохранить структуру государственных расходов и соотношение курса маната к доллару, но существует вероятность повторения сценария 2015 г., когда 21 декабря курс доллара к манату изменился с 1,05 маната до 1,55.

Значительное увеличение населения (1991 г. – 7,21 млн человек, 2003 г. – 8,2 млн, на 01.01.2024 – 10,156 млн) создает возможность массового привлечения трудовых ресурсов в экономику страны и обеспечивает призыв качественного контингента в вооруженные силы, однако и создает дополнительную нагрузку, связанную с расходами на содержание нетрудоспособного населения, строительство образовательных учреждений, содержание вооруженных сил и т. д.

Рост экономики, возросшая военная мощь и восстановление территориальной целостности в 2020–2023 годах, а также активная и целенаправленная внешняя политика способствовали росту международного авторитета Азербайджана за пределами региона и, как следствие, росту его политических амбиций и стремлению потеснить традиционных игроков на планетарном уровне.

Внешняя политика Азербайджана достаточно прозрачна и не меняется последние десятилетия. Основной упор сделан на развитие сотрудничества с Турцией и продвигаемый тезис «один народ – два государства», что подтверждается турецкой помощью в укреплении военной мощи Азербайджана, а также вовлеченностью турецкой экономики в развитие инфраструктуры страны. Сотрудничество в рамках Организации тюркских государств (тюркские государства рассматриваются как надежная семья), Организации исламских государств, Движения неприсоединения – также традиционные направления азербайджанской внешней политики. Следует отметить, что Азербайджан стремится проводить многовекторную внешнюю политику и в орбиту его интересов также входят страны СНГ, ЕС, ЕАЭС, Северной Америки и др.

В феврале 2024 года в Азербайджане состоялись внеочередные президентские выборы и в инаугурационной речи Президент Азербайджана И. Алиев сформулировал ряд новых векторов внешней политики. Азербайджан намерен проявлять больше активности в решении общемировых проблем, в т. ч. связанных с изменением климата, быть в первых рядах борьбы против исламофобии и в одном ряду со странами, ведущими борьбу с неокOLONИализмом. Тренд борьбы с неокOLONИализмом включен в азербайджанскую внешнеполитическую повестку не так давно, активизация произошла в период пандемии COVID-19, во время председательства страны в Движении неприсоединения, а ужесточение риторики – на фоне азербайджано-французского кризиса в 2023 году. Сейчас в адрес Франции активно звучит критика за ее деятельность в Алжире, Вьетнаме, Новой Каледонии и др. Однако неокOLONИализмом грешат и другие страны, и нет ясности – какие еще страны будет критиковать Азербайджан или, что более важно, какие критерии будут основанием для такой критики. Как заявил И. Алиев: «Пусть и те, кто стоит во главе неокOLONИализма, знают, что они напрасно начали холодную войну с нами, <...> мы никогда не занимали оборонительную позицию. Мы будем адекватно отвечать на шаги против нас, и те, кто готовит против нас коварные планы, уверен, пожалеют» [3].

Таким образом, Азербайджан, активно и целенаправленно проводя политику укрепления своей роли на международной арене и отстаивания национальных интересов, предполагает при определенных обстоятельствах достаточно резко вторгаться в национальные интересы других акторов международных отношений. Насколько деятельность по реализации новых векторов внешней политики Азербайджана будет способствовать снижению (или, наоборот, – накалу) страстей в регионе, а также какова будет реакция мирового сообщества – покажет ближайшее время.

Список литературы

1. Статистические данные [Электронный ресурс] // Сайт Государственного комитета статистики Азербайджанской Респ. – 2024. – Режим доступа: <https://www.azstat.gov.az/portal/?lang=en>. – Дата доступа: 29.02.2024.

2. Об утверждении «Плана действий по увеличению транзитного потенциала международных транспортных коридоров, проходящих по территории Азербайджанской Республики, и стимулированию транзитных грузоперевозок на 2024–2026 годы» [Электронный ресурс] : распоряжение Президента Азербайджанской Респ., 23 окт. 2023 г. // Официальный сайт Президента Азербайджанской Респ. – 2024. – Режим доступа: <https://president.az/ru/articles/view/62314>. – Дата доступа: 29.02.2024.

3. Речь Ильхама Алиева на церемонии инаугурации 14 февраля 2024 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Азербайджанской Респ. – 2024. – Режим доступа: <https://president.az/ru/articles/view/64527>. – Дата доступа: 29.02.2024.

В. А. Ачкасов

(Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
val-achkasov@yandex.ru)

ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГРАНИЦАМИ ГОСУДАРСТВА И ГРАНИЦАМИ НАЦИЙ

Символом суверенности нации издавна считается национальное государство. В свою очередь, наличие границ нации является необходимым требованием национализма, так как связано с признанием существования других наций и признанием одной нации всеми другими. Государственные институты создают нормативные национальные идентичности и соответственно определяют и переопределяют границы нации. У граждан национального государства в процессе социализации, с разной степенью успешности, формируется представление об общем для всех них прошлом, о единстве исторической судьбы, они участвуют в деятельности общих социальных и политических институтов, которые, как предполагается, воплощают общность их истории и культуры. Поэтому *национальное строительство* – это вид политики идентичности, направленный на конструирование политического сообщества, границы которого в идеале должны совпадать с границами государства. Другие цели такого рода политики – повышение социальных трансакций, интеграция и возрастание общности интересов и ценностей различных культурных групп внутри сообщества. В силу этого политику национальной идентичности можно рассматривать в качестве специфической разновидности деятельности политических элит по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к сообществу в рамках границ политического сообщества. «Сплоченность – обязательный модус “Мы”-групп, в которые входит индивид», – отмечает А. Ассман [1, с. 18]. Однако уровень их сплоченности может серьезно различаться.

Этническая политика в этой связи предстает важнейшим сегментом национального строительства, функцией которой становится упорядочивание связей политической национально-гражданской идентичности и этнических идентичностей. Таким образом, обретение национальной идентичности не подразумевает полного отказа от образов и символов, присущих традиционной этнической либо конфессиональной идентичности. Однако важной политической задачей особенно в федеративных государствах является установление и поддержания баланса идентичностей. Поскольку именно сознательное противопоставление национально-государственной и региональной – этнической идентичностей является одним из факторов, провоцирующих этнополитические конфликты, которые создают

угрозу национальной безопасности и территориальной целостности государства. Поэтому соотношение и иерархия национальной, этнических, конфессиональных и территориальных идентичностей является одним из важных показателей этнополитических отношений в государстве, уровня их конфликтности, что характеризует и степень эффективности политики нацестроительства.

В современном мире нация – это не только способ легитимации власти, но и концепция, которая задает рамки и границы политического процесса. Однако, национальные государства – это территориальные организации, пространственные вместилища, которые определены границами, отмечающими ту черту, на которой заканчивается их власть. Нации же, напротив, – это межпоколенческие сообщества, привязанные прочными субъективными узами к каким-то конкретным местам. И поскольку в рамках националистического видения мира можно по-разному ответить на вопрос «Кто мы как нация?», постольку конструирование образа нации – национальной идентичности становится зачастую предметом острой политической борьбы. Практически неизбежно возникающая разница между национальными и государственными границами не просто затрудняет осуществление прав на национальное самоопределение, она поднимает серьезные вопросы о самом существовании этих прав в качестве эталона, с помощью которого можно было бы исправить произвольные территориальные и демографические разделения в современном мире [2, с. 393, 394].

Важно подчеркнуть, что право на политическое самоопределение, включая право на сецессию, на практике, как правило, отдается нациям в культурно-этническом понимании (этнонациям) и отождествляется с их правом на суверенную государственность и территорию. Однако если право на самоопределение относится к группе людей с предполагаемой общей этнокультурной идентичностью, то сецессия, напротив, относится именно к территории, на которой практически всегда проживают люди с иной идентичностью. Однако и в тех случаях, когда в новом самоопределившемся государстве есть явно доминирующая этническая группа – *этнонация*, возникает другая проблема – как защитить от нее меньшинства, которые могут подвергаться дискриминации. Возникает вопрос: Могут ли они политически самоопределяться? Кроме того, дискриминация представителей этих новых меньшинств может спровоцировать политические или экономические ответные действия их соплеменников, живущих за пределами самоопределившегося региона, что провоцирует усиление напряженности уже на межгосударственном уровне.

«Сторонники сецессии аргументируют свою позицию необходимостью создать успешные гомогенные государства, – пишет Д. Горовиц, – но

сецессия не создает таких государств. Сецессия не уменьшает степени конфликта, насилия или угнетения меньшинств, несмотря на создание новых государств. Гарантии защиты меньшинства в отделяющихся регионах, как правило, иллюзорны; многие сецессионистские движения действительно имеют в качестве одной из своей целей, вытеснение или подчинение меньшинств в отделившихся регионах. Кроме того, право на сецессию как таковое часто ослабляет попытки сосуществования в едином государстве, в т. ч. реализуемые через модели федерализма или региональной автономии, что могло бы снизить неудовлетворенность и недовольство меньшинств, стремящихся к сецессии. <...> Выбор между сецессией или разделением, с одной стороны, и кровопролитным конфликтом – с другой, – миф», а «национальное самоопределение – это проблема, а не ее решение. <...> Есть много доводов против упора на национальное самоопределение и за принятие концепции взаимного компромисса» [3, с. 189, 190].

Кроме того, хотя право народов на самоопределение является принципом международного права и закреплено документами ООН, однако кто способен решать: Что есть народ? И какие народы имеют право быть субъектами самоопределения? Международные правовые акты не дают ответа на эти вопросы, а принципы международного права зачастую противоречат друг другу (самоопределение vs территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела vs соблюдение международных соглашений).

Таким образом, естественных границ нации, к которым апеллируют националисты, не существует – ни в топографическом / природном смысле, как их определяли еще французские революционеры, ни в языковом, как считали и считают восточноевропейские националисты, и потому соотнесения между границами государств и границами наций практически нигде не существует. Государственные границы устанавливались, как правило, силой и удерживаются вполне осознанной готовностью членов нации защищать их от «других», в том числе с помощью вооруженной силы. Именно поэтому само понятие «этнические / национальные границы» очень часто оспаривается, особенно если оно приобретает политическое измерение. Кроме того, как отмечает У. Бек, «культурная глобализация подчеркивает отождествление национального государства с национально-государственным сообществом» [4, с. 89], потому что делает национальные границы более «прозрачными», стимулируют индивидуализацию и атомизацию общества. Поэтому индивиды могут себя идентифицировать и с общемировым сообществом, и с региональным и с локальным, в том числе этническим сообществами. Не случайно, что не только исследователи, но и политические деятели постоянно выражают обеспокоенность последствиями политики идентичности, которые приводят к фрагментации социума и кризису идентичности национальной.

Список литературы

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Як, Б. Национализм и моральная философия сообщества / Б. Як. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 516 с.
3. Горовиц, Д. Разрушенные основания права сецессии / Д. Горовиц // Власть. – 2013. – Т. 21, № 11. – С. 189–191.
4. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М. : Прогресс-традиция, 2001. – 303 с.

Е. М. Бабосов

(Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, babosov@yandex.ru)

**СУВЕРЕНИТЕТ – БЕЗОПАСНОСТЬ – ИНТЕГРАЦИЯ:
ТРИЕДИНЫЙ КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ В XXI ВЕКЕ**

В условиях стремительного нарастания международной напряженности в современном, перенасыщенном социально-политическими и экономическими турбуленциями, конфликтными противоборствами и взаимным недоверием мире, новые грани актуальности приобретает проблематика суверенитета в его органической, нерасторжимой взаимосвязи с обеспечением национальной и планетарной безопасности с множеством разнообразных количественно-качественных интеграционных процессов, протекающих в глобальном мировом пространстве.

В своей целостности и многоликости выявления, изучения, способах и формах практической реализации суверенитет предстает как интегративная, сложно иерархизированная и упорядоченная в многомерном функционировании система действий и отношений политического субъекта (государства) в своем развитии, в решении внутренних и внешних задач, во взаимодействиях с другими политическими субъектами как государственными, так и негосударственными.

В множестве поливероятностных проявлений, в многообразии форм и способов своей реализуемости суверенитет объединяет разнообразные взаимодействия властвующих и подвластных социальных классов и групп, господствующих и подчиненных, управляющих и управляемых. В нем сконцентрированы в своих сущностных особенностях характерные для конкретно-исторического этапа развития общества политические идеалы и цели, структуры и функции политической деятельности, типы и формы политических процессов, утверждение и сбережение стратегической памяти индивидов, групп, белорусского народа [1, с. 174–175].

Над этим вечно изменяющимся океаном мыслей, замыслов, ожиданий, проектов, активных действий, их планируемых и непредвиденных

последствий в своей непреклонности господствуют два фундаментальных принципа. Они таковы: а) непреодолимое верховенство Закона; б) непереносимое осуществление социальной справедливости. В глубоком теоретическом осмыслении и практическом осуществлении данные принципы взаимно обогащают и усиливают один другого.

Применительно к сфере безопасности необходимо обратить внимание на растущие милитаристские настроения и хищнические аспекты и замыслы наших западных соседей – Литвы, Латвии и Польши. Польской стороной создана система заграждений в виде пятиметрового забора с встроенными в него механизмами видеонаблюдения и противоподкопов, которые в последнее время усиленно модернизируются и совершенствуются. Кроме того, прилегающие территории активно используются для дислокации не только польских пограничников, но и подразделений вооруженных сил США и Германии.

С начала 2023 года Литва начала строить три новые военные базы в районах Вильнюса, Шяуляя и Шилале для дислокации иностранного контингента НАТО. Первыми в Литве ожидают немцев, бригада бундесвера численностью до 5 тыс. человек должна войти в республику в 2025 году. В ноябре 2023 года на территории Литвы уже размещено около 800 военнослужащих бундесвера. В это же время приграничная территория Литвы активно используется для дислокации подразделений вооруженных сил США и Германии и было проведено 12 военных учений. Таким образом к началу 2024 года Запад демонстрировал готовность развязать агрессию против Республики Беларусь.

Осуществляется дальнейшая милитаризация Республики Польши, происходит увеличение боевого и численного состава ВС со 160 до 300 тыс. военнослужащих, в том числе до 250 тыс. профессиональных. В 2023 году на территорию Подляского воеводства были переброшены дополнительные войска, включая 12-ю Щецинскую механизированную дивизию и 11-ю Любушскую бронекавалерийскую дивизию. В районе Сувалкского коридора начал формироваться саперный батальон, который включает в состав 15-й Гжищкой механизированной бригады, входящей в 16-ю механизированную дивизию. Также Польша создает новую воинскую часть в 40 км от границы с Беларусью, которая станет учебным центром 1-й пехотной дивизии легиона, на ее территории будет дислоцироваться подразделения 18-го Белостокского разведывательного полка, а также бойцы территориальной обороны [2, с. 7].

В таких условиях становится жизненно необходимым проведение мероприятий по выявлению и пресечению вызовов и угроз национальным интересам Беларуси в пограничном пространстве:

- дальнейшее наращивание более высококачественного инженерного обустройства государственной границы;

- продолжение строительства и ввод в строй новых комплексов подразделений границы и объектов пограничной инфраструктуры, дальнейшее развитие, оснащение современным вооружением и техникой маневренных групп;

- совершенствование боевой, профессиональной подготовки органов пограничной службы, учебной материально-технической базы, дальнейшее развитие системы подготовки офицерских кадров.

Размещение в Республике Беларусь тактического ядерного оружия не оставило шансов враждебным правительствам в их агрессивных планах ни на нашу жизнь, ни на наши территории. В случае возникшей необходимости тем вооруженным формированиям, которые посмеют нарушить неприкосновенность наших границ, будет нанесен мгновенный непоправимый ущерб.

Развитие и функционирование суверенитета, обеспечение и упрочение безопасности осуществляется в органическом, неразрывном взаимодействии с множеством многообразных интеграционных процессов, протекающих во всех сферах жизни индивидов, их групп и общностей. В своей сущности социальная интеграция предстает как многосторонний процесс формирования и развития оптимальных связей и взаимодействий между социальными институтами, коллективами, организациями, властными и управленческими элитами в социальном пространстве различных стран, их коалиций, межгосударственных общностей и, наконец, в становлении общепланетарной целостности человечества.

Белорусский Президент А. Г. Лукашенко и его российский коллега В. В. Путин, периодически меняя друг друга, выполняют чрезвычайно важную в политическом, экономическом, социально-культурном и мировоззренческом смысле миссию – являются Председателем Высшего государственного совета Союзного государства Беларуси и России. Начиная с ноября 2021 года при активном, целеустремленном, деятельном, контролируемом, целедостигающем их действии в союзном строительстве, ориентированном на повышение уровня и качества жизни народа и упрочение национальной и планетарной безопасности, достигнуто множество впечатляющих результатов по реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы и 28 союзных программ, детализирующих эту деятельность. Назовем основные из них:

- созданы пять интегрированных информационных платформ, в том числе по прослеживаемости и маркировке товаров, транспортному контролю, ветеринарному и фитосанитарному контролю;

- гармонизировано валютное и таможенное регулирование;

- выработаны меры по недопущению отмыывания незаконно полученных доходов и информационной безопасности в финансовой сфере;

- выработаны единые правила доступа к госзакупкам;

- определены подходы по формированию единой промышленной политики;
- проводятся мероприятия, направленные на реализацию совместных инвестиционных (импортозамещающих) проектов на территории Союзного государства;
- сформированы условия работы на транспортном рынке и рынке связи;
- определены условия взаимного доступа туроператоров на рынок туристических услуг;
- обеспечено предоставление равных прав гражданам Беларуси и России в социально-трудовой сфере [3, с. 1–2].

Все это вполне доказательно подтверждает, что стратегия союзной интеграции определена четко, полностью реализуема и остается неизменной, направленной на осуществление интересов наших государств и народов.

Список литературы

1. Бабосов, Е. М. Наука и человекомерность окружающей реальности / Е. М. Бабосов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 299 с.
2. Бузин, Н. То, что саммит прописал? НАТО уверенно продолжает курс на контринформацию / Н. Бузин // Бел. военная газета «Во славу Родины». – № 10. – 25.04.2023. – С. 7.
3. Кононович, Е. «Серьезный и принципиальный разговор об интеграции» / Е. Кононович, М. Короткин // СБ. Беларусь сегодня. – № 26920. – 23.01.2024. – С. 1–2.

Е. М. Бабосов

(Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, babosov@yandex.ru)

В. П. Старжинский

(Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Vstarzhinskij@yandex.by)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОЗИДАНИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

Экономика знаний – это прежде всего новая инновационно-экономическая модель народно-хозяйственного комплекса, в которой основным фактором выступает интеллектуальный ресурс. Как известно, традиционная хозяйственно-экономическая деятельность называется сырьевой или перерабатывающей индустрией в зависимости от ключевого понятия, которое образует наименование. Техногенное, или постиндустриальное, общество, которое приходит на смену индустриальному, сопровождается сменой ценностей и парадигм – устоявшихся и общепринятых способов решения основных проблем в той или иной сфере деятельности. Поскольку старая модель перерабатывающей экономики постепенно теряет свою эффективность, модернизация как смена ценностей и установок традици-

онного общества включает в себя возможные точки роста в виде новых подходов и парадигм. Именно поэтому экономика инноваций может стать локомотивом технологических и социальных преобразований, основой построения конкурентоспособного общества.

Суть экономики инноваций состоит в том, что именно инновации, а не сырье или мануфактура, становятся движущей силой и главным фактором развития как экономического базиса, так и общества в целом. В настоящее время сложилась такая ситуация, когда использование интеллектуального ресурса в экономической деятельности является более эффективным, чем, скажем, природных ископаемых. Взять хотя бы рыночную капитализацию таких корпораций в сфере информационных технологий, как Apple, Microsoft или Google, которая превышает знаменитый Газпром. И этот пример выбран не случайно, ибо он демонстрирует различные способы приращения капитала. В экономике инноваций постоянно происходит регенерация знаний, благодаря чему корпорации имеют возможность перманентно наращивать свою капитализацию. Сырьевая же экономика, в частности Газпрома, работает с ограниченными и не возобновляемыми источниками природных ресурсов. В первом случае происходят мультипликация и тиражирование интеллектуального ресурса, во втором – исчерпание природных ископаемых и обесценивание активов традиционных отраслей промышленности. Именно поэтому не существует альтернативы экономике инноваций.

Развитие мировой экономики показывает, что глобальные тренды экономического успеха на международных рынках связаны с развитием тех предприятий, которые делают ставку именно на рост добавленной стоимости за счет увеличения использования интеллектуального ресурса. Знания, интеллектуальный капитал становятся главными факторами экономического развития. Но интеллектуальный капитал не существует сам по себе. Речь идет прежде всего о субъекте всякой деятельности – человеке и его социально-конструктивной роли. Креативный потенциал, совокупность знаний, умений и навыков, внутренняя мотивация человека на созидательную деятельность составляют человеческий капитал, который может реализоваться только в соответствующей среде. Причем именно создание специальной среды, получившей название инновационной, становится главной задачей на современном этапе. Процесс создания инновационной среды, или формирование национальной инновационной системы, становится приоритетной задачей государства. Принципы проектирования, а затем и построения национальной инновационной системы разнообразны, однако все они концентрируются вокруг ключевого понятия – инновация. Как известно, инновация развивается циклично, начиная с осознания проблемы и ее формулирования в виде совокупности задач, поиска ресурсов как материального, так и интеллектуального свойства (идей), построения

и реализации проектов и коммерциализации полученных результатов. Цикл инновационного развития, хотя и представлен весьма схематично, составляет ту основу, вокруг которой создается инновационная среда, национальная инновационная система, поскольку инновационная деятельность требует сопровождения и поддержки на всех этапах развития и функционирования инновации.

Следует обратить внимание на принципиальное отличие инновационной экономики от индустриальной, ибо формально оба вида экономической деятельности функционируют одинаково. В самом деле, всякая деятельность имеет свой объект, воздействие на него и полученный результат. Экономика знаний содержит те же компоненты – как материальные, так и интеллектуальные, однако ее принципиальное отличие в том, что «материалы и идеи» меняются местами: акцент, главные усилия переносятся с переработки сырья на производство знания. Новая экономика производит новые знания, которые превращаются в инновации, а затем в капитал (самовозрастающую стоимость), а все другие факторы производства – бизнеса становятся сопутствующими условиями. В этой интеллектуальной трансформации производства особую роль начинает играть инновационная инфраструктура, функция которой отнюдь не сводится к вспомогательным, обслуживающим ресурсам. Именно такую роль играет инфраструктура в классической экономике. В экономике знаний инновационная инфраструктура становится неотъемлемой частью самого производства и развивается вместе с производством инноваций, составляя органическое единство. Чтобы подчеркнуть эту органическую связь развития инновационного цикла и инновационной инфраструктуры, вводится понятие «инновационная экосистема». Проектирование, создание и использование инновационной инфраструктуры представляет собой процесс создания определенных условий для успешного инновационного развития. Таким образом, построение экономики знаний зависит не только от наличия знания, интеллектуального ресурса, но и от готовности общества превратить его в инновации – использовать в реальной экономике посредством создания необходимых условий и возможностей для инновационного развития. Инновационному развитию необходимо создать своеобразную экосистему взращивания инноваций в обществе, которая обеспечит благоприятные условия для появления и развития инновационных компаний, создания различных механизмов поддержки начинающих компаний, которые получили название стартап-проектов. Последние содержат систему структурно-функциональных элементов, начиная от бизнес-инкубирования и заканчивая финансовыми инструментами, в частности, системой венчурного финансирования. Аналогично обстоит дело с построением своеобразной интеллектуальной экосистемы, включающей в себя преобразования в образовательных структурах в направлении достижения большей

практической ориентированности. Если в стране получается создать правильно выстроенную инновационную экосистему, то начинают срабатывать идеи и проекты, появляются успешные инновационные компании и элементы национальной инновационной системы. Именно курс на инновационное развитие даст возможность в дальнейшем создавать продукты с глобальным рыночным потенциалом.

Наша страна, кроме ставки на традиционное индустриальное производство, постепенно строит и основы новой экономики знаний. Об этом свидетельствует развитие IT-компаний, которые созданы в последние годы либо еще создаются нашей молодежью. Более того, некоторые созданные у нас продукты и бизнес-модели стали известными во всем мире. Это позволяет сделать вывод о значительном потенциале нашей страны в направлении развития экономики знаний. Для разработки оптимальной стратегии модернизации и перехода к экономике знаний важным является вопрос о соотношении традиционных укладов индустриальной и инновационной экономики. Санкционная политика лидеров экономического развития по отношению к странам Евразийского содружества, в том числе к нашей стране, поднимает вопросы национальной безопасности, показывает, что не следует безоглядно отказываться от промышленной индустрии в ущерб развитию, например, машиностроения и переходить к развитию только высоких, в частности информационных, технологий. Без индустриального производства, без реального сектора экономики не может успешно существовать и развиваться ни одно государство. Все дело в том, что применение высоких технологий к традиционным отраслям промышленности повышает их эффективность, делает продукцию конкурентоспособной на мировых рынках. Сегодня инновационное развитие экономики напрямую зависит от наукоемкости и высокой технологической оснащенности производства. Построение инновационного общества означает не тотальное сокращение индустриального производства, а его модернизацию и переход на инновационные способы развития.

А. М. Байчоров

(Белорусский государственный университет, г. Минск, baichor@bsu.by)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В ТРЕТЬЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА: НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ АСПЕКТЫ

Содержание и форма внешнеполитической стратегии Пекина в начале XXI века вызвали неподдельный интерес во всем мире. Новый мировой гегемон, родившийся в Азии, оказывал все большее влияние на протекание экономических и политических процессов в странах «коллектив-

ного Запада», на развивающихся рынках и, конечно, в государствах «третьего мира». В экспертном сообществе в Республике Беларусь внешняя политика КНР стала предметом заинтересованного научного интереса [1–6]. В своих работах белорусские ученые опирались на китайские первоисточники, глубоко анализировали различные факторы, оказывающие влияние на внешнеполитический курс Пекина, использовали труды китайских, российских и западных экспертов.

Формулируя внешнеполитические установки, руководители Центрального комитета Коммунистической партии Китая опирались на возросшую экономическую мощь КНР, на военную мощь, на рост китайского авторитета в международных институциях и на рынках всех континентов. В 2012 г. Президент КНР Си Цзиньпин провозгласил амбиционную задачу великого возрождения китайской нации [7, с. 577]. Амбициозность этой задачи особенно хорошо видна на фоне исторического контекста. Начиная с первой опиумной войны 1839 г., история Китая была нескончаемой эпохой унижения и разорения некогда великого государства, с последующими годами псевдо-коммунистических экспериментов (1949–1978 гг.). Великий Дэн Сяопин остановил сползание страны по наклонной плоскости и заложил основы экономического восстановления Китая. Осуществляя политику открытости и реформ, КНР стала второй экономикой мира и добилась значительных успехов в социальном развитии и военном строительстве. На этой базе Си Цзиньпин начал осуществлять активную внешнюю политику, продвигая китайские интересы на международной арене. Казалось, все его планы должны осуществиться, но взлетели, как их называют экономисты, два «черных лебедя». Первый – пандемия коронавируса, второй – торговая война с США. В результате 10-процентный ежегодный экономический рост Китая был прерван, обострились внутренние экономические проблемы.

Третий президентский срок Си Цзиньпина, начавшийся в марте 2023 г., сопровождался снижением темпов экономического роста, оттоком иностранных инвестиций из страны, банкротством крупнейших китайских компаний. В этих условиях китайское руководство вынуждено было в третьем десятилетии XXI века уменьшить амбициозность своих внутривнутриполитических и внешнеполитических планов. Си встретился в ноябре 2023 г. в г. Сан-Франциско с американским Президентом Джоозефом Байденом и пошел на ряд компромиссов по экономическим и политическим вопросам. Известный американский китаевед из Йельского университета Стефан Роуч отметил, что, хотя саммит можно оценить как успешный для обеих сторон, но все-таки взаимную подозрительность устранить не удалось [8].

Тайвань остается камнем преткновения в китайско-американских отношениях. В июле 2023 г. Пентагон обнаружил вредоносный вирус, запу-

шенный предположительно китайцами в компьютерные сети армии США, способный саботировать развертывание американских вооруженных сил в поддержку Тайваня [9, р. 1]. Это было расценено, как шаг на пути возможного воссоединения острова с материковым Китаем с помощью силы, особенно в свете заявлений ряда китайских руководителей, что Пекин не потерпит прихода к власти на Тайване в ходе президентских выборов января 2024 г. кандидата, выступающего за полную независимость острова. Вместе с тем, китайские исследователи выражают уверенность, что «Китай не демонстрирует свидетельств срочности реализации воссоединения с Тайванем военными средствами и нет признаков массированного сосредоточения вооруженных сил в районе тайваньского пролива. Для Китая воссоединение с Тайванем является безусловно целью, к которой он идет путем “мирного объединения” на основе модели “одна страна, две системы”» [10, р. 2]. Характерно в этом отношении замечание директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Сунь Чжуанчжи, сделанное им в ходе экспертной встречи сотрудников вышеназванного Института с преподавателями факультета международных отношений БГУ, состоявшейся 25 октября 2023 г. Сунь Чжуанчжи отметил, что «в Москве хотели бы обострения ситуации вокруг Тайваня, чтобы КНР потребовалась их военная помощь. Но Пекин в этом вопросе осторожен» [11].

Начиная с первого саммита Китай – Африка (2006 г.), Пекин активно распространял свое экономическое и политическое влияние в «третьем мире». Руководители КНР сознательно причисляли Китай к развивающимся странам, говорили о «мирном возвышении» Китая и о том, что в отличие от США ему не свойственны гегемонистские устремления. В первые десятилетия XXI в. Пекин выстраивал свою внешнеполитическую стратегию по переделу мировых рынков, апеллируя к политической и идеологической близости с бывшими колониально-зависимыми странами, пытаясь играть роль единственного защитника их интересов перед лицом империализма и неоколониализма. Кредиты и займы раздавались им «дружественным правительствам» развивающихся стран зачастую без должного финансово-экономического обоснования. Затем, когда «друзья» отказывались платить по долгам, Пекин вынужден был брать в обеспечение долга (или в качестве уплаты кредита) какие-то инфраструктурные объекты в этих государствах. Так, например, случилось с морским портом в Шри Ланке. Но по мере того, как Китай утвердил свои экономические интересы на различных континентах, приходило понимание, что для больших инвестиций, дающих долгосрочные большие прибыли, более подходит не конфликтная, а мирная внешнеполитическая обстановка.

Таким образом, через логику получения собственных прибылей руководители КНР в третьем десятилетии XXI века приходили к пониманию,

что самую большую, постоянно поступающую прибыль на свои инвестиции можно получать и в сложившемся мировом порядке, основанном на правилах, установленных чуждыми либеральными демократиями. И такое бесперебойное поступление прибылей становится проблематичным в миропорядке, основанном на идеологии, какой бы справедливой она поначалу ни казалась. Руководитель КНДР Ким Чен Ын официально отказался в январе 2024 г. от политики по «воссоединению Родины» на принципах идеологии чучхе. Северокорейский лидер понял, что официальный Пекин всё меньше стал рассчитывать на то, что сможет навязать миру китайский путь развития (посредством продвижения инициатив типа «Одного пояса, одного пути» (2013 г.), формирования Сообщества единой судьбы человечества (2015 г.), инициативы глобального развития (2021 г.), инициативы по глобальной безопасности (2022 г.), глобальной цивилизационной инициативы (2023 г.)), а больше стал обращаться к глобалистическим ценностям, обеспечившим беспрецедентный экономический рост КНР в конце XX – начале XXI века. Не случайно глава МИД КНР Ван И, выступая с программной речью на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2024 г., призвал к «согласованным усилиям по приданию глобализации более универсального и инклюзивного характера, чтобы она приносила пользу большему числу стран и людей» [12]. При этом Пекин хочет сам формулировать некоторые правила мирового порядка, например, стандарты, регулирующие использование искусственного интеллекта [13]. Столкнувшись с серьезными торгово-экономическими проблемами, Пекин вынужден был также учитывать позицию «коллективного Запада» по украинскому кризису и не форсировать экономическую и военную поддержку Российской Федерации.

Правительство КНР рассчитывало, что с уходом Дональда Трампа с поста Президента американская политика в отношении Китая вернется к временам первого срока президентства Барака Обамы, к логике «вовлечения» и «умиротворения». Однако оно просчиталось. Дж. Байден не только сохранил основные постулаты торговой войны Д. Трампа, но и ввел дополнительные чрезвычайно болезненные для Пекина рестрикции, например, на экспорт в КНР самых современных микрочипов и товаров двойного применения [14, р. 1]. Все это отрицательно сказалось на прогрессе Китая в сфере высоких технологий и заставило руководство страны искать компромиссные подходы, что и было продемонстрировано в ходе встреч Си и Байдена в Сан-Франциско, Ван И и госсекретаря США А. Блинкена в Мюнхене в феврале 2024 г.

К третьей декаде XXI в. «коллективный Запад» начал постепенно пересматривать свои подходы к КНР. По своему содержанию западная стратегия оставалась политикой сдерживания, но по формам начался переход от призывов «разрыва» с Китаем (decoupling) к призывам «уменьшения

рисков» (de-risking). Этот переход в целом был благоприятно воспринят в Пекине, но Ван И в своей мюнхенской речи предупредил, что если de-risking будет вести к изоляции КНР, то от этого пострадает не только Китай, но и вся мировая экономика. Китай превратился в одного из самых влиятельных акторов в экономике и политике развивающихся стран, оказывая серьезное корректирующее воздействие на формы развития государств «третьего мира» и их отношения с США и другими демократическими государствами. Вместе с тем, в первые годы третьего десятилетия влияние КНР в Азии, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке в возрастающей степени стало ограничиваться такими системными факторами как замедляющаяся китайская экономика, появившимися сомнениями в том, что Пекин способен исполнять роль лидера Глобального Юга и определять повестку дня глобального развития.

Список литературы

1. Малевич, Ю. И. Политические ориентиры КНР накануне и после XX Всекитайского съезда коммунистической партии Китая / Ю. И. Малевич, В. А. Чувилова // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – 2023. – № 11. – С. 220–233.
2. Малевич, Ю. И. Новые вызовы китайской стратегии лидерства / Ю. И. Малевич, Д. Д. Багрим // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – 2023. – № 11. – С. 207–219.
3. Baichorov, A. M. New Challenges for the People's Republic of China Foreign Policy / A. M. Baichorov // Journal of the Belarusian State University. International Relations. – 2023. – № 1. – P. 11–18.
4. Байчоров, А. М. Внешнеполитический курс Китая в условиях международной турбулентности / А. М. Байчоров // Журн. Белорус. гос. ун-та: Философия, психология. – 2022. – № 2. – С. 99–104.
5. Чувилов, И. А. Концепт сообщества единой судьбы человечества в политической стратегии КНР / И. А. Чувилов // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. – 2023. – № 11. – С. 301–311.
6. Vasilevskaya, V. E. Augmenting the influence of the Chinese civilization: the way of the Chinese dream / V. E. Vasilevskaya // Journal of the Belarusian State University. International Relations. – 2023. – № 2. – P. 39–46.
7. Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин : Изд-во литературы на иностр. яз., 2014. – 630 с.
8. Roach, S. S. Biden and Xi Pick Low-Hanging Fruit [Electronic resource] / S. S. Roach // Project Syndicate. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/biden-xi-san-francisco-summit-limited-success-by-stephen-s-roach-2023-11?barrier=accesspaylog>. – Date of access: 15.02.2024.
9. Sanger, D. E. U. S. hunts «time bomb»: Malware from China [Electronic resource] / D. E. Sanger, J. E. Barnes // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2023/07/29/us/politics/china-malware-us-military-bases-taiwan.html?searchResultPosition=1>. – Date of access: 12.02.2024.
10. Mingyue Liu. From «Strategic Ambiguity» Toward «Strategic Clarity»: U.S. Taiwan Policy under Biden Presidency / Mingyue Liu // Academic Journal of Management and Social Sciences. – 2023. – № 1 (3). – P. 1–3.

11. Экспертная встреча сотрудников Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук с преподавателями факультета международных отношений БГУ. – Минск, БГУ, 25.10.2023. – Личный архив автора.

12. LIVE: Chinese Foreign Minister Wang Yi Speaks on «China in the World» at Munich Security Conference [Electronic resource]. – Mode of access: youtube.com/watch?v=UeQR4bWf9g. – Date of access: 12.02.2024.

13. Katherine Walla. If the US and EU don't set AI standards, China will first, say Gina Raimondo and Margerethe Vestager [Electronic resource]. – Mode of access: mail.google.com/mail/u/0/?pli=1#inbox/FMfcgzGwJvpdkxQWrqZwHpLSZcFzsDGh. – Date of access: 12.02.2024.

14. Sevastopulo, D. Tech remains core battle with Beijing / D. Sevastopulo // National Security. FT Special Report. – 2023. – July 19. – P. 1–4.

В. А. Белозорович

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, v.belozorovich@grsu.by)

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Провозглашение Республики Беларусь потребовало исторического обоснования закономерности ее государственной независимости. Реализация этой задачи зависела от формирования новой концепции истории Беларуси. Если до 1990-х гг. доминировала задача коммунистического воспитания школьников, а в оценке исторических явлений использовали партийно-классовый подход, то на этапе суверенитета потребовалось историческое знание, консолидирующее общество на основе идеологии белорусского государства. Утверждение новой исторической памяти в обществе осуществлялось радикально – путем смены содержания исторического образования. В 1991 г. Министерство образования Республики Беларусь сформировало рабочую группу под руководством заместителя директора Института истории Академии наук Беларуси М. О. Бича для разработки проекта новой концепции исторического образования в средней школе. Согласно подготовленному документу, предусматривалось изучение в начальных классах учебной дисциплины «Мая Радзіма – Беларусь», в базовой школе (5–9 классы) и средней школе (10–11 классы) – двух дисциплин: «Истории Беларуси» и «Всемирной истории» [1]. Соответственно были подготовлены учебные программы и учебные пособия.

Академическая наука выступила триггером данного процесса. 18 апреля 1992 г. сотрудники Института истории АН Беларуси завершили работу над «Основными принципами новой концепции истории Беларуси». Доминировал методологический посыл в форме департизации и деидеологизации исторической науки, плюрализма научного познания, приоритета «общечеловеческих ценностей». Но главный упор был сделан на национальную составляющую исторической памяти и самосознания. Науч-

ные новации затронули первобытное общество (культуры финального палеолита, происхождение местной керамики, балтские племена на территории Беларуси), средние века (концепция многоукладного общества, генезис государственности, история полиэтнического Великого Княжества Литовского), новое время (федеративная Речь Посполитая, деформирующее влияние колонизации на развитие белорусского этноса). Сложилась феномены русификации, насильственной ликвидации церковной унии, белорусского национально-освободительного движения, Белорусского Возрождения и др. [2, с. 144–157]. При этом война 1812 г. уже не считалась «отечественной», а Виленский университет в первой половине XIX в. стал центром белорусской культуры. На заседании Ученого совета Института истории 27 октября 1992 г. прозвучало предложение отказаться от понятий «Западная Русь», «западнорусские земли», вернуться к ранее отвергнутому наукой концепту о «колониальном положении белорусских земель в составе Российской империи» [3, с. 20–21].

Радикальные изменения претерпела и новейшая история Беларуси. Октябрьская революция 1917 г. трактовалась как «октябрьский переворот», «военный коммунизм» был обозначен как «начало тоталитарного режима». НЭП в Беларуси помимо традиционных положительных социально-экономических аспектов содержал негативные элементы: жесткая налоговая система, крестьянские восстания начала 1920-х гг., установление однопартийной системы и др. Вводилось понятие «сталинский тоталитарный режим», «война советской власти против крестьянства». Актуальными стали вопросы трагического начала войны и «сталинской несправды» с руководством РККА, взаимоотношения населения с оккупационным режимом, партизанами, Армией Крайовой, активизации деятельности коллаборационистов. Острой критике подлежал послевоенный период отечественной истории [2, л. 144–148].

Для выработки единых подходов к концепции отечественной истории 3–5 февраля 1993 г. в Белорусском государственном университете состоялась Всебелорусская конференция историков. В выступлениях директора Института истории АН Беларуси М. П. Костюка, декана исторического факультета БГУ П. А. Шупляка звучала идея самодостаточной национальной истории [4–5]. На форуме обсуждался вопрос о создании научного исторического журнала. Министерство образования Республики Беларусь, Институт истории АН Беларуси, БГУ, общество «Знание» предложили издавать «Беларускі гістарычны часопіс».

Новые подходы к историческому познанию, историческому образованию Беларуси вызвал дискуссию в научном сообществе между приверженцами советской научной парадигмы и приверженцами новой концептуальной парадигмы. Полемические выступления наблюдались среди чле-

нов Ученого совета Института истории НАН Беларуси [6, л. 2; 7, л. 2–3, 141, 146; 8, л. 119–127], в периодической печати на страницах «Народной газеты» [9–11], журнала «Беларуская думка» [12]. Сложились новые общественные организации: Белорусское республиканское объединение «Исторические знания» и общественное объединение «Белорусская ассоциация историков». Произошла дифференциация историков. Однако в исследованиях превалировал этноцентризм, что привело к абсолютизации национального контекста, а вместе с ним – к гиперболизации антирусизма и антисоветизма. Данная тенденция затронула тексты учебных пособий для учащихся средней общеобразовательной школы.

Последовала корректировка государственной исторической политики. С 16 августа 1995 г. стала функционировать Государственная комиссия по подготовке учебников и учебных пособий в гуманитарно-обществоведческой сфере. Перед членами комиссии была поставлена задача подготовки учебной литературы в соответствии с национально-государственной концепцией истории Беларуси для осуществления единой исторической политики. Начиная с 1997 г., авторы школьных пособий стали предлагать обучающимся оценки событий и явлений отечественной истории, соответствующие национальным и государственным интересам Республики Беларусь. На эти аспекты обратил внимание Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в своем выступлении перед коллективом БГУ 13 марта 2003 г.: «Беларусь – государство по историческим меркам молодое. Но у нашего народа славная многовековая история. И сегодня, может быть, как никогда ранее, мы должны с особым вниманием обратиться к нашим историческим корням, истокам и традициям. <...> Но нельзя скатываться к агрессивному и озлобленному национализму. <...> Мы должны гордиться тем, что создал и чем прославился наш белорусский народ, а не его исторические соседи» [13].

Глубокое и основательное изучение истории белорусской государственности позволило сформировать и детализировать национально-государственную концепцию истории Беларуси. Об этом шла речь 17 октября 2019 г. на IV Международном конгрессе историков Беларуси «Историческая наука Беларуси: личности, концепции, достижения» (к 90-летию Института истории НАН Беларуси)» [14]. Участники форума зафиксировали три основные функции исторической концепции. Первые две носят традиционный характер и предусматривают накопление информации о развитии белорусского этноса (информационная функция) и формирование национально-государственной идеологии (воспитательная функция). Третья функция обусловлена вызовами современной эпохи – «информационными и гибридными войнами». Концепция отечественной истории должна содействовать укреплению системы национальной

и информационной безопасности, сформировать у белорусского общества уверенность в правильности избранного пути национально-государственного строительства. Одним из посылов представительного научного форума прозвучала задача защиты исторического наследия нашей страны.

В настоящее время возросла роль исторической политики как инструмента формирования национальной идеи и обеспечения национальной безопасности белорусского государства. По предложению Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 2022 год был объявлен Годом исторической памяти. Республиканский совет по исторической политике, созданный при Администрации Президента, развернул деятельность по четырем направлениям: концептуальные основы отечественной истории, научно-методическое сопровождение исторической политики, информационно-просветительская работа, внешнеполитическое сопровождение исторической политики [15]. Дальнейшее развитие концепции истории Беларуси требует ее корректировки – ликвидации т. н. «искажений» и тенденциозных трактовок, сложившихся за последние три десятилетия. Новые подходы к концепции истории Беларуси представлены в учебном пособии «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці» (2022 г.), подготовленном для студентов высших учебных заведений авторским коллективом под руководством члена-корреспондента НАН Беларуси И. А. Марзалока [16].

Реализация исторической политики характеризуется отсутствием националистических тенденций и отказом от «войны памяти» в белорусском обществе. Государственная историческая политика Республики Беларусь направлена на недопущение интерпретации исторических фактов в ущерб национальному самосознанию, на формирование оптимальных подходов к историческому прошлому и обеспечение их позитивного восприятия в современном обществе.

Список литературы

1. Канцэпцыя гістарычнай адукацыі ў сярэдніх школах Беларусі // Настаўніцкая газета. – 1991. – 30 ліст. – С. 2–3.
2. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 962.
3. Біч, М. В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь / М. В. Біч // Беларус. гіст. часопіс. – 1993. – № 1. – С. 15–24.
4. Касцюк, М. П. Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы / М. П. Касцюк // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : у 2 ч. : Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г. – Мінск, 1994. – Ч. 1. – С. 3–10.
5. Шупляк, П. А. Праблемы гістарычнай адукацыі ў ВНУ Рэспублікі Беларусь / П. А. Шупляк // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : у 2 ч. : Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г. – Мінск, 1995. – Ч. 2. – С. 3–7.

6. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 1001.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 1010.
8. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 1027.
9. Заява Рады Беларускай асацыяцыі гісторыкаў // Народная газета. – 1996. – 24 ліп. – С. 3.
10. Могут ли все быть историками? // Народная газета. – 1996. – 25 ліп. – С. 3.
11. Работа по восстановлению исторической правды подвергается яростному сопротивлению со стороны национал-экстремистов, претендующих на истину в последней инстанции // Народная газета. – 1996. – 19 чэрв. – С. 3.
12. Петрыкаў, П. Ц. Туман «русафобіі» ахутаў Беларускаю энцыклапедыю / П. Ц. Петрыкаў // Беларуская думка. – 1996. – № 3. – С. 109–113.
13. Лекция «Исторический выбор Республики Беларусь» в БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/lektsija-istoricheskiy-vybor-respubliki-belarus-v-bgu-5819>. – Дата доступа: 17.10.2022.
14. Информационное письмо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://history.by/wp-content/uploads/2019/03/RUS_IV_Congress.pdf. – Дата доступа: 17.10.2019.
15. Осипов, М. Духовно и правдиво / М. Осипов // СБ: Беларусь сегодня. – 2022. – 27 окт. – С. 3.
16. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці : вучэб. дапам. / І. А. Марзалюк [і інш.]. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.

Д. В. Белявцева

(Белорусский государственный университет, г. Минск, belyavtseva@mail.ru)

«МАЯТНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА» И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА, БЕЗОПАСНОСТИ И УПРАВЛЯЕМОСТИ ГОСУДАРСТВА

Формирование и развитие любого государства сопряжено с процессами его территориальной организации. Модели территориальной организации государства в первую очередь нацелены на обеспечение его безопасности, суверенитета и управляемости. Особую актуальность деятельности на стратегическом уровне государственного строительства приобретает в условиях активных изменений параметров внешнего и внутреннего развития. Они заставляют субъектов территориально-властных отношений корректировать территориальную организацию государства. Современность демонстрирует тектонические сдвиги в геополитических и экономических процессах и отношениях и выдвигает проблематику территориальной организации государства на авансцену не только научных исследований, но и политической практики.

Термин «территориальная организация» подразумевает как процесс, деятельность, так и ее результат. Применительно к организации территории государства, результат – это территориальное устройство государства или государственное устройство, система взаимоотношений между государством в целом, его центральной властью и территориальными состав-

ными частями, точнее населением территориальных частей и действующими там органами публичной власти. Территориальная организация государства как процесс есть целенаправленное формирование отношений между центром и регионами или территориальное строительство государства. Субъектами этого процесса являются в первую очередь органы государственной власти, а также иные политические институты и группы, которые могут действовать опосредованно, пытаясь влиять на органы государственной власти. Терминологические различия в описании указанного процесса в рамках определенных научных школ связаны как с политико-идеологическим влиянием, так и с особенностями периода государственного строительства конкретного государства и отражает ее динамику.

В XX в. в советском и постсоветском дискурсе доминировало стремление к отражению вопросов территориальной организации государства с позиций правового (нормативного) и политико-правового (политико-нормативного) подходов. В частности, термин «административно-хозяйственное деление» подчеркивал активную роль государства в области экономики, соответствовал этапам существенных экономических преобразований и отражал функциональные аспекты строительства. Следует подчеркнуть, что он применялся и по отношению к федеративным государствам, а сегодня закреплён в нормативных документах и доминирует при изучении унитарных образований. Например, в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь» от 5 мая 1998 г. № 154-З вышеуказанный термин определяется как деление территории Республики Беларусь на определенные части в целях эффективной организации государственного управления и местного самоуправления, обеспечения законности и правопорядка, реализации прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь.

В XXI в. на постсоветском пространстве в научном дискурсе и политической практике наблюдается обращение к процессуальным вопросам территориально-властного обустройства в контексте регионализации, формирования многоуровневого управления и демократизации процессов управления, что есть отражение влияния политической воли правящих элит на процессы территориальной организации государства. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, анализируя процессы региональной интеграции, отмечает, что «ЕАЭС, СНГ и Союзное государство – это разные форматы сложившейся многоуровневой интеграции. <...> Но это воля глав государств, правительств, элиты этих государств» [1].

Процессы территориальной организации государства также определяются политико-идеологическими особенностями и традициями полити-

ческого пространства. Так, в преамбуле Конституции Республики Беларусь обозначается значимость многовековой истории развития белорусской государственности, культурных и духовных традиций народа Беларуси, а в ст. 4 – идеологии белорусского государства – для функционирования и развития государства. Актуализация цивилизационных, ценностных и идеологических составляющих в государственном строительстве Республики Беларусь подчеркивает тот факт, что в основе понятия «территориальная организация государства» лежит трактовка последнего не только как географического, но и политического явления.

Развитие федеративных государств, например США, Канады и других, также отражает динамику проектов государственного строительства. Она была обусловлена как внутренними, так и внешними факторами и выражалась в смене концептуальных моделей федерации (дуалистическая, кооперативная и др.).

Выявление факторов динамики территориального устройства государства содержит исследовательские «ловушки». Возможно смешение концептуальных свойств модели территориальной организации с практическими механизмами и иными средствами, при помощи которых достигается реализация данных свойств. Например, если обратиться к компетенциям региональных государств, то можно отметить, что большинство из них таковой не обладают. Например, в Испании автономные сообщества не принимают непосредственного участия в изменении Конституции. Сенат Испании лишь условно может считаться органом представительства автономных сообществ.

Политический нормативизм в этой связи ориентирует нас на анализ действий субъектов политического процесса, а также экспертных оценок по данному вопросу. Показательны в данном случае процессы территориального строительства СССР в 20–30-е гг. XX в. Решение вопроса выделось политическим элитам по-разному: через автономизацию и федерализацию. В Декларации и Договоре об образовании Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г. нашел отражение план федерализации. Тем не менее, в устройстве Советского государства выделялись и элементы конфедерации [2, с. 32]. В 1920–1930 гг. с учетом геополитических факторов и территориальных диспропорций в развитии СССР политические элиты использовали инструменты региональной политики «сплочения» и, по сути, реализовали план автономизации.

Таким образом, территориальная организация государства определяется конфигурацией политического пространства и может подвергаться динамике с учетом необходимости обеспечения безопасности, территориальной целостности и устойчивого развития государства в условиях внутренних и внешних вызовов. Динамика моделей территориальной организации государства определяются политической волей правящих элит с уче-

том политико-идеологического и геополитического контекста государственного строительства, и может быть обозначена как «маятник государственного строительства». Выбор актуальной модели территориального устройства отражает баланс отношений между центральной и местной властью с учетом цивилизационных и ценностных оснований государственности.

Список литературы

1. Встреча с Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии Бакытжаном Сагинтаевым, 26 февраля 2024 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predsdatelem-kollegii-evraziyskoj-ekonomicheskoy-komissii-bakytzhanom-sagintaevum?openVideo=true>. – Дата доступа: 27.02.2024.

2. Лебедев, А. Н. Советские государствоведы о проблемах и перспективах развития советской федерации (1918–1985 гг.) / А. Н. Лебедев // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 6. – С. 24–41.

К. А. Бережко

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, kseniya-berezhko23@mail.ru)

КЭТРИН МАКОЛЕЙ КАК ПРИМЕР БОРЬБЫ ЗА РАВНОПРАВИЕ В XVIII ВЕКЕ

Кэтрин Маколей наиболее известна как английский историк, писавшая о веке XVII, хотя на самом деле ее заслуг гораздо больше. Она была политическим мыслителем, внесла вклад в английский радикализм и республиканизм и непосредственно повлияла на американских и французских революционеров [2, р. 3]. Также нельзя обойти стороной ее роль в зарождении феминистической мысли [2, р. 234–235]. Более того, говоря о К. Маколей как о историке, стоит упомянуть, что она была первой женщиной-историком в Англии и единственной женщиной-историком своего времени. Это и многое другое сделало ее поистине уникальной, но в то же время противоречивой фигурой того времени, из-за чего писательница довольно часто сталкивалась с враждебностью со стороны современников и исследователей ее персоналии. Итак, нам необходимо разобраться, кто такая К. Маколей и в чем же причины неоднозначных оценок ее личности. Для этого обратимся к ее биографии.

Кэтрин Маколей (имя при рождении – Кэтрин Собридж) родилась 2 апреля 1731 года. Она была вторым ребенком Джона Собриджа и Дороти Уэнли в поместье Олантинг в Кенте, оставшемся им от ее дедушки – Якоба Собрижа, который приобрел его благодаря находжению на крупной должности директора в Компании Южных морей (рухнувшей вскоре

финансовой пирамиде) [1, р. 287]. Вскоре мать К. Маколей умерла, оставив двух дочерей и двух сыновей на попечение отца. После такого трагического события он закрылся от общества и от детей, доверив их образованию «старой и многими рекомендованной, но невежественной гувернантке» [1, р. 288]. Беря во внимание любознательность будущей писательницы уже в детстве, мы можем сделать вывод, что такая воспитательница не могла удовлетворить её любопытство. Но зато смогли книги. Так, проводя дни напролет в «отцовской хорошо оснащенной библиотеке», она много читала. Еще ребенком К. Маколей начала со сказок, романов и периодических журналов, которые в какой-то момент были вытеснены историей. В особенности ее интересовало становление греческой и римской республик: «питая интерес к их законам и обычаям и будучи захваченной духом патриотизма, она решила во что бы то не стало найти причину их свободы» [1, р. 289–290]. Так, уже с малых лет мы можем проследить, что центром ее картины мира был феномен свободы, причем в том ее понимании, которое существовало в древности. Это в свою очередь заранее определило ее республиканские воззрения в будущем. А ее любовь к чтению истории предопределила написание в будущем ее собственной.

Кэтрин Маколей состояла в «Обществе синего чулка» – обществе, которое зародилось в салоне английской писательницы Элизабет Монтегю в 1760-х гг. Туда в основном, помимо мужчин-интеллектуалов, входили женщины, занимавшиеся наукой и литературой – традиционно мужской сферой, в то время как в этот период основным женским занятием считалась забота о доме и семье. Позднее таких женщин стали прямо именовать «синими чулками», что вполне подходит под описание К. Маколей. Но в конечном итоге ее пути с этим кружком разошлись из-за все более проявлявшегося радикализма писательницы [10].

В 1760 году Кэтрин Собридж, уже почти тридцатилетняя дама, вышла замуж за шотландского врача Джорджа Маколея, приняв его фамилию. Они прожили вместе 6 лет, но внезапно в 1766 году муж умер, оставив после себя их общую дочь. Однако именно он вдохновил ее на создание самого главного труда ее жизни: в 1763 году Маколей опубликовала первый том «Истории Англии от восшествия на престол Якова I до воцарения Ганноверской династии» [6]. В конечном итоге, вплоть до 1783 года она написала 8 томов, но название последних трех немного отличалось: шестой, седьмой и восьмой том вышли под названием «История Англии от воцарения Якова I до революции» [7], т. к. она понимала, что не успеет довести историю до 1714 года. В этих томах содержится много аллюзий на современные писательнице политические события, с помощью чего ярко транслируется ее радикальная направленность и призыв возвратиться к принципам, провозглашенным в период Славной революции [10].

Также Кэтрин Маколей хотела написать «Историю Англии от революции до настоящего времени», но успела закончить только первый том (покрывающий 1688–1733 годы) [8]. Но не только исторические труды были написаны ее рукой – она прямо высказывалась на философские и политические темы. Так, в 1767 году она опубликовала «Критические замечания на позицию мистера Гоббса, высказанную в его книге “Философские пережитки правительства и общества” с кратким обзором демократических форм правления, помещенным в письме к синьору Паоли» [3], а в 1770 году прозвучал ее первый ответ Э. Берку «Замечания на памфлет, озаглавленный “Мысли о причинах нынешнего недовольства”» [5].

В период 1774–1778 гг. Кэтрин Маколей жила в английском городе Бате в доме преподобного Вилсона, который усыновил ее дочь. В это время состояние здоровья писательницы заметно ухудшилось, т. к. свойственная ей с детства болезненность усугублялась переработками, а также враждебностью и критикой со стороны [2, р. 238–239]. Поэтому в 1777 году К. Маколей с подругой Элизабет Арнольд отправились во Францию и посетили Париж. Но большинство ее социальных связей резко оборвалось после ее второго замужества в 1778 году. Будучи сорокасемилетней дамой, она вышла замуж за двадцатидвухлетнего Вильяма Грэма, младшего брата Элизабет Арнольд, который к тому же был гораздо ниже по статусу самой Кэтрин Маколей, что шокировало общественность и скомпрометировало писательницу. Так, многие друзья отвергли ее, а в публичной жизни К. Маколей больше не воспринимали серьезно.

Однако несмотря ни на что, период второго брака К. Маколей был достаточно продуктивен. Именно в это время она завершила последний том «Истории Англии...» и написала «Трактат о непреложности моральной истины» [9]. Также писательница, активно поддерживая войну за независимость США, имела связи со многими лидерами американских революционеров. В 1774–1775 гг. она вместе с мужем совершила поездку в Америку и познакомилась с несколькими важными деятелями, повлиявшими на становление нового независимого государства.

Вернувшись в Англию, Кэтрин Маколей столкнулась с революционными событиями во Франции и знаменитой консервативной реакцией на них Эдмунда Берка. Это побудило ее в 1790 году написать ответ, пропитанный радикальным республиканским духом – «Замечания на «Размышления почтенного Э. Берка о революции во Франции» в письме почтенному барону Стенхоупу». В это же год вышла еще одна ее знаменитая работа «Письма об образовании» [4], в которой одной из первых озвучивалась мысль о том, что женщины слабы не в силу природных причин, а в силу отсутствия у них должного образования, что дало толчок для зарождения феминистской мысли.

Но и такой необычной жизни суждено было закончиться – Кэтрин Маколей умерла 22 июня 1791 года. Чтобы почтить ее память Мэри Уолстонкрафт, вдохновленная размышлениями К. Маколей, выпустила выдающуюся феминистскую работу «В защиту прав женщины» [11], где повторила мысль, изложенную двумя годами ранее самой Кэтрин в «Письмах об образовании» [2, р. 234–235]. М. Уолстонкрафт лишь одна из многих, кто был ею очарован и восхищался ей: ее прорывными идеями, ее характером, ее блестящим умом и благоразумием. Но очень многие современники относились к К. Маколей враждебно из-за её радикальных взглядов, её идейной принадлежности к вигской партии, её неоднозначного брака и факта, что она историк-женщина [2, р. 240–242]. Ведь в условиях бытовавшей тогда мизогинии даже среди представителей прорывных политических движений того времени, борющихся за равенство прав и независимость, фигура Кэтрин Маколей была поистине уникальной. В то время мало женщин вообще владело письмом, не говоря уже о написании восьмитомного труда по истории Англии – на такое отважится далеко не каждый мужчина и сейчас [2, р. 247–249]. Тогда женщина, пытавшаяся вести публичную деятельность наравне с мужчинами, получить от них независимость или устраивать свою личную жизнь, опираясь только на свое видение, а не на бытовавшие в то время общественные представления об этом, сильно попиралась в обществе. И особенно, если она играла заметную роль в политике, как К. Маколей в 1760–1770-х гг. Однако стоит сделать важную ремарку о том, что ее достижения не стоит рассматривать только с точки зрения на неё как на «первопроходца среди её пола» – сама она серьезно повлияла на восприятие радикализма восемнадцатого века, анализируя век семнадцатый, и это является ее заслугой вне зависимости от её половой принадлежности.

Список литературы

1. Hays, M. Female Biography; or, memoirs of illustrious and celebrated women of all ages and countries : in 6 vol. – Vol. 5. – London : Thomas Davison, 1803. – P. 287–307.
2. Hill, B. The republican virago: The life and times of Catharine Macaulay, historian / B. Hill. – New York : Oxford University Press, 1992. – 267 p.
3. Macaulay, C. Loose Remarks on Certain Positions to be found in Mr. Hobbes's 'Philosophical Rudiments of Government and Society', with a Short Sketch of a Democratical Form of Government, In a Letter to Signor Paoli. – London : T. Davies... Robinson and Roberts... and T. Cadell, 1767. – 39 p.
4. Macaulay, C. Letters on Education: With Observations on Religious and Metaphysical Subjects / C. Macaulay. – Dublin : H. Chamberlaine and Rice. – 315 p.
5. Macaulay, C. Observations on a pamphlet, entitled, Thoughts on the cause of the present discontents / C. Macaulay. – London : Edward and Charles Dilly, 1770. – 31 p.
6. Macaulay, C. The History of England, from the Accession of James I. to that of the Brunswick Line. – London : Edward and Charles Dilly, 1763. – Vol. 1. – 420 p.
7. Macaulay, C. The History of England, from the Accession of James I to the Revolution. – London : A. Hamilton, Jun., 1783. – Vol. 8. – 339 p.

8. Macaulay, C. The History of England, from the Revolution to the Present Time / C. Macaulay // Series of Letters to the Reverend Doctor Wilson. – Bath : R. Cruttwell, 1778. – Vol. 1. – 454 p.

9. Macaulay, C. A Treatise on the Immutability of Moral Truth. By Catharine Macaulay Graham / C. Macaulay. – London: A. Hamilton, Jun., 1783. – 325 p.

10. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Catharine Macaulay [Electronic resource]. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/catharine-macaulay>. – Date of access: 28.02.2024.

11. Wollstonecraft, M. Vindication of the Rights of Woman / M. Wollstonecraft. – Philadelphia : Mathew Carey, 1794. – 335 p.

T. Bogush

(Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, bogush_ta@grsu.by)

Xu Hailiang

(Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno)

SOCIAL MANAGEMENT OF HR IN EDUCATIONAL BRANCH AND ROOTS OF OPTIMIZATION

In the process of modernization of the governance system of colleges and universities, in China the reform of the personnel system of colleges and universities should be regarded as the best entry point to optimize the structure of HR(human resources), and strive to improve the efficiency of human resources management in colleges and universities through the adjustment of the structure of HR (human resources). To this end, we need to start from the following aspects:

Firstly, to solve the problem of the proportion of teachers in all employees. Although some colleges and universities have a large number of personnel, the proportion of teachers in the total number of posts is not high, or even low. This problem of insufficient teachers directly leads to the core work of colleges and universities – teaching work is difficult to carry out smoothly. Therefore, it is necessary to solve the problem of insufficient teachers, adjust the corresponding post setting regulations, and increase the proportion of teachers' posts. It is also possible to introduce or internally adjust personnel from outside to increase the proportion of teachers to a reasonable level and promote the smooth development of teaching work [1, p. 60–61].

Secondly, we must pay attention to the internal structure of the teaching staff, such as age, education background, professional title and major. There are a lot of problems within the teaching team of some colleges and universities. The age structure of the teaching team is unreasonable – the talent team is young and old; the academic composition is unreasonable – the doctoral degree is too few; the professional title structure is unreasonable – the senior professional title is too few; the professional composition is unreasonable – The teachers who teach professional courses may not graduate from the major, or the number of professional teachers required for discipline construction is insufficient [2,

p. 13]. These series of problems are the reasons for the imbalance of the internal structure of the teaching staff. The personnel management department should formulate a reasonable talent introduction plan, advanced training plan, etc. to adjust the structure of teachers' age, major, and educational background, and set a reasonable title distribution ratio to adjust the title structure.

Thirdly, we should also pay attention to the introduction of high-level talents outside the school, including high-level talents at home and abroad, so that famous experts in the field of teaching and scientific research can serve the development of the school and achieve a win-win situation for both parties. In a word, through various approaches, optimize the structure of the teaching staff, explore their potential in a scientific and reasonable depth, and reasonably borrow the strength of external high-level talents, so as to realize the double improvement of the work efficiency and human resource management efficiency of colleges and universities [3, p. 23–28].

HR (Human resource) managers in colleges and universities are the main force to promote the work of human resource management in colleges and universities. Without them, it is impossible to carry out human resource management work in colleges and universities normally, and it is impossible to talk about the improvement of governance efficiency. are extremely important, so they are the «key» to improve the effectiveness of human resource management. Precisely because they are the «key», it is necessary to achieve «strengthening the iron itself». First of all, to strengthen the integration of management and service awareness, we should not just pretend to be a «manager», but also have a «waiter» awareness [4, p. 389]. It is necessary to consider the overall situation from the perspective of the school as a whole, but also to be able to look at problems from the perspective of the faculty and take care of the individual. Only in this way can the overall situation be stable and the details warm, so as to realize the combination of the scientific management of the overall situation and the rationality of the detail service, and promote the overall development of the school. Secondly, to have both professional knowledge and comprehensive literacy. To do human resource management work, you must have solid management knowledge as a foundation, but this knowledge alone is not enough. Since most of the management and service objects are teachers, and teachers often have different professional knowledge, unique ways of thinking, behaviour habits, etc., in order to do a good job in management and service work, it is necessary to learn as much as possible to understand the professional knowledge of teachers in various departments, so as to be more targeted and improve work efficiency when managing services. Once again, we must be in accordance with the law, be virtuous, and be affectionate. HR (Human resource) management work in colleges and universities involves a large number of management and service objects, and needs to deal with various things. Therefore, it is necessary to properly handle

the relationship between laws and regulations, moral customs, and worldly customs in the work. We must abide by the bottom line of laws and regulations and the rules and regulations of the unit and do not relax; we must focus on dedication and style under the premise of legality, and consider things from a collective and long-term perspective; we must fully consider the premise that legal ethics is in line with the collective interests. The demands of individual workers promote the synergy of collective interests and individual interests.

The purpose of establishing a new mechanism for HR (human resources) development and management in colleges and universities is to adapt to the trend of world education development under the conditions of market economy and knowledge economy, establish a «people-oriented» concept of HR (human resources) development, and formulate reasonable and effective human resources development and management rules. Realize the scientific, standardized and democratized development and management of human resources in colleges and universities. In order to realize the new mechanism, the current colleges and universities should take the following reform measures. Establish the concept of HR (human resource) development and management of «teacher-oriented, talents first». Its core is to give full play to the principal role of teachers in running schools and schools, and to speed up the transition from traditional personnel management to HR (human resource) management in colleges and universities. One is to transform the functions of school management and service departments. Improve school organs and logistics management service mechanisms, and establish a teacher-centered modern teacher management model. The job orientation and tasks of school organs, functional departments, all management personnel, and logistics service personnel are to serve teachers and students, and to serve teachers' teaching and scientific research work. Therefore, in thinking about problems, planning work, etc. Service is the most important, first. When inspecting and measuring the level of agency management and logistics services, it should also be based on service quality, work efficiency, and the satisfaction of teachers and students. The second is to change the way of thinking and working methods of management. The direction of modern human resource management is to transform the traditional empirical and administrative management into a scientific, standardized and standardized management. Comprehensive training should be implemented as soon as possible for the existing human resource managers, so that they can change their concepts, improve their quality and enhance their management capabilities [5, p. 73]. At the same time, absorb high-level professional human resources management talents to ensure the comprehensive promotion of human resources development and management in colleges and universities. Combine training, attraction, retention, management and other links to do a good job of planning for human resource development and management. The introduction of outstanding talents should be placed first

in the development of HR (human resource) in colleges and universities. From the perspective of human resources, especially from the development of excellent talents, there are generally three aspects: training, attracting and maintaining. Discipline construction is in the leading position in the development of colleges and universities, so the development and management planning of human resources in colleges and universities must be carried out around the discipline construction. The key is to cultivate, stabilize and attract high-level talents, especially academic leaders. The role of one or several discipline leaders can drive the development of several or even a group of disciplines, thereby driving the improvement of the quality of the entire school's teaching staff and forming a virtuous circle of talent construction. Clarify the objectives and content of human resource development and management planning. Discipline construction has the characteristics of inheritance, which determines the development of human resources in colleges and universities, especially the development of high-level talents. Therefore, in the development and management of HR (human resources) in colleges and universities, we should not only focus on training, stabilizing and attracting high-level subject leaders in the short term, but also focus on the long-term, and take the training of master-level and banner-oriented subjects as human resources. The goal of development and management is to make master-level and banner-type disciplines drive people's thoughts, viewpoints, style of study, and academic methods to be passed down from generation to generation, so that the advantages of discipline groups continue to continue. Optimize the external social environment for the operation of the new mechanism. From the general principles of economics, the environment is very important to economic development. Environmental optimization can reduce the cost of economic operation and enable the economic system to operate in a healthy manner. For the realization of the new mechanism of human resources development and management in colleges and universities, it is very important to optimize the external environment, which can promote the establishment of the new mechanism and improve the efficiency of the new mechanism. Optimize the policy environment for the operation of the new mechanism. On the one hand, it is necessary to implement the policy of intellectuals, to care about the progress and growth of teachers ideologically, to let it go in work, and to take care of it in life. On the other hand, it is necessary to ensure the openness and stability of human resource development and management policies in colleges and universities. The human resources development and management policies of colleges and universities should generally be made public, so that people can understand the policies and apply them. At the same time, the coordination and continuity of policies should be maintained to prevent contradictions and conflicts between different policies. Optimize the academic research environment for the operation of the new mechanism. Universities are places of study, and insisting that letting a hundred

flowers bloom and a hundred schools of thought contend is the correct policy for developing science and prospering culture. How to create and maintain this kind of good academic research environment is an important aspect to promote talents and achievements, and also an important link to ensure the realization of the new mechanism. To this end, it is necessary to create a good academic atmosphere that is conducive to outstanding talents to stand out, to form a situation where hundreds of thousands of people compete for success and talents come out in large numbers, and to provide more development space and opportunities for teaching and scientific research personnel to start their own businesses. For teachers, a successful career is a reflection of their value, so providing entrepreneurial opportunities, retaining people in their careers, and attracting talents is the most important thing, and efforts should be made to build the school into a paradise for entrepreneurs. It is necessary to further increase five investments: first, policy investment, formulate a set of practical policies and measures based on the actual situation of the school; second, capital investment, establish talent and team building funds, and encourage talents to make achievements in teaching and scientific research; third It is the investment in equipment, trying to improve the facilities and conditions for the development of disciplines and scientific research; the fourth is the investment in the environment, strengthening the comprehensive management of the school, beautifying and purifying the campus; the fifth is the investment in emotion, creating a positive, harmonious and harmonious interpersonal relationship with literati relationship, so that the majority of teachers can work in a comfortable environment. On the basis of analyzing related issues, it is necessary to optimize the allocation of HR (human resources), rationally build a human resources management and recruitment system, strengthen the training of talents and investment in funds, and improve the assessment and incentive mechanism. Through a series of practical and effective measures, the role of human resources can be brought into full play, so that the teaching team of colleges and universities will continue to grow, and the management ability will continue to improve.

List of references

1. Wu Dingling, Hu Rendong. The institutional design of administrative power in the internal governance of university organizations // Jiangsu Higher Education. – 2018. – № 9. – P. 60–61.
2. Tian Xinmin. Flexible Human Resource Management: A New Perspective of Strategic Human Resource Management Research. – Shanghai : Shanghai Jiaotong University Press, 2007. – 13 p.
3. Wu Yongjiang. The connotation, appeal and cultivation of university governance community under the background of double first-class construction. – Modern Education Management, 2019. – № 6. – P. 23–28.
4. Zhao Ruimei, Li Xinjian. Human resource management flexibility Mainstream Views and Practical Significance of Research // Science and Technology Management Research. – 2008. – № 12. – P. 389.
5. Wu Yeqin. Innovation Strategy of Human Resource Development in Colleges and Universities // Higher Education Exploration. – 2006. – № 2. – P. 73–75.

С. И. Бойко

(Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
bsi1952@yandex.ru)

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ФАКТОР СУВЕРЕНИТЕТА

Теория легитимности (от лат. *legitimare* – объявлять законным) в сжатом, но корректном и обоснованном формате изложена классиком социологии и политологии М. Вебером в научном труде «Политика как призвание и профессия» [1, с. 255–261]. В современных монографиях и учебниках идеальные типы легитимации (объявления законной) власти продолжают излагать, ссылаясь на типологию М. Вебера: 1) традиционная власть – власть, опирающаяся на традицию, иногда называют патриархальной; 2) харизматическая власть – опирающаяся на харизму, личные качества лидера; 3) рационально-правовая власть – опирающаяся на закон и рациональный выбор граждан [2, с. 81–86].

Легитимность власти является отражением позиции и мнения граждан по поводу действий и решений государственной власти. Легитимность – это фактор социально-политической устойчивости и независимости органов государства, тот параметр, с которым власти, вне зависимости от политического режима и формы правления обязаны считаться. Степень влияния граждан на функционирование институтов государственного управления может быть разная по силе воздействия, но существует во все времена. Решающим параметром легитимности является справедливость, мнение большинства граждан о справедливости политических, социальных и правоприменительных действиях власти.

В полном соответствии с теорией легитимности президент Беларуси, высший руководитель белорусского государства сделал авторитетное и обоснованное заявление о глубинных истоках народовластия, демократии и традициях справедливого взаимодействия граждан и государства: «Белорусская государственность изначально формировалась на основе традиций народовластия. <...> В то время как Запад был погружен в “темные века” (так историки пишут), наши предки – жители Полоцкого, Туровского княжеств – выстраивали основы правового и политического взаимодействия власти и народа» [3, с. 9]. Легитимность власти детерминирует суверенитет государства, определяет способность самостоятельно действовать на своей территории во имя обеспечения национальной безопасности и комфортной жизни граждан при условии взаимодействия институтов государства с институтами гражданского общества.

Обеспечение суверенитета – одна из основных функций государства. Суверенитет означает, что институты государства обладают высшей властью на всей территории государства, имеют исключительное право самостоятельно издавать и устанавливать обязательные для всех и верховен-

ствующие над иными актами нормы, законы, правила поведения. Различают верховенство государственной власти внутри страны и независимость на международной арене [4, с. 96–97]. Кроме того, наряду с государственным суверенитетом существует суверенитет народа [4, с. 138–152]. В статье 3 Конституции Российской Федерации изложен императив: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [5]. Аналогичен в части субъекта суверенитета и текст Республики Беларусь: «Статья 3. Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ» [6].

Граждане реализуют свою суверенную власть на выборах, референдумах, в процессе конституционно легальных и легитимных выступлений. В принципе государственное управление, и выборные органы власти, и аппараты государственной службы подчинены и подотчетны гражданам. Именно это и называется народным суверенитетом. Вместе с тем российский правовед и политолог В. В. Иванов указывает: «Но одновременно нация в целом и каждый конкретный гражданин ограничены обязанностью подчиняться государственной власти, то есть правовым нормам, установленным государственным аппаратом, приказам последнего; обязанностью, подкрепленной соответствующими санкциями и ресурсами для их применения» [7, с. 19].

Это означает диалектическое взаимодействие и взаимозависимость государства и граждан, важность фактора легитимности в современных социально-демократических условиях, Означает полновластие народа, его верховенство в решении основополагающих вопросов организации и управления жизни в государстве, в определении социального и государственного устройства, политического режима, естественную многовекторность развития внутренней и внешней политики, финансово-экономических правил и норм хозяйствования, в реализации всеобъемлющего контроля за функционированием государственных органов власти. Согласно политической теории государственные структуры управления обязаны принимать во внимание интересы граждан, всего народа, государство служит народу. Однако в политической действительности государственная власть и интересы политической власти, государственный суверенитет могут не во всем коррелировать с интересами граждан и всего народа, с народным суверенитетом.

Необходимым элементом легитимности как фактора суверенитета в современных условиях глубокого включения государств в интеграционные региональные, международные и глобальные конкурентные взаимоотношения является наличие политической воли у власть предержащих и лидеров общественного мнения. В августе 2020 г. президент Беларуси А. Г. Лукашенко после выборов наглядно продемонстрировал политическую волю к защите и безопасности национального суверенитета, когда

были предприняты настойчивые, с внешнеполитическим участием, попытки поставить под сомнение фактор легитимности государственной и президентской власти в общественном мнении не только граждан Беларуси, но и граждан России, других государств. Известный и авторитетный белорусский политолог, проф. В. Н. Ватъль в одной из своих научных статей прозорливо указал на особенность внешнеполитического влияния на суверенитет: «Исследователи внешней политики не могут игнорировать фактор вовлеченности стран в интеграционные системы. <...> С учетом их возрастающей роли в мировой политике и экономике возможна трансформация подхода к вопросу «акторности» и к дискуссионной проблеме «эрозии» суверенитета государств. Эволюция суверенитета может рассматриваться не в традиционном смысле его «ослабления», обусловленного перераспределением ресурсов власти от правительств к новым игрокам мировой политики, <...> а с точки зрения «поднятия» суверенитета и его диссоциации в наднациональных экономических структурах» [8, с. 90–91].

Политическая легитимность является социальным стабилизатором национального суверенитета, независимого поведения органов государственного управления во внешней и, что особенно важно, во внутренней политике.

Список литературы

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Власть и политика / М. Вебер ; пер. с нем. Б. М. Скуратова ; вступ. ст. А. Ф. Филиппова. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – С. 252–327.
2. Политология : учеб. / С. В. Решетников [и др.] ; под ред. С. В. Решетникова – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2010.
3. Главные условия сохранения суверенитета и независимости. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко при обращении к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – № 62. – 1 апр.
4. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИКД «Зерцало – М», 2001. – Т. 1. – 528 с.
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=lr6514pizc371012664>. – Дата доступа: 18.02.2024.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа: 24.02.2024.
7. Иванов, В. В. Теория государства / В. В. Иванов ; Ин-т политики и гос. права. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Территория будущего, 2010.
8. Ватъль, В. Н. Глобальные вызовы и интеграционные процессы: парадоксы политических реалий и проблемы переосмысления / В. Н. Ватъль // Современные глобальные вызовы и Беларусь: институты, идеологии и стратегии социально-политического взаимодействия. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 5–6 мая 2016 г.). В 2 ч. Ч. 1 // Ин-т филос. Нац. акад. наук Беларуси ; Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватъль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 89–93.

В. А. Болдин

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, boldin.v.a@gmail.com)

**«ДНЕВНИК ОФИЦЕРА ВЕЛИКОЙ АРМИИ В 1812 ГОДУ»
ЦЕЗАРЯ ЛОЖЬЕ ДЕ БЕЛЛЕНКУРА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА О РОССИИ И РУССКИХ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.²**

Середина XVIII – первая половина XIX в. в истории русско-французских отношений характеризовалась активизацией взаимных контактов, что породило амбивалентные тенденции во взаимном восприятии двух народов. Апофеозом русско-французских отношений этого периода стала Отечественная война 1812 г. Во французской и российской историографии часто можно встретить такие эпитеты как «Скифская война», «Нашествие двенадцати языков» и т. д., что говорит о том сильном эмоциональном и цивилизационном потрясении, которое принесло с собой вторжение французских войск обеим сторонам конфликта [2; 6; 7; 8].

В данной статье сосредоточимся на одной интересном источнике, позволяющим показать дискурсы о России и русских в среде французских солдат, участвовавших в походе 1812 г. Это «Дневник офицера Великой армии в 1812 году» Цезаря Ложье де Белленкура, представляющий собой воспоминания-мемуары и содержащий много интересных описаний как России, так и ее жителей [3]. Ложье являлся офицером итальянского гвардейского полка, находившегося под командованием принца Евгения Богарне. Как пишет автор вступительной статьи к публикации «Дневника» А. М. Васютинский, текст французского офицера привлекает, прежде всего, своей искренностью, простотой, отсутствием ложного пафоса и бравурных геройских фраз [1, с. 3].

Необходимо сразу отметить тот факт, что поход французский войск в Россию послужил основой ни много, ни мало создания нового французского эпоса. Не только масштабы подготовки к нему поражали воображение современников, но и то, что противником должна была стать страна, представления о которой у французов носили мифологизированный характер [5, с. 23]. Среди французских войск было распространено мнение, что целью их похода является далекая «Азия», «Китай», «Персия», «Индия». Подобные сравнения придавали грядущему походу ореол героизма, напоминая о великих военных походах Александра Македонского или Троянской войне [3, с. 8].

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 523–28–00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182> (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова).

В связи с этим тексты французов, участников войны, часто полны аллюзиями на античные произведения литературы. Вот лишь один любопытный пример, о котором пишет отечественный историк Н. В. Промыслов: «Названия географических объектов, которые использовали мемуаристы, также свидетельствовали о ментальной связи этого похода с величайшими деяниями древней истории. Так, Днепр участники похода очень часто называли в воспоминаниях Борисфеном, помещая таким образом всё происходящее на его берегах в контекст античной истории. Такое название можно найти у Кастеллана, Бургоня, Раппа и многих других. Использование древнего названия реки было вызвано отчасти и тем, что оно было более известно читателям XIX века, чем современное: античная история и литература были обязательными составляющими образования во Франции» [5, с. 23]. Подобный литературный ход мог объясняться тем «освободительным» пафосом, которые французы вкладывали в этот поход в далекую страну, где «до сих пор царит рабство».

Античные аллюзии использовались французскими мемуаристами и при описании пожара Москвы – одного из ключевых эпизодов войны. В своих воспоминаниях они сравнивали московский пожар с гибелью Трои и Карфагена, что по мысли авторов, с одной стороны, придавало величия событию, а с другой – характеризовало «варварство» русских, осуществивших поджог своей столицы [10, р. 114].

Тем не менее, Москва произвела на французов колоссальное впечатление. Так, например, с мессианским пафосом, сравнивая себя с крестоносцами на пути к Иерусалиму, вспоминает Ложье свое первое знакомство с русской столицей: «Я не смогу, конечно, лучше и красивее выразить наше впечатление при виде этого города, как напомнив стихи Тассо, когда он в третьей песне изображает армию Готфрида Бульонского, увидевшего впервые башни Иерусалима: “У каждого как бы крылья выросли на сердце и на ногах; как легко стало идти. Солнце лило свои горячие лучи на бесплодные поля, оно дошло до зенита, когда Иерусалим предстал перед нами! Да, это Иерусалим, мы видим его, мы осязаем его, тысячи голосов, как один, звучат в воздухе, приветствуя Иерусалим!”» [4, с. 241].

После прочтения описания Москвы у Ложье в сознании французского обывателя невольно должны были возникнуть образы древних городов Месопотамии, что усиливало контраст с его повседневной реальностью. Москва – город загадочный, непонятный, иногда пугающий, причудливый, «азиатский». Даже его архитектура враждебна и заманчива одновременно, а богатства Москвы преувеличены, словно из легенд о древних садах Вавилона. Ложье пишет: «Мы не устаём смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами, <...> дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии» [4, с. 241].

Еще одним моментом, на котором хотелось бы остановить внимание, являются рассказы о русских солдатах, и особенно о загадочных «казаках» («le Cosaque»). В их описании сочетались все стереотипы о русских. Казаки одновременно и храбры, и жестоки, и отважны, и яростны, первобытная дикость сочеталась в них с военной выучкой и дисциплиной. Казаками восхищались и боялись их одновременно. Ходили рассказы и том, что казаки чуть ли не взяли в плен императора. В связи с этим любое удачное нападение русских войск расценивалось как атака тех самых легендарных казаков. Хотя позднее европейском сознании образ казака сильно эволюционировал. Вот что пишет по этому поводу Алан Форрест, профессор Йоркского университета: «После 1815 г., когда Франция находилась под оккупацией союзных войск со всей Европы, от испанцев и австрийцев до шведов и баварцев, парижан больше всего впечатлили “казаки на Елисейских полях”. К тому моменту образ казака соединял в себе все народы Восточной Европы. “Эти дикари, эти гунны, которых мы вначале считали чудовищными каннибалами, – цитирует Форрест впечатления современника, – понемножку стали всего лишь удивительными иностранцами”» [9, с. 236].

Завершая рассмотрение «Дневника» Ложье можно констатировать, что Наполеоновские войны сильно повлияли на отношения французов к русским и России. Многие простые французы впервые столкнулись с далекой северной страной, а их впечатления по-прежнему формировались через призму мифов и стереотипов, усвоенных ими через книги и рассказы путешественников, дипломатов, наемных солдат.

Список литературы

1. Васютинский, А. М. Предисловие / А. М. Васютинский // Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. – М., 2005. – С. 3–4.
2. Загряжская, Т. Ю. Русско-французские культурные связи / Т. Ю. Загряжская // Франция и Россия: культурные контакты. – М., 2008. – С. 5–47.
3. Ложье, Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году / Ц. Ложье. – М., 2005.
4. Наполеон в России глазами иностранцев. – Кн. 1. – М., 2004.
5. Промыслов, Н. Поход в Россию в 1812 году как новый французский эпос / Н. Промыслов // Родина. – 2012. – № 6. – С. 23–24.
6. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. – М., 2014.
7. Сорокопудова, О. Е. Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке / О. Е. Сорокопудова, А. А. Шириняц // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2014. – № 2.
8. Сорокопудова, О. Е. Русский вопрос: французская русофобия в XIX веке. Статья вторая / О. Е. Сорокопудова, А. А. Шириняц // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2022. – № 4.
9. Форрест, А. Московская кампания 1812 года и создание наполеоновской легенды / А. Форрест // Французский ежегодник – 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. – М., 2013. – С. 224–246.
10. Letters interceptées par les Russe Durant la campagne de 1812 / publ. Par S. E. M. Goriai-now. – Paris, 1913.

Ю. П. Бондарь

(Республиканский институт высшей школы, yur-bondar@yandex.ru)

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА – РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Наша динамичная и технологичная эпоха актуализирует цели и смысл общественного развития, влияние культуры на современную цивилизацию, творческие способности и ценностные ориентации человека. Пессимисты отрицают поступательно-восходящую динамику, прогнозируя упадок культуры. Оптимисты акцентируют внимание на уникальности прогресса, его закономерных стадиях и инновационных результатах, духовно-нравственных критериях диалога и равноправного сотрудничества народов и государств.

Предмет дискуссий аналитиков не исчерпан. Плюралистический спектр несовпадающих концептуальных интерпретаций прогресса и его «вечного двигателя» – культуры становится все более многоцветным. Главная причина – негативный социально-антропологический опыт, совокупность факторов, событий и процессов, не вписывающихся в цивилизаторскую миссию культуры: социально-экономические кризисы, локальные конфликты, экологические проблемы, эгоистически-потребительская направленность устремлений людей, рост аморализма.

Обозначившаяся в постиндустриальную эпоху девальвация духовных ценностей и приоритетов, представляющих собой имманентное ядро цивилизации и «нервно-сосудистую систему» политики, – реальная угроза человечеству. Ее источник – нездоровая социально-культурная среда, размывающая фундамент стабильной и благополучной государственности, национальной и международной безопасности. Индикаторы аномалий разнообразны по характеру и последствиям: преступность, снижение качества образования, ослабление института семьи, негативные явления в экономической, политической, информационной сферах.

Обращение политологов и других специалистов-гуманитариев к насущным проблемам культуры как гаранта цивилизованности социума, критически-творческое осмысление ее тенденций и перспектив в условиях модернизации и глобальных вызовов, бесспорно, перспективное направление научного поиска [1; 2].

Сердцевину национальной культуры составляет уважение гражданинами культурного наследия страны, приобщение к гуманистическим ценностям. Стратегическая цель государственной политики и задача повседневной практики – удовлетворение духовных запросов личности и общества, создание благоприятной для человека социально-культурной среды, побуждение его к созиданию цивилизованного жизнеустройства. Как отметил Президент А. Г. Лукашенко на Пятом Всебелорусском народном со-

брании, отличительные черты культуры белорусского народа – взаиморезуважение, неприятие любых форм межнациональной враждебности. Беларусь сегодня – цитадель традиционной культуры и морали.

Культура, усваиваемая гражданами Беларуси в форме социального опыта, знаний, технологий и духовно-нравственных ценностей, отражает, объясняет и преобразует реальность, позитивно мотивирует поведение человека, гармонизирует личные, общественные и государственные интересы. Ее достижения формируют потребности личности в утверждении справедливости, нравственных отношений между людьми.

Государственная культурная политика в Беларуси представляет собой комплекс мер по сохранению, развитию, обогащению национального материального и духовного наследия, организационному, правовому, финансовому, кадровому, информационно-аналитическому обеспечению устойчивого социально-экономического развития. Фундаментальную основу политической стратегии, духовной жизни и управленческой деятельности составляют национальные интересы, цели и ценности модернизации [3].

Характерная особенность политической науки Беларуси – непрерывное обогащение предметного поля познания культуры, ее потенциала и стимулирующего влияния на общественные преобразования. Фокусируются творческие интересы на недостаточно изученных проблемах: динамика и проблемы духовно-нравственного прогресса; ценностные ориентации граждан; культурный имидж государства; перспективы западных либеральных ценностей; духовно-нравственные императивы политических отношений; культура власти и политических институтов; советские традиции в символическом пространстве политики; диагностика культурной среды. Лейтмотив публикаций, диссертаций и дискуссий ученых заключается в том, что корни политики и идеологии евразийских государств в их самобытности, культурной идентичности, последовательной реализации стратегии социально-экономического развития.

Цель государственной культурной политики – создание духовных предпосылок для прогрессивных преобразований в стране, гармонизации общественных отношений, формирования человека постиндустриальной эпохи – физически здорового, нравственного, образованного, социально активного, с рациональными запросами к потреблению материальных благ и услуг, развитым чувством патриотизма и национальной гордости. Без опоры на достижения отечественной культуры невозможно построить конкурентоспособную экономику, генерировать инновации, оздоровить культурное пространство, повысить качество жизни. В этом контексте реализация государством культурно-воспитательной функции имеет непреходящее значение для гармонизации общественных отношений, приобщения граждан к духовным ценностям, творческому и производительному труду.

Можно выделить основные идеологические критерии культурной деятельности в условиях модернизации общества и глобальных вызовов, это:

удовлетворение духовных потребностей граждан, формирование объективного отношения к действительности; гуманистическое, инновационное содержание культурно-воспитательных мероприятий; дифференцированный подход к социальным группам; обогащение интеллектуально-творческих ресурсов национальной культуры; недопустимость формализма, заорганизованности, тотальной коммерциализации, увлеченности количественными показателями в ущерб качественным [1].

В процессе модернизации формируется качественно отличная от прошлого социально-культурная среда – источник и средство единения граждан, взаимовлияния и равноправного сотрудничества, позитивных перемен в ценностных ориентациях, личностно-профессиональных качествах. Эта реальность обуславливает потребность в непрерывной корректировке и творческом развитии модели государственной политики и управленческой деятельности. В модели белорусской модернизации проявляется гибкое реагирование государства на духовные запросы граждан, жизни, вызовы, угрозы и риски глобализации. Акцентируется внимание на общественно-политической стабильности, состоянии культурно-гуманитарной сферы, предупреждении и преодолении негативных тенденций и явлений [4; 5].

Подводя итог, можно сделать вывод об отражении в ценностно-мотивационной архитектонике белорусской модели развития основополагающих принципов государственной культурной политики, это: преемственность народных традиций; сохранение, обогащение и популяризация культурно-исторического наследия; доступность для граждан духовных ценностей, равноправное участие в культурной жизни; открытость и взаимодействие белорусов с другими народами и культурами; свобода творчества; конституционное закрепление двуязычия, консолидирующего социум; правовые гарантии культурной деятельности; социальная поддержка талантливых личностей и высоких творческих результатов; общедоступность достижений национальной культуры.

Список литературы

1. Бондарь, Ю. П. Политическая наука постсоветского общества: становление и тенденции развития (на примере Беларуси и России) / Ю. П. Бондарь ; М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2017. – 305 с.
2. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 451 с.
3. Крывашэй, Д. А. Дзяржаўная культурная палітыка ў Беларусі (1991–2010 гг.) / Д. А. Крывашэй. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 245 с.
4. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы : Постановление Совета министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2021 г., № 773 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 01.01.2022, 5/49805.
5. О Концепции развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества на 2024–2026 гг. : Постановление Совета министров Респ. Беларусь, 28 дек. 2023 г., № 961 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 05.01.2024, 5/52624.

И. Л. Борковская

(ГУО «Гимназия № 6 имени Ф. Э. Дзержинского г. Гродно», г. Гродно,
kazarez1989@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – КОНСТАНТА СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Современные международные отношения характеризуются нарастающим противоречий между основными субъектами мировой политики. Продолжают формироваться коалиции держав, противостоящие друг другу по важнейшим вопросам миропорядка и фундаментальным ценностям. Как следствие, ускоренными темпами разрушается архитектура международной безопасности.

По данным Стокгольмского института исследований проблем мира, в 2022 году на долю крупнейших стран (США, Китай, Россия) пришлось 56 % мирового объема военных расходов [2]. Радикализация политических режимов, развертывание прокси-войн приводит к эскалации недоверия и противостояния в системе международных отношений. Для продвижения своих интересов отдельные государства и коалиции используют инструменты экономического, политического, информационного давления.

В современных реалиях критически важным аспектом государственного суверенитета является политическая безопасность. Политическая энциклопедия дает следующее определение политической безопасности: устойчивое состояние и эффективное развитие политической системы общества, которое позволяет адекватно реагировать на негативные внутренние и внешние воздействия, сохранять целостность социума и его существенные качества [6].

Политическая безопасность является гарантом жизнедеятельности государства, общества, личности и позволяет сохранять и умножать материальные и духовные ценности. В силу этого политическая безопасность взаимосвязана с таким свойством политической системы как «политическая стабильность». Политическая стабильность определяется как комплекс интересов, связывающий различных политических субъектов, характеризующийся целостностью и способностью к эффективной реализации присущих ему функций. Под системой политической безопасности в целом должно подразумеваться создание таких условий функционирования политической системы, при которых предельно мала возможность политического кризиса и смены политической элиты. В основе политической безопасности лежат политические интересы и ценности, они направляют политическую активность субъектов политической безопасности, формируют их цели.

В основе формирования системы политической безопасности лежит разработка стратегии социально-экономического развития общества, которая основывается на постоянно изменяющихся критериях политической безопасности, так как наиболее устойчивой может быть только развивающаяся структура. При этом необходимо скоординировать развитие всех основных субъектов, одновременно обеспечив баланс интересов всех его участников. Именно реализация принципа обеспечения баланса интересов позволит создать условия для наибольшей устойчивости и достичь полноты реализации всех основных функций политической системы, которые должна обеспечивать стратегия обеспечения политической безопасности.

Можно выделить три уровня внутривнутриполитической стабильности. Первый – стабильность политического руководства (относительная продолжительность его существования, неизменность основного состава). Второй уровень – стабильность политического режима (сохранение существующей в настоящее время политической системы, эволюционный характер политических изменений, отсутствие политического кризиса). Третий – политическая стабильность общества, народа. Здесь имеется в виду сохранение территориальной целостности государства, обеспечение правопорядка и личной безопасности граждан, реализация их прав и свобод. Третий уровень политической стабильности представляет наибольшую сложность [1]. Именно он соответствует представлениям о стабильности как о сложной, многоуровневой динамической системе. Невозможно сохранение стабильности первого и второго уровней при нарастающей дестабилизации самой общности и ее упадке. Только на третьем уровне жизнедеятельности народа появляются необходимые условия для создания системы обеспечения внутривнутриполитической стабильности и национальной безопасности.

Проблема определения и оценки политической стабильности входит в число важных целей функционирования любой политической системы. На общемировом уровне состояние защищенности политической системы принято оценивать индексом политической стабильности.

В настоящее время существует немало индексов и других комплексных индикаторов, оценивающих государства с точки зрения проблем политической стабильности и устойчивости. Наиболее известны и часто используются из них:

1. Индекс стабильности политической системы (Political System Stability Index), разработанный Д. Генделем, Г. Вестом и Р. Мидоу. Индекс рассчитывается исходя из социально-экономических показателей, политических условий и существующих общественных конфликтов.

2. Индекс политической стабильности и отсутствия насилия (Political Stability and Absence of Violence) – один из шести показателей проекта Всемирного Банка по оценке качества государственного управления, разработанного Д. Кауфманном, А. Крааем и М. Мастрucci. Индекс выстроен на основе четырех направлений анализа (способность правящей элиты выполнять заявленные программы и сохранять свою власть, уровень политического насилия и его влияние на государственное управление, воздействие внешних факторов как риск для правящей элиты, межэтнолингвистическая напряженность) и применяется для определения вероятности политической дестабилизации или свержения правящего режима неконституционными средствами [5].

3. Индекс политической нестабильности (Political Instability Index), разработанный Аналитическим отделом журнала «The Economist» (The Economist Intelligence Unit). Индекс разработан с целью спрогнозировать вероятность политической дестабилизации на основе социальных, экономических и политических показателей [4].

4. Индекс хрупких государств (Fragile States Index), предложенный в рамках проекта Фонда Мира (The Fund for Peace) [3]. Индекс позволяет оценивать степень внутригосударственной напряженности и построен на основе анализа социальной, экономической и политической сфер.

Ряд приведенных индексов, а также абсолютное большинство не указанных здесь, имеют преимущественно коммерческий ориентир и используются для оценки целесообразности инвестиций потенциальных партнеров, поэтому говорить об их объективности сложно. Вместе с тем, именно экономический фундамент вступает одним из гарантов стабильности и устойчивости политической системы.

Политическая стабильность – это динамичное состояние внутри- и внешнеполитических отношений. Оно позволяет политической системе сохранять свои базовые характеристики: системность, динамика, отсутствие экстремального протекания процессов, активная роль субъекта, предсказуемость эволюции, управляемость и возможность активно реагировать на угрожающие факторы, подчиненность процесса детерминистским факторам.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

- политическая стабильность представляет собой комплексное явление и предопределяется широким кругом политических и социально – экономических факторов;
- политическая стабильность предполагает управляемость политических процессов, интегрированность общества и легитимность власти;
- стабильность и безопасность взаимно влияют и предопределяют друг друга через механизм государственного регулирования общественной жизни.

Список литературы

1. Гришин, О. Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации [Электронный ресурс] / О. Е. Гришин. – Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/14.html>. – Дата доступа: 24.02.2024.
2. Ежегодник SIPRI 2023. Вооружения, разоружение и международная безопасность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-12/yb23_summary_ru_0.pdf. – Дата доступа: 20.02.2024.
3. Информационный ресурс www.rate1.com.ua. Рейтинг политической нестабильности государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rate1.com.ua/politika/mezhdunarodnye-otnosheniya/1078>. – Дата доступа: 24.02.2024.
4. Официальный сайт Political Instability Task Force [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalpolicy.gmu.edu/pitf>. – Дата доступа: 25.02.2024.
5. Официальный сайт исследования Института Всемирного Банка «Показатели эффективности государственного управления в странах мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.govindicators.org>. – Дата доступа: 25.02.2024.
6. Политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://politike.ru>. – Дата доступа: 22.02.2024.

А. С. Бояшов

(Белорусский институт стратегических исследований, г. Минск,
boyashov@bisr.by)

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Международная практика показывает, что экзитполы выступают профессиональным инструментом противодействия дискредитации результатов выборов и референдумов. По экспертным оценкам, 85 процентов от числа всех стран мира практикуют организацию опросов на выходе из участков для голосования.

Отсутствие оперативной социологической информации в день выборов ведет к повышению уязвимости избирательной системы. Экзитполы позволяют своевременно информировать население о ходе голосования, снижать информационную нагрузку на организаторов выборов, а также создавать условия для дистанцирования избирательных комиссий от оценок до подведения итогов. Как следствие, использование опросов повышает доверие граждан к результатам выборов и референдумов.

Организация электоральных опросов в Беларуси учитывает следующие ключевые международные тенденции.

Сохранение практики ограничений на публикацию результатов.

В Республике Беларусь в течение пяти дней до выборов не допускается опубликование в СМИ и размещение в интернете результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами, прогнозом их результатов.

В 70 процентах от числа всех государств мира сохраняются ограничения на публикацию результатов опросов общественного мнения, в т. ч. в интернете и социальных сетях. За последние пять лет случаи изменения сроков носят эпизодический характер: в сторону уменьшения – в Бразилии, Сальвадоре, Тунисе, Замбии, в сторону увеличения – в Доминикане, Кыргызстане, Таиланде.

В регионе Европы среднее количество дней перед выборами, когда нельзя опубликовать результаты опросов, составляет около 4 дней. Для сравнения: самые большие ограничения – 15 дней – введены в Греции, Италии и Словакии. Длительные сроки – 30 дней – предусмотрены в Анголе, Гондурасе, Кыргызстане, Мозамбике.

Повышение требований к экзитполам.

В Республике Беларусь к организаторам экзитполов предъявляются высокие профессиональные требования. Для получения соответствующей аккредитации необходимо наличие опросной сети интервьюеров, апробированной методологии, профессиональной квалификации сотрудников, длительного опыта работы на местах. В число наиболее активных организаторов опросов и экзитполов входят аналитический центр «ЭкоМ», Центр социально-гуманитарных исследований БГЭУ, Институт социологии НАН Беларуси. Опросы на выходе из участка для голосования проводятся, как правило, на президентских выборах.

В мире наблюдается тенденция повышения требований к организациям по изучению общественного мнения в ходе выборов. Имея возможность соотнести выбор граждан с их демографическими и социальными показателями, а также географией участков, заказчики экзитполов получают важную информацию о распределении общественных предпочтений. Организации, ответственные за опросы на участках, должны получать дополнительную аккредитацию, а иностранное финансирование таких организаций все чаще попадает под законодательные запреты. При этом степень ответственности организаций остается высокой. Например, нарушение запрета на публикацию результатов экзитполов в Германии влечет штраф в размере до 50 тысяч евро.

Доступ к стратегической информации об электоральных настроениях обусловил практику ограничения числа организаций, участвующих в экзитполах. В 60 процентах от общего числа стран мира количество организаций по опросам на участках не превышает пяти. Работа нескольких организаций позволяет повышать объективность путем перекрестной проверки за счет разнообразия форм собственности (частный сектор, научная организация, образовательное учреждение). Это снижает вероятность использования экзитпола в качестве инструмента политической борьбы.

Диверсификация методов.

Международная практика свидетельствует о развитии комплексной методологии проведения опросов до выборов, в день голосования и после волеизъявления граждан. Причина в том, что все больше людей в мире, по разным оценкам от 50 % до 75 % участвующих в голосовании, предпочитают голосовать в рамках досрочного голосования лично, по почте либо электронным голосованием, а это снижает контролируемость выборки.

Наибольшую эффективность показывают методологии, включающие разнообразные методы опросов: уличные, телефонные, поквартирные, в т.ч. с использованием цифровых технологий. Вместе с тем, по экспертным оценкам, доверие к результатам уличных «бумажных» экзитполов выше, чем к онлайн-опросам. В 2022 году лишь 30 процентов европейских стран использовали цифровые технологии в качестве основы для проведения опросов. Все большее значение имеет соотнесение результатов экзитполов не с онлайн-опросами, а с результатами мониторинга медиапространства и обезличенного сетевого анализа социальных сетей.

Предотвращение вмешательства в выборы.

В мировой практике экзитполы используются для предотвращения дискредитации результатов выборов и референдумов. Официальные опросы выполняют профилактическую функцию в тот момент, когда организаторы выборов еще не вправе публиковать результаты. Распространение получила практика приглашения иностранных экспертов, что повышает авторитетность, позволяет совершенствовать методологию исследований.

Зарубежный опыт свидетельствует о распространении технологий по дискредитации избирательных систем. Если ранее были популярны информационные вбросы под прикрытием смс- и телефонных опросов, осуществляющихся с территории иностранных государств, то сегодня практикуются частные онлайн-опросы и псевдоголосование в интернете.

По экспертным оценкам, отсутствие оперативной социологической информации в день выборов ведет к повышению уязвимости избирательной системы. Вмешательство, как правило, осуществляется через т. н. «альтернативные» экзитполы, преследующие цель дискредитации результатов выборов. С точки зрения техники, используются «направленные вопросы»: вместо получения информации о демографических показателях интервьюер направляет мнение респондента в сторону негатива. Манипуляция видна лишь профессионалам: в таких псевдоисследованиях не контролируется выборка, невозможно соотнести респондентов с генеральной совокупностью и, как следствие, определить запросы граждан.

Сегодня экзитполы представляют собой распространенный инструмент получения социологической информации. Основное достоинство таких опросов заключается в возможности «дотянуться» до граждан, ко-

торы не просто намерены пойти на участок, но уже сделали это и проголосовали на выборах. Для социологических служб это возможность замерить расхождение между намерениями людей и их реальными действиями. Для СМИ это возможность оперативно получить информацию с целью информирования населения. Метод позволяет определить точный социальный портрет избирателя, что актуально и для субъектов политической борьбы: кандидатов в депутаты и политических партий. Эти достоинства «перевешивают» факт повышенной стоимости экзитполов в сравнении с другими видами опросов.

Несмотря на востребованность у экзитполов есть и ограничения. Опрос на выходе из участка для голосования базируется на гипотезе о том, что респондент склонен отвечать правдиво, так как уже сделал свой выбор. Сегодня это методологическое ограничение становится существенным. Зарубежный опыт показывает, что для людей по-прежнему важна тайна голосования, а люди все более склонны дистанцироваться от участия в опросах, причем не только через отказ от участия в опросе, но и через сообщение обобщенной информации. Распространение телефонного мошенничества негативно сказалось на доверии граждан, даже несмотря на анонимный характер уличных экзитполов. Все это делает востребованным изменение подхода и совершенствование комплексной методологии опросов в ходе избирательной кампании.

А. О. Буева

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
gantady1979@mail.ru)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК КОНСТАНТА УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сегодня мировое сообщество является свидетелем кардинальных глобальных трансформаций, при чем, практически во всех сферах жизнедеятельности (политика, экономика, этнополитика и культура, экология и т. д.). И скорость этих изменений, а также геополитический ареал увеличиваются в геометрической прогрессии. Если раньше отдельные исторические этапы измерялись веками и десятилетиями, то в нынешних условиях «карта» мирового порядка меняется, на наш взгляд, ежегодно, если не чаще.

В этих условиях все меньше времени остается на глубокое осмысление причин и последствий, обрамление проблемного поля дихотомии «национальное – международное», «национальное – общечеловеческое», а также на выработку компромиссных решений. Именно, компромиссных решений, которые бы учитывали интересы и права всех сторон / стран /

регионов / цивилизаций, и способствовали их устойчивому развитию.

В современном мире на передний план выступают такие аспекты как суверенитет, национальная идея, национальный интерес, историческая память, историческая политика и – самое главное – эти аспекты составляют суть взаимоотношения государства и гражданского общества. Отметим, что наша нация-государство – это гражданско-политическая общность, она имеет общую историю и культуру, у истоков которых стоит наша общая историческая память. Историческая память является составляющим компонентом национальной идеи, формирует национальные интересы – это важнейший элемент национальной идентичности. Она направлена на формирование исторической политики, является основой для создания национальной культуры и национального самосознания – национальной идентичности и суверенитета.

Суверенитет – ключевой атрибут государства. Его утрата фактически означает неспособность национальных институтов осуществлять внутреннюю и внешнюю политику без вмешательства извне.

Суверенитет нашей страны выстрадан и завоеван ценой жизни миллионов людей. Мужество и патриотизм – эти черты характера и сегодня присущи белорусскому народу. Беларусь продолжает держать удар во всех сферах жизни: политической, дипломатической, информационной, общественной, на уровне военных угроз, в сфере исторической политики, но никому не дано право растворить ее как нацию в этом глобальном мире.

Ключевым фактором сохранения и укрепления суверенитета и независимости страны стало единство народа. В переломный момент истории Беларусь устояла в своем единстве и 2021 год был объявлен Президентом Республики Беларусь Годом народного единства.

Современная молодежь, являясь важнейшей частью гражданского общества, непосредственно должна принимать активное участие в трансформационных процессах, сохраняя прошлое и приумножая вклад в настоящее и будущее своей страны. В контексте военно-политических конфликтов, экономических санкций, информационных войн, формируя гражданское общество, принимая решения, наша молодежь должна стоять у истоков сохранения исторической памяти, у истоков формирования исторической политики.

Открытость нашей молодежи не должна отождествляться с отказом субъектов диалога от своих убеждений, а наоборот, предлагать взаимовыгодный компромисс, опираясь на общечеловеческие ценности.

Природа ценности является объективно-субъективной. Именно она составляет основу ценностного сознания человека и служит главным регулятором в социальных отношениях. Такими ценностями являются: истина, свобода, справедливость, красота, любовь, вера, человеколюбие,

счастье человека, добро, сама жизнь. В этих, казалось бы, абстрактных понятиях, зафиксированы разные грани человека. Эти базовые ценности лежат в основе жизнедеятельности каждого человека и ведут к установлению гармоничных отношений человека с самим собой и с окружающим его миром. При этом следует подчеркнуть, что сами по себе общечеловеческие ценности не могут стать самостоятельной основой для мотивации поведения и деятельности человека. Они вкраплены в ценности социально-групповые, этнонациональные, религиозные, государственные, индивидуальные с разной степенью полноты и адекватности.

Ключевую роль в процессе принятия компромиссных решений на мировом уровне должна играть ООН. Ведь данный институт как раз и был создан для сохранения международного мира и безопасности, согласования действий наций, развития дружественных отношений между нациями на основе принципа уважения равноправия и самоопределения народов.

25 сентября 2015 г. на Генеральной Ассамблее ООН была принята Резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». В документе обозначены 17 универсальных целей и 169 задач экономического, социального и экологического развития мира. Одним из важнейших условий достижения этих целей является сохранение мира. В преамбуле резолюции так и написано: «не может быть устойчивого развития без мира и мира без устойчивого развития».

Несмотря на детальную разработку решений, прошедшие 8 лет показали, что мир еще далек от достижения этих амбициозных целей и оставшихся 7 лет не хватит для реализации поставленных задач. Это признает и сам Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш. 17 апреля 2023 г. на открытии Форума по финансированию развития в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке он сказал, что «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. превращается в мираж».

Помимо реформирования международной финансовой системы, для скорейшего достижения ЦУР необходима, на наш взгляд, также гармонизация системы ценностей. И в этой связи, конечно же, актуальна инициатива Китая (которую поддерживает и Беларусь) о «человечестве с единой судьбой», которая основана на одном из базовых принципов конфуцианства жэнь (гуманности), ответственности и доминирования/императива общественных интересов над личными. Проецируя эти принципы на международные отношения, образуется следующая иерархия интересов/ценностей. Абсолютным императивом обладают общечеловеческие ценности (любовь, дружба, семья, мир и т. д.), на втором уровне – локальные/цивилизационные, и третий уровень представлен национальными интересами/ценностями. Важным фактором стабильности этой системы явля-

ется объективная идентификация ценностей, исключая подмену по вертикали, т. е. когда в качестве общечеловеческих ценностей пытаются продвинуть локальные либо национальные.

Диалог национальных культур – основной фактор становления общечеловеческой цивилизации. Отметим, что взаимодействие элементов одной этнической культуры с другой способствует естественному синтезу элементов различных этнических культур в общечеловеческую культуру. Элементы историко-культурного наследия каждого этноса, которые мы сможем найти в единой общечеловеческой культуре дают нам реальную возможность перейти к новому уровню духовных отношений в современном обществе. Интегрируясь, национальные культуры дадут нам «общий знаменатель», который не только отразит интересы всего человечества – общечеловеческие ценности, но и станет транслятором локальных социокультурных ценностей в глобальное пространство. В условиях углублений процессов глобализации национальные государства должны решать экономические, политические и социокультурные проблемы с помощью новой концептуальной основы для единения человечества. Возникает необходимость участия всего мирового сообщества в предотвращении конфликтов (экономических, политических, социокультурных и т. д.).

В данном случае мы должны обращать внимание не столько на социально-экономический рост, как на поиск новой эффективной наднациональной социокультурной модели, соединяющей в себе национальное и мировое.

М. А. Бурда

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, burda-ma@ganepa.ru)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИКА ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Важным аспектом миграционной политики является учет особенностей миграционных потоков, их причин и последствий. Кроме того, необходимо учитывать гендерный и возрастной аспекты миграции, а также взаимосвязь с социально-экономическим развитием страны. Процессы миграции населения в современном мире представляют из себя многогранное, комплексное явление, управление которым требует выстраивания миграционной модели, определяемой как совокупность концептуальных подходов к формированию государственной миграционной политики и ее реализации в рамках определения особенностей миграционного

режима, используемого инструментария регулирования миграционных процессов, а также коммуникации в этом процессе между соответствующими акторами. Следует отметить, что модель миграционной политики может рассматриваться как в глобальном измерении, если мы говорим об основополагающих принципах, так и в контексте конкретного государства, если речь идет непосредственно об инструментарии ее реализации на различных этапах миграционного процесса.

По данным Международной организации по миграции Российская Федерация в настоящее время является одним из центров глобального миграционного притяжения наряду с США, Германией и Саудовской Аравией, опережая Великобританию, Францию, ОАЭ, Канаду, Австралию и Испанию [1]. По данным МВД России за первое полугодие 2023 года на миграционный учет было поставлено более 5 млн иностранных граждан, из которых порядка 4,6 млн (92 %) – выходцы из республик постсоветского пространства. Основной целью въезда иностранных граждан на территорию России является работа (3,5 млн), частная (773 тыс.) и учеба (229 тыс.) [2].

Говоря о точках миграционного притяжения в современной Российской Федерации, на основании данных о лицах, поставленных на миграционный учет за первое полугодие 2023 года, следует выделить Московскую область (1,044 млн), Москву (0,92 млн), Санкт-Петербург и Ленинградская область (0,576 млн), где только по официальным данным сосредоточено чуть более половины всех иностранных граждан, легально пребывающих в нашей стране. Еще раз следует отметить, что имеющаяся форма миграционного учета иностранных граждан, зарегистрированных по месту временного пребывания или месту жительства, не позволяет определить реальное количество иностранцев в том или ином населенном пункте Российской Федерации. Так, лица, осуществляющие нелегальную трудовую деятельность, зачастую могут быть зарегистрированы в другом субъекте Российской Федерации или вообще не иметь постановки на миграционный учет.

Следует отметить, что реальное число иностранных граждан, находящихся в настоящее время в России существенно больше, с учетом лиц, поставленных на миграционный учет ранее, а также лиц, находящихся на территории нашей страны с нарушениями миграционного законодательства. Различные экспертные оценки и официальные данные достаточно сильно разнятся и оценивают количество одновременно находящихся в России иностранных граждан в диапазоне от 10 до 13 млн человек, где также абсолютно большая часть представляет выходцев из бывших союзных республик.

Обращаясь к теории миграционных сетей Д. Массея [3] следует отметить, что формирование такого рода центров миграционного притяже-

ния характерно не только для мировых миграционных процессов, но и локальных процессов внешней миграции направленных в какое-то определенное государство, в том числе в Россию, а именно формирования центров притяжения внешних мигрантов внутри государства и даже внутри его отдельных административно-территориальных единиц.

Очевидно, что противодействие сложившейся ситуации требует совершенствования нормативной правовой базы в части повышения эффективности ведения миграционного учета иностранных граждан, контроля их въезда, цели въезда в Российскую Федерацию и перемещения по территории Российской Федерации [4].

Говоря об имеющемся ограничительном инструментарии в отношении внешней миграции следует обратить внимание на следующие механизмы.

Во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 13.3 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранному гражданину необходимо предоставить документ, подтверждающий владение русским языком, знание им истории России и основ законодательства Российской Федерации (право выдачи такого документа получают организации, аккредитованные Министерством науки и высшего образования Российской Федерации) [5].

Во-вторых, в соответствии со ст. 6 вышеназванного Федерального, выдача разрешения на временное проживание иностранным гражданам в субъекте Российской Федерации предусматривает механизм квотирования с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте Российской Федерации и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан. В данном случае мы можем говорить об имеющемся инструментарии главы субъекта Российской Федерации, позволяющим ему оказывать влияние на количественные показатели миграции в отдельном субъекте.

В-третьих, в соответствии с п. 6 ст. 18.1 упомянутого Федерального закона, может быть реализовано право высшего должностного лица субъекта Российской Федерации устанавливать запрет на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории субъекта Российской Федерации, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность, по отдельным видам экономической деятельности с учетом региональных особенностей рынка труда и необходимости в приоритетном порядке трудоустройства граждан Российской Федерации.

В-четвертых, рассматривая экономический аспект регулирования внешней миграции, необходимо отметить совместную возможность федерального центра и властей субъекта Российской Федерации устанавли-

вать региональный коэффициент, позволяющий увеличить стоимость патента – документа, дающего право на осуществление временной трудовой деятельности иностранцу, прибывшему в Россию в порядке, не требующем получения визы (федеральный базовый коэффициент стоимости патента ежегодно устанавливается Министерством экономического развития Российской Федерации).

Следует отметить, что принимаемые на уровне отдельных субъектов Российской Федерации меры (следует выделить практики Калужской, Калининградской, Курганской, Магаданской, Тверской, Тульской, Челябинской областях, а также в Краснодарском крае) наталкиваются на противодействие так называемого «экономического лобби», продвигающему «коммерческую политику меркантилистов» [6], обусловленную использованием внешней миграции, как главного источника решения проблем на рынке труда и в области демографии.

Если строго подходить, можно отметить отсутствие реальных ограничительных механизмов российской миграционной модели в отношении внешних мигрантов с постсоветского пространства на федеральном уровне. Однако некоторые региональные практики демонстрируют свою эффективность, имеют высокий уровень общественного одобрения и могут быть использованы в более существенных масштабах, что потребует пересмотра текущей политики государственной миграционной политики Российской Федерации.

Список литературы

1. Международная организация по миграции (МОМ), Женева. С. 11; Обзор численности населения в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/immigration-by-country>. – Дата доступа: 06.02.2024.
2. МВД России. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – июнь 2023 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40034334>. – Дата доступа: 06.02.2024.
3. Theories of International Migration: A Review and Appraisal / D. Massey [et al.] // Population and Development Review. – 1993. – Vol. 19, № 3. – P. 431–466.
4. Бурда, М. А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве: Россия и особенности внешней трудовой миграции / М. А. Бурда // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 399–407.
5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ : в ред. от 10.07.2023. – Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/115_FZ-o-pravovom-polozenii-inostrannyh-grazhdan-v-rossijskoj-federacii. – Дата доступа: 06.02.2024.
6. Исаев, И. А. «Цифровая магия» власти: первая управленческая революция [Электронный ресурс] / И. А. Исаев // Lex Russica. – 2019. – № 5 (150). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-magiya-vlasti-pervaya-upravlencheskaya-revoljutsiya>. – Дата доступа: 06.02.2024.

О. Г. Буховец

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск;
Институт российской истории РАН, г. Москва, O_bukhovets@tut.by)

ИМИДЖЕЛОГИЯ КАК МЕЖ- И НАДДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Эпохальные события конца XX – начала XXI в., в особенности падение Берлинской стены и объединение Германии, развал СССР и социалистического лагеря, беспрецедентное расширение Евросоюза и поразивший коллективный Запад острейший финансово-экономический кризис, конец двухполярного мира и попытки установления однополярного «боссизма империи добра», плюрализация путей политического, социального и экономического развития, анти- и альтерглобализация – резко актуализировали проблему воссоздания социальными науками «образов» (имиджей) различных наций, этнических групп и религий, бытовавших и бытующих в общественном сознании стран Европы и других частей Света в различные периоды истории. В условиях же социальной и политической энтропии, в той или иной мере, сохраняющейся (а в ряде стран даже нарастающей) пока в «старых» и «новых» независимых государствах Центральной и Восточной Европы, – эти образы во многом уже претерпели и продолжают претерпевать далеко идущие трансформации [1].

Но дело отнюдь не только в эпохе бурных перемен, очень большую роль играет сама качественная природа рассматриваемого феномена общественного сознания. Дошедшие из глубины веков исторические данные на этот счет свидетельствуют, что значительная изменчивость, подвижность, заданность таких представлений и образов имела место даже в Средневековье и, тем более, на пороге Нового времени. Религиозные конфликты и войны, распад одних и создание других династических союзов, упадок старых центров промышленности и торговли и возвышение новых – все это очень существенно сказывалось на имиджах тех или иных конфессий, государственных образований и межгосударственных союзов, жителей различных стран, местностей и городов [2].

В этой связи важно помнить, что в силу своей качественной специфики имидж отнюдь не представляет собой совершенно *точное, адекватное и непротиворечивое* изображение, а является, по преимуществу, набором некоторых черт и деталей, подчас даже несущественных, которые обеспечивают стереотипизированное эмоциональное восприятие индивидуальным, групповым или массовым сознанием той или иной общности. Как отмечается в литературе, «имидж страны – это её устойчивый *упрощенный образ*, оказывающий, несмотря на его схематизм (или даже *благодаря схематизму*) значительное эмоциональное воздействие на субъект восприятия (курсив мой. – О. Б.)» [3].

Вот как оригинально и наглядно эти характерные черты имиджа иллюстрирует известный английский макросоциолог Майкл Манн. «Я, – пишет Манн, – вырос в послевоенной Британии и впитал глубокую неприязнь к немцам, возмущение французами, легкое презрение к итальянцам, грекам и испанцам и привычку к злобным антиирландским шуткам. Мне привили убеждение в том, что швейцарцы всегда зажаты и аккуратны, бельгийцы толсты и печальны, а скандинавы и голландцы милы, потому что абсолютно безвредны» [4].

Новое качество феномен изменчивости образов и представлений, динамического их мультиплицирования и синкретичности приобретает в последние десятилетия XX столетия в связи с новыми политическими, социокультурными, духовно-ментальными явлениями в Европе и мире. Прежде всего, нелегко найти в истории еще столь разительные примеры развития общественных процессов, так сказать, в зеркальном отражении, как это имело место в Западной и Восточной Европе в 1970-е – 90-е гг. В то время как «застойный» Советский Союз политически, экономически и идеологически хирел, «всепобеждающая», как тогда представлялось, евросоюзная идея сподвигла Запад на настоящую «ударную стройку» по возведению Объединенной Европы.

Статьи об «имиджах» (образах) вообще, а также об «имиджах политических», «образах врага», в частности, в последние десятилетия XX в. включаются уже в словари, энциклопедические словари и энциклопедии по различным социально-гуманитарным наукам [5].

В них, в частности, отмечается, что «имидж – это имеющий характер стереотипа, эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо», а его формирование «происходит стихийно», хотя «чаще оно является результатом работы специалистов» соответствующего профиля [6]. Наличие же, «характер и действенность “имиджа” выявляется в специальных исследованиях с помощью методов контент-анализа», шкалирования и даже так называемого «семантического дифференциала» Ч. Осгуда [7].

Никак нельзя обойти вниманием следующее. Описание в приведенной литературе «имиджа политического» и «образа врага», несмотря на то, что сделаны они были 25–30 лет назад, воспринимаются как *весьма актуальные и ныне*, в переживаемые сейчас миром времена предельной политико-идеологической турбулентности [8].

Термины «имидж» и «имиджелогия» стали на рубеже прошлого и наступившего нынешнего века фигурировать уже и в названиях монографических научных исследований [9]. Как представляется, есть вполне достаточные основания для вывода о том, что имиджелогия конституировалась в последние десятилетия в новую предметную сферу меж- и наддисциплинарных научных исследований.

На складывание и бытование в индивидуальном, групповом и массовом сознании образов (имиджей) стран, наций, этнических групп, конфессий оказывает влияние множество факторов. Основными из них являются, во-первых, этнокультурная дистанция между субъектами и объектами таковых образов. Во-вторых, – накопленный исторический опыт имиджевых взаимоотношений. В-третьих, – наличие/отсутствие у имиджевых контрагентов собственных национальных государств в Новое и Новейшее время, определяющее сам характер и тип объектно-субъектных связей между «образами» друг друга.

Если подытожить, то в свете всего вышесказанного главнейшими качественными атрибутивными свойствами «образа» (имиджа) выступают, как нам представляется, *собираемость, дискретность, заданность.*

Список литературы

1. Образ России (Россия в восприятии Запада и Востока) : сб. ст / ред.: В. Е. Барно, П. Р. Заборов, М. Н. Скатов. – СПб., 1998; Буховец, О. Г. Образ России в Европе и мире: проблема общества и государства / О. Г. Буховец // Современная Европа. – 2011. – № 1.
2. Россия в Европе: как нас воспринимают в Европе и евроатлантическом сообществе / под ред. В. В. Журкина (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИЕ РАН, 2007. – С. 14–23, 48–51, 66, 107.
3. Есимова, А. Б. Казахстан: имидж Западной Европы или стран Европы / А. Б. Есимова, С. А. Панарин // Россия и формирование образа ЕС в Центральной Азии / под ред. М. Г. Носова (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИЕ РАН, 2009. – С. 7.
4. Манн, М. Нации – государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание / М. Манн // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 399.
5. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – С. 134–135; Политическая энциклопедия : в 2 т. / Нац. обществ. науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2000. – Т. 1. – С. 427–428; Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. – М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С. 222.
6. Психология. – С. 134–135.
7. Психология. – С. 135.
8. Политология. Энциклопедический словарь. – С. 222; Политическая энциклопедия : в 2 т. – Т. 1. – С. 427–428.
9. Шепель, В. М. Имиджелогия: секреты личного обаяния / В. М. Шепель. – 2-е изд. – М., 1997; Ревенко, В. В. Имидж белорусского спорта в контексте национальных интересов Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. полит. наук / В. В. Ревенко. – Минск, 2023.

Л. Б. Вардомский

(Институт экономики РАН, г. Москва, wardom@yandex.ru)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Под регионализацией автором понимается создание заинтересованными странами институтов межгосударственных отношений, приводящих в ходе их действия к образованию международного региона с характер-

ной высокой плотностью взаимодействия участвующих в проекте государств [1, с. 31].

Распад СССР означал утрату советской идентичности, но ее инерция сохранялась, что отразилось в понятии «ближнее зарубежье» (БЗ), широко использовавшемся в 1990-х и 2000-х годах [2, с. 17–20]. Оно отражало особые отношения России и ННГ, их важность для ее безопасности и развития в быстроменяющемся мире. В 1995 г. в России было официально объявлено о ее ведущей роли и исключительных интересах на ПСП [3, с. 121]. Но при этом Россия, а также Беларусь и Украина ориентировались на опыт стран, прошедших рыночную трансформацию и начавших интеграцию в евроатлантические структуры. Страны Центральной Азии (ЦА) пытались самоорганизоваться путем создания регионального объединения для решения обострившихся проблем взаимных отношений.

Евразийские интеграционные проекты (СНГ, ЕАЭС (ранее ЕврАзЭС, СГРБ, ШОС) за период с момента распада СССР превратились в центральный элемент глобальных геополитических процессов. В представлении Запада интеграционные проекты на постсоветском пространстве с участием России означают восстановление в иных формах СССР. В этом контексте геополитика Запада нацелена на укрепление тех интеграционных объединений, деятельность которых способствует сохранению существующего миропорядка и противодействие тем, которые ему угрожают [4, с. 12–18].

На протяжении трех десятилетий менялся арсенал используемых Западом средств для сдерживания евразийской регионализации. В 1990-е гг. к ним относились мероприятия «мягкой силы» в виде внедрения европейских норм и институтов в правовые системы ННГ через заключение Соглашений о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. В качестве «мягкой» силы широко использовалась грантовая программы, среди которых наиболее масштабно действовала программа TASIC. Другое направление было связано с созданием США альтернативного СНГ объединения ГУАМ.

Суть предлагавшихся Западом для России и других стран реформ в конечном итоге сводилась к ограничению регуляторной функции государств в экономике и социальной сфере, что в значительной мере и было осуществлено в большинстве ННГ, но обернулось громадными экономическим и социальными потерями, ростом социального неравенства и межрегиональных различий и в конечном итоге сужении потенциала экономического сотрудничества.

В середине 1990-х гг. в США стала разрабатываться концепция сдерживания России, основные пункты которой были изложены З. Бжезиньским в известном труде «Великая шахматная доска». Они предполагали расширение ЕС и НАТО на восток, экономическое подчинение России и ее «ближнего зарубежья», активную материальную поддержку прозапад-

ных политический сил и идей в ННГ, в некоторых случаях и радикальных религиозных и националистических сил.

В нулевые годы отработанные в 1990-е гг. модели были усовершенствованы в виде «Восточного партнерства» (2009), американской стратегии Нового Шелкового пути (2011) Ассоциации с ЕС, (2013), еврорегионов. Одновременно для ускорения альтернативной регионализации арсенал геополитической борьбы дополнился «цветными революциями», нацеленными на приход к власти лояльных западу политических элит. Список госпереворотов довольно широк и попытки из совершения были во многих ННГ, но не все они удались. В силу этого концепция «ближнего зарубежья» оказалась жизнеспособной только на центральноазиатском сегменте пояса соседства. В глобальной моноцентричной системе России и другим ННГ отводилась роль контролируемого Западом поставщика дешевого топлива и сырья. И в этой системе, в представлении Запада, ни о каком «БЗ» России не могло быть и речи. Коллективный Запад начал в этот период реализовывать программу включения постсоветских соседей России в политику сдерживания России, что в полной мере стало проявляться в последующий период.

Тем не менее, процессы евразийской регионализации остановить не удалось. В конце 2000-х гг. стал создаваться Таможенный союз и зона свободной торговли в рамках СНГ, в первой половине 2010-х гг. эти проекты были реализованы. Правда с определенными ограничениями, обусловленными опасениями стран-партнеров утратить часть своего суверенитета [5, с. 165–185].

В 2020 гг. на первый план вышли экономические санкции против Российской Федерации и Республики Беларусь как инструмент ухудшение геоекономических условия развития их экономик и тем самым торможения интеграционных процессов. Санкции, безусловно меняют условия и содержание сотрудничества в рамках Союзного государства (СГ), СНГ, ЕАЭС и ШОС: возрастает доля проектной составляющей в экономическом взаимодействии, расширяется производственная кооперация, усиливается акцент на импортозамещение. Риски вторичных санкций для ряда стран ЕАЭС и СНГ ограничивают свободу торговли и финансовых взаимодействий, установленную соглашениями стран-участниц. Подсанкционные Беларусь и Россия активно расширяют сотрудничество в рамках СГ. ШОС адаптируется к новой геополитической ситуации путем расширения своего состава и налаживания координации экономических и политических взаимодействий. Транспортно-логистические проекты осуществляемые на национальной основе и в рамках региональных объединений становятся общим стержнем упомянутых объединений [6]. Одним из результатов этого взаимодействия стало формирование Каспийского субрегиона.

Таким образом, процессы регионализации и их взаимовлияние на ПСП после распада СССР протекали под постоянным геополитическим давлением Запада на Россию и ее партнеров, которое менялось по мере изменений в мироустройстве. Под этим давлением произошел раскол ННГ по геополитическим приоритетам. Давление на страны-сторонницы евразийской интеграции приводило к поиску тех форматов регионализации, которые наиболее соответствовали интересам стран-участниц в данных конкретных условиях, что и обеспечило их жизнеспособность и шокоустойчивость.

Санкции 2022–2023 гг. не дали того результата, на который коллективный Запад рассчитывал. Это доказывает то, что мир движется в направлении полицентричности. Кроме того, это свидетельствует о том, что большой экономический потенциал России вполне успешно дополняется в 1990-е гг., сковывали ее развитие. Отказ Запада от связей с Российской Федерацией снял те геозкономические ограничения для развития, которые существовали более четверти века.

К настоящему времени Россия научилась использовать возможности регионализации для целей развития экономики. Об этом свидетельствует применение разных форматов регионализации – от субрегионального до трансрегионального.

В обозримом будущем санкционные практики будут расширяться и совершенствоваться, равно как практики их нейтрализации. В них важное место будет занимать проекты регионализации и интеграции. С точки зрения повышения синергетического эффекта от участия ННГ в разных региональных объединениях целесообразно рассматривать их как складывающуюся неформальную систему с широкими возможностями оптимизации ее деятельности.

Список литературы

1. Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М. В. Стрешнева. – М. : Весь мир, 2011. – 376 с.
2. Косикова, Л. С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика / Л. С. Косикова // Науч. докл. Ин-та экон. РАН. – М. : ИЭ РАН, 2008. – 62 с.
3. Выйти из «промежуточного положения». Представления о региональном порядке в постсоветской Европе и Евразии / под ред. С. Чарап, А. Демус, Д. Шапиро ; Фонд им. Фридриха Эберта. – Вена, 2019. – 255 с.
4. Глинкина, С. В. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества стран СНГ / С. В. Глинкина // Экономическое взаимодействие стран СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта : сб. / отв. ред. Л. Б. Вардомский, А. Г. Пылин. – М. : ИЭ РАН, 2015. – С. 11–32.
5. Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира : моногр. / отв. ред. М. О. Тураева, Л. Б. Вардомский. – М. : ИЭ РАН, 2020. – 192 с.
6. Вардомский, Л. Б. Новые тренды регионализации международных экономических отношений на евразийском пространстве / Л. Б. Вардомский // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. Т. 2 / редкол.: Д. В. Муха [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2023. – С. 17–22.

И. В. Василенко

(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
inna.asilenko@yandex.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Комплексным и интегративным показателем развития государства является национальная безопасность. В Стратегии национальной безопасности России она определяется как состояние защищенности личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень жизни, суверенитет, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие страны [1].

Проблема обеспечения национальной безопасности стран и государств в последнее время стала все более углубляться и расширяться. Причин этого обострения множество. Во-первых, это противоречивые процессы глобализации и локализации; во-вторых, это последствия разрушения дуполярного мира и замена его на однополярный, с последующими процессами разрушения этого миропорядка и постепенным переходом к многополярному миру; в-третьих, это рост неопределенности и рисков результатов всех политических, социальных и экономических процессов в системе международных отношений; в-четвертых, это сложность и непредсказуемость новой постсоветской реальности, с пока еще непонятными законами, в рамках которой продолжает действовать сила (военная, экономическая, техническая) одних стран против других, с целью усиления своего потенциала за счет более слабых игроков на мировой арене.

Для нас важными представляются вопросы сохранения национальной безопасности в общем и экономической безопасности, в частности, для стран, образованных из бывших республик, входящих в состав Советского Союза. С одной стороны, эти республики приобрели суверенитет, стали формировать самостоятельную государственность, но с другой стороны, произошло разрушение структуры экономических отношений между субъектами бывшего Советского Союза, что не могло не привести к потере общего потенциала безопасности на фоне роста неопределенности постсоветского пространства и его структуры. Произошел переход экономических отношений с макроуровня на микроуровень, который без продолжительной подготовки, формирования и развития в ходе перестроечных реформ не позволил быстро обеспечить необходимый для поддержания национальной безопасности экономический потенциал. Позитивным примером развития экономической микроструктуры бизнеса на фоне

сохранения экономической макроструктуры можно привести Китай, к сожалению, по этому пути не пошла ни одна страна бывшего соцлагеря. Иными словами, внутренние переделки экономических взаимосвязей создали внутренние угрозы экономической безопасности каждой из стран, сделав их лакомым кусочком для западных финансовых и промышленных лидеров и транснациональных корпораций.

Большинство ученых, политических и общественных деятелей выделяют различные виды важнейших потенциалов государства, позволяющих ему обеспечить свою национальную безопасность. Чаще всего называются: природные ресурсы, военная сила, развитые технологии и устойчивый рост экономики. При этом следует отметить, что последнее условие является наиболее важным, так как инвестиции в развитие военной индустрии, технологий и самой экономики зависят от устойчивости развития экономики на данном этапе. Не случайно, в сложной современной экономической и политической ситуации против России и ее союзников применяются целую систему экономических санкций, направленных на разрушение экономической безопасности этих стран. Угроза экономической безопасности направлена на снижение экономического, социального, технического и военного потенциала государства [2] и в последнее время обострились из-за отказа значительного числа иностранных компаний работать в России. Следствием ухода отдельных компаний явилось разрушение сети логистических и производственных отношений, что явилось внешним фактором воздействия на экономическую безопасность стран. Экономические санкции охватили большинство национальных отраслей промышленности, что не могло не сказаться на всей системе экономических отношений. В связи с этим важным является в сжатые сроки создать самостоятельный народнохозяйственный комплекс, в основном не зависящий от западных инвестиций, технологий, импорта важнейшей продукции и рынков сбыта для производимых товаров [3]; приумножить человеческий капитал, включающий здоровье, уровень образования, сохранение культуры, укрепление духовного потенциала.

Актуальные вопросы сохранения экономической безопасности России и дружественных стран из бывшего Советского Союза – это интеграция. В зависимости от ее устойчивости построение системы экономической безопасности может происходить по двум направлениям:

Первое направление касается не только политики противодействия санкциям, но и политики взаимного экономического сотрудничества. Актуальными являются следующие действия: привлечение зарубежных инвесторов в целях увеличения объемов производства импортзамещающих товаров и услуг, повышение значения рубля и валют всех дружественных стран во внешнеэкономических расчетах, создание общей финансовой инфраструктуры.

Второе направление заключается в построении интегрированной системы экономической безопасности на макро, мезо и микроуровнях этой системы. Построение интегративной системы экономической безопасности базируется на учете расстановки сил интегрируемых государств и других стран мировой системы, наличия средств ее поддержания. При исследовании проблем организации экономической безопасности каждой страны в отдельности и в структуре интегративной системы учитывается форма организации системы и определенный порядок в расположении элементов и взаимосвязей между ними. Иными словами, признак системности имеет большое значение в построении интеграции экономических отношений.

В зависимости от масштабности этой интегративной системы возникает актуальный вопрос ее управления, научной экспертизы ее состояния и развития, количества показателей, характеризующих эту систему и их оценки. С целью выявления различных внутренних и внешних угроз экономической безопасности на макроуровне и микроуровне отдельных элементов системы, отдельных государств и территорий, должны проводиться различные научные исследования, составляться прогнозы текущего и стратегического развития для построения научного обоснования и проведения экспертизы.

Реализация обоих направлений будет закладывать основы для укрепления экономической безопасности дружественных стран, входящих ранее в Советский Союз.

К их числу относятся: сокращение издержек на производство товаров и услуг, на поддержание инфраструктуры обеспечения экономической безопасности; увеличение внутреннего рынка, закладывающего резерв устойчивости в условиях нестабильности мировой экономики; более рациональное размещение экономических субъектов, обеспечение устойчивости экономических связей между ними; снижение вызовов со стороны миграционных потоков, зачастую расшатывающих экономическую систему страны.

Список литературы

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федер. от 2 июля 2021 г. № 400. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>.

2. Василенко, О. А. Вопросы экономической безопасности и государственного управления в контексте стратегии экономической безопасности России / О. А. Василенко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 60–79.

3. Шумов, В. В. Анализ интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / В. В. Шумов // Вопросы безопасности. – 2020. – № 2. – С. 15–35. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32864.

В. И. Ватыль

(ГУО «Гимназия № 7 имени В. Т. Колокольникова, г. Гродно»,
valentina.vatyl@yandex.ru)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГЕНОЦИДУ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Великая Отечественная война, развязанная фашистской Германией, принесла на нашу землю страшные разрушения, гибель людей. Впервые в истории агрессор запланировал уничтожение людей по расовым, религиозным, политическим признакам. У таких преступлений, как геноцид, нет и не может быть срока давности. Тем более что на Западе всё чаще и агрессивнее пытаются переписать историю в нужном сегодня им ракурсе. Чтобы новые поколения в нашей стране выросли и сформировались, верно понимая всё происходившее в те годы, очень важно донести до них именно подтверждённые документами, показаниями свидетелей факты геноцида белорусского народа. Из этих фактов складывается целостная картина того, какое будущее нам готовили фашистские оккупанты.

Формирование исторической памяти – одна из важнейших задач, которая сегодня стоит перед системой образования Республики Беларусь. Решение этой задачи неразрывно связано с гражданско-патриотическим воспитанием школьной молодежи на основе исторических традиций, общепринятых ценностей современной белорусской нации. Принятие в 2022 г. Закона Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» и редакция названия памятной даты 22 июня как Дня всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа актуализировали формирование собственно белорусского образа исторического прошлого в рамках определения концептуальных основ государственной исторической политики и ее реализации. Инновационной характеристикой исторического образования в старших классах школы можно считать дидактическое конструирование его содержания с учетом освещения темы геноцида белорусского народа как компонента белорусской национальной концепции исторического прошлого и белорусской модели исторической памяти.

В апреле 2021 года Генеральная прокуратура Республики Беларусь возбудила уголовное дело по факту геноцида белорусского народа во время Великой Отечественной войны. С учетом результатов расследования Генеральной прокуратурой подготовлены информационно-аналитические материалы и документы, используемые на уроках истории в старших классах: «Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы», «Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти», учебные пособия «Геноцид белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» для учащихся V–IX, X–XI классов.

Изучение тем по истории в старших классах, связанных с геноцидом, планируются с учётом возрастных особенностей учащихся. При организации их изучения необходимо учитывать, что материалы отражают самые трагические страницы истории Великой Отечественной войны, что требует тщательного отбора информации.

Так, при изучении предмета «История Беларуси» информационно-аналитические материалы по освещению политики геноцида белорусского народа, представленные Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, целесообразно использовать в IX классе при изучении темы «Германский оккупационный режим на территории Беларуси в 1941–1944 гг.». Понятие «геноцид» поясняется в соответствии с содержанием данной темы и историческим словарём в учебном пособии: геноцид – уничтожение определенных групп населения по расовым, национальным, религиозным признакам. Целесообразно расширить характеристику понятия геноцид, принятом в международном праве: «Геноцид – форма массового насилия, которое ООН определяет как массовые действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую путём: убийства членов этой группы; причинения серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; принятия мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в такой группе; насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую; преднамеренного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы».

Использование информационно-аналитических материалов и документов о геноциде белорусского народа предполагает событийно-хронологическое ознакомление обучающихся в IX классе с темой геноцида в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Беларуси, а также систематизацию соответствующих представлений и знаний с учётом психологии учащихся. Особое внимание уделяется судьбам детей и молодёжи, которые стали жертвами войны, в том числе были насильственно угнаны на принудительные работы.

Изучение политики геноцида белорусского народа и сохранение исторической правды в XI классе направлено на расширение и углубление знаний, сформированных в IX классе, совершенствование навыков работы с историческими источниками.

В XI классе целесообразно использовать задания проблемного характера, при выполнении которых учащиеся обосновывают свои суждения, приводят доказательства на основе представленных материалов, осуществляют поиск информации по заданной теме в различных источниках, участвуют в организации и проведении учебно-исследовательской рабо-

ты, в проектной деятельности. На основе представленных Генеральной прокуратурой Республики Беларусь материалов по расследованию геноцида белорусского народа, а также воспоминаний, насильно угнанных в страны рейха остарбайтеров, группа учащихся старших классов представила проект «Практики геноцида в Гродно в годы Великой Отечественной войны».

Для визуализации учебного материала о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны в образовательном процессе используются мультимедиапрезентации, рекомендованные Министерством образования Республики Беларусь, в которых использованы следующие фотодокументы: «Судебные процессы над военными преступниками», «Экономические, политические и социальные проявления оккупационного режима (отправка населения в Германию, угон скота, проверка патрулями документов)» и др. Кроме того, старшеклассники систематизируют источники, фотодокументы и представляют собственные мультимедиапрезентации, плакаты.

Таким образом, изучение политики геноцида белорусского народа на уроках истории в старших классах с использованием разных форм работы, информационно-аналитических материалов и документов о геноциде способствует формированию у учащихся правильной нравственной и общественно-политической позиции по отношению к событиям и итогам Второй мировой войны, фундаментальных ценностей общества, сохранению исторической памяти белорусского народа.

В. Н. Ватыль

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
vatyln@gmail.com)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И ЕАЭС: ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

I. Концептуальная модель в объяснительной конструкции темы предполагает характеристику наиболее распространенных концептов участия регионов в международных интеграционных процессах и определение методологического контура регулирования интеграции регионов стран – членов ЕАЭС, в том числе и Беларуси. Формирование концепта интеграции регионов в евразийской интеграционной парадигме опирается на ключевые положения ряда направлений теории международной региональной интеграции: федерализма, функционализма, межгосударственного подхода, многоуровневого управления.

II. Подводя итог краткому рассмотрению вышеперечисленных направлений, можно констатировать следующее. Во-первых, при всех своих видовых особенностях они сходятся к тому, что наднациональный, национальный и местный уровни регулирования не появляются спонтанно и произвольно, а отражает объективный момент в становлении, развитии и функционировании конкретного регионального интеграционного процесса. Эти уровни появляются на основе сложившихся и проявивших себя социальных предпосылок – развитых национальных экономик, выявивших четкую тенденцию к интернационализации. Главное же заключается в том, что растущая взаимосвязанность национальных экономик неизбежно ведет к усилению их взаимозависимости. Экономическая взаимозависимость, как следствие, рождает потребность в новых формах международного управления социально-экономическими процессами. Во-вторых, анализируемые направления показали, что наднациональный, национальный и местный уровни регулирования по мере своего становления в региональном интеграционном процессе приобретают устойчивое положение с присущими ему особыми чертами и характеристиками. К таковым, в первую очередь, относятся: а) структура формализованных наднациональных, национальных и местных институтов регулирования и управления; б) совокупность принципов, правил и механизмов разработки общеобязательных решений; в) наличие процедур внедрения и реализации принятых решений; г) программы финансового обеспечения общей экономической политики; д) перечень мер контроля и санкционированного воздействия. В-третьих, вышеперечисленные признаки позволяют говорить о предварительном понятийном понимании наднационального, национального и местного уровней регулирования. Они являют особую взаимосвязь институтов, акторов, правил и норм, созданных по канонам международных договоренностей и права с одобрения заинтересованных национальных государств, выводящих его за пределы государственных границ с целью достижения конструктивных задач и программ интеграционного характера.

III. Предпосылкой методологического контура выступает формулировка межрегионального сотрудничества как региональной компоненты в развитии интеграционных связей в ЕАЭС. Заданный изначальный посыл позволяет сформулировать ряд методологических пунктов, необходимых для успешного развития межрегионального сотрудничества Беларуси со странами – участницами Евразийского экономического союза. Во-первых, регулирование интеграционной сети регионов рассматривается как региональная составляющая всего интеграционного ареала ЕАЭС. Такой подход дает возможность рассматривать межрегиональное сотрудничество в связи с общими процессами развития сфер товаров, услуг, ка-

питалов и рабочей силы ЕАЭС как четырех основных свобод и дорожных карт и акцентировать в них взаимоотношения с регионами, которые до сих пор не актуализировались в общем потоке регионального управления и администрирования. Во-вторых, заданный исходный вектор позволяет более продуктивно увязать стратегические цели в ЕАЭС с социально-экономическими задачами различных регионов посредством использования территориальных ресурсов региональной политики. В-третьих, горизонтом методологического контура становится устойчивое развитие самих регионов. Данная установка будет определяющей для регионального регулирования и управления. Необходимо создавать и соответствующее пространство, в котором региональные органы власти и управления будут способны реализовать эту стратегическую установку во взаимодействии с потенциалом ЕАЭС в интересах местных сообществ и регионального объединения в целом. В-четвертых, предлагаемый методологический подход предполагает получение дополнительных дивидендов от использования обозначенного интеграционного модуса, а именно: а) достижение межрегиональной специализации; б) ликвидацию «ножниц» в социально-экономическом развитии регионов; в) устойчивое функционирование и развитие ЕАЭС и стран-участниц; г) выход на новое качество конкурентоспособности в межрегиональном сотрудничестве.

IV. Таким образом, оценка существа и некоторых проблемных особенностей институционального регулирования и управления между регионами в рамках ЕАЭС свидетельствует о возможности разработки предложений по активизации межрегионального сотрудничества в структуре Евразийского экономического союза, в том числе и Беларуси. Первое из них связано с наднациональным уровнем. Практика межрегионального сотрудничества, проблемы, возникающие в процессе его развития, показали, что в рамках ЕАЭС желательна создание координационной структуры, с одной стороны, согласующей текущее взаимодействие региональных субъектов евразийского объединения, с другой – способствующей формированию эффективных программ последующего совместного движения. В ее компетенции – макроэкономика, логистика четырех основных дорожных карт, социальная политика, стратегия регионального развития в структуре ЕАЭС. Второе – отражает национальный уровень. Его эпицентр – разработка алгоритмов региональной политики, способствующих реализации интеграционных связей. Это возможно на путях: а) действий, ведущих к реальному сближению государств – членов ЕАЭС; б) посредством выравнивая «разницы» в уровнях развития евразийских регионов. Третье – отражает собственно региональный уровень. Здесь уместно будет создание той активирующей интеграционной атмосферы в регионах посредством создания структур, берущих на себя задачу организации и реализации «точек» взаимного регионального интереса и роста.

Н. В. Ватыль

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
vatel-n@yandex.ru)

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙ ВРАЧЕБНУЮ ТАЙНУ, КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Недопущение незаконного вмешательства в личную жизнь относится к фундаментальным правам человека [1; 2]. Среди прочего, объектом защиты в рамках данного права являются сведения о личной жизни, включая информацию о состоянии здоровья, а также всего, что связано с оказанием медицинской помощи. В данном исследовании такая информация будет обозначаться термином «информация, содержащая врачебную тайну» (далее – ИСВТ).

Международные стандарты содержат запрет на произвольное разглашение и несанкционированный доступ к ИСВТ пациента [3], нормы законодательства ряда стран предусматривают даже уголовную ответственность за разглашение ИСВТ [4]. В условиях внедрения информационных технологий актуализируется проблема несанкционированного, противоправного вмешательства в личную жизнь человека как со стороны государства, так и отдельных лиц, поскольку обработка ИСВТ приобретает автоматизированный характер, становясь более уязвимой.

Риски и угрозы обеспечению права человека на личную жизнь при цифровизации оборота ИСВТ наглядно проявляются в условиях повышенной эпидемической угрозы. С увеличением в мире числа случаев коронавируса (COVID-19) ВОЗ 11 марта 2020 г. объявила пандемию. В этой ситуации для сохранения общества необходимо, чтобы индивидуум не подвергал опасности жизни других людей. Каждый должен быть готов к определенным жертвам, при которых государство посредством ущемления прав отдельного человека защищает здоровье всего общества. Не все оказались согласны с таким постулатом, в США 59 % граждан отказались от сотрудничества по изоляции и выявлению контактов [5]. Государства использовали соответствующие своему экономическому и научному развитию средства наблюдения и принуждения, заимствуя методы правоохранительных органов. В Китае правительство обязало граждан использовать на телефонах приложение, которое анализировало контакты больного COVID-19 и автоматически классифицировало каждого с помощью цветового кода – красного, желтого или зеленого, указывающего на риск заражения. Система принимала решение об изоляции на основе искусственного интеллекта, при этом чиновники не объясняли и не могли вмешаться в принятое решение, а граждане не имели возможности это реше-

ние оспаривать [6]. Министерство здравоохранения Сингапура предоставляло общественности деперсонифицированную информацию о каждом случае COVID-19 и о связи зараженных с другими пациентами. Положение сохраняло конфиденциальность, не раскрывая личности пользователей, уравновесив неприкосновенности частной жизни и интересы общества в профилактике массовых инфекций [7]. Южная Корея с января 2020 г. начала публиковать подробные данные о местоположении людей с положительным результатом на COVID-19, что привело к публичным обвинениям и стигматизации зараженных [5]. Агентство внутренней безопасности Израиля применяло для выявления инфицированных граждан технологию, которая была предназначена для проведения контртеррористических операций. В Республике Беларусь контроль за соблюдением режима изоляции осуществлялся врачами и сотрудниками правоохранительных органов, которые посещали больных, средства информационных технологий не использовались. Несмотря на это информация о пациентах с COVID-19 попала третьим лицам (местным органам исполнительной власти). Источник информации установлен не был. Министерство здравоохранения, организации здравоохранения ИСВТ указанным организациям информацию не предоставляли.

Раскрытие ИСВТ, потеря неприкосновенности частной жизни – цена, которую заплатило общество в борьбе с COVID-19. Существуют опасения, что права, которые граждане делегировали государству, не будут возвращены в полном объеме, поэтому государство должно нести ответственность за соблюдение баланса защиты общественного здоровья и соблюдения гражданских свобод. Нарушение прав человека не является внутренним делом государства, а касается всего мирового сообщества, в связи с этим необходима его консолидация.

Анализируя зарубежный опыт (Франция, Швеция, Финляндия, Эстония) градации доступа к ИСВТ медицинских работников, следует исходить из принципа паритета прав человека: право на неприкосновенность личной жизни не должно ограничивать право на получение медицинской помощи максимально достижимого качества в полном объеме (если пациент осознанно и информировано не пожелает иного). Должна быть выработана система, при которой медицинский работник будет иметь свободный доступ только к необходимому объему ИСВТ, требуемому для оказания квалифицированной медицинской помощи пациенту. Важно обеспечить как на правовом, так и на технологическом уровне контроль за доступом, как медицинских работников, так и государственных акторов, к ИСВТ. Соблюдение прав пациентов на неприкосновенность частной жизни в данном контексте будет иметь большое значение для проведения эффективной социальной политики в Республике Беларусь.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи, 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 10.08.2023.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 10.08.2023.
3. Лиссабонская декларация о правах пациента [Электронный ресурс] : принята 34-й Всемирной Медицинской Ассамблеей [Лиссабон, Португалия, сент. – окт. 1981 г.] // Официальный сайт Стоматологической Ассоциации России. – Режим доступа: https://e-stomatology.ru/star/info/2010/lissabon_declaration.htm. – Дата доступа: 10.08.2023.
4. Уголовный кодекс Швейцарии, ст. 321: Code pénal suisse [Электронный ресурс] // Швейцария Деловая. – Режим доступа: <https://business-swiss.ch/wp-content/uploads/2020/04/311.0-2.pdf>. – Дата доступа: 10.08.2023.
5. Impact of delays on effectiveness of contact tracing strategies for COVID-19: a modelling study / M. E. Kretzschmar [et al.] // Lancet Public Health. – 2020. – Vol. 5 (8):e. – P. 452-e459. – doi:10.1016/S2468-2667(20)30157-2.
6. COVID-19 National Emergency Response Center, Epidemiology and Case Management Team / Y. J. Park [et al.] // Contact tracing during coronavirus disease outbreak. – South Korea : Emerg Infect Dis., 2020. – Vol. 26 (10). – doi:10.3201/eid2610.201315.
7. Four more cases discharged; seventeen new cases of COVID-19 infection confirmed [Electronic resource] // Ministry of Health. Singapore. – Mode of access: <https://www.moh.gov.sg/news-highlights/details/four-more-cases-discharged-seventeen-new-cases-of-covid-19-infection-confirmed>. – Date of access: 01.10.2020.

Т. И. Вишневская

(Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Могилёв, tanya-shukailo@yandex.by)

В. О. Зимин

(Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Могилёв, kirilinsta@gmail.com)

**БАЛАНС ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ,
СТАБИЛЬНОСТИ И СУВЕРЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА**

На всех этапах развития государственно-организованного общества термину «суверенитет» придается важнейшее значение. Как отмечает Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко, «независимость стоит дорого. Но она стоит того, чтобы ее сохранить и передать будущим поколениям. За нами Беларусь – чистая и светлая, честная и красивая, трудолюбивая, немножко наивная и чуть-чуть ранимая. Но она – наша, она любимая. А любимую не отдают!» [1]

Отметим, что суверенитет представляет собой политико-правовой феномен, который формировался и эволюционировал поэтапно, в процессе

исторического развития государства и общества под влиянием внешних и внутригосударственных факторов, приобретал многообразные особенности относительно содержания, формы проявления, субъектов реализации, носителей. Причем на каждом историческом этапе государственный суверенитет отображает характер реализации принципа верховенства власти, взаимосвязь государства и народа, состояние внешнеполитических отношений [2, с. 7].

Необходимо обратить внимание, что в современном понимании суверенитет отождествляется с полной независимостью государства от других государств в его внутренних делах и внешних отношениях. Суверенное государство располагает полной совокупностью властных полномочий и свободно в их осуществлении, т. е. оно имеет все возможности самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику без какого-либо давления и вмешательства извне.

Стоит заметить, что суверенитет государства взаимосвязан с благополучным состоянием социальной системы. Именно комфортное и стабильное правовое положение граждан непосредственно связано с законностью и правопорядком, внутригосударственной стабильностью и суверенностью государства.

Для поддержания гармоничного социального жизнеустройства используется инструмент признания и осуществления взаимных прав и обязанностей личности индивида и государства. Права человека стоит понимать, как возможность совершать определенные действия по своей воле и в личных интересах [3, с. 109]. Выделяются права человека, которые он получает с самого рождения, а также права гражданина, которые закрепляются за лицом в силу его принадлежности к государству. Вместе с тем, гражданин обладает всем комплексом прав, относящихся и к естественным неотъемлемым правам человека, и к правам, устанавливаемым государством.

Существует множество классификаций прав человека. Среди наиболее распространенных является классификация прав на личные, политические, социально-экономические, культурные и др. Личными правами принято считать основополагающие права человека на жизнь и свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Социально-экономические права человека связаны с удовлетворением значимых для каждого человека потребностей в жилище, питании, работе, отдыхе и т. п., тем самым можно сказать, что социально-экономические права являются предпосылкой развития всех иных прав. Политические права в свою очередь обеспечивают возможность активного участия граждан в управлении государством и в общественной жизни. Именно политические права и свободы являются показателем демократизма государства. К основным политическим

ким правам относятся право граждан избирать и быть избранным в государственные органы, а также право участвовать в решении государственных дел. Культурные права в свою очередь направлены на духовное развитие человека, вдохновляют человека на созидательную творческую деятельность [5, с. 415–416]. Основной Закон нашей страны гарантирует каждому право на образование, участие в культурной жизни, свободу художественного, научного, технического творчества и преподавания [4].

При этом важно отметить роль гарантии прав и свобод человека в демократическом правовом государстве, что выражается в принятии государством на себя обязанностей за создание необходимых условий и обеспечение соответствующими средствами претворения реализации прав и свобод личности в жизнь. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь, высшей целью государства является обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь [4]. Система гарантий прав и свобод человека в Республике Беларусь включает общие гарантии, которые связаны с обеспечением материальных и духовных условия реализации прав лиц, а также специальные гарантии, как правовые формы реализации прав граждан, их защиту от противоправных посягательств.

В современном обществе права человека неразрывно связаны с обязанностями каждого индивида перед обществом в целом и другими людьми. Обязанности человека представляют собой необходимость совершать определенные действия, либо воздержаться от и совершения в интересах общества и государства [3, с. 110]. Обязанности затрагивают многообразные сферы социальных отношений. Ряд обязанностей определяются гражданством лица, другие связанные с статусом человека как члена местного сообщества. Имеются и корпоративные обязанности, возникающие вследствие членства в общественных объединениях. Круг обязанностей складывается и в связи с обладанием определенного социального статуса – рабочего, служащего, студента, обвиняемого, свидетеля и т. д.

Все обязанности определяются в различных формах. Значительная их часть устанавливается правовыми нормами, закрепляется соответствующим отраслевым законодательством – административным, гражданским, трудовым, уголовным и т. д. Конституционное право как отрасль права не является исключением, но в отличие от обязанностей, установленных другими отраслями права, конституционные обязанности имеют свои особенности: являются обязанностями лица как субъекта конституционно-правовых отношений – гражданина, иностранца, лица без гражданства, избирателя, депутата и т. д.; носят всеобщий характер и не зависят от конкретного правового статуса личности; закрепляются Основным Законом государства и имеют высшую силу; имеют особую значимость и направ-

лены на охрану, защиту и развитие важнейших социальных ценностей; служат как личным так и общественным интересам; правовое содержание обязанностей сочетается с нравственным отношением общества к соответствующим проблемам. Соответственно, конституционная обязанность – это мера должного поведения, установленного Конституцией. Конституционные обязанности обладают теми же характеристиками, что и конституционные права и свободы. Они могут адресоваться и гражданину, и любому лицу, проживающему в Республике Беларусь.

Для стабильности функционирования государства и общества необходимо поддержание баланса прав и обязанностей. Представим сущность прав и обязанностей в качестве весов, где права и обязанности являются сбалансированными. Если чаши весов наполнены одинаково и находятся в равновесии, в обществе наблюдается стабильность и порядок. Если одна из чаш перевешивает другую, то в общественном устройстве наступают негативные деструктивные проявления. К примеру, Великая Октябрьская социалистическая революция, итогом которой стало свержение Временного правительства и установление советской власти. Причиной революции было сильно преобладание прав у временного правительства и обязанностей у крепостных крестьян. Или приведем другой пример, связанный с Парижской коммуной, которая была первым примером полностью организованного анархистского общества. После падения империи Наполеона III во Франции начался период политического распада, в результате которого в марте 1871 года рабочие и жители Парижа объявили о создании коммуны – без государственной общины, основанной на рабочем самоуправлении и отмене привилегий [6]. Это историческое событие показывает исход, когда обязанностей у личности меньше чем прав.

Подводя итог, подчеркнем значимость поддержания баланса прав и обязанностей в жизни каждого человека, в жизни общества и государства. Права и обязанности человека в своей совокупности составляют правовой статуса личности, определяют юридическую связь между личностью и государством, выступают необходимым условием гармонизированного и продуктивного жизнеустройства. Всеобщее благополучное состояние общества является важнейшей составляющей не только общественного порядка, стабильности и суверенности государства, но и его прогрессивного развития.

Список литературы

1. О суверенитете и независимости [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-suverenitete-i-nezavisimosti>. – Дата доступа: 21.02.2024.

2. Шавцова-Варфоломеева, А. В. Теоретические основы государственного суверенитета Республики Беларусь, его правовое обеспечение / А. В. Шавцова-Варфоломеева. – Минск : БГУ, 2016. – 183 с.

3. Веремеенко, В. М. Конституционное право : учеб. пособие / В. М. Веремеенко, М. Д. Веремеенко. – Минск : Изд-во Гревцова, 2014. – 485 с.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

5. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учеб. / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 3-е изд., пересм. – Минск : Акад. МВД, 2019. – 478 с.

6. Примеры анархии в истории [Электронный ресурс] // cilekroom.ru.– Режим доступа: <https://cilekroom.ru/primery-anarxii-v-istorii>. – Дата доступа: 21.02.2024.

Н. И. Власюк

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
kaf_german@grsu.by)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

В теоретическом плане концепция интертекстуальности затрагивает очень широкий круг проблем. Интертекстуальность понимается как использование элементов уже существующего текста в процессе создания и функционирования нового [1, с. 16].

Как свойство политического и экономического дискурсов интертекстуальность проявляется в воспроизводстве определенных идеологем, социокультурных установок, ценностей, норм. Использование элементов прецедентных текстов формирует концепт, т. е. социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Под влиянием изменений в идеологии нации непрерывно меняется корпус национальных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые [2, с. 14].

В обширном ряду признаков интертекстуальности релевантными для исследования политического и экономического дискурсов являются следующие: 1) обязательное обозначение в тексте интертекстуальных включений и их осознанность автором и проецируемым адресатом, 2) выделение текстовых включений как на формальном уровне, так и на уровне смыслов и значений.

Политический субъект посредством интертекстуальных ссылок сообщает о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках: тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т. д. Подбор цитат, характер аллюзий – все это в значительной мере является элементом самовыражения автора. В дискурсах некоторых политических субъек-

тов проявляются тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи.

Интертекстуальные связи могут быть квалифицированы, в частности, по следующим основаниям: уровень межтекстового взаимодействия, источник текстового включения, его истинность / ложность, способ актуализации межтекстовых связей, выполняемые ими функции [3, с. 26].

Отсылки к каким-либо текстам могут быть ориентированы на совершенно конкретного адресата – того, кто в состоянии интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней направленность. В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части аудитории.

Обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже их идеологических, политических позиций и эстетических пристрастий.

Существует несколько уровней восприятия интертекстуальных связей. Подобно тому, как Ю. С. Степанов выделяет поверхностный и глубокий смыслы концепта [4, с. 46], целесообразно говорить о первоначальном восприятии и последующем осмыслении интертекстуального заимствования.

Связь с источником может быть поверхностной. В таком случае затрагивается только та часть заимствуемого текста, которая воспроизводится или активизируется ссылкой; неидентификация ссылок подобного рода аудиторией не влечет за собой непонимания всего текста или его значительных сегментов.

Глобальные интертекстуальные отношения, устанавливаемые в рамках целого текста, как правило, имеют несколько уровней смысла и образуют отношения с источником на уровне ключевой идеи. Неустановление таких связей реципиентом приводит к серьезным смысловым пробелам и, возможно, ложному пониманию концепции всего текста.

Интертекстуальность в политическом и экономическом дискурсах направлена также на передачу информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом «внешнем» тексте (претексте). Интертекстуальные ссылки могут стилистически «возвышать» или, наоборот, снижать содержащий их текст.

С точки зрения автора (политического субъекта), интертекстуальность – это (в дополнение к установлению отношений с реципиентом) также способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с тек-

стами других авторов. Это могут быть отношения идентификации, противопоставления или маскировки.

В результате исследования стало возможным выделить следующие отличительные признаки экономического и политического дискурсов:

1. Конвенциональность, проявляемая в конвенциональных семантических формах (клише, идиомах, системе терминов). Политико-экономический дискурс представляет собой локус социального символизма, где (вос)производятся социально релевантные образы структурируемой действительности. Конвенциональность политического дискурса также способствует упрощению схем интерпретации реалий. Другим аспектом конвенциональности является ритуальность, выражающаяся в стереотипизации поведения и коммуникации.

2. Институциональность как непрменный атрибут политической и экономической коммуникаций, поскольку их субъекты являются представителями различного рода институтов.

3. Идеологичность, которая основывается на традиционной связи политики, экономики с идеологией. Под идеологией понимается система социальных представлений, групповых знаний, верований и мнений, основанная на групповых ценностях, нормах и интересах.

Идеологичность дискурса сопряжена с воздействием на мифологический тип мышления, что приводит к выделению категории мифотворчества в политико-экономическом дискурсе. Под мифами понимаются вторичные семиотические системы, создающие вторичную реальность, в которую, в свою очередь, верят и обязаны верить все члены данного коллектива. Мифологические образы характеризуются аксиоматичностью и неverifiedируемостью, что позволяет использовать их в рамках манипулятивной программы.

4. Интертекстуальность как свойство (вос)производства политико-экономических текстов в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм.

Прагматическим аспектом политического и экономического дискурсов является выделение их функций. Неоднозначность и многосторонность подходов к определению доминирующих функций дискурса еще раз подчеркивают всю сложность этого общественно-политического феномена.

Среди остальных функций политико-экономического дискурса могут быть выделены функция социального контроля, функция легитимизации власти, функция воспроизводства власти, ориентационная функция, функция социальной солидаризации и дифференциации и агональная функция.

Список литературы

1. Иванова, Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Е. Б. Иванова. – Волгоград, 2001. – 16 с.

2. Кравченко, И. И. Политическая мифология: вечность и современность / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 3–17.

3. Норман, Б. Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) / Б. Ю. Норман // Славяноведение. – 1997. – № 4. – С. 26–33.

4. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М. : Наука, 1995. – С. 36–48.

Н. В. Вологина

(Белорусско-Российский университет, г. Могилёв, nvshel@mail.ru)

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня политическая система Республики Беларусь находится в состоянии модернизации. Изменения в Конституции нашей страны, которые были приняты в результате общенародного референдума 27 февраля 2022 г., с одной стороны, были детерминированы сложной общественно-политической ситуацией, сложившейся летом – осенью 2020 г., с другой стороны – результатом работы государственных и общественно-политических структур по поиску социального консенсуса в поляризованном белорусском обществе и выстраиванию системы многоступенчатой коммуникации между различными политическими институтами и гражданским обществом.

По результатам референдума в текст Конституции была внесена новая глава, касающаяся особого представительного и законодательного органа Республики Беларусь, который исторически оправдал свое функциональное значение – Всебелорусского народного собрания, первое заседание которого состоялось 19–20 октября 1996 г. На сегодняшний день Всебелорусское народное собрание приобретает статус конституционного органа, порядок формирования которого, полномочия, основные направления деятельности регулируются Законом Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании» от 7 февраля 2023 г. Также корректировке подверглись преамбула, 85 статей Конституции Республики Беларусь, появилось 11 новых статей.

После завершения референдума и начавшегося процесса реформирования политической системы страны, стало очевидным необходимость принятия ряда законов, регулирующих общественно-политическую активность гражданского общества.

Гражданское общество как концепт возникает в эпоху Нового времени и является продуктом развития либерально-буржуазной идеологии. Гражданское общество рассматривается двуедино – и как предпосылка для развития правового государства с одной стороны, как непереносимое

условие существования подлинно демократического развитого правового государства – с другой стороны.

Концепция гражданского общества прошла достаточно долгий путь и в середине XX века нашла свое частичное отражение в теории гражданской политической культуры.

В соответствии с классической типологией политических культур, предложенной авторами Г. Алмондом и С. Вербой, гражданская политическая культура представляет собой наивысшую организационную форму политической культуры. В противовес гражданской выступают патриархальная и подданическая политические культуры. Гражданская политическая культура определяется активным участием (поэтому, достаточно часть ее называют «активистской») значительной части общества в политических процессах, высоким уровнем понимания природы политики и власти, стремлением влиять на политических субъектов и на характер принимаемых ими решений.

Для Алмонда и Вербы, а также последующих исследователей феномена политической культуры, вышеобозначенные типы выступают как «идеальные модели». В реальной политической практике, в соответствии с проведенными в более поздний период наблюдениями, все три типа в разных пропорциях могут быть характерны для экономически и политически развитых обществ эпохи Постмодерна.

С учетом современных реалий концепт «гражданской политической культуры», как в его теоретическом значении, так и в практической плоскости хорошо «работает» в белорусских реалиях сегодняшнего дня. Как было отмечено выше, политическая ситуация в стране после внесения изменения в текст Конституции, вызвала к жизни активный законотворческий процесс, связанный с разработкой нового важного документа, речь идет о Законе Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» от 14 февраля 2023 г. и внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О политических партиях» от 5 октября 1994 г.

В Законе «Об основах гражданского общества» определено само понятие гражданского общества, под которым понимаются «граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством» [1]. Обратим внимание на понятие «участия», которое и выражает во многом суть гражданской политической культуры как культуры участия.

Каким образом обеспечивается участие граждан в жизни белорусского общества? В законе найдены ответы на этот вопрос: через повышение вовлеченности гражданского общества в управление государственными

делами; через организацию эффективного взаимодействия между институтами государственной власти и гражданским обществом с целью укрепления социального доверия; посредством учета общественного мнения и достижения социального консенсуса; через непосредственное участие субъектов гражданского общества (под которыми понимаются различные объединения граждан или юридических лиц на основе членства в общественных организациях) в подготовке и обсуждении нормативно-правовых документов.

Одновременно повышается роль институтов государства в организации эффективного взаимодействия между структурами гражданского общества и самим государством. Здесь государство выступает в роли партнера, заинтересованного в развитии горизонтальных общественных связей, в создании активной коммуникации в социополитическом пространстве, определяющим стратегию национального строительства.

Статья 7 Закона Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» обращает наше внимание на особенные формы взаимодействия между субъектами гражданского общества и государственными институтами. К ним относятся, в том числе и важные политические права граждан Республики Беларусь, а именно – избрание делегатов Всебелорусского народного собрания. Таким образом, мы с вами видим системную взаимообусловленность между гражданским обществом Республики Беларусь, его институциональными структурами в виде общественно-политических объединений и организаций, и работой Всебелорусского народного собрания – высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь, определяющего стратегические направления развития государства и общества, обеспечивающий нерушимость конституционного строя, гражданское согласие и преемственность поколений.

Говоря о ключевой характеристике гражданской политической культуры – категории «участия», стоит отметить как его поведенческую коннотацию, так и ценностно-ориентационную. Изначально под участием мы понимаем добровольную деятельность граждан в политике, желающих оказать на нее некое позитивное влияние, непосредственное участие граждан в политических мероприятиях, в первую очередь, носящих нормативный характер – выборы. Ценностно-ориентационная составляющая категории участия выявляет ярко выраженную заинтересованность и направленность как субъектов гражданского общества, так и граждан, в участии в политических событиях, в формировании социально-значимой ценности участия, понимания архиважности участия граждан в жизни общества, как созидательной мотивации в построении общественного согласия.

Безусловно, одним из самых распространенных механизмов участия являются выборы. Ход политической истории сформировал принципы

избирательного права, определил порядок и характер проведения избирательных кампаний. Сегодня выборы являются единственной формой проявления суверенитета народа и определяют его политическую роль в качестве источника власти. И, конечно, они являются единственной формой реального участия в политике для большинства граждан.

Закон «Об основах гражданского общества» и изменения в Закон страны «О политических партиях» увеличивают возможности представительства интересов гражданского общества, активно участвующих в политических процессах, предоставляя более широкие платформы для определения своих ключевых общественно-значимых интересов и их выявления на уровне принятия политических решений. Высокий уровень развития гражданской политической культуры является залогом успешности избирательного процесса, свидетельствуют о подлинной демократичности, открытости и репрезентативности выборных институтов государственной власти.

Список литературы

1. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 февр. 2023 г., № 250-З. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300250&p1=1&p5=0>.

Л. В. Вонсович

(Белорусский государственный университет физической культуры, г. Минск,
lora_lora@tut.by)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Среди интеграционных объединений на постсоветском пространстве особое место занимает ЕАЭС, созданный в 2015 г. Союз, становление которого происходило поэтапно: зона свободной торговли – таможенный союз – экономический союз, представляет собой, «оптимальную форму соединения многообразных национальных, экономических, политических, природных и иных ресурсов постсоветских стран» [1, с. 47]. Подобная региональная интеграция в формате ЕАЭС должна была удовлетворить потребности членов объединения в «4 свободах» – свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, в развитии общего рынка, привлечении иностранных инвестиций, в укреплении их независимости и суверенитета. Важнейшей задачей функционирования Союза является повышение благосостояния граждан государств – членов ЕАЭС – Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, а также развитие человеческого капитала как главного потенциала Евразии. Несмотря на ряд сложностей, кото-

рые имеют место в интеграционных процессах, евразийская интеграция идет своим путем. Порядка 50 государств современного мира в определенной степени проявляют интерес к развитию сотрудничества и партнерских отношений с ЕАЭС. Партнеры Союза могут иметь статус государств-наблюдателей (Республика Молдова, Узбекистан, Куба) или государств, находящихся в зоне свободной торговли. В активе ЕАЭС шесть международных договоров-соглашений о свободной торговле с Вьетнамом, Ираном, Сингапуром, Сербией и два непреференциальных соглашения с Китаем. Соглашение о зоне свободной торговли между Индонезией и ЕАЭС может быть подписано в ближайшее время.

Основные векторы развития ЕАЭС на современном этапе были обозначены 11 декабря 2020 г. главами государств Союза в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. План мероприятий по реализации стратегических направлений предполагал повысить самодостаточность Союза как субъекта мировой экономики и обеспечить экономический рост государств-членов. Также внедрение в жизнь планов по развитию ЕАЭС должно в перспективе повысить эффективность деятельности наднациональных органов Союза (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийской экономической комиссии, Суда ЕАЭС), расширить сферы экономического сотрудничества стран-членов, включив в спектр интеграционных процессов сотрудничества образование, науку, здравоохранение, туризм и спорт.

Сегодня мы видим, что евразийская интеграция дает ее участникам определенные выгоды. По предварительным данным за 2023 г. совокупный ВВП ЕАЭС увеличился на 3,7 %, что выше среднемировых темпов роста (3,1 %). В прошедшем году наблюдалось также увеличение большинства макроэкономических показателей государств-членов. Для участников евразийской интеграции сегодня есть возможность выстраивать качественные связи со странами и организациями на постсоветском пространстве и вне его, учитывая свои национальные интересы в долгосрочной перспективе. Также вследствие образования единого безбарьерного рынка для более чем 180 млн человек, проживающих в пределах ЕАЭС, появилась перспектива улучшить качество торгово-экономических отношений между странами – участницами Союза, изменить характер их кадрового потенциала с прицелом на наращивание темпов экономического роста. В ближайшей перспективе планируется также повысить энергетическую безопасность стран – участниц ЕАЭС вследствие реализации договоренностей о создании не позднее 2025 г. единого электроэнергетического рынка ЕАЭС. Появление такого рынка положительно повлияет на упрочнение интеграционного взаимодействия в рамках Союза и повышение уровня и качества жизни населения. Дальнейшее раз-

вите интеграционных процессов и институциональное строительство в ЕАЭС также позволит со временем экономить ресурсы государств на пограничное оборудование, меры контроля, затраты на таможенное регулирование и т. д.

Определенные препятствия на пути дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС создают так называемые внутренние факторы. Отдельные участники Союза имеют интерес в развитии интеграционных процессов не только на региональном, но также и на международном уровне. Эти процессы зачастую вызывают негативную реакцию со стороны других членов ЕАЭС. Помимо этого, иногда возникают сложности при выстраивании двусторонних отношений стран-участниц по ряду вопросов, касающихся, в том числе, и политического формата интеграции. К таким политическим проблемам развития Евразийского экономического союза следует отнести незавершенность процессов национального строительства в ряде государств-членов, что отрицательно влияет на возможность создания наднационального законодательства и функционирования наднациональных инструментов ЕАЭС. Без таких инструментов взаимодействие стран Союза сползает «в сторону ручного управления интеграционными процессами» [2, с. 45]. Среди отрицательных факторов развития интеграции следует также отметить наличие политических и этносоциальных конфликтов (к примеру, конфликт Армении с Азербайджаном в Нагорном Карабахе), межгосударственные столкновения внутри и на периферии ЕАЭС, незавершенность борьбы политических элит в отдельных государствах, что не дает им возможности четко определиться с долгосрочными целями развития евразийского строительства.

Не способствует усилению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС возникшая вследствие российско-украинского конфликта дилемма для Казахстана, Армении и Кыргызстана, в отношении которых Запад не ввел санкции. Для этих государств появились реальные риски почувствовать на себе санкционное давление западного мира, которое может ухудшить их экономическое развитие и внутривнутриполитическую обстановку. Эти государства заинтересованы в сохранении своей инвестиционной привлекательности для иностранного бизнеса, что обуславливает их негативное отношение к выработке совместного ответа на санкции западного мира.

Определенные сложности для участников евразийской интеграции создает политика Китая как важнейшего игрока на Евразийском пространстве. С одной стороны, реализация КНР проекта «Один пояс – один путь» предполагает развитие сотрудничества в разных отраслях экономик стран ЕАЭС. С другой стороны, это приводит к росту конкуренции между стратегией ЕАЭС и проектом Китая в части их сопряжения. Есть вероятность

развития отношений КНР и стран – участниц Союза в двухсторонних форматах в обход ЕАЭС, что может негативно сказаться на интеграционном взаимодействии внутри объединения и перспективах его развития. Опасения вызывают также инфраструктурные проекты, добыча полезных ископаемых Китаем, которые не соответствуют экономическим интересам ЕАЭС. В идеале для положительного развития интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза следует привлекать китайские инвестиции в перерабатывающую промышленность, создавать новые и переносить существующие китайские производства на территорию стран – участниц объединения.

Таким образом, в развитии ЕАЭС на современном этапе есть как положительные аспекты, так и отрицательные стороны. В условиях геополитической напряженности, противостояния Запада и России отдельные глобальные игроки пытаются негативно воздействовать на государства – члены ЕАЭС, что естественно замедляет темпы поступательного развития интеграционных процессов внутри Евразийского экономического союза. Эти процессы сегодня, к сожалению, не имеют положительных глобальных успехов, ход их противоречив и неоднозначен, ряд целей (всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик) так и не достигнут. При этом у стран-участниц ЕАЭС нет намерений покинуть интеграционное объединение, а есть стремление наращивать взаимодействие в решении общих проблем. Об этом было сказано на II Евразийском экономическом форуме, который состоялся в мае 2023 г. и был приурочен к заседанию Высшего Евразийского экономического совета с участием глав государств – членов Евразийского экономического союза и государств-наблюдателей. Участники форума пришли к единодушному мнению относительно того, что углубление сотрудничества в рамках ЕАЭС является значимой перспективой для развития социально-экономического сектора экономики и для сохранения национального суверенитета государств – участников Союза. Наиболее оптимальным вариантом развития для данного интеграционного объединения в современных условиях глобализации, имеющей децентрализующий характер и негативные сценарии политической и экономической нестабильности, является планомерная работа наднациональных органов ЕАЭС по реализации намеченных ранее инициатив. Также важным представляется планирование решения общих проблем экономического, политического, социального, культурного характера при сохранении многовекторной политики стран – членов Союза, но с ориентацией на углубление интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, а возможно и на их реформирование.

Список литературы

1. Вонсович, Л. В. Перспективы развития ЕАЭС в новой политической и экономической реальности / Л. В. Вонсович // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : сб. науч. ст. I междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 февр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2023. – С. 46–51.

2. Островская, А. А. Анализ воздействия на интеграционные процессы ЕАЭС внутренних и внешних факторов / А. А. Островская, А. М. Насоненко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 43–50.

О. Н. Гаврилик

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
gavrilik_on@grsu.by)

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ
КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ³**

Молодежь как особая социально-демографическая группа является носителем инновационного потенциала, а ее экономическая активность во многом определяет возможность совершения модернизационного рывка. В свою очередь способ хозяйствования имеет культурные детерминанты, ценностно-нормативную основу. Близость ментальных параметров экономической деятельности способствует налаживанию сотрудничества и развитию интеграционных процессов в рамках Союзного государства.

В данном контексте актуализируется значимость исследования экономической культуры населения, особенно молодежи. Наиболее распространенными являются социологический, экономический, культурологический, системный и междисциплинарный подходы к изучению экономической культуры. В рамках социологического подхода предложены различные определения данного понятия. Так, согласно Г. Н. Соколовой, экономическая культура включает в себя экономическое сознание и экономическое мышление и является механизмом регулирования экономического поведения индивида [1, с. 118]. Н. С. Тарасова рассматривает данный феномен как совокупность экономического поведения и экономического мышления [2, с. 71]. Т. О. Ефременко выделяет материальные (используемые средства производства, продукты материального производ-

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РНФ в рамках научного проекта № Г23РНФМ-011 «Молодежь России и Беларуси о себе: экономические и социокультурные вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего для сотрудничества».

ства), деятельностные (умения людей и технологии) и духовные (ментальность, ценности, знания, информация) составляющие экономической культуры [3, с. 131–132].

Исследование А.М. Сидоровой, проведенное с использованием методики Г. Хофстеде «Модуль исследования ценностей 1994» (VSM 94), показало, что Беларусь и Россия относятся к государственно-корпоративному типу экономической культуры, а экономическая ментальность населения обеих стран сочетает в себе черты восточного и западного менталитетов [4; 5].

Молодежи для принятия грамотных решений по экономическим вопросам необходимо повышать свой уровень финансовой грамотности. С этой целью в Республике Беларусь и Российской Федерации реализуются соответствующие образовательные программы. По результатам исследования финансовой грамотности населения Республики Беларусь 2022 года, молодежь демонстрирует наиболее высокий уровень финансовых знаний и компетенций [6, с. 10]. В целом наблюдается позитивная динамика показателей финансовой грамотности среди молодежи, что выражается в их готовности реализовывать свои знания и установки в финансовой сфере. Ожидаемо в сравнении с другими социальными группами молодое поколение лучше владеет информацией о цифровых финансовых технологиях; доля таковых увеличилась на 30 % в период с 2020 по 2022 год [6, с. 12]. Также по данным исследования 36 % молодых людей ведут учет своих доходов и расходов, примерно столько же реализуют «эффективную стратегию трат», которая предполагает откладывание части средств на сбережение. Для достижения финансовых целей молодые люди, прежде всего, ответственно подходят к потреблению товаров и услуг и стремятся повысить свой доход [7, с. 19–21]. Такое активное экономическое поведение способствует вовлечению молодых кадров в сферу производства, поиску новых форм занятости и внедрению инноваций.

Исследования экономической культуры молодежи включают выявление ценностных ориентаций в сфере труда, их карьерные устремления, готовность заниматься предпринимательской деятельностью и др. В представлениях молодых россиян предпринимательская деятельность, главным образом, ассоциируется с возможностью получения высокого дохода, с творческой работой и независимостью от начальства [8, с. 174]. По данным опроса студенческой молодежи, проведенного в 2023 г. сотрудниками кафедры политологии и социологии ГрГУ им. Янки Купалы по репрезентативной выборке, наиболее привлекательны для открытия своего предприятия для студентов университета и учащихся колледжей следующие факторы: возможность обрести финансовую стабильность, отсутствие необходимости работать в качестве наемного сотрудника, ощу-

жения самостоятельности и свободы, интерес к выбранной сфере деятельности.

Среди приоритетов будущей профессиональной деятельности молодежи – высокий заработок, карьерный рост, наличие условий для реализации своего потенциала и постоянного самосовершенствования [9, с. 170]. Отмечается прагматичный и утилитарный характер ценностных ориентаций студенчества. По мнению молодых людей, настоящий профессионал должен обладать, прежде всего, «мягкими» навыками, коммуникативными компетенциями. Менее трети респондентов указали на значимость глубокого фундаментального образования, а социально ответственное мировоззрение оказалось наименее важным качеством профессионала [9, с. 172]. Выход на рынок труда вчерашних выпускников университетов, колледжей связан с объективными трудностями. Это осознают молодые люди, которых больше всего волнует отсутствие опыта работы, низкий уровень оплаты труда начинающих специалистов, несоответствие уровня подготовки требованиям работодателя [9, с. 195]. Массовой проблемой как в российском, так и в белорусском обществе является вторичная занятость студентов, совмещение учебы с работой, которая зачастую не связана с профилем подготовки, не способствует профессиональному развитию, повышению конкурентоспособности, а остается средством заработка, получения навыков социальной коммуникации. Как следствие, далеко не все студенты планируют работать по специальности (осознавая недостаточный уровень своей квалификации), при этом не хотят оставаться во вторичном секторе рынка труда с нестабильностью занятости, отсутствием социальных гарантий и невысоким доходом. Это влечет за собой неудовлетворенность молодежи своим материальным положением, профессиональным и социальным статусом, а также неуверенность в будущем.

Таким образом, развитие экономической культуры молодежи является залогом их успешной социализации, реализации себя в трудовой деятельности, а также прогрессивного движения всего общества. Сходство ценностных ориентаций белорусской и российской молодежи в экономической сфере является важным фактором успешности интеграционных процессов между странами.

Список литературы

1. Соколова, Г. Н. Экономическая социология / Г. Н. Соколова. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 255 с.
2. Тарасова, Н. С. Особенности трансформации экономической культуры в России в период перехода к рыночной экономике (конец 1980-х – 1990-е гг.) / Н. С. Тарасова // Человеческий капитал. – 2019. – № 11. – С. 70–78.

3. Ефременко, Т. Экономическая культура как социологическое понятие / Т. Ефременко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 3. – С. 123–141.
4. Сидорова, А. М. Влияние экономической ментальности на становление интеграционных процессов / А. М. Сидорова // Журнал институциональных исследований. – 2015. – № 2. – С. 68–83.
5. Лемешенко, П. С. Экономическая ментальность как основа интеграционных процессов стран Таможенного союза и Украины / П. С. Лемешенко, А. М. Сидорова // Философия хозяйства. – 2015. – № 3. – С. 43–51.
6. Ображей, О. Уровень финансовой грамотности населения Республики Беларусь: индексная оценка динамики за 2020–2022 годы / О. Ображей // Банкаўскі веснік. – 2023. – № 2. – С. 3–13.
7. Ображей, О. Финансовая грамотность населения Беларуси (в разрезе регионов и социальных групп) / О. Ображей, В. Подвальская // Банкаўскі веснік. – 2023. – № 1. – С. 18–30.
8. Финансовое поведение населения (мониторинговое исследование) / О. А. Александрова, Н. В. Алиперова [и др.]; отв. ред.: Е. И. Медведева, С. В. Крошилил; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2023. – 270 с.
9. Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего : моногр. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого; М-во науки и высшего образования Рос. Федер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 372 с.

К. А. Голубева

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, kristi182000@gmail.com)

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПОНЯТИЯ

Эффективная таможенная политика современной Беларуси является неотъемлемой частью регулирования внешнеэкономических связей и внешнеполитической деятельности страны. Она направлена на обеспечение защиты интересов государства, поощрение развития внешней торговли и привлечения иностранных инвестиций, а также контроль за перемещением товаров и услуг через таможенную границу. В связи с вышесказанным, объектом нашего исследования станет таможенная политика, предметом – историография понятия. Под историографией мы будем понимать совокупность исследований, посвященных определенной теме, а под термином «понятие» – целостную сущность суждений, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках объекта [1, с. 457].

Миссия таможенных органов согласно Таможенному кодексу Евразийского экономического союза заключается в следующем [2]: таможенные органы несут основную ответственность за надзор за международной торговлей Союза, способствуя тем самым справедливой и открытой торговле, реализации внешних аспектов внутренней торговли рынка, об-

шей торговой политики и других общих политик Союза, имеющих отношение к торговле, а также к общей безопасности цепочки поставок.

В Республике Беларусь, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2021 г. № 121-З «О Таможенном регулировании в Республике Беларусь» [3], Президент Республики Беларусь определяет государственную таможенную политику и осуществляет общее руководство таможенным делом. Республиканским органом государственного управления, осуществляющим государственную таможенную политику и непосредственное руководство таможенным делом, является Государственный таможенный комитет Республики Беларусь.

Обзор отечественных исследований даст нам возможность охарактеризовать термин «таможенная политика».

1. Таможенная политика – система политико-правовых, экономических, организационных и иных мероприятий в сфере таможенного дела, которые направлены на реализацию и охрану внутренней и внешней политики в целях реализации политических и социально-экономических модификаций в условиях становления в Республике Беларусь рыночных отношений [4, с. 13].

2. Таможенная политика – это система мер, определяющая приоритеты, способы и средства достижения государственных целей в сфере регулирования трансграничного перемещения товаров [5, с. 10].

3. В таможенной политике сконцентрированы важнейшие задачи государственной политики в целом. Таможенный механизм, который включает в себя таможенный контроль, использование мер тарифного и нетарифного регулирования товарообмена на таможенной территории и внешнеэкономической деятельности, борьбу с контрабандой и т. п., создан обеспечивать безопасность отечественного рынка от внутренних и внешних угроз и экономических ущербов [6, с. 398].

4. Понимание сути таможенной политики можно раскрыть сквозь призму внешней политики, именно она направлена на обеспечение соблюдения собственных интересов государства. В то же время, вступая в международные экономические отношения, государство должно стремиться к балансу интересов, когда каждая сторона этих отношений получала бы максимум выгод, не задевая при этом национальные интересы других стран. Именно поэтому одним из основных средств реализации таможенной политики Республики Беларусь является ее участие в таможенных союзах и иных формах интеграции экономических связей с другими государствами [7, с. 152].

5. Таможенная политика – это комплекс мер, систематически и целенаправленно осуществляемых уполномоченными органами государствен-

ного управления с целью реализации государственных интересов при перемещении товаров через таможенную границу [8, с. 107].

6. Анализируя понятие «таможенной политики» в реализации экономических задач Республики Беларусь, стоит выделить ее основные функции:

- Адаптивная. Она подразумевает чувствительность по отношению к мировым тенденциям, в первую очередь с учетом норм и принципов, заложенных международными нормативными правовыми актами, разработанными в рамках Всемирной таможенной организации и др. Участие в данных процессах, безусловно, способствует развитию экономики государства и повышению ее значимости на международной арене.

- Стимулирующая. По отношению к торговле подразумевает создание зон свободной торговли, предоставление льгот, преференциального режима, национального режима, режима наибольшего благоприятствования и др. По отношению к национальному производству – поддержку внутренних экспортеров и производителей, повышение их конкурентоспособности.

- Реторсионная. В нее включаются меры воздействия, предпринимаемые в ответ на применяемую дискриминацию.

- Фискальная. Означает пополнение доходной части государственно-го бюджета путем взимания таможенных платежей.

- Регулирующая. Подразумевает обеспечение основных направлений внешнеторговой политики: протекционизма или свободной торговли. Однако следует учитывать, что в современных геополитических условиях применение строго одно из направлений в чистом виде проблематично и необоснованно.

- Защитная. Осуществляет обеспечение населения и окружающей среды защитой от вредного воздействия импортируемых товаров [9, с. 245].

7. Таможенная политика тесно связана с экономическими показателями стран в отношении международных интеграций, что предполагает четкое определение товаров и услуг, которые могут быть ввезены и вывезены на территорию и с территории Республики Беларусь. Данная мера позволит избежать уменьшения национального богатства стран и позволит увеличить экономические показатели [9, с. 246].

8. Роль и функции таможенных органов в каждом государстве могут быть разными, в зависимости от его потребностей, экономического положения и политических приоритетов. Однако, фискальный, экономический и защитный аспекты всегда остаются важными элементами, которые эти органы выполняют.

Фискальный аспект – это сбор доходов для государственной казны путем взимания импортных налогов.

Экономический аспект означает, что таможенные органы осуществляют надзор за определенной государственной экономической политикой.

Защитный аспект подразумевает охрану здоровья граждан и борьбу с трансграничной преступностью.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что таможенная политика – это эффективный инструмент регулирования внешнеэкономической деятельности и поддержания состояния баланса интересов всех стран, способствующий укреплению единства политической, экономической, правовой и социокультурной сфер государства.

В свете современных глобальных вызовов и угроз, нашему государству необходимо активно разрабатывать и проводить эффективную таможенную политику, которая отвечает вызовам современной экономики, международных отношений. Это позволит стране укрепить свою экономическую позицию, защитить национальные интересы и повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке.

Список литературы

1. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 721 с.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : в ред. 29.05.2019 : с изм. от 18.03.2023 / КонсультантПлюс, Беларусь.
3. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129 : с изм. и доп. от 09.07.2021 / КонсультантПлюс. Беларусь.
4. Черкасова, Е. В. Таможенное право : учеб.-метод. комплекс / Е. В. Черкасова. – Минск : Изд-во МИУ, 2008. – 204 с.
5. Основы таможенного дела : учеб. / В. А. Гошин, А. Н. Сиротский, Н. А. Дубинский [и др.] ; под ред. А. Н. Сиротского, В. А. Гошина. – Минск : БГУ, 2003. – 475 с.
6. Бондарь, Т. Е. Этапы развития таможенной политики Республики Беларусь / Т. Е. Бондарь // Глобальные проблемы модернизации национальной экономики : материалы VII междунар. науч.-практ. конф., 19–20 апр. 2018 г. / отв. ред. А. А. Бурмистрова ; М-во обр. и науки Рос. Федер., ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». – Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2018. – С. 395–402.
7. Умеренкова, И. А. Таможенная политика Республики Беларусь / И. А. Умеренкова, В. К. Гребенникова // Глобализация – путь к объединению : сб. науч. ст. 2-й междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л. В. Бычковой, В. М. Кузьминой. – 2017. – С. 150–152.
8. Роговец, К. Н. Таможенная политика: сущность и значение / К. Н. Роговец // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 101–114.
9. Бабак, Д. В. Роль таможенной политики в реализации экономических задач Республики Беларусь / Д. В. Бабак, П. И. Болточко // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XIII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та. – Минск, 2023. – С. 244–248.

Д. В. Голубничий

(Белорусский институт стратегических исследований, г. Минск,
d.halubnichy@gmail.com)

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Практика стратегического прогнозирования широко распространена в зарубежном аналитическом пространстве. Основными источниками прогнозов являются фабрики мысли. Возможно отметить усиление работы на данном направлении и различных фондов, которые в своей общественно-политической деятельности уделяют немалое внимание аккумулярованию научного потенциала, в том числе для его задействования в прогнозировании.

В силу растущей напряженности в международных отношениях, в том числе вследствие кризисов глобального масштаба, первоочередной интерес для многих структур представляет попытка спрогнозировать поведение субъектов международных отношений с учетом совокупности оказывающих влияние факторов. В этой связи возможно утверждать, что стратегический анализ и прогнозирование в деятельности мировых аналитических центров наиболее содержательно выражены в применении метода построения сценариев.

Документы, подготовленные на основе данного метода, как правило представляют собой набор нескольких траекторий развития ситуации с различным уровнем конкретизации тех или иных процессов и факторов в зависимости от задач исследования.

Метод сценариев обретает все большую популярность в прогнозировании и в силу стабильно высокой динамики развития международных процессов, что позволяет сохранить актуальность исследования за счет существования в работе нескольких альтернативных вариантов развития ситуации.

Немаловажно также отметить, что исследования, получающиеся в результате применения метода сценариев, обладают высоким уровнем презентабельности, являются понятными широкой зарубежной аудитории, что помогает их продвижению и распространению в среде как аналитических структур, так и среди государственных институтов.

Недостатком данного метода является его редкое использование на системной основе. Как правило, метод сценариев применяется в плоскости отдельных научных проектов, что зачастую означает отсутствие ответственности по отношению к ранее проведенным исследованиям.

Определенной сложностью сценарного прогнозирования является и то, что данный формат требует задействования определенного состава

аналитиков, где особую ценность представляют страновые специалисты и зарубежные эксперты, что делает этот метод близким по фактическому процессу к методу «Дельфи». К тому же реализация данного метода предполагает немалые временные затраты и наличие подготовленного модератора.

Изучение проблематики сценарного прогнозирования позволяет говорить, что метод сценариев обладает высокой степенью адаптивности.

Во-первых, сценарное прогнозирование имеет широкую область применения, которая включает международные отношения, регионалистику, экономику, энергетику, образование, сферу информационных технологий, сельское хозяйство и др. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что метод сценариев продолжает закрепляться в качестве общенаучного метода в силу универсальности и адаптивности под нужды исследователя.

Во-вторых, процесс сценарного прогнозирования зачастую различается по количеству и последовательности этапов выстраивания сценариев, в результате чего различные исследования с применением данного метода будут иметь лишь базовые сходства.

Базовое методологическое сходство зачастую основывается на: постановке исследовательской задачи (вопроса), выделении факторов, влияющих на процесс (драйверов), выстраивании траекторий развития ситуации с различным уровнем конкретизации в зависимости от задач исследования (логика сценария).

В качестве одной из альтернатив возможно предложить следующую методику выстраивания прогноза на основе сценариев, которая применима к анализу международных отношений с акцентом на систематизацию целей и интересов государств.

1. Определение субъекта международных отношений для анализа. Субъектом может выступать как отдельное государство, так и регион / группа стран / наднациональное объединение.

2. Определение целей наиболее влиятельных внешних акторов в отношении субъекта.

3. Распределение выделенных целей внешних акторов в отношении субъекта по группам.

4. Анализ целей актора в отношении субъекта.

4.1. На оси X располагаются группы целей по степени их важности (слева – менее значимая, справа – наиболее значимая).

4.2. На оси Y группы целей располагаются по степени активности (темпу) их продвижения в отношении субъекта (в нижней части оси – наиболее пассивно преследуемая цель, в верхней – наиболее активное продвижение данной цели через различные инструменты, в том числе через имеющиеся проекты и направления политики).

Группа целей, визуально расположенная в правом верхнем углу графика, будет являться наиболее вероятной к осуществлению при выработке политических опций на дальнейших этапах исследования.

5. Определение ключевых драйверов политического процесса.

Под драйверами понимаются наиболее существенные по влиянию факторы.

5.1. Распределение драйверов на группы (социально-экономические, политические, ценностные).

5.2. Построение карты драйверов (определение наиболее важных драйверов). Группы драйверов являются отправной точкой для исследования и могут дополняться новыми категориями, если возникнет такая необходимость.

6. Построение сценария на основе драйверов.

Для сценария драйверы служат своеобразным якорем для фиксации процессов и трендов, течение которых будет прогнозироваться.

Необходимость выстраивания сценария на основе драйверов исходит из высокой сложности предвидения развития политических ситуаций и необходимости избегать излишних фантазий. Другими словами, использование драйверов в сценарии дает трек для большей вероятности.

Предложенная методика является одним из возможных примеров формирования стратегического прогноза на основе сценариев и не претендует на полное описание последовательности выстраивания сценария.

При наличии специфических исследовательских задач методика также может дополняться необходимыми этапами.

Будущее сценарного прогнозирования, на наш взгляд, может быть определено через активно ведущуюся в научном сообществе дискуссию об эффективности аналитики в целом.

Таким образом, на основании изложенного возможно отметить, что эффективность метода сценариев в стратегическом прогнозировании во многом зависит от успешности адаптации данного подхода для решения поставленных задач.

Е. С. Гончарова (Филимонова)

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, helgafilimonova0@gmail.com)

А. С. ПАНАРИН О ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ МАРГИНАЛАХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

А. С. Панарин – современный политический философ, все его труды затрагивают события конца XX века, или содержат размышления с чрез-

вычайно важной исторической ретроспективой. Кроме того, Панарин долгое время работал в Московском университете и по праву считается одним из родоначальников современной русской школы политической мысли. Выводы, которые делает Панарин, могут способствовать не только пониманию ключевых идеологических проблем России, но и формировать единую систему необходимых обществу консолидирующих паттернов. Всё своё творчество учёный посвятил поиску единых смыслов и особенностей русской культуры, которые могли бы сплотить народ России. Спустя 20 лет после смерти философа, вновь всё чаще слышны высказывания о том, что пора принять новый вектор развития, согласно которому, Россия – особая цивилизация. В этой связи представляется важным выяснить сущность Панаринского подхода, его основные идеи и принципы.

В произведении «Православная цивилизация в глобальном мире, опубликованном в 2002 году, Панарин сосредоточился на причинах упадка России в 90-е годы. В первую очередь учёный говорит о разрушении базовых столпов национальной идентичности: языка, культуры, менталитета и политического доверия. Русский язык перестал быть престижным для русского человека. Мы потеряли право на собственные лексемы, а самопроявление русскости стало поводом для обвинений в радикальном традиционализме и консерватизме [1, с. 144].

Телевидение убило в нас человечность, насыщая неокрепшие умы потоками грязи и садистским смакованием насилия. В эфирах тех лет не транслировалась, например, русская музыка, потому что чествовать национальную культуру и знать её было немодно [1, с. 143]. Под влиянием преимущественно западных веяний сформировался принципиально новый образ для подражания, Панарин называет его «Монстром без норм» [1, с. 150]. Договороспособность таких индивидов покупается ценой абстрагирования от национальных интересов и родного культурного содержания [1, с. 151]. Тот, кого ранее негласный общественный договор призывал считать маргиналом, теперь стал гордо называться мультикультурным глобальным игроком или человеком мира. В реальности все они лишены моральных обязательств и чувства долга, и несмотря на свою «нейтральность», не отказываются получать доступ к системе принятия решений.

Среди прочих отличительных черт жертв глобализма Панарин упоминает экзистенциальную обделенность, обездоленность, мирооставленность, алчность и стремление к сиюминутному обладанию. «Монстры без норм» не готовы отдавать и заботиться о последствиях, их цель: урвать побольше здесь и сейчас. Раньше чувство причастности давала природа, но теперь в больших городах ее нет, вместо природы там каменные джунгли с жестокими законами, где христианская мораль трактуется как знак отверженных [1, с. 145]. Это состояние общества Панарин называет «сиротством постмодернистской жизни». «Сироты» сформировали глобаль-

ное общество отщепенцев, что привело их к искаженному пониманию любви и бунту против Бога [1, с. 147].

Политические элиты России 90-х преклонялись перед чужим, потому что не сумели найти ценности в своём. Но смешение своей и чужой среды чрезмерно опасно и ведёт к хорошо заметным сегодня срывам. В этой связи проводится аналогия с космонавтами, которые повсюду берут с собой земной воздух, так как знают, что без него им не выжить [1, с. 149].

«Современный либерализм – это ящик с двойным дном, который сперва говорит о демократии, а потом о глобализации, не объясняя, что одно исключает другое» [1, с. 148]. Рассуждая об утрате доверия к политическим элитам, Панарин подчёркивает, что под эгидой демократии гораздо быстрее решится проблема журналиста-жертвы режима, нежели проблема детских голодных обмороков [1, с. 145]. Стиль правления, при котором элиты демонстративно игнорируют истинные запросы общества, Панарин называет «декоративной демократией» [1, с. 144]. Пародия на демократию разорвала в том числе и авторитетную связь руководителей и подчинённых. Верхов уже не волнуют судьбы их жертв, к людям относятся как к отработанному материалу, не заботясь о нервной системе и их личном вкладе в общее дело [1, с. 152]. А озлобленные низы в ответ воспринимают вложенные ресурсы как должное и идут по головам. Золотому миллиарду в целом не свойственно христианское человеколюбие, сострадание и самоотверженность [1, с. 160].

Привилегированный мир не подаёт руку помощи и не обещает приобщенности [1, с. 163]. Но бедные уже составляют треть человечества. Необходимость делиться нелегитимным богатством рано или поздно возникнет, с этим нужно смириться, иначе человечество одичает и погибнет [1, с. 161]. Россия может и не жить по правилам, которые позволяют «золотому миллиарду» продолжать колониальную политику и богатеть за счёт войн, Россия может создать свои правила. Обращаясь к А. С. Хомякову, Панарин замечает, что Запад никогда не понимал совместимости государства и христианства. Возможно неразгаданность, а значит, и непредсказуемость сыграют России на руку.

Попытки избрать путь, основанный во многом на вере, уже имели место в истории России, однако, закончились они революцией 1917 года. Панарин уверен, что тогда за официальной церковью, олицетворяющей скорее закон, чем благодать, не заметили настоящую церковь [1, с. 158]. «Не чудеса науки и техники убеждали русское сознание в отсутствии Бога, а космический холод официальной религии» [1, с. 158]. В этом и состояла фатальная ошибка русской интеллигенции.

Но чего же от православия ждут в XXI веке? Панарин отмечает стремление к матриархальному вектору поклонения Богу, по его мнению, общество хочет видеть в религии не ветхозаветную мощь и отцовскую суро-

вость, а черты материнского заступничества, жалости, сострадательности и благодатного дарения [1, с. 158]. «Страдающая женственность в Божьем обличии» – так Панарин описывает Богоматерь-заступницу, – единственный образ, способный объединить Россию [1, с. 161].

Вопросы, которые задает А. С. Панарин уже много лет побуждают к серьезным размышлениям и плодотворным научным дискуссиям. Более того, идеи таких конструктивных и созидательных философов, как А. С. Панарин, сегодня особенно важны нашей стране, потому что всё, что происходит в мире науки и общественно-политической мысли, может оказаться на столах будущих лидеров государственной политики. И только в наших руках здравость и трезвость этих идей. Ведь нравственной или безнравственной науку делает человек.

Конечно, тезис о том, что православие под силу сковать человеческую жадность и привести русский народ к чувственному восприятию мира и милосердию, несколько идеалистичен. Но надежда реалиста Панарина кроется в том, что политики считаются с интересами, которые лучше всего защищены и больше остальных лоббируются. А, значит, запрос российского общества на создание православной цивилизации реально удовлетворить. Главное помнить, что однажды поверившие в Христа, успешно прожили без демократии как минимум девять десятых своего исторического существования [1, с. 153].

Список литературы

1. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 494 с.
2. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М. : ЭКСМО, 2002. – 415 с.
3. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2006. – 352 с.

А. А. Горелик

(Белорусский государственный университет, г. Минск,
lt.anton@tut.by)

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В современном информационном обществе нейронные сети становятся все более популярным инструментом в различных областях, включая политическую науку. Применение искусственного интеллекта и нейронных сетей в политическом анализе и журналистике открывает новые возможности и вызывает серьезные риски. В данной статье мы рассмотрим потенциал нейронных сетей в науке и проблемы, связанные с их использованием.

Нейронные сети представляют собой математическую модель, взятую из биологии, которая имитирует работу головного мозга и способна обрабатывать большие объемы данных. Предположительно, использование нейронных сетей может быть полезным для анализа политических процессов, предсказания результатов выборов, исследования общественного мнения и определения трендов в политической сфере, журналистике и PR.

Нейросети в современном политическом процессе.

Нейронные сети позволяют проводить анализ политических процессов на основе большого объема данных. Это позволяет исследователям выявлять скрытые закономерности и тренды, которые могут оказаться недоступными при традиционных методах исследования. Например, нейронные сети могут помочь определить факторы, влияющие на политическую стабильность или предсказать вероятность возникновения конфликтов.

Анализ политических процессов с использованием нейросетей представляет собой мощный инструмент для понимания и прогнозирования политических тенденций. Ниже приведены некоторые способы, которыми нейросети могут быть использованы для изучения политических процессов:

- Анализ текста: Нейросети могут быть обучены исследовать политические выступления, законопроекты, политические статьи и другие текстовые материалы для выявления тенденций, чувств и мнений общества и отдельных лиц, а также для выявления ключевых тем и проблем.

- Определение влияния политических событий: Нейросети могут использоваться для анализа взаимосвязей между политическими событиями и их влиянием на общественное мнение и поведение.

- Выявление дезинформации: Нейросети могут помочь в выявлении фейковых новостей, манипуляций и дезинформации в политической сфере.

- Нейронные сети могут быть использованы и для анализа политической риторики, определения ключевых слов и тем, а также для выявления скрытых взаимосвязей между политическими акторами.

- Одним из наиболее интересных применений нейронных сетей в политической науке является предсказание результатов выборов. Анализ данных о предыдущих выборах, социальных медиа и других факторов позволяет создать модель, которая может предсказывать вероятность победы кандидата или партии. Это может быть полезным инструментом для политических кампаний, позволяющим оптимизировать стратегию и повысить шансы на успех.

- Одним из примеров использования нейронных сетей в политической науке является исследование влияния политической риторики на поведение избирателей. Нейронные сети, обученные на основе текстовых данных из политических выступлений могут показывать какие фразы и

выражения оказывают наибольшее влияние на эмоциональное состояние и решения избирателей.

- Другим примером использования нейронных сетей в политической науке является анализ социальных сетей. Нейронные сети могут быть обучены на основе данных из социальных медиа и успешно определяют, какие темы и мнения наиболее популярны среди пользователей социальных сетей. Это позволяет политическим аналитикам лучше понимать общественное мнение и адаптировать свои стратегии и сообщения соответствующим образом.

Вызовы и проблемы использования нейронных сетей в политической науке.

Несмотря на все преимущества, использование нейронных сетей в политической науке также сталкивается с определенными проблемами. Одним из таких вызовов является необходимость в больших объемах данных для обучения нейронной сети. Без достаточного количества данных нейронная сеть может давать неточные и непредсказуемые результаты.

Другой проблемой является интерпретируемость результатов, полученных с помощью нейронных сетей. Эти данные могут быть очень сложными и не всегда понятными для человека, что может создавать проблемы в объяснении и интерпретации результатов исследования.

Стоит отметить и проблему использования нейронных сетей для распространения пропаганды. Нейронные сети могут быть обучены на большом объеме данных, которые никто не верифицирует, включая фейковые новости и манипулятивные материалы. Это может привести к искажению общественного мнения и манипуляции политическими процессами.

С развитием технологий искусственного интеллекта, он стал мощным инструментом в создании и распространении пропагандистских материалов. ИИ способен автоматически анализировать и классифицировать недоступные человеку объемы информации, выделять ключевые факторы в сообщениях и создавать персонализированные контент для каждого пользователя.

Использование нейронных сетей в распространении пропаганды может привести к серьезным этическим проблемам. Манипуляция информацией и создание персонализированных пропагандистских материалов может негативно повлиять на общественное мнение и демократические процессы.

Для предотвращения злоупотребления нейронными сетями в пропаганде необходимо разработать эффективное законодательство и нормативные акты. Очевидно, это дело уже ближайшего будущего. Регулирование использования искусственного интеллекта и нейронных сетей поможет минимизировать потенциальные негативные последствия и защитить общественные интересы.

Использование нейросетей в распространении пропаганды имеет и свои преимущества. Так можно легко создавать персонализированные материалы и более точно настраиваться на потребности аудитории.

Наконец, заметной проблемой связанной с нейросетями является недостаточная прозрачность алгоритмов, используемых ими. Некоторые решения, принимаемые искусственным интеллектом, сложно объяснить или проверить. Это может вызвать опасения относительно объективности и непредсказуемости результатов, особенно в политическом контексте.

Сложности добавляет и относительная закрытость систем работы самих нейросетей. В результате возникает вопрос – кем был написан текст, нейросетью или человеком. И если анализ писала нейросеть – насколько свежими фактами она оперировала и насколько можно доверять ее выводам. В результате, зачастую у специалиста уходит больше времени на проверку данных, представленных компьютером, чем на самостоятельное написание текста или анализ информации. Эта проблема становится еще более заметна при работе с т. н. «Большими Данными» (англ. BigData) – огромными массивами зашифрованной информации, разбор которой человеком практически невозможен или слишком трудозатратен, а нейросети справляются с таким анализом очень хорошо.

Использование нейросетей в политической науке предоставляет значительные возможности для анализа и предсказания политических процессов. Однако, необходимо учитывать и риски, связанные с использованием этих технологий. Прозрачность, этические нормы и ответственное использование искусственного интеллекта в политическом анализе, PR и журналистике являются важными аспектами для обеспечения надежности и точности результатов.

В конечном итоге, нейронные сети могут быть мощным инструментом для политической науки, но их использование должно осуществляться с осторожностью и осознанием потенциальных рисков и этических вопросов. Только так можно обеспечить надежность и точность результатов и использовать эти технологии в интересах общества.

А. В. Горелик

(Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск,
alexander53@tut.by)

СИСТЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В БЕЛАРУСИ: НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Современная политическая наука исходит из того, что любое общество может быть представлено как более или менее развитая система раз-

нообразных групповых интересов, постоянно пребывающих в сложных отношениях сотрудничества и соперничества, обусловленных стремлением получить доступ к процессу выработки и принятия значимых политических (государственных) решений с целью обеспечения выгоды для себя. На характер взаимодействия бизнеса и власти оказывают влияние многие факторы: исторические традиции, уровень институционализации бизнеса и власти, принятые в государстве методы разрешения споров между бизнесом и государством, устойчивые и систематические связи между группами бизнес-интересов и правительственными структурами, именуемыми системами представительства интересов. Выделяют две основные (базовые) системы представительства таких интересов, принципы, механизмы и каналы представления которых существенно различаются.

Первая система, именуемая плюралистической, основывается на существовании множества различных неструктурированных групп интересов, оказывающих воздействие на властные институты. Они конкурируют между собой, соперничая за доступ к власти и влияние в обществе. Представители таких групп интересов не занимают никаких официальных постов в государственных учреждениях и поэтому не выступают в роли тех, кто принимает решения. Их роль заключается в том, чтобы влиять на деятельность правительства извне, главным образом через лоббирование избранных политиков и госчиновников. Иными словами, государство здесь выступает только объектом воздействия, оно отделено от непосредственного участия в контроле над ними, не организует каналы, механизмы и технологии взаимодействия, хотя и вынуждено реагировать на давление, исходящее от таких групп. Такая система действует в основном в западных странах (США, Канада, Великобритания, Франция и др.).

Вторая система получила название корпоративистской. Она прямо противоположна предыдущей. Её суть заключается в том, что между государством и группами интересов формируется система корпораций в сферах бизнеса и трудовых отношений, основанная на социальном консенсусе и совместном достижении целей государственной политики. Группы интересов в ней иерархично выстроены, их деятельность регламентирована. Они действуют в тесной взаимосвязи с государством, которое выступает не только объектом воздействия этих групп, но и центральным субъектом, устанавливающим «правила игры». В результате такого взаимодействия достигается главная цель – социальная гармония, баланс интересов государства и бизнес-сообщества при принятии политических решений, сохранение социальной направленности государственной политики. Важной разграничительной линией обеих систем выступает характер представления интересов: если в основе плюралистической системы лежит индивидуализм представительства интересов, то корпоративизм основывается на коллегиальности. Подчеркнем, что корпоративистская система может

проявлять себя в двух вариантах: либеральном и этатистском. В первом случае активность групп интересов формируется «снизу» на плюралистической основе (основатель неокорпоративизма Ф. Шмиттер называет такую систему неокорпоративистской), во втором – само государство формирует «доверенные корпорации». По нашему мнению, в Беларуси действует ярко выраженный второй вариант, который имеет свои плюсы и минусы.

В нашей стране сложились определенные политико-правовые основы взаимодействия государства и бизнеса. Например, к числу нормативных правовых актов следует отнести:

- Стратегию развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года, принятую в 2018 году под названием «Беларусь – страна успешного предпринимательства», основная задача которой создать конкурентоспособный и адаптивный предпринимательский сектор экономики [1];

- Государственную программу «Малое и среднее предпринимательство на 2021–2025 годы», предусматривающую формирование и функционирование благоприятной предпринимательской среды;

- Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательства» от 23.11.2017, главной составляющей которого является кардинальное изменение механизмов взаимодействия бизнес-субъектов и государственных органов, минимизация вмешательства должностных лиц в работу субъектов малого и среднего предпринимательства, с одной стороны, и усиление ответственности этих субъектов за свою работу, с другой.

Наличествует и определенный перечень институтов, которые могут быть использованы бизнес-структурами при представлении своих интересов. В частности, в стране действуют:

- Совет по развитию предпринимательства при Президенте Республики Беларусь, созданный еще в 1999 году. И если первоначально его роль сводилась лишь к разработке экспертизы рекомендаций по государственной поддержке субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности, то после расширения полномочий в 2017 году в его компетенцию входит рассмотрение и согласование проектов нормативных и правовых актов (НПА), касающихся предпринимательской деятельности, внесение предложений по совершенствованию законодательства, которые обязательны для рассмотрения [2]. Его роль постоянно подчеркивает Глава государства, называя его единственным советом, существующим при Президенте;

- институт обращений, предусматривающий подачу жалоб, заявлений, предложений. Отметим, что действие этого инструмента распространяется не только на физических, но и на юридических лиц, в отличие от России, где он действует лишь в отношении физических лиц;

- личный прием, правила которого детально установлены и обязательны для исполнения должностными лицами (график проведения «откры-

тых приемных» по вопросам развития предпринимательства на 2024 год представлен на сайте Министерства экономики Республики Беларусь);

- консультативно-совещательные структуры (КСС). Наиболее эффективными среди них являются общественно-консультативные советы (ОКС). В настоящее время действует 32 таких ОКС, которые провели с начала своего создания (2011 год) 1414 заседаний, 65 из которых состоялись в первом полугодии 2023 года [3].

Вовлеченность бизнес-структур в процесс принятия и реализации государственных решений посредством участия в работе таких КСС, рабочих группах, в согласовании и подготовки НПА свидетельствует о том, что бизнес-союзы и ассоциации являются не только объектом, но и субъектом публичной политики в Беларуси. Подчеркнем, что основной особенностью белорусской системы представительства интересов бизнес-структур является единый документ – Национальная платформа бизнеса Беларуси, который определяет основные предложения бизнес-сообщества к государству. Она издается ежегодно, определяя тем самым «повестку дня» от бизнес-сообщества. В то же время реальное положение дел в этой сфере позволяет сформулировать проблемное поле системы представительства интересов малого и среднего бизнеса в Беларуси:

- во-первых, несмотря на признание ОКС наиболее эффективным инструментом, они используются в большинстве случаев для установления контактов и обмена информацией о готовящихся инновациях, а все инструменты системы представительства интересов эффективны только в качестве дополнения к неформальным инструментам: встречам, звонкам, отдельным мероприятиям. Кроме того, наблюдается зависимость эффективности деятельности КСС от заинтересованности руководителя госоргана, зачастую возглавляющего его. В случае наличия такой заинтересованности процесс работы структуры прозрачен и публичен, заседания и обсуждения проводятся часто и доступны для бизнеса. В противном же случае КСС функционирует формально, для соблюдения процедуры, заседания проводятся редко, их доступность для бизнеса низка;

- во-вторых, существующие инструменты взаимодействия не выступают в полной мере механизмом обратной связи. Даже если бизнес имеет возможность донести свою позицию по некоторым вопросам, однако он не может быть до конца уверен в том, что эта позиция будет включена в повестку дня для обсуждения;

- в-третьих, если учесть скромные возможности и слабость белорусских бизнес-союзов, то следует сделать вывод о том, что представители малого и среднего бизнеса значительно ограничены в представлении своих интересов и взаимодействии с государством;

- в-четвертых, высокая зависимость представленности интересов от личностного фактора;

- наконец, в-пятых, низкая активность бизнеса в использовании инструментов системы представительства интересов с большой долей вероятности обусловлена низкой результативностью ОКС.

Общий вывод заключается в том, что организации бизнес-сообщества институционально и организационно слабы и не обладают нужным потенциалом для полноценного участия в формировании повестки дня органов государственного управления, артикулирования и агрегирования интересов бизнес-сообщества [4, с. 17–18]. Всё это, безусловно, сказывается не только на представленности интересов, но и на эффективности самой деятельности малых и средних предприятий в Беларуси. Об этом свидетельствует «Статистический ежегодник, 2023» Белстата. С одной стороны, налицо рост организаций МСП (с 2021 по 2022 год их количество выросло на 1447 единиц и насчитывает 113,3 тыс.), однако пятилетняя статистика свидетельствует, что количество МСП выросло лишь на 3 %, т. е. рост совсем незначительный. Удельный вес выручки субъектов МСП увеличился еще более незначительно – с 41,6 % до 41,7 %, доля организаций МСП в розничном товарообороте сократилась с 29,3 % до 26,9 %. Сокращается и средняя численность работников МСП: с 2019 по 2022 год малый бизнес сократил около 100 тысяч рабочих мест. Еще более тревожная ситуация наблюдается с индивидуальными предпринимателями (ИП): их количество за год сократилось на 10 тысяч. А ведь именно ИП демонстрируют постоянное увеличение объема налоговых платежей в бюджет государства. Достаточно сказать, что несмотря на указанное сокращение количества ИП, объем поступивших платежей в бюджет увеличился с 775 млн руб. в 2021 году до 1,018 млрд руб. в 2022 году, т. е. рост составил 30 % [5].

Обобщение всего вышеизложенного приводит нас к следующим выводам:

1. Эффективно функционирующие ассоциации и бизнес-союзы выступают значительным элементом успешного взаимодействия бизнеса с органами власти в корпоративистской системе представительства интересов. Деятельность их важна для своевременного получения ассоциированного и согласованного мнения бизнеса во всех его формах с целью формирования актуальной и действенной государственной политики в сфере развития предпринимательства. Ибо именно бизнес-союзы и ассоциации выполняют роль артикуляторов и агрегаторов интересов бизнеса в корпоративистской системе.

2. С целью совершенствования белорусской системы представительства интересов необходимо расширение участия бизнес-структур в процессе подготовки государственных решений. Представляется, что повысить заинтересованность малого и среднего бизнеса к участию в бизнес-

союзах и ассоциациях может организация взаимодействия их с государственными органами не в совещательном, а диалоговом формате.

3. Следует установить требования по уровню представительства МСП в бизнес-союзах и ассоциациях. Это позволит усилить конкуренцию среди бизнес-союзов и ассоциаций и исключить формально созданные или неработающие организации. Дальнейшего совершенствования требует и законодательная регламентация деятельности системы представительства интересов бизнеса.

Список литературы

1. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства на период до 2030 года» [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17.10.2018. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/norm_akt/source-743-17.10.2018.htm.

2. О Совете по развитию предпринимательства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2017 г., № 370 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О деятельности общественно-консультативных экспертных советов по развитию предпринимательства, созданных при органах государственного управления [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: https://economy.gov.by/ru/oks_po_razvit-ru.

4. Беляев, Н. А. Политика взаимодействия органов государственного управления с бизнес-структурами (на примере Республики Беларусь) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Н. А. Беляев ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2020. – 23 с.

5. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_78550.

Л. И. Грошева

(Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, malivia@rambler.ru)

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДЕ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Глобализация в виртуальном информационном пространстве в значительной мере актуализировала проблему формирования устойчивой гражданской идентичности и воспитания социально активных граждан. Относительно открытые границы между рядом государств в целом обеспечили высокую интенсивность мобильности, как в рамках маятниковой трудовой миграции, так и в плане смены места жительства на постоянной основе. Неравномерное экономическое развитие государств в свою очередь предопределило тренды молодёжной миграции, которые изменялись в зависимости от текущих социально-экономических условий. Тем самым

сформировался особый кластер молодых людей, склонных к постоянной миграции, предпочитая постоянному месту жительства – временное проживание в пределах от 6 месяцев до 3-х лет [4].

Согласно данным исследований Международной организации по миграции (МОМ) после завершения пандемии число международных мигрантов в мире, т. е. людей, проживающих не в стране своего рождения, достигло 280 млн человек. Две трети мигрантов представляют экономически активное население в возрасте 20–64 лет, из которых 48 % приходится на долю женщин. В то же время 41 млн человек, сменивших место жительства представляют возрастную категорию до 20 лет [2]. Миграционные установки в значительной мере характерны для населения, способного к продуктивному труду, вкладу в социальное развитие общества. Достаточно внушительна доля молодёжи, которая выбирает себе регион проживания исходя из показателей потенциального дохода и комфорта.

На этом фоне представители стран-доноров рабочей силы отражают обратную негативную тенденцию в своих регионах. Помимо миграционной оттока рабочей силы данные показывают, что до 30 % перспективной молодёжи перемещаются и концентрируются в определённых регионах, лишая возможности для развития развивающиеся страны [4]. Несмотря на различия в трактовке исходных причин миграции (низкий уровень развития производства, недостаток рабочих мест, низкое качество образования и медицины и пр.) исследователи отмечают общую тенденцию – отсутствие гражданской самоидентификации молодёжи, что не позволяет государству своевременно актуализировать вовлечение людей в социальной активную деятельность [3, p. 11].

Если раньше подобные установки характеризовали космополитизм, то стирание этнокультурных и политических границ в современных условиях в значительной мере сформировало культуру нового типа – нивелирующую гражданскую идентификацию в целом. Актуализация данной жизненной стратегии была опосредована рядом других идентификационных кризисов, в особенности характерных для европейского сообщества [1, с. 109].

Таким образом, кризис гражданской идентичности выступает лишь следствием общей тенденции нивелирования социальных ролей и статусов. Значимость данной формы идентификации заключается в её непосредственной взаимосвязи с патриотическими ценностями и интенциями к реализации преобразовательной деятельности окружающей действительности. Идентичность позволяет применять комплексы поддержки и информационного сопровождения, ориентированные на удержание населения в рамках отдельных регионов с целью сохранения их потенциала к развитию. По этой причине внимание к причинам усугубления кризиса идентичности обусловлено необходимостью оперативной коррекции молодёжной политики и трансформации общественных отношений.

С целью анализа специфики определения гражданской идентичности и барьеров её формирования, автором статьи с ноября 2023 года по февраль 2024 года было проведено исследование в формате фокус-групп (N = 27 групп по 5–7 человек), в рамках которых приняли участие молодые люди в возрасте 18–35 лет, занятые в сфере молодёжной политики и медиа-информирования.

В среднем каждый третий опрошенный высказался о высоких рисках гражданской идентичности для тех, кто ориентирован на международное взаимодействие. Среди наиболее значимых факторов выступали санкционные меры и стереотипические установки представителей других стран. Молодые люди отметили, что несмотря на дивергенцию тематического ряда в информационном поле, их коллеги из международного сообщества предпочитали отказываться от сотрудничества, что депривировало как деловую активность, так и самооценку, в частности. Хотя молодые люди отмечали, что среди причин отказа от сотрудничества со стороны коллег чаще всего озвучивались страхи потери социального положения в своих странах, в целом, они принимают тот факт, что отсутствие границ гражданской идентичности имеет потенциал к упрощению международной коммуникации.

Специфика отказа от идентичности объясняется молодыми людьми достаточно широкой группой факторов. Чаще всего упоминался тот факт, что в рамках профессионального или культурного развития вопрос гражданской идентичности, как правило, не поднимается (интернациональность профессий, увлечение культурой других стран), что естественным образом не актуализирует анализ собственной позиции по отношению к конкретному государству. В то же время критический подход к освещению жизни в стране со стороны СМИ и старшего поколения формирует у молодёжи стойкое восприятие действительности как исключительно дисфункциональной. Недостаток позитивной информации, не сопровождающейся чрезмерным манипулятивным давлением, определяет превалирование негативного контента о собственной стране. По этой причине молодые люди склонны либо искать гражданское самоопределение за её пределами или отказываться от рефлексии в целом.

По мнению молодёжи компаративный анализ условий жизни и принципов социальных отношений России и стран Европы, США даже при очевидных структурных и логических ошибках, формирует впечатление об исключительных преимуществах зарубежных условий. Основная особенность данного аспекта заключается в том, что сам контент, который потребляют молодые люди, относится либо к инфлюэнсерам, к которым целевая аудитория испытывает доверие, либо к массовым специализированным сообществам (Пикабу, Reddit), в среде которых также превалируют тренды негативного содержания. Следует отметить, что зарубежные посты и информационные массивы, переведённые на русский язык и публикуемые

в русскоязычном сегменте сообществ зачастую воспринимаются молодыми людьми как описание элементов жизни собственной страны, если в массах не указываются прямые отсылки к конкретным объектам: местности, организациям и пр. По этой причине негативизация части аспектов социальной действительности у молодых людей значительно деформирована теми признаками, которые для российской действительности не характерны.

Таким образом, определение гражданской идентичности в значительной мере зависит от тех аспектов, которые формируют естественную рефлексию и соотнесение собственной деятельности с социальными условиями страны. Искусственно насаждаемые представления, как правило, нивелируются, в особенности по мере воздействия значительной доли информационного давления со стороны просветителей различного рода. По этой причине наиболее эффективным инструментом противодействия деидентификации заключается в актуализации социальных практик с привлечением молодых людей как базовых субъектов социальной трансформации.

Список литературы

1. Евстифеев, Р. Кризис идентичности как политический вызов XXI века: теоретические подходы к изучению, оценкам и пониманию / Р. Евстифеев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – № 15 (1). – С. 108–121.
2. Отчёт о международной миграции МОМ [Электронный ресурс] // Портал ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/global-issues/migration>. – Дата доступа: 12.02.2024.
3. Lock, D. Identity crisis: a theoretical analysis of 'team identification' research / D. Lock, V. Heere // European Sport Management Quarterly. – 2017. – № 17. – P. 6–23.
4. Chapter 4. Barriers to Migration [Electronic resource] // Global Risks Report. – 2022. – Mode of access: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2022/in-full/chapter-4-barriers-to-migration>. – Date of access: 29.01.2024.

И. Л. Groшев

(Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, grosh@nextmail.ru)

И. А. Groшева

(Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень, grosh@nextmail.ru)

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В условиях относительно стабильного противостояния глобальных политических блоков перманентной трансформации подлежит система

взаимодействия между государствами ввиду их стремления к сохранению экономических интересов. Тенденция к проявлению взаимного интереса государств к внутривнутриполитическим аспектам жизни сообществ отразила актуализацию рисков стимулирования протестных настроений, поддерживаемых как посредством активизации внутреннего потенциала, так и при помощи поддержки внешних политических субъектов. Интенсивное распространение протестных движений обусловлено относительно успешными практиками их реализации в отношении свержения правящих режимов (Украина), а также изменения диспозиции сообществ относительно социальной структуры и иерархии (движение BLM). Отсутствие детализации в описании достижительности протеста в системе СМИ, но подробное отражение результатов и последствий, формирует, в особенности у молодых людей, стереотипическое представление о протестах как наиболее актуальной и результативной форме изменения общественных отношений [3, р. 55]. Таким образом, в радикальные течения вовлекаются молодые люди, которые не информированы о содержательной стороне рисков, что приводит к дивергенции полученной действительности и декларируемых ожиданий.

Тренды в свою очередь определяют меры противодействия протестным отношениям, нацеленным на обеспечение стабильности государства. В текущих геополитических реалиях реализуется несколько принципиальных подходов к протестным отношениям.

1. Стратегия нивелирования определяется отсутствием внимания к протестному движению со стороны государства, которое ограничивается обеспечением сопровождения выступлений силовыми структурами с целью профилактики актов вандализма и иного деструктивного поведения.

2. Стратегия инклюзивной деструкции, в рамках которой в структуру протестного движения включаются радикальные субъекты, осуществляющие противоправные действия, что позволяет нивелировать ценность идеологического компонента протеста и реализовать его устранение при помощи непосредственного силового вмешательства.

3. Стратегия открытой конфронтации, заключающаяся в столкновении правительственных сил и сообщества протестующих [4, р. 18].

Исследования, реализованные до начала Специальной военной операции, демонстрировали достаточно высокий протестный потенциал в молодёжной среде. Данные Д. В. Руденкина показывают, что молодые люди имеют концептуальные представления о собственной социальной позиции и желаемом уровне комфорта, формирование которого возможно посредством изменения соотношения политических сил в стране [1, с. 25].

Изменение расклада политических сил после активизации активных военных действий внесло коррективы в ожидания и установки молодых

людей. М. И. Кадничанская отмечает, что проблема современного социального протеста заключается в утрате образа идеала политического строя или общественного порядка. Разрушение референтных категорий в значительной мере актуализировано посредством реализации рядом европейских стран мер по противодействию социальным движениям и протестам [2, с. 82]. Комплекс действий политических лидеров Европы и США, а также ряд социально резонансных событий в странах Азии обострил неопределённость и непоследовательность отдельных политических сил на глобальной коммуникативной площадке, что сформировало у молодых людей специфические установки.

С целью определения динамики протестных установок в среде молодёжи в контексте трансформации геополитической ситуации в мире, в октябре-декабре 2021, 2022 и 2023 года авторами было проведено лонгитюдное социологическое исследование методом анкетирования, в котором принимали участие 927 человек. Респонденты отбирались по двум критериям: возрастному цензу (18–35 лет) и наличию опыта участия в подготовке и проведении протестных акций и митингов.

Исследование показало, что ориентация на протестные установки в молодёжной среде имеет тенденцию к снижению. Если в 2021 году 48,2 % респондентов считало необходимым активно участвовать в протестных акциях для привлечения внимания общественности к определённым социальным проблемам, то в 2023 году данный показатель снизился до 28,3 % (в 2022 году – 33,9 %). Изменение позиции молодые люди объяснили двумя дифференцированными установками: ростом предпочтительности релокации вместо трансформации окружающей действительности и невозможностью определения собственной позиции в текущих политических реалиях.

В 2021 году большая часть респондентов демонстрировала чёткое понимание последствий требуемых трансформаций и готовность к их внедрению (51,8 %), однако в 2023 году данный показатель снизился до 23,4 %. Среди возможных причин подобных изменений можно обозначить снижение понимания структуры политических режимов в мире в целом (рост с 17,3 % до 32,6 %), ощущение отсутствия (дисфункциональности) общемировых политических норм и правил (увеличение с 11,4 % до 26,7 %), разочарование в реализации демократических принципов развития общества (9,6 % – в 2021 г., 29,4 % – в 2023 г.).

Респонденты отмечали достаточно низкий уровень доверия к лидерам протестных движений, так как их имидж в информационном поле в большинстве случаев характеризовался неоднозначностью нравственных и идеологических установок. Для последнего этапа исследования харак-

терен рост доли молодёжи, осуждающей протестные движения в открытой форме, ввиду актуализации боевых действий в рамках международного геополитического контекста. Если в 2021 году 29,7 % опрошенных были уверены в положительной поддержке западного сообщества и в допустимости принятия зарубежной помощи в процессе построения демократического государства, то в 2023 году данный показатель снизился до 10,6 %. В значительной мере указанное снижение определялось разочарованием молодых людей в демократической системе в целом, так как декларируемые ценности сопровождалось фактическим их опровержением в системе массового информирования.

Таким образом, молодые люди переживают фрустрационные процессы, депривующие их готовность к реализации протестных настроений. В значительной мере депривация обусловлена недостатком навыков верификации поступающих данных и низким уровнем политической культуры, что подтверждается в рамках рефлексии самой молодёжи. Хотя в целом, полученные результаты могут быть оценены как основа для стабилизации социальных отношений, фактический потенциал, связанный с неудовлетворённостью качеством жизни, остаётся по-прежнему актуальным, что в скрытой форме может привести к оппортунизму и интенсивной миграции.

Список литературы

1. Руденкин, Д. В. Протестные настроения российской молодёжи через год после митингов 2017 г. / Д. В. Руденкин // Социодинамика. – 2019. – № 2. – С. 23–32.
2. Кадничанская, М. И. Протестные настроения молодёжи в России: региональный аспект / М. И. Кадничанская, Е. П. Галкина // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2022. – № 5 (80). – С. 80–89.
3. The science of contemporary street protest: New efforts in the United States / D. R. Fisher [et al.] // Sci Adv. – 2019. – № 5 (10). – P. 54–61.
4. Rodriguez, N. An analysis of protesting activity and trauma through mathematical and statistical models / N. Rodriguez, D. White // Crime Sci. – 2023. – № 12. – P. 17–19.

А. В. Гурын

(Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, г. Мінск,
gurin@pac.by)

МІЖНАРОДНА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ ЯК НАКІРУНАК НАВУКІ АБ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІНАХ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ (1992–2022 гг.)

Канец 1980-х – пачатак 1990-х гг. стаў пераломным момантам у гісторыі айчынай навукі аб міжнародных адносінах. Пачалося стварэнне ўласнай знешнепалітычнай канцэпцыі краіны; большасць вучоных адышла ад

марксісцка-ленінскай метадалогіі і стала прытрымлівацца тэарэтыка-метадалагічных канцэпцый сусветнай гістарычнай, палітычнай і прававой навукі; пачалі мадэрнізавацца старыя і стварацца новыя акадэмічныя цэнтры і навуковыя цэнтры ў ВНУ ў галіне міжнародных даследаванняў.

Пасля таго, як Рэспубліка Беларусь атрымала незалежнасць, абвастрылася актуальнасць некаторых накірункаў навукі аб міжнародных адносінах, якія разглядаліся як прэрагатыва Масквы і амаль не развіваліся ў БССР. Пры гэтым, калі даследаванні гісторыі знешнепалітычнай дзейнасці Беларусі месціліся на трывалым падмурку, створаным у пасляваенны перыяд, то такія сферы як міжнародна-прававыя і міжнародна-палітычныя даследаванні такога падмурку не мелі. Гэтая накірунка на той момант былі не толькі збеднены ў колькасным і якасным стане, але і амаль не мелі нацыянальнай метадалогіі і тэарэтычнага абгрунтавання. Недзіўна, што яны сталі на больш-менш трывалыя рэйкі развіцця не раней пач. 2000-х гг. Аднак у параўнанні з міжнародна-прававымі даследаваннямі, дзе ў краіне склаліся пэўныя даследчыя інстытуцыянальныя адзінкі, міжнародна-палітычныя даследаванні на фоне агульнапалітычных кірункаў насілі эпізадычны характар.

Першай інстытуцыянальнай формай палітычнай навукі ў Беларусі стала кафедра паліталогіі, створаная ў 1990 г. у Беларускай дзяржаўнай універсітэце ў выніку рэарганізацыі кафедры навуковага камунізму (на момант стварэння – кафедра сацыяльна-палітычных тэорыяў і паліталогіі). Першым загадчыкам кафедры стаў прафесар А. М. Байчароў, які быў ініцыятарам адкрыцця ў 1992 г. аддзялення паліталогіі на філасофска-эканамічным факультэце БДУ. 24.12.1992 кафедра была трансфармавана ў кафедру паліталогіі. У 1993–2019 гг. загадчыкам кафедры з’яўляўся прафесар С. В. Рашэтнікаў; з 2020 г. кафедру ўзначальвае прафесар Н. А. Антановіч. У 1994 г. кафедра і аддзяленне паліталогіі былі пераведзены на юрыдычны факультэт БДУ [1].

З першых дзён існавання кафедра сутыкнулася з праблемамі, уласцівымі ўсім галінам айчынай навукі, якія сталі стварацца пасля 1991 г.: стварэнне навукова-даследчых кірункаў, фарміраванне прафесарска-выкладчыцкага складу і г. д. Трэба адзначыць, што кафедра справілася з названымі праблемамі даволі паспяхова. Ужо ў 1997 г. адбыўся першы выпуск дыпламаваных айчынных палітолагаў; на кафедры склаўся моцны кадравы склад; кафедрай былі падрыхтаваны і выдадзены манаграфіі і вучэбныя дапаможнікі амаль па ўсіх спецыяльных дысцыплінах, якія выкладаюцца для студэнтаў-палітолагаў і студэнтаў інш. спецыяльнасцяў. Кафедра паліталогіі паступова стала вядучай навуковай установай у рэспубліцы па падрыхтоўцы аспірантаў, кандыдатаў і дактароў навук па паліталогічных спецыяльнасцях, у тым ліку па спецыяльнасці «Палітычныя праб-

лемы міжнародных адносін і глабальнага развіцця». Кафедра наладзіла трывалыя кантакты з айчыннымі і замежнымі навуковымі цэнтрамі [2, с. 243].

У другой пал. 1990-х гг. паліталагічныя кафедры сталі стварацца ў іншых навучальных установах краіны: Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Беларускам дзяржаўным эканамічным універсітэце, Беларускам дзяржаўным педагагічным універсітэце, Гродзенскім дзяржаўным універсітэце і інш., а таксама некаторых недзяржаўных ВНУ. Акрамя ВНУ, даследаванні ажыццяўляліся ў некаторых навуковых цэнтрах. Што тычыцца спецыялізаваных навуковых устаноў, то ў краіне не складзіся акадэмічныя структуры паліталагічнага профілю; шэраг аспектаў міжнароднай палітыкі ў 1992–2022 гг. даследаваліся вучонымі Інстытута гісторыі, Інстытута філасофіі, Інстытута сацыялогіі і інш. інстытутаў НАН Беларусі. У 2019 г. быў створаны Беларускі інстытут стратэгічных даследаванняў, адной з мэтай якога стаў аналіз стану міжнародных адносін, геапалітычных зменаў у глабальным, рэгіянальным і субрэгіянальным аспектах [3].

Нягледзячы на трывалыя поспехі ў фарміраванні айчыннай навуковай школы ў галіне паліталогіі, міжнародна-палітычныя даследаванні ў 1992–2022 гг. насілі эпизадны характар, у асноўным іх ажыццяўлялі аспіранты і дактаранты. Вынікам падрыхтоўкі навуковых кадраў вышэйшай кваліфікацыі ў гэтай галіне ў краіне ў 1992–2022 гг. стала абарона 4 доктарскіх і 19 кандыдацкіх дысертацый па спецыяльнасці 23.00.04 – «Палітычныя праблемы міжнародных адносін, глабальнага і рэгіянальнага развіцця» [4]. Таксама некалькі кандыдацкіх дысертацый па міжнароднай тэматыцы былі абаронены па спецыяльнасцях па сумежных паліталагічных спецыяльнасцях: 23.00.01 – 1 дысертацыя; 23.00.02 – 1 дысертацыя. Такім чынам, усяго было абаронена 4 доктарскія і 21 кандыдацкая дысертацыя, што складае прыкладна 0,8 дысертацыі за год. 11 дысертацый з 25 былі выкананы ў БДУ; 10 – у Акадэміі кіравання; 2 – у Беларускам дзяржаўным эканамічным універсітэце; па адной – у Рэспубліканскім інстытуце вышэйшай школы і Інстытуце сацыяльна-палітычных даследаванняў (2002 г.). Найбольш выніковымі навуковымі кіраўнікамі сталі прафесары А. М. Байчароў, Л. Я. Крыштаповіч, Ю. І. Малевіч – па 3 дысертацыі; С. А. Кізіма, Я. С. Яскевіч – па 2 дысертацыі. 16 дысертацый былі абаронены ў спецавеце Д 02.01.18 пры БДУ; 8 дысертацый – у спецавеце К 07.01.01 пры Акадэміі кіравання; 1 дысертацыя – ў спецавеце Д 056.03.11 пры БДУ (1995 г.).

Найбольш даследаванымі тэмамі ў міжнародна-палітычнай галіне ў постсавецкі перыяд сталі праблемы тэарэтычных падыходаў да даследавання міжнародных адносін, глабалізацыі і рэгіяналізацыі; ролі рэгіянальных саюзаў і аб'яднанняў у міжнародных адносінах і сусветнай паліты-

цы; месца і ролі Рэспублікі Беларусь у сучасных міжнародных адносінах і сусветнай палітыцы.

Фактычна, навуковая тэматыка міжнародна-палітычных даследаванняў у Беларусі ў постсавецкі перыяд адпавядала вышэйназванай тэматыцы, паколькі кожны з даследчыкаў публікаваў манаграфіі, навуковыя артыкулы і матэрыялы канферэнцыяў у межах сваіх дысертацыяў. Адсутнасць самастойнай інстытуцыянальнай навуковай адзінкі ў гэтай галіне (навуковага інстытута, кафедры, цэнтра) прывяла да пэўнай раз'яднанасці даследчыкаў, навуковых інтэрэсы якіх, у першую чаргу, тычыліся навуковых інтэрэсаў іх навуковых кіраўнікоў (кансультантаў). З іншага боку, нельга сказаць, што ў краіне сфарміравалася ўласная навуковая школа даследчыкаў з прычыны параўнальна малой колькасці дактароў навук (тры доктара, па стане на канец 2022 г.) у гэтай галіне. Таксама трэба звярнуць увагу, што большасць даследчыкаў на сённяшні дзень – практычныя работнікі ў галіне дзяржаўнага кіравання, журналісты ці палітычныя эксперты, а значыць, дыстанцаваны ад акадэмічнай навукі, што таксама не спрыяе стварэнню навуковай школы ў галіне міжнародна-палітычных даследаванняў. Карысным для далейшага развіцця міжнародна-палітычнай навукі ў Беларусі магло б стаць стварэнне самастойнай навуковай адзінкі ў гэтай галіне ў першую чаргу ў межах «універсітэцкай» навукі ў адной з устаноў вышэйшай адукацыі, але гэта немагчыма ў найбліжэйшы час з-за адсутнасці падрыхтоўкі студэнтаў і магістрантаў па спецыяльнасці «Міжнародная палітыка» ці падобных да яе.

Развіццё міжнародна-палітычнай навукі застаецца актуальным для сучаснай Рэспублікі Беларусь і хочацца спадзявацца, што яе дасягненні ў постсавецкі перыяд стануць трывалым падмуркам для стварэння нацыянальнай школы ў гэтай галіне навукі аб міжнародных адносінах.

Спіс літаратуры

1. Антанович, Н. А. Развитие политологии как академической дисциплины и прикладной специальности в Белорусском государственном университете [Электронный ресурс] / Н. А. Антанович, Л. В. Слуцкая // ПОЛИТЭКС. – 2022. – Т. 18, № 2. – СПб., 2024. – Режим доступа: <https://politex.spbu.ru/article/view/13869>.

2. Решетников, С. В. Приоритеты развития политических исследований на кафедре политологии БГУ / С. В. Решетников // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2019. – Вып. 18. – С. 242–248.

3. О Белорусском институте стратегических исследований (БИСИ) [Электронный ресурс]. – Минск, 2024. – Режим доступа: <https://biser.gov.by/o-bisi>.

4. Докт. дысертацыі: Есин Р. О. Политика трансграничного сотрудничества Республики Беларусь в европейской перспективе: региональное измерение. – Минск, 2012; Кизима С. А. Развитие национального государства в условиях глобализации: геополитический аспект. – Минск, 2009; Малевич Ю. И. Эволюция концептуальных подходов к правам человека в условиях глобализации. – Минск, 2005; Матусевич Е. В. Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации. – Минск, 2005.

В. А. Гуторов

(Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
gut-50@mail.ru)

ЭЛИТЫ И ОБРАЗОВАНИЕ: О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ⁴

Одна из особенностей современного научного дискурса состоит в том, что взаимосвязь концепций элитарной политики с теоретическими проблемами образования, хорошо просматривающаяся в историческом плане и прочно зафиксированная в политической философии, тем не менее, далеко не всегда становится объектом внимания ученых. Еще в конце XX – начале XXI вв. один из наиболее примечательных моментов современного политического дискурса состоял в том, что ученые и политики редко обращали внимание на проблему, каким образом влиятельные социальные группы обеспечивают себе институциональные и практические преимущества в сфере образования. Масс-медиа также, как правило, проявляли крайнюю «тактичность» и сдержанность в этом плане. Отсутствие у специалистов в области образования сколько-нибудь ярко выраженного интереса к проблемам социального неравенства было характерно как для западной, так и для отечественной политической науки, в особенности в тех ее сегментах, которые были связаны с различными вопросами «перехода к демократии» бывших социалистических стран [см., например: 8, р. 142–145]. Анализ психологических и социологических аспектов такого рода «перепадов внимания» является делом будущего. На данный момент следует отметить, что подобная ситуация в науке наблюдалась далеко не всегда. Так, еще в 1950-е гг. Ч. Р. Миллз отмечал, что элитные школы являются «наиболее важной структурой для передачи по наследству высших социальных классов и регулирования допуска к новому богатству» [9 р. 64-65]. Основываясь на анализе Миллза, Питер Куксон и Каролин Перселл в середине 1980-х гг. стали проводить исследование большого количества закрытых учебных заведений (boarding schools) и пришли к аналогичным заключениям. Они фокусировали внимание на том, как именно элитные школы воспроизводят элитарный класс в порядке наследования власти и привилегий. В частности, они доказывали, что комбинация «философий, программ и стилей жизни» представляет собой своеобразный «ритуал», дающий учащимся «право прохода» (rite of passage), но одновременно лишаящий их ощущения самих себя и тем самым способ-

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01601, <https://rscf.ru/project/23-28-01601>.

ствующий развитию различных форм приверженности по отношению к другим представителям элиты [см.: 6, 1985, р. 4].

Характер теоретических дискуссий, развернувшихся в последние десятилетия, затрагивает и следующие принципиально важные вопросы:

1. Является ли элитарная тенденция в образовании системным свойством современного государства или же она является лишь спонтанной производной от общей тенденции к иерархизации, характерной для любой культуры?

2. Какую роль в развитии этих тенденций играет политика? Является ли она только их произвольной «пособницей» или же, наоборот, важнейшим средством поиска демократических альтернатив элитарным иерархическим порядкам?

На протяжении всего XX века и вплоть до наших дней продолжается острая дискуссия о преимуществах демократической и элитарной моделей образования, в рамках которой идеологические предпочтения явно превалируют над научными соображениями и доводами. Так, Петер Слотердаjk, комментируя труды Арнольда Гелена, «ученого, которому обычно дают не слишком объясняющую суть дела характеристику, называя самым блестящим – до Никласа Лумана – из признанных консерваторов XX столетия» [2, с. 713], отмечает, что в наши дни «аналитический аппарат зрелой современности самым недвусмысленным образом был поставлен на службу консервативным настроениям и убеждениям, враждебным облегчению человеческой жизни» [2, с. 713]. Этим настроениям способствует и характерное для нашего времени всеобщее разочарование в демократической мифологии. Мифологическая оболочка демократических институтов сама по себе является свидетельством преобладания авторитарных стереотипов в общественном сознании и психологии. Следовательно, «современная демократия – это есть, по сути дела, попытка обуздать авторитаризм в области политики» [2, с. 26]. Такого рода попытка вряд ли может быть реализована исключительно с помощью механизмов рационального убеждения с опорой на правовые институты. Позиция Крамера и Олстеда во многом перекликается с неомакиавеллистскими трактовками демократии, к которым весьма сочувственно в свое время относился и Реймон Арон [1, с. 108–109].

В этом плане вполне актуальным остается фундаментальное сомнение, следующим образом сформулированное Юргеном Хабермасом: «В когнитивном отношении сомнение касается вопроса: возможно ли еще вообще – после полной позитивизации права – секулярное, то есть нерелигиозное или постметафизическое, оправдание политического господства? Даже если устранить это сомнение, все-таки либеральные порядки остаются зависимыми от солидарности признающих их граждан, а ее истоки вследствие «свихнувшейся» секуляризации общества в целом могут

иссякнуть» [5, с. 97–98]. Поскольку характерные для капиталистических обществ «приватистские мотивационные модели» представляют собой своеобразную смесь из докапиталистических и буржуазных традиций, они «всегда зависели от пограничных культурных условий, которые они не могли создавать у самих себя: они паразитировали на уже существующих традициях» [4 с. 129].

В целом, можно утверждать, что элитарные тенденции в образовательной политике своеобразно проявляясь в различных культурах, как западных, так и восточных, тем не менее постоянно демонстрируют наличие в них не только общих элементов, но и общих закономерностей развития. Данная тенденция особенно заметна и в тех странах, в которых, как, например, в Японии система образования в послевоенный период была скопирована с северо-американской модели [10, р. 126]. Реализация японского «меритократического проекта» проявилась в том, что в 2006 г. правительство приступило к пересмотру базового закона о всеобщем образовании путем директивного введения сверху системы свободных учебных планов. «Свободное образование является применением концепции неолиберализма в образовательной сфере. Оно предназначено для того, чтобы предоставить учащимся большую свободу обучения в начальной и средней школах. Образовательная меритократия применяется с целью выделения небольших групп высокоодаренной молодежи, превосходящей остальных в академическом и профессиональном плане» [10, 2014, р. 146–147; см. также: 9, р. 11]. Аналогичная тенденция проявлялась и в сфере высшего образования.

В настоящее время окрашенный в консервативные тона элитизм в самых различных формах – от олигархической до социально-манипулятивной (И. Шумпетер) можно признать существенной общей тенденцией как самой образовательной политики, так и дискуссий о ней.

Список литературы

1. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – М. : Текст, 1993. – 303 с.
2. Крамер, Д. Маски авторитарности. Очерки о гуру / Д. Крамер, Д. Олстер. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 408 с.
3. Слотердайк, П. Сферы. Плуриальная сферология. Т. III. Пена / П. Слотердайк ; пер. с нем. К. Лощевского. – СПб. : Наука, 2010. – 924 с.
4. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас. – М. : Праксис, 2010. – 264 с.
5. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2011. – 336 с.
6. Cookson, P. W. Preparing for Power: America's Elite Boarding Schools / P. W. Cookson, C. H. Persell. – New York : Basic Books. 1985. – 260 p.
7. Duke, B. The History of Modern Japanese Education. Constructing the National School System, 1872–1890 / B. Duke. – New Brunswick, New Jersey : Rutgers University Press, 2009. – 416 p.

8. Elites and Democratic Development in Russia / ed. by A. Steen, V. Gel'man. – London – New York : Routledge, 2008. – 212 p.

9. Mills, C. W. The Power Elite / C. W. Mills. – London : Oxford University Press, 1956. – 431 p.

10. Sugimoto, Y. An Introduction to Japanese Society. Fourth Edition / Y. Sugimoto. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 382 p.

С. С. Давыденко

(Гомельский филиал Международного университета «МИТСО», г. Гомель,
dss_47@mail.ru)

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ

Важную роль в организационной структуре государства играет система государственного управления, главной функцией которой является управление всеми сферами общественной жизни.

Что касается понятия «система государственного управления», то оно вошло в политический лексикон лишь в конце XIX–XX вв. и представляет собой многогранный и сложный институт. Его можно трактовать двояко: в узком понимании система государственного управления рассматривается как деятельность исполнительной ветви власти, правительства и государственно-административного аппарата всех уровней, по организации и управлению различными сферами общественной жизни. При этом, особый акцент делается на экономическом управлении, связанном с организацией процесса использования и развития экономического потенциала страны, важного для удовлетворения потребностей граждан. Президент страны отметил, что контроль ценообразования во всех сегментах рынка по широкому спектру продукции важен и необходим, и это вопрос не только экономический, но и политический.

Политическое управление играет важнейшую роль в процессе выработки государственного политического курса, стратегических целей внутриполитического развития. Не менее значимо административное управление, процесс планирования, организации и контроля системы государственной власти.

В широком смысле, под управлением следует понимать деятельность государства в целом от обеспечения национального суверенитета, защиты национальных интересов на международной арене, до решения конкретных повседневных вопросов общественной жизни внутри страны, а также взаимодействие с другими государствами. Пример, тесное интеграционное строительство России и Беларуси, их взаимные инте-

рессы по всем направлениям. Страны определили приоритеты союзного взаимодействия, базирующегося на сотрудничестве, в котором большое внимание уделяется промышленной кооперации, импорт замещению, логистике.

Политическое взаимодействие осуществляется и в рамках международных организаций. Российская Федерация анонсировала координацию совместных подходов в рамках ШОС. Вступление Беларуси в ШОС, будет завершено в 2024 г. Активизируется взаимодействие стран по вопросам образования, здравоохранения, культуры. Президент А. Лукашенко подчеркнул: «<...> Нам удастся выстроить такие союзнические отношения, которые на планете никто не знал и не знает».

На состоявшейся в Санкт-Петербурге встрече глав государств и заседании Высшего государственного совета Союзного государства дан анализ и подведены итоги стратегического партнерства, намечены новые перспективы в развитии микроэлектронных технологий, проектирования и производства электронного машиностроения, создании союзного медиахолдинга и др.

Понятие «система государственного управления» в некоторых аспектах совпадает с политическим управлением, задачей которого является разработка, принятие, а также реализация высшим руководством государства долгосрочных и стратегических решений, определяющих приоритетные направления и политического, и социально-экономического развития.

С учетом современных реалий А. Лукашенко подчеркнул, что 2024 год нужен, чтобы подтянуть производство и обеспечить качество.

Система органов государственного управления, действующая в наши дни, возникла вместе с появлением национального государства и современной политической системы. Она занимает ключевое место в любой организационной структуре, и главным ее предназначением является сохранение и обеспечение единства и целостности организации, ее эффективности функционирования.

Управление можно рассматривать как руководство действиями определенной группы или коллектива людей по достижению какой-либо определенной цели.

Система органов государственного управления охватывает все общество, включая важнейшие сферы: политическую, экономическую, социальную, культурную, сферу образования, здравоохранения. Это совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов, каждому из которых отведено определенное место и функции. Государство осуществляет государственную скоординированную политику, влияя и воздействуя на все сферы общественной жизни.

Государство – основной институт политической системы, основной субъект политики, имеющий в своем арсенале нормативно-правовую базу,

обеспечивающую реализацию функциональных полномочий. В его распоряжении ресурсы, необходимые для управленческого воздействия: материальные, силовой блок, духовно-идеологические, СМИ. Кроме системы органов государственного управления, состоящих преимущественно из профессиональных политиков, в сферу политического сегодня включены масс-медиа, политические партии и общественные организации, самые широкие массы, которые выражают свою волю на выборах, референдумах, демонстрациях, митингах, забастовках, других формах участия в политике. Особенно важным представлением в современной политике является понятие гражданского общества как совокупности независимых институтов, взаимодействующих с государством.

Рассматривая государственную политику как сферу «того, что связано с государством», мы не можем не включать негосударственные институты: общественные организации, различного рода ассоциации, общественные движения, органы местного самоуправления, научные сообщества, профсоюзы, творческие союзы.

В рамках существующей политической системы система органов государственного управления осуществляет внутреннюю политику как правовыми нормами, так и средствами принуждения, исходя из основополагающего принципа: дозволено все, что не запрещено законом. Характер и масштабы используемых государственной властью средств и способов управленческих действий определяются формой государственного устройства. При демократической системе управление осуществляется с соблюдением общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. В условиях политической демократии и правового государства власть не может игнорировать мнение народа, но народ при этом должен понимать, что демократия – это, прежде всего закон и правопорядок. Так в момент беспорядков в Америке Дональд Трамп подчеркнул: «Мы не позволим рулить толпе, ибо это противоречит законам демократии».

Следует отметить, что в международных отношениях большое значение для судеб мира имеет не только внешняя политика государств, но и политика межгосударственных объединений и союзов, международных негосударственных организаций, глобального, континентального, регионального уровня.

Система государственного управления является соответствующей реакцией на возникающие проблемы: неудовлетворенность, нестабильность, низкий жизненный уровень граждан, и ее задача оперативно реагировать на проблемы. Динамичное развитие государства – это следствие совместных усилий государства, общества и каждого человека в отдельности.

В Республике Беларусь статус политических проблем зафиксирован в политических документах, как материалы Всебелорусских народных со-

браний, Послания Главы государства Парламенту и белорусскому народу и иных речах, и выступлениях Президента [3, с. 113].

Можно сделать вывод, что системой органов государственного управления Беларуси формируется общественная политика, являющаяся ответом на социально значимые проблемы. Подтверждение этому работа с обращениями граждан, обеспечивающая защиту прав и интересов человека, способствующая повышению качества жизни социума, созданию условий для свободного развития личности. Данная сфера деятельности жестко контролируется главой государства. Администрация Президента страны осуществляет мониторинг работы с обращениями граждан.

В условиях нестабильности и турбулентности в мире, важно повышать качество работы всех управленческих структур. Факты бюрократизма снижают возможность более динамичного развития страны. Совершенствование работы будет способствовать внутреннему правопорядку, обеспечит нормальные взаимоотношения с мировым сообществом, повысит безопасность граждан и государства. Необходимо сообща противостоять проблемам, стремясь к созиданию и стабильности миропорядка.

Список литературы

1. Жиро, Т. Политология / Т. Жиро. – Харьков, 2006. – С. 10–32.
2. Решетников, С. В. Структурирование проблем общественной политики: функциональный подход / С. В. Решетников, Т. С. Решетникова // Научные труды РИВШ. – Вып. 10. – Минск : РИВШ, 2011. – С. 111–118.

А. Л. Дединкин

(Витебский филиал Международного университета «МИТСО», г. Витебск, alexanderdedinkin@yandex.by)

И. В. Николаева

(Витебский филиал Международного университета «МИТСО», г. Витебск, nikolayeva_mitso@mail.ru)

ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА СУВЕРЕНИТЕТУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (К ВОПРОСУ О ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ В ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ)

Общество на протяжении истории сталкивается с целым рядом угроз, наиболее опасной из которых является экстремизм. В сознании людей экстремистская деятельность представляется как деструктивное явление, несущее угрозу общественному порядку и государственной безопасности.

В Республике Беларусь правовые и организационные основы борьбы с экстремизмом нашли отражение в Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (2007), Концепции национальной безопасно-

сти Республики Беларусь (2010), Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь (2013), Законе Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» (2021). При Совете Безопасности создана Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом. Комиссия обеспечивает анализ текущей обстановки в сфере противодействия данным явлениям, разрабатывает конкретные меры по устранению причин и условий, способствующих их распространению.

Экстремизм как социально-политическое явление известен с древних времен, однако в качестве термина стал использоваться относительно недавно. В терминосистему европейских стран слово «*extremus*» (в значении «край» или «конец») попало из латинского языка в XVII веке [1, с. 62].

В XVIII веке Ш. Монтескьё использовал термин «экстремизм» для описания крайностей двух форм правления – «деспотии одиночек» и прямой демократии [2].

В XIX веке началось широкое использование категории «экстремизм» в публицистическом дискурсе. Исследуемый нами феномен нашел отражение в концепциях «философии бомбы» К. Гейнцена, «теории разрушения» М. Бакунина, а также в доктрине «пропаганды действием» П. Кропоткина [3, с. 65–66].

Французский юрист М. Лерой в 1926 году определяющим признаком экстремизма назвал абсолютную веру сторонников того или иного учения в собственные идеалы. Автор выделил два типа экстремизма: «красный» (большевизм) и «белый» (монархизм), что можно считать первой попыткой введения данной категории в политический дискурс [4, с. 212].

Лексическое значение слова «экстремизм» в русском и белорусском языках нашло отражение в словарях, начиная со второй трети XX века. Так, словарная статья «экстремизм» впервые появилась в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940), где данное понятие рассматривалось как «склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике». Идентичными были определения экстремизма, данные в других словарях (Словаре современного русского литературного языка под редакцией В. И. Чернышева, Словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова, Толковом словаре белорусского языка под редакцией К. Крапивы («*схільнасць да крайніх поглядаў і крайніх мер (звычайна ў палітыцы)*»)).

На международном уровне консенсус в отношении юридического определения термина «экстремизм» до настоящего времени не найден.

В резолюции 68-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (от 18.12.2013) с экстремизмом связываются действия, которые «порождают распространение ненависти», «наносят ущерб благополучию человечества», «ставят под угрозу безопасность человеческих сообществ» [5]. При этом само определение экстремизма отсутствует.

Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (от 29.09.2003) определяет экстремизм как «форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультрационализма» [6].

В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (от 15.06.2001) исследуемый нами феномен рассматривается как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [7].

В Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» [8] дано объёмное определение исследуемого явления как деятельности различных субъектов (граждан, политических партий и других общественных объединений) по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя и общественную безопасность. Документом определён широкий перечень путей достижения экстремистских целей. Во-первых, это непосредственная деятельность, направленная против государства, общества, отдельной социальной группы или индивида как её представителя (насильственное изменение конституционного строя; создание незаконных вооруженных формирований и т. д.). Во-вторых, это деятельность, основанная на использовании опосредованных методов, содействующих распространению экстремизма (финансирование экстремистских организаций, осуществление публичных призывов к экстремистской деятельности).

Проанализируем понятие «экстремизм» с позиций различных гуманитарных наук. С точки зрения философии экстремизм является радикальным типом мировоззрения, влияющим на характер деятельности человека и определяющим структуру его сознания через неприятие традиционных ценностей и формирование безапелляционных установок на борьбу с существующей системой.

В социологии экстремизм рассматривается как девиантное поведение, для которого характерно наличие «скрытых» составляющих в действиях акторов (приверженность к «крайним» взглядам, настроениям, убеждениям), а также использование «открытых» (пропагандистских и(или) насильственных) методов борьбы, направленных на изменение (уничтожение) существующей системы.

Политология определяет экстремизм как политическую идеологию и практику политической жизни, которые основаны на нетерпимости к оп-

понентам и существующему политическому строю, применению в борьбе за господство различных форм нелегитимного насилия.

Психологическое содержание понятия «экстремизм» включает в себя два основных измерения: экстремистские проявления обусловлены сформированной интолерантностью, которая выражается в провоцировании авторитарной личностью конфликтов; феномен экстремизма связан со специфической направленностью личности, отражающей её агрессивные установки и внутреннюю готовность к претворению насильственных методов в реальность.

Специфическими признаками экстремизма, с точки зрения юридической науки, являются: определение экстремизма как исключительно преступной деятельности (бездействие в правовом плане не может быть квалифицировано как экстремизм); подверженность экстремистским посягательствам в первую очередь сфер, направленных на обеспечение общественной безопасности и конституционного порядка

Таким образом, феномен экстремизма исследуется многими областями гуманитарного знания, однако комплексный междисциплинарный подход к его определению отсутствует, что затрудняет понимание его сущности, не позволяет разработать эффективные меры по его выявлению и предупреждению. На основе анализа понятия «экстремизм» с позиций различных гуманитарных наук представим наше междисциплинарное видение сущности данной категории. Экстремизм – противоправная деятельность отдельных лиц и организаций, основанная на приверженности к радикальным идеям, установкам на применение форм нелегитимного насилия в отношении государства, а также социальных групп или индивидов как их представителей. На основе данного подхода к понятию «экстремизм» органы обеспечения законности и правопорядка смогут более чётко квалифицировать преступления данной направленности, а институт образования – осуществлять работу по профилактике действий, связанных с возбуждением розни или вражды, осуществлением призывов к террористическим актам, оправданием деятельности запрещенных организаций, распространением заведомо ложной, клеветнической информации в отношении государства.

Список литературы

1. Беликов, С. В. Профилактика молодёжного экстремизма органами местного самоуправления города Москвы / С. В. Беликов, С. М. Литвинов // Инициативы XXI века. – 2010. – № 3. – С. 62–64.
2. Монтескьё, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескьё ; пер. с фр. – М. : АСТ, 2022. – 864 с.
3. Воронцов, С. А. Понятие экстремизма и его сущностные признаки / С. А. Воронцов // Философия права. – 2007. – № 4. – С. 65–71.

4. Писаренко, О. Н. Экстремизм как социальное явление / О. Н. Писаренко // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 9. – С. 212–219.

5. Мир против насилия и насильственного экстремизма [Электронный ресурс] : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 68/127, 18 дек. 2013 г. // ООН. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/447/09/pdf/n1344709.pdf>. – Дата доступа: 15.03.2024.

6. Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе [Электронный ресурс] : Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1344 (2003), 29 сент. 2003 г. // Парламентская Ассамблея Совета Европы. – Режим доступа: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly\[russian_documents](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly[russian_documents). – Дата доступа: 15.03.2024.

7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] : [заключена в Шанхае 15.06.2001] // ЭТАЛОН-ONLINE. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

8. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-3 // ЭТАЛОН-ONLINE. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

А. Х. Денильханов

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, aslanbekk@yandex.ru)

«ПРАВДА-ИСТИНА» И «ПРАВДА-СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В УЧЕНИИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сегодня мы переживаем сложный период в истории человечества, связанный, с одной стороны, с избытком информации, с другой – переоценкой субстанциональных ценностей человеческого бытия. Всеобщий дилетантизм охватил общественное сознание, который масштабируется благодаря новым технологиям и средствам коммуникации. Мы наблюдаем тотальный сбой человеческой программы, вызванный наполнением информационного пространства различного рода фейками, симулякрами, постправдой [1]. Постправда в эпоху постмодернизма укоренилась в морали современного человека, стала феноменом культуры и уже покушается на аксиомы и постулаты науки.

Обращение к богатейшему культурному наследию, которое является теоретико-методологической основой отечественной философской и политической науки, позволит переосмыслить сегодняшние реалии с позиции фундаментальных ценностей. В этой связи заслуживает внимания творчество выдающегося русского социолога, литератора и теоретика народничества, представителя отечественной социально-психологической школы Н. К. Михайловского (1842–1904), который на уровне теории познания выдвинул проблему «правды» в науке как неразрывного единства истины и справедливости. «Исходным пунктом мышления Михайловского, – отмечает Н. И. Кареев, – было противоречие между истинами есте-

ствознания и основными тенденциями обществоведения, между двумя правдами, как он сам позднее охарактеризовал это противоречие, между правдой-истиной и правдой-справедливостью. С одной стороны, это была борьба за существование как фактор, по Дарвину, прогресса в мире растений и животных, с другой – это были призывы к солидарности, без которой человечество не может идти вперед» [3, с. 60].

Говоря о «правде-истине», Михайловский имел в виду «правду» объективную, независимую от воли людей закономерность физического мира – в природе, в «растительном и животном царствах». Ее открывают естествоиспытатели при помощи объективного метода познания с целью использовать в интересах общественного прогресса. «Правда-истина» и соответствующий ей объективный метод, по мысли социолога, достаются подлинному ученому от самой природы, равнодушной к судьбам человечества, но развивающейся по своим стихийно сложившимся законам. Однако на формирование метода социального исследования определяющее влияние оказывает «правда-справедливость», нравственные принципы ученого. Отсюда, заключал он, в отличие от «правды-истины» «правда-справедливость» носит не объективный, а субъективный характер и, соответственно, может и должна достигаться с помощью субъективного метода. У естествоиспытателя субъективные стремления проявляются слабо, но «социолог, напротив, должен прямо сказать: желаю познать отношения, существующие между обществом и его членами, но кроме познания я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов, посылное определение которых при сем прилагаю» [4, с. 406], поскольку ученый-социолог имеет дело не с закономерными процессами, которых в обществе нет, а с деятельностью неповторимых личностей, их духовным миром, политическими и нравственными идеалами и потому использует субъективный метод или «правду-справедливость». Вместе с тем Михайловский был далек от абсолютизации обоих методов и их жесткого противопоставления. Напротив, он рассматривал их в единстве и говорил о невозможности разорвать их без ущерба для обеих половин: «Я никогда не мог поверить и теперь не верю, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя» [3, с. VII].

Учение о двух правдах, «правде-истине» и «правде-справедливости», представляло собой формулу борьбы интеллигенции за интересы трудящихся. Здесь была выразительно заострена одна из волновавших многих демократически настроенных представителей русской интеллигенции проблем социального идеала – соотношение в нем необходимого и должного, объективно-детерминированного и морально-непреложного. В выработке идеала и целей у Михайловского решающую роль играл нравственный уровень людей, опиравшийся на «естественный ход вещей» как его отри-

вание. Характером цели или общественного идеала определялось им отношение к действительности и оценка исторических явлений. Он называл это «предвзятым мнением», оговорив тот факт, что речь идет отнюдь не о фальсификации, а именно об определенной точке зрения, обусловленной, «во-первых, запасом предыдущего бессознательно или сознательно приобретенного опыта и, во-вторых, высотой нравственного уровня исследователя» [6, с. 13]. Этим «высоким нравственным уровнем» обладала у него интеллигенция, которая, будучи в неоплатном долгу перед народом, должна все свои знания, свое субъективное отношение к действительности, «правду-справедливость», донести до сознания масс. «Активная позиция интеллигенции, ее вера в потенциальные возможности народа, стремление участвовать в его обучении, воспитать у него чувство свободы, желание улучшить экономическое положение формировали интерес к психолого-педагогическим и социально-психологическим идеям, их реализации в практической повсеместной деятельности. <...> Теоретические положения Михайловского служат базисом для развития самой идеи о человеке борющемся в российской социально-психологической науке» [2, с. 107].

Чувство высокой социальной ответственности за судьбу страны у идеолога народничества объективно проявилось прежде всего в том, что он активно боролся с самодержавием за утверждение своих социальных идеалов в условиях, когда массовый субъективный фактор революционных изменений еще не созрел для самостоятельных исторических действий. Этим можно в определенной мере объяснить его этико-социологический подход к обоснованию революционной стратегии и тактики, апелляцию к нравственным стимулам, стремление подтолкнуть интеллигенцию к революционной деятельности, вводя в круг ее мышления такие понятия, как «социальная справедливость», «благо народа» и т. д. Социологическая концепция Михайловского была сконструирована им в духе классического позитивизма с более четким проявлением субъективно-идеалистических тенденций. Субъективизм его социологии заключался в априорном конструировании идеального общества. Тем не менее постановка им таких важных проблем, как проблема социальной психологии, роли интеллигенции, ее политической сознательности и ответственности за судьбу страны в специфических условиях российской действительности, имела огромное значение, что позволило характеризовать его, как как одного «из самых больших и творческих умов <...> создателя стройной системы, объединяющих правду-истину и правду-справедливость» [7, с. 132].

Решая вопросы исторической перспективы, необходимо определить идеологему, которая станет основой для сохранения традиционных ценностей и развития отечественной общественно-политической науки. В связи с этим творчество Михайловского и его субъективный метод соци-

ального исследования не утратили своего значения и сохраняют свою актуальность.

Список литературы

1. Денильханов, А. Х. Постправда и либеральная парадигма постмодерна / А. Х. Денильханов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2021. – № 6. – С. 34–46.
2. Иванов, Д. В. Системно-психологические идеи в творчестве Н. К. Михайловского / Д. В. Иванов // Системная психология и социология. – 2021. – № 4 (40). – С. 92–112.
3. Кареев, Н. И. Основы русской социологии / Н. И. Кареев. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – 368 с.
4. Михайловский, Н. К. Об истине, совершенстве и других скучных вещах / Н. К. Михайловский // Соч. Н. К. Михайловского. Т. 3. Издание журнала «Русское богатство». – СПб, 1897. – С. 382–407.
5. Михайловский, Н. К. Предисловие к 3-му изд. / Н. К. Михайловский // Полн. собр. соч. : в 10 т. – СПб., 1909–1914. – Т. 1. – С. V–VII.
6. Михайловский, Н. К. Что такое прогресс? Предисловие // Соч. Н. К. Михайловского. – Т. 1. Издание журнала «Русское богатство». – СПб., 1896. – С. 3–150.
7. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Литературно-критические работы : в 2 т. / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 2. – 525 с.

В. П. Джигило

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
uladzislaupaulavich@mail.ru)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Цифровые трансформации, усиленные и ускоренные пандемией COVID-19, сформировали для существующих традиционных политических институтов выбор: 1) адаптация к новой реальности, допустив определенные изменения в своей структуре и сущности; 2) переход к кризисной фазе с угрозой исчезновения. Не удивительно, что первыми с рисками и перспективами трансформации столкнулись такие институты как государство, политические партии, парламентаризм и выборы. В том числе данные процессы оказывают весомое влияние на электоральный суверенитет.

Процитируем американского социолога Т. Парсонса, который определял институты как «<...> факторы, контролирующие действия человека в обществе, и как следствия их» [1, с. 303]. Таким образом, институты – это основа функционирования политических партий.

Основываясь на вышеуказанном важно определить, во-первых, что происходит в условиях цифровизации с таким архаичным институтом как политические партии.

Во-вторых, важную роль в функционировании современных политических партий играют корпорации. Как предполагают российские поли-

тологи С. Володенков и С. Федорченко, «<...> такой институт, как государство передает часть своих функций корпорациям (посредническая роль между властью и гражданином, слежка, сбор данных, предоставление услуг, ранее остававшихся в ведении лишь государства, право на управление процессами общественно-политических коммуникаций), то корпоративные игроки могут начать приобретать характерные черты нового политического института, влияющего на политические действия человека в социуме» [2, с. 88].

В-третьих, внимание к институту парламентаризма и выборов определяется его значимостью для легитимации политических акторов. В данном случае, органичной частью современной системы парламентаризма и выборов являются партии. Цифровые изменения в указанной сфере затрагивают проблематику возможностей и рисков цифровой демократии. Согласно модели Т. Парсонса, парламентаризм и выборы с партиями относятся к «инструментальному» типу институтов.

К. Крауч один из первых акцентировал внимание на то кризисе института гражданства и партийных систем в том числе. Ученый акцентирует внимание на превращении корпораций в важный институт, оказывающий существенное воздействие на сложившиеся политические системы. Важно отметить, что К. Крауч обращал внимание на движение прежней партийной модели в сторону постдемократической партийной модели [3, с. 31, 46–47, 60].

Для детального анализа предмета исследования, воспользуемся выделенными К. Краучем признаками постдемократии. В политологическом сообществе неоднократно акцентировалось внимание на том, что процессы цифровизации являются теми триггерами, которые провоцируют изменение и создание новых традиционных политических институтов.

На основе вышеуказанного определим *цель работы*: анализ рисков и перспектив трансформации для традиционных партийных институтов в условиях обеспечения электорального суверенитета.

Важным для государства является сохранение суверенитета. С. Володенков и С. Федорченко отмечают, что «<...> глобальные технологические трансформации поставили государственную власть перед фактом трансграничного влияния цифровых корпораций, которые уже не просто занимаются сбором и анализом данных граждан в своих интересах, но и пытаются монополизировать за собой само предоставление права на коммуникацию» [2, с. 91]. В указанном случае акцентируется внимание на прямой угрозе информационной безопасности, как граждан, так и государства. Цифровой суверенитет начинает появляться в программах политических партий, которые претендуют на влияние в принятии политических решений в государствах.

Цифровизация оказывает влияние и на то, как современные государства выстраивают взаимоотношения между собой. Взаимоотношения в цифровой среде как между государствами, так и между иными политическими акторами, в научном дискурсе определяются следующими инструментами: хэштеги, анализ больших данных, использование ботов, а также сочетание стратегий *soft power* (мягкой силы) и *sharp power* (острой силы) [4, с. 38].

От цифровой трансформации государств перейдем к корпоративному фактору. Функции от которых отступают государство и политические партии, заполняются корпорациями. И, несомненно, это в наибольшей степени проявляется в сфере цифровизации. Исходя из указанного факта, логичным является стремление корпораций претендовать на политическую субъектность. К. Крауч отмечает, что в настоящее время корпорации являются не просто организациями, а сосредоточением власти, обусловленным концентрацией капитала и привилегированным доступом представителей бизнеса к государственным служащим и политикам [3, с. 61–65]. Таким образом, корпорации оказывают существенное влияние на политику, в частности, и на функционирование политических партий.

Цифровые платформы, созданные корпорациями, могут стать полноценной альтернативой политическим партиям в плане коммуникации, создания проектов. Удобная цифровая платформа может стать инструментом для повышения финансовой прозрачности государства перед гражданами, средой для выявления властью нерешенных проблем социально-политического характера.

Системы «*smart city*», «страна в телефоне», «умный город» и т. д., с одной стороны, позволяют снизить загруженность государства, с другой – как уже отмечалось ранее, риску подвергается цифровой суверенитет государства. Помимо этого, существует риск, что государство, передавая часть своих функций цифровым корпорациям, приводит к утрате компетенции своих же служащих в этой сфере [3, с. 126]. От сочетаний взаимодействия государства, цифровых корпораций и гражданства будет зависеть не только специфика турбулентности сложившихся политических процессов, но и процесс зарождения политических режимов нового типа, сочетающих элементы традиционной государственной власти и корпоративно-цифровой власти. Показательным кейсом значимости соцсетей в формировании политической повестки и развития политических процессов является блокировка аккаунтов политического лидера, представителя республиканской партии США Д. Трампа в социальных сетях в январе 2021 г. В данном случае такие цифровые монополисты, как Google, Apple, Facebook, Microsoft и др. как акторы, определяющие политическую повестку. Вместе с тем еще одним риском является подмена личностей извест-

тных политических деятелей, через deepfakes. Данные технологии относительно недавно начали внедряться в политический процесс. Однако они уже представляют существенные риски при функционировании политических процессов.

В современных условиях, цифровизация политических партий тесно переплетается с глубокой трансформацией поля публичной политики. На наш взгляд, в настоящее время резонно сочетать оба обозначенных подхода, т. к. цифровую инфраструктуру политики определяют довольно разные акторы: цифровые корпорации, государства, политически влиятельные блогеры, сетевые политические движения и цифровые партии, политические хакеры и т. д.

Подводя итоги, отметим, что современные цифровые трансформации самым непосредственным образом влияют на структурные, содержательные и функциональные параметры жизнедеятельности ключевых традиционных политических партий. Современные цифровые трансформации и нельзя определить, как однозначно конструктивные или деструктивные.

Для традиционных политических институтов, по нашему мнению, существуют как позитивный, так и негативный потенциалы цифровизации, тесно переплетенные между собой в систему цифровых эффектов и общественно-политических последствий институциональных изменений как для самого государства, так и для общества. В настоящей работе мы выделили лишь некоторые из аспектов цифровизации институтов политических партий, сосредоточив внимание в первую очередь на вызовах, стоящих перед ними в условиях адаптации к усложняющейся реальности, характеризующейся масштабным внедрением цифровых технологий в ключевые сферы общественно-политической жизни. Внимательного анализа требуют цифровые трансформации и иных традиционных политических институтов, не рассмотренных в данной статье. Более того, важным представляется изучение и таких аспектов цифровизации, как внедрение в общественно-политическую практику интеллектуальных цифровых актантов, основанных на технологиях искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей, формирование социотехнической реальности и политического диджитал-пространства, переход массовых цифровых коммуникаций в пространство метавселенных, работа над конструированием которых сегодня активно проводится крупными технологическими компаниями.

Список литературы

1. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический проект, 2018 – 520 с.
2. Володенков, С. В. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // ДискурсПи – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 84–103.

3. Крауч, К. Постдемократия / К. Крауч. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2010. – 192 с.

4. Цветкова, Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н. А. Цветкова // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С.37–47.

Е. Н. Джух

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
enklim@grsu.by)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ

Региональная идентичность как один из важнейших компонентов социокультурной идентичности в контексте социокультурного кризиса становится особо значимой. Именно она выступает связующим звеном личности с определенным регионом. Это включает в себя осознание и принятие культурных, исторических, языковых и других особенностей, которые характерны для данного региона. Процесс самоидентификации в контексте происходящих в современном обществе изменений позволяет обучающемуся определить и выразить свою принадлежность к региону, к сохранению уникальности региональной культуры.

Представляется несомненным, что в условиях постоянно изменяющегося информационного общества наряду с развитием профессиональных компетенций студентов в процессе получения высшего образования существует, независимо от направления и специальности обучающихся, необходимость формирования социокультурной компетенции.

Социокультурная компетенция личности в современном обществе – это не только готовность к участию в межкультурном общении, но и способность к продуктивному взаимодействию с представителями других национальностей через сотрудничество в условиях современного мира.

Основу данной компетенции образует осознание собственной культурной идентичности и через призму этой идентичности – умение вести диалог с позиции носителя другой культуры; важными компонентами являются социальная адаптивность, эмпатия и культурная толерантность, а также способность использовать информационно-коммуникационные ресурсы для творческой деятельности в информационном пространстве с целью ведения межкультурного диалога.

Совокупность личностных и профессиональных качеств обучающегося, которые позволяют обеспечить его готовность к продуктивному взаимодействию с представителями других культур объединяет в себе соответствующие целевые установки и ценностные ориентации, которые от-

ражают направленность личности на развитие и саморазвитие, ее самоактуализацию, использование социокультурных умений в разнообразных видах коммуникативной деятельности как личностно необходимое внутреннее убеждение.

Особое значение для социокультурной компетенции имеют эмпатия, разделение общечеловеческих ценностей, что позволяет поставить себя на место собеседника, что, в свою очередь, оказывает влияние на глубину проникновения в ситуацию. Толерантность является одним из важнейших социальных индикаторов, затрагивающих мотивационную сферу сознания, поскольку эффективная реализация межкультурного взаимодействия возможна, если участник общения знает этнопсихологические особенности своего иноязычного собеседника и учитывает их.

Социокультурная компетенция личности в современном обществе – это не только готовность к участию в межкультурном общении, но и способность к продуктивному взаимопониманию, которое представляется возможным посредством продуктивного диалога с представителями других национальностей через сотрудничество в реалиях современного мира. Поэтому одной из задач педагога при формировании и развитии социокультурной компетенции обучающихся является развитие у них умения выявлять социокультурные факты в аутентичных текстах, формулировать гипотезы, анализировать, сопоставлять и конструировать социокультурное знание.

В связи с этим необходимо проводить целенаправленную работу по преодолению культурных стереотипов, причина которых кроется в особенностях восприятия человеком окружающей действительности; необходимо также воспитывать толерантность к представителям культуры страны изучаемого языка. Акцент на отличительных, ярких аспектах иноязычной культуры не должен исключать необходимость и потребность в нахождении сходства и различия между данной культурой и родной. Знакомство с другой культурой позволяет обогатить свои собственные взгляды, убеждения, привычки, развить менее этноцентричное отношение к культуре, иное качество слушания.

Способность воспринимать ценностно-смысловую позицию другого и осуществлять выбор языковых и речевых единиц с учетом их социокультурной приемлемости для конкретной ситуации общения, опыт использования приемов общения в условиях разных культур позволяют обеспечить благоприятный эмоциональный климат, что способствует достижению запланированных образовательных целей

Идеологические функции как цели социокультурной коммуникации в контексте данного вопроса это: способствовать осознанию необходимости улучшения понимания между людьми из разнообразных культурных и этнических сред в условиях нарастающих вызовов межкультурной ком-

муникации; стремиться к поддержанию благополучия своего региона, в том числе, совместному сохранению здоровой окружающей среды; помогать в предотвращении и разрешении международных, этнических и гражданских конфликтов. Здесь следует сделать акцент на том, что данное направление, действительно, ориентировано на недопущение конфликтов, на их предотвращение и имеет своей основной и предельной целью построение гармоничного сообщества, которое обозначается как «межкультурное сообщество». Таким образом, идеология данного направления такова: гармоничное взаимодействие между людьми, которые воспринимают культурные различия как потенциал для всеобщего развития.

Воспитательные цели предполагают воспитание людей в духе культурного релятивизма; формирование способности к объективному восприятию и принятию культурной и индивидуальной уникальности другой личности; объективное, доброжелательное, открытое восприятие другого и в своей культуре, и в другой культуре с попыткой проникновения в его особенности, его уникальность, с попыткой увидеть мир глазами другого человека, возможно, на совершенно иных мировоззренческих основаниях.

Механизмом реализации принципа социокультурной направленности способствует культурному самоопределению обучающегося через создание у него представлений о многообразии культурного пространства и определении своей роли и места в данном многообразии, а также готовности к диалогу культур. Данный принцип предполагает формирование и развитие интегративных общекультурных и коммуникативных навыков, умений использовать иностранный язык как средство поликультурной и иноязычной коммуникации, умения выступать в качестве культурного посредника между представителями разных культур, прогнозировать возможные коммуникативные недопонимания и конфликты, помогая их предотвращать и снимать.

В современных условиях, где глобализация и межкультурное взаимодействие становятся всё более распространёнными, сохранение культурной идентичности и развитие патриотизма приобретают особую актуальность. Прежде всего, нужно вести разговор о том, что каждый из нас является носителем собственной страны и является носителем собственной культуры. Это сравнение своего и чужого в данном случае играет важную роль. Каждый действительно является носителем уникального культурного наследия своей страны, и это наследие формирует его взгляды, ценности и поведение. Сравнение «своего» и «чужого» играет ключевую роль в самоопределении и самосознании, а также во взаимодействии с другими культурами. Это может привести к более глубокому пониманию и уважению различий, а также к поиску общих ценностей и интересов. Формирование социокультурной компетенции включает в себя развитие чувства

ответственности, уважения к законам и традициям, а также готовности защищать интересы своей страны. Патриотизм в этом контексте не означает слепое следование, а скорее осознанную приверженность и готовность вносить вклад в развитие общества.

Важно, чтобы процесс формирования социокультурной компетенции, гражданской культуры и патриотизма был сбалансированным и включал в себя открытый диалог и критическое мышление. Это помогает обеспечить уверенность, что патриотизм поддерживает инклюзивность и уважение к разнообразию, а не приводит к исключению или конфликтам.

Е. А. Достанко

(Белорусский государственный университет, г. Минск, dostanko@bsu.by)

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА

Современная международная ситуация обладает высокой сложностью, реагирование на вызовы которой государства определяют как самостоятельно, усиливая эффективность своей внутренней политики, так и используя многосторонние форматы. Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) является для нашей страны международной площадкой многостороннего сотрудничества государств-членов, государств – наблюдателей и партнеров по диалогу, по сути – важнейшими центрами геополитического взаимодействия. ШОС существует уже более 20 лет, достигла наибольших успехов в поддержании региональной безопасности, в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму, в частности, по выявлению, предупреждению и пресечению проявлений «трех сил зла» на территориях государств – членов ШОС, устранению их причин и условий возникновения, также противодействию распространению их идеологии и пропаганде; расширения ШОС являются также важными показателями успешной деятельности этой организации.

С 2010 года Республика Беларусь реализует статус партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а в 2015 году стала первой европейской страной-наблюдателем в организации. 16 сентября 2022 г. в рамках заседания Совета Глав государств ШОС в г. Самарканде (Узбекистан) подписано Решение о начале процедуры вступления Республики Беларусь в члены Организации, 4 июля 2023 г. подписан Меморандум об обязательствах Республики Беларусь в целях получения статуса государства – члена ШОС [1].

Политико-дипломатическое, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество являются приоритетными направлениями сотрудничества Беларуси и ШОС.

Политико-дипломатическое сотрудничество определяется в первую очередь высоким уровнем развития двусторонних отношений с государствами – членами ШОС (Союзное государство с Россией, отношения всепогодного и всестороннего стратегического партнерства с Китаем, стратегический характер отношений с Казахстаном, высокий уровень отношений с Индией и Пакистаном) и перекрестным членством с рядом государств в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС. Это способствует совместному отстаиванию прав государств на суверенное развитие, поддержке стабильности на евразийском пространстве, повышению взаимопонимания между странами.

Особое значение имеет участие Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в заседаниях Совета глав государств – членов (СГГ) ШОС в 2016–2023 гг. Следующие инициативы Главы государства, выдвинутые в ходе этих заседаний, нашли поддержку среди других членов «семьи» ШОС: об обеспечении продовольственной безопасности в рамках ШОС, укреплении ядерной безопасности и мирного использования атома, по сопряжению стратегий развития стран организации, развитию сотрудничества в области здравоохранения, транспорта, возобновляемых источников энергии, использования в торговле и финансах национальных валют, по борьбе с киберугрозами, по объединению усилий ШОС и ОДКБ по проблеме Афганистана, по стимулированию торгово-экономического сотрудничества посредством промышленной и технологической кооперации; по цифровой трансформации, искусственному интеллекту; зеленой экономики, в области реализации совместных проектов по киберучениям.

Особо близка нашей стране позиция ШОС по ряду международных политических проблем, а именно: осуждение странами – членами ШОС односторонних ограничительных мер, принуждения стран к их исполнению, пренебрежения нормами международного права, попыток реанимации радикализации молодежи; важность совместного противодействия распространению недостоверной информации; исключение блоковых, идеологизированных подходов к решению проблем международного и регионального развития.

Наблюдение за выборами является еще одним направлением сотрудничества Беларуси и ШОС. С 2015 года организация направляет в Беларусь Миссию наблюдателей ШОС для наблюдения за проходящими в стране избирательными кампаниями. В 2022 году – за общереспубликанским референдумом по внесению изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, в 2024 – за единым днем голосования по выборам депутатов Палаты представителей Национального собрания и местных Советов депутатов [2].

Военное и военно-техническое сотрудничество также является одним из приоритетов взаимодействия Беларуси с ШОС. В частности, был зак-

лючен протокол о сотрудничестве с Региональной антитеррористической структурой государств – участников ШОС, белорусская сторона приняла участие в совместных антитеррористических учениях по линии правоохранительных органов и вооруженных сил государств – членов ШОС.

Идея о возможном объединении интеграционных повесток ШОС, БРИКС и ЕАЭС как центров формирующейся конфигурации международных отношений была озвучена Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко как ответ на высокую турбулентность, многовариантность международной повестки [3].

Несмотря на то, что в целом экономическая повестка ШОС до конца не сформирована, 2/3 договоренностей в рамках ШОС касаются сферы безопасности, *торгово-экономическое сотрудничество* во взаимодействии Беларуси и ШОС постепенно возрастает. Обеспечение продовольственной безопасности, торговля услугами, цифровая экономика, транзитный и логистический потенциал ШОС, энергетика, углеводороды, туризм являются перспективными сферами сотрудничества. Подавление эпидемии коронавируса, взаимное обучение, обмены и рекомендации среди стран – членов ШОС усилили возможности для сотрудничества в сфере здравоохранения, основы которого были заложены в ШОС еще 2002 году. Особо необходимо подчеркнуть важность использования потенциала ШОС для продвижения национальных интересов в сфере энергетики, главным образом в контексте введения в эксплуатацию БелАЭС. Необходимо отметить, что белорусская сторона регулярно принимает участие в заседаниях Совета Межбанковского объединения ШОС, Делового совета ШОС.

Культурно-гуманитарное сотрудничество реализуется в регулярном участии представителей нашей страны в Женском форуме ШОС, форуме СМИ ШОС, кинофестивале ШОС, Национальном телевизионном фестивале ШОС. Центр международных исследований факультета международных отношений выступает партнером Форума ШОС от Республики Беларусь. Данный Форум объединяет университеты и исследовательские организации стран «семьи» ШОС. Кроме того, представляется перспективным разноформатное сотрудничество в рамках Университета ШОС.

В мире происходят глобальные изменения, очень точно об этом сказал Президент Беларуси А. Г. Лукашенко: «Мы, вроде бы, страны не гигантские, не определяем ход мировой политики. Но любая страна независимо от ее размеров, масштабов влияет на тот ландшафт, который сегодня складывается на нашей планете. <...> Мы формируем многополярный мир. А если в этом мире много полюсов, нет монополизма, значит, наверное, страны и малые, и большие, и средние от этого будут иметь только пользу» [4]. Для Беларуси членство в ШОС как «важной платформе мира, процветания и развития во всем Евразийском регионе» [5] обусловлено

возможностью вклада в развитие многополярности, укрепление взаимопонимания между народами, сохранение многообразия культур, взаимного уважения, распространение знаний о традициях и обычаях народов, проживающих на пространстве ШОС. У всех «интеграций есть проблемы», но принципы ненаправленности против других, непривнесения двусторонних проблем в многостороннюю повестку ШОС укрепляют эту организацию и способствуют стабильности в евразийском регионе.

Список литературы

1. Участие Беларуси в ШОС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/integracija/shos>. – Дата доступа: 27.02.2024.

2. Миссия наблюдателей ШОС признает прошедшие в Беларуси выборы [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия. – Режим доступа: <https://rec.gov.by/ru/from-telegram-ru/view/missija-nabljudatelej-shos-priznaet-proshedshie-v-belarusi-vybory-vybory-prozrachnymi-dostovernymi-i-1607-2024>. – Дата доступа: 27.02.2024.

3. Лукашенко выступает за совмещение интеграционных усилий в формате ЕАЭС – ШОС – БРИКС [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-vystupaet-za-sovmeshenie-integratsionnyh-usilij-v-formate-eaes-shos-briks-568338-2023/?ysclid=lt4gskwdov601559416>. – Дата доступа: 27.02.2024.

4. Встреча Президента Беларуси со спикером парламента Кыргызстана Нурланбеком Шакиевым [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/october/75568>. – Дата доступа: 27.02.2024.

5. Нью-Делийская декларация совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – Режим доступа: <https://rus.sectseo.org/politics/?year=2023>. – Дата доступа: 27.02.2024.

Д. В. Драгун

(Белорусский государственный университет, г. Минск, dragun.dim@yandex.ru)

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В условиях мировой политической и социально-экономической турбулентности исследование радикального исламизма приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Согласно Глобальному индексу терроризма, составленному международными экспертами под эгидой Института экономики и мира, в 2022 году число террористических атак в мире достигло 3 955, при этом ответственность за 19 из 20-ти наиболее смертоносных из них взяли на себя радикальные исламистские организации и движения или неустановленные джихадисты [1].

Проблема реагирования на угрозы со стороны радикального исламизма актуальна и для Республики Беларусь. Часть 3 статьи 16 Конституции Республики Беларусь гласит: «Запрещается деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности».

По итогам общественного обсуждения Главой государства одобрен проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, который рассматривает «проявления экстремизма в любых его формах, в том числе терроризма, расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, возникновение массовых и иных беспорядков, в результате которых создается опасность жизни и здоровью людей, территориальной целостности и существованию государства» в качестве одной из основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь.

Изучение политических аспектов радикального исламизма осуществляется в дискурсе современного научного знания о радикализме и экстремизме, культивируемого на междисциплинарной основе в рамках ряда дисциплин, таких как политология, социология, экономика, педагогика, социальная психология и т. д. При этом сложилось значительное количество подходов к определению сущности и типологизации экстремизма [2, с. 56–57].

По мнению ряда исследователей, в исламском вероучении наличествуют эндогенные факторы радикализации. Иджтихад, понимаемый как нормотворчество на основе Корана и Сунны, не имеет жесткой и единственно верной регламентации данными источниками мусульманского права, являясь результатом их богословской интерпретации. Поэтому каждый мусульманин обладает правом относиться критически к подобным суждениям, какой бы прогрессивный и рациональный заряд они не несли. В подобных условиях имманентно предполагаемые сомнения в истинности иджтихад могут быть разрешены путем обращения к первоисточникам – Корану и Сунне [3, с. 14–15].

В свете вышеизложенного следует разделять употребляемые в данном исследовании термины «ислам», обозначающий одну из мировых авраамических религий, и «исламизм» как «политический ислам».

Термин «исламизм» попал в фокус внимания и стал общеупотребимым компонентом современного политического дискурса после Исламской революции в Иране 1978–1979 годов, обозначая политические движения, которые отстаивают реисламизацию мусульманского населения как

в ареалах их преимущественного распространения, так и в миноритарных сообществах.

В дискурсе современного политического знания сложился ряд концептуальных подходов к осмыслению термина «исламизм». Резюмируя, под исламизмом, по нашему мнению, понимается совокупность идей и социальных практик, выработанных в рамках мусульманского дискурса в качестве реакции на постхристианское и/или секулярное влияние западной цивилизации.

Являясь частью исламизма, радикальный исламизм представляет собой комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама [4, с. 94].

Радикальный исламизм является сравнительно молодым течением религиозно-политического экстремизма, возникающим в конце XIX – начале XX в. в качестве идейно-политической реакции на интервенцию европейских государств в ближневосточный регион.

С точки зрения автора, в современном политическом процессе генетической основой и идейным ядром радикального исламизма следует рассматривать салафизм, сторонники которого считают, что правоверный мусульманин во всех своих действиях должен руководствоваться только теми предписаниями, которые созданы в период жизни пророка Мухаммада.

С политологической точки зрения основные идеологемы радикального исламизма лежат в плоскости такфира и джихада. В салафитской традиции такфиру подлежат все, кто имеет «извращенное миропредставление», отличное от салафитской интерпретации нормативных положений ислама – атеисты, последователи политеистических и авраамических религий, а также иных течений ислама. Джихад в рамках радикального ислама рассматривается исключительно как военные действия в «дар аль-харб» против кяфилов, главными среди которых выступают США и Израиль.

Субъектами нормотворческой деятельности осуществляется оперативное реагирование на актуальные вызовы и угрозы национальной безопасности Республики Беларусь, в том числе радикальный исламизм, посредством совершенствования нормативной правовой базы противодействия экстремизму. В частности, 9 марта 2023 г. был принят Закон № 256-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», предусматривающий ужесточение ответственности за преступления экстремистской (террористической) и антигосударственной направленности.

Таким образом, в рамках исследования раскрыты понятие, сущность, основные идеологемы радикального исламизма, проанализирован иностранный

ранний опыт противодействия радикальному исламизму. Под радикальным исламизмом нами предложено понимать комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама. В качестве генетической основы и идейного ядра радикального исламизма предложено считать салафизм, имеющий идеологическое выражение в такфире и джихаде.

На основании проведенного анализа проявлений радикального исламизма в современном политическом процессе и существующей практики противодействия религиозно-политическому экстремизму можно сделать вывод рекомендательного характера о необходимости применения мягких технологий профилактики радикализма и экстремизма, к которым относятся:

- трансляция ценностей законности, гражданственности, интернационализма, социальной справедливости, толерантности к другим культурам;
- изучение истории и культурных традиций различных этносов и конфессий, политических систем в рамках социально-гуманитарного блока дисциплин подготовки специалистов;
- проведение дискуссионных площадок для обсуждения актуальных социально-политических проблем, способных выступить в качестве субстрата для радикальной и экстремистской деятельности;
- анализ кейсов проявления экстремизма и политической протестной киберактивности на предмет выявления технологий манипуляции общественным мнением, рекрутирования молодежи в экстремистские формирования и финансирования противоправной деятельности с последующей разработкой методов их устранения;
- создание негативного имиджа социальных и политических практик, трактуемых с правовой точки зрения как экстремизм, для профилактики вовлечения в их реализацию новых акторов.

Список литературы

1. 2023 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism [Electronic resource]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2023/03/GTI-2023-web-170423.pdf>. – Дата доступа: 23.07.2023.
2. Драгун, Д. В. Радикализм и экстремизм в современном политическом процессе / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2021. – Вып. 21, ч. 1 : Политические науки. – С. 54–61.
3. Игнатенко, А. А. Ислам и политика : сб. ст. / А. А. Игнатенко. – М. : Ин-т религии и политики, 2004. – 256 с.
4. Драгун, Д. В. Радикальный исламизм в дискурсе современного политического знания / Д. В. Драгун // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2022. – № 2. – С. 92–98.

Ю. Г. Ермак

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
Ermak_JG@grsu.by)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА)⁵

Залогом устойчивого развития белорусского общества в числе прочих факторов является гендерное равенство. Женщина стала субъектом руководства не только в государственной системе управления, но и практически во всех структурах власти. Представительство женщин в органах белорусской власти имеет под собой давнюю традицию.

26 июня 1938 г. впервые состоялись выборы в Верховный Совет БССР. Всего было избрано 273 депутата, из них 68 женщин [1, с. 420–421]. Женщины были представительницами всех социальных слоев. Среди них были рабочие, интеллигенция, были представлены работницы партийных структур, комсомольских и профсоюзных организаций. В политическую историю страны вписаны имена Клавдии Амосовны Абушенко (председатель Центральной избирательной комиссии БССР), Надежды Григорьевны Грековой (депутат Верховного Совета БССР), Евдокии Ильиничны Ураловой (депутат Верховного Совета БССР, нарком образования БССР), Евдокии Трофимовны Гутенковой (депутат Верховного Совета БССР, нарком социального обеспечения), Евгении Соломоновны Ханиной (депутат Верховного Совета БССР), Анны Тихоновны Короленко (депутат Верховного Совета БССР, награждена Орденом «Знак Почета»), Евфимии Михайловны Алексейчиковой (депутат Верховного Совета БССР), Анны Васильевны Муравьевой (депутат Верховного Совета БССР) и др. Самой молодой женщине депутату Анне Ивановне Пальцевой было 19 лет.

Во второй половине 80-х годов XX века А. А. Коновалова комплексно рассмотрела вопросы, связанные с повышением роли Советов народных депутатов в развитии общественно-политической активности женщин. Благодаря деятельности областных Советов депутатов и принятии мер по финансированию и совершенствованию работы школ, внешкольных и дошкольных учреждений, а также по совершенствованию законодательства, устанавливающего социальные гарантии по охране труда женщин, материнства и детства, социальная активность женщин БССР возрастала [2, с. 15]. Одним из способов активизации участия женщин в обществен-

⁵ Статья написана в рамках реализации совместного междисциплинарного проекта ГрГУ им. Янки Купалы и Гродненского областного Совета депутатов «Народовластие на Гродненщине: история и современность» на 2024 год.

но-политической жизни во второй половине XX века являлось их участие в выборах Советов народных депутатов. В результате этих мероприятий увеличивалось число женщин задействованных в работе избирательных комиссий, проведении пропагандистской работы, выдвижении и обсуждении кандидатов в депутаты. Стохастический анализ сессионной деятельности отдельных областных Советов народных депутатов, позволил выявить многоплановость в характере их деятельности: Советы оповещали о времени и повестке дня сессий депутатов и избирателей и обращались к ним (избирателям) с просьбой о предоставлении предложений и замечаний по деятельности; выносили на обсуждение населению проекты своих решений и тезисы докладов; проводили анкетирование по вопросам, связанным с социальными проблемами. Указанная деятельность способствовала развитию общественно-политической активности населения, в котором половину составляли женщины.

20 февраля 1991 года был принят первый Закон Республики Беларусь в сфере местного самоуправления, который первоначально назывался «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Республике Беларусь» [3, с. 17]. Этот Закон претерпел 21 редакцию. Такое пристальное внимание на указанный Закон со стороны государства говорит о внимании, которое уделяется органами государственной власти вопросам местного самоуправления и к работе областных Советов депутатов.

В XXI веке местные органы власти продолжают традицию проведения сбалансированной политики в сфере обеспечения равных возможностей самореализации для всех граждан независимо от их пола. В этом направлении активно работает и Гродненский областной Совет депутатов.

30 декабря 2020 года был утвержден Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [4]. Реализация гендерной политики в Республике Беларусь основана на соблюдении национальных интересов и учитывает общепризнанные принципы международного права и прав человека, поддержке традиционных ценностей и культурных устоев, характерных для белорусского общества.

В Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы был включен ряд мероприятий. Выполняя требования к объему тезисов, автор вынужден перечислить только наиболее значимые мероприятия, реализуемые Гродненским областным Советом депутатов.

I. Развитие институционального механизма по обеспечению гендерного равенства:

- укрепление потенциала и обучение членов региональных экспертных рабочих групп по реализации гендерной политики.

II. Выравнивание социально-экономических возможностей мужчин и женщин,

- содействие женщинам, в том числе в сельской местности, в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма путем оказания консультативной, методической и правовой помощи, обучения правовым и финансовым основам предпринимательской деятельности, предоставления финансовой поддержки в виде субсидий.

III. Обеспечение гендерно-ориентированной охраны здоровья:

- развитие службы планирования семьи в целях обеспечения доступности для подростков и молодежи дружественных и гендерно-ориентированных услуг по планированию семьи и формированию культуры осознанного родительства;

IV. Противодействие домашнему насилию и торговле людьми:

- проработка вопроса о создании реестра информации о случаях домашнего насилия, в том числе случаев, где дети стали свидетелями насилия;

- создание для пожилых людей, людей с инвалидностью и распространение среди них информационных материалов об оказании помощи пострадавшим от домашнего насилия;

- проведение мониторинга организации работы по предупреждению домашнего насилия, в том числе функционированию «кризисных» комнат;

- освещение в средствах массовой информации вопросов, связанных с профилактикой домашнего насилия;

V. Информационно-просветительское сопровождение мер, направленных на обеспечение гендерного равенства:

- проведение информационно-просветительских кампаний, направленных на повышение уровня гендерной культуры белорусского общества;

- размещение в республиканских и региональных средствах массовой информации и социальных сетях видео- и радиосюжетов, статей, репортажей, интервью по вопросам гендерного равенства и его влияния на жизнедеятельность общества;

- проведение в учреждениях образования воспитательных мероприятий, направленных на повышение престижа семьи, формирование ответственного родительства, факультативных занятий на тему «Основы семейной жизни», «Подготовка учащихся к семейной жизни», «Основы безопасного поведения в сети Интернет» и других.

Активная работа Гродненского областного Совета депутатов по реализации гендерного равенства не исчерпывается перечисленными мероприятиями. Залогом успеха в этом направлении выступает единство органов местной власти и населения.

Список литературы

1. Барабаш, Н. В. Первые женщины-депутаты Верховного Совета БССР первого созыва / Н. В. Барабаш // *Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер.: Гуманітарныя навукі.* – 2021. – Т. 66. – С. 418–424.
2. Коновалова, А. А. Повышение роли Советов народных депутатов в развитии общественно-политической активности женщин в условиях развитого социализма (на материалах Белорусской ССР) : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 09.00.02 / А. А. Коновалова ; Бел. Ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1984. – 22 с.
3. Касцюк, М. П. Мясцовае кіраванне і самакіраванне ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць / М. П. Касцюк, С. А. Трацяк // *Проблемы управления.* – 2017. – № 1 (63). – С. 13–20.
4. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Беларуси на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/january/58188>. – Дата доступа: 26.02.2024.

Н. А. Ёдко

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
edkonatasha@gmail.com)

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ
В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В настоящее время возникающие глобальные и региональные процессы оказывают воздействие на социально-экономические, политические процессы в государстве, степени защищенности национальной безопасности и благосостояния граждан, что приводит к актуализации рассмотрения вопроса обеспечения национальной безопасности.

Согласно Постановлению Совета Безопасности Республики Беларусь сформирован проект новой Концепции национальной безопасности, в которой в рамках обеспечения национальной безопасности действует система, представляющая собой совокупность взаимодействующих субъектов обеспечения национальной безопасности и средств, используемых ими для осуществления деятельности по защите и реализации национальных интересов и обеспечению безопасности личности, общества и государства, действующих в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Субъекты обеспечения национальной безопасности реализуют согласованную деятельность по достижению цели и решению задач обеспечения национальной безопасности, согласно их правовому статусу, установленному законодательством. Одними из основных субъектов в системе национальной безопасности являются государственные органы, подчиненные (подотчетные) Президенту Республики Беларусь и республи-

канские органы государственного управления, подчиненные Правительству, в соответствии с их компетенцией осуществляют меры, направленные на решение задач обеспечения национальной безопасности, поддерживают в состоянии готовности к исполнению имеющуюся силу и средства. Согласно проекту новой Концепции национальной безопасности к субъектам обеспечения национальной безопасности относятся и правоохранительные органы [1].

Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов направлена на обеспечение прав и законных интересов граждан, на защиту личной, общественной и национальной безопасности, а также поддержание правопорядка в государстве. Стоит отметить, что в Республике Беларусь на законодательном уровне не закреплен такой термин как «правоохранительные органы», который при этом широко используется. К правоохранительным органам согласно юридическому словарю относят государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют в пределах своих компетенций досудебное производство в соответствии с законодательством Республики Беларусь [2]. Исходя из вышеуказанной трактовки к правоохранительным органам в Беларуси отнесем:

- органы внутренних дел Республики Беларусь;
- Следственный комитет Республики Беларусь;
- Комитет государственного контроля Республики Беларусь;
- органы прокуратуры Республики Беларусь;
- таможенные органы Республики Беларусь;
- иные.

Одним из основных источников угроз национальной безопасности в современном мире государства является проявление различных категорий преступлений против личности, собственности, государственного строя, общественного порядка, формирование среды для коррупции, а также различного рода проявления экстремизма и терроризма. Данные совершаемые преступления без деятельности правоохранительных органов приведут к ухудшению состояния законности и действующего правопорядка в государстве, что в конечном итоге приведет к ухудшению защищенности национальной безопасности.

В связи с этим сотрудники правоохранительных органов Республики Беларусь в своей деятельности проводят непрерывную работу по выявлению причин возникающих преступлений и разрабатывают меры по их предупреждению и устранению. Кроме того, принимают активное участие в профилактике терроризма и экстремизма, контролируют и ликвидируют проявления терроризма и экстремизма, участвуют в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, организывают и реализуют мероприятия по гражданской обороне, способствуют формирова-

нию добровольных образований населения по охране общественного порядка и организации охраны общественного порядка. Вместе с тем в пределах своих компетенций правоохранительные органы принимают участие в разработке государственных программ в области обеспечения национальной безопасности.

В своей деятельности сотрудники правоохранительных органов используют различные инструменты и методы, выбор которых зависит непосредственно от возникающей ситуации и ряда обстоятельств, как объективного, так и субъективного характера. Наиболее универсальными методами, которыми пользуются при осуществлении деятельности являются методы убеждения и принуждения. При этом в своей службе в первую очередь сотрудники правоохранительных органов используют метод убеждения, а затем, при вынужденной необходимости, принуждение. Такое проявляющееся соотношение методов в службе произрастает из общественной природы государства, из соответствия целей и задач интересам человека и гражданина. Выбор метода убеждения или принуждения из всей системы методов, используемых в деятельности, обусловлено прежде всего тем, что они пронизывают собой всю правоприменительную деятельность, присутствуя в каждой из ее форм. Метод убеждения являясь основополагающим методом управления в социальном и правовом государстве, выражает принципы построенной правовой политики государства. Стоит отметить, что при различных ситуациях правоохранительные органы не могут ограничиваться только использованием методом убеждения, что приводит к применению мер принудительного воздействия. Метод принуждения применяется уже на базе убеждения, когда средства влияния последнего уже исчерпаны. Безусловно, метод принуждения носит административно-правовой характер и применяется согласно установленному законодательству. Принуждение как универсальный метод, использующийся в службе, заключается в психическом, материальном или физическом влиянии на сознание и поведение личности. Поддерживая и защищая общественный порядок, сотрудники правоохранительных органов уполномочены предъявлять к личности требования, сопряженные с обеспечением порядка, исполнение которых гарантируется и при необходимости применением принуждения. Стоит отметить, что вышеуказанные методы взаимодополняют друг друга, и чаще всего используются вместе.

Кроме того, отметим, что без применения административно-правовых методов практически невозможно сформировать упорядоченную систему общественных отношений в области безопасности, оперативное и результативное решение возникающих проблем. Однако не стоит отрицать важнейшей роли метода убеждения, который используется государственными органами, которые наделены полномочиями по исполнению задач в сфере национальной безопасности.

Таким образом, для обеспечения национальной безопасности Беларуси сформирована упорядоченная система, в которой действуют субъекты, осуществляющие целенаправленную деятельность по выявлению и предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства, и защите национальных интересов Республики Беларусь. Система обеспечения национальной безопасности представляет собой механизм, который при необходимости преобразовывает принятую стратегию в области национальной безопасности в скоординированную деятельность государственных органов, общественных объединений и граждан на основании установленного законодательства. Важную роль в обеспечении национальной безопасности играют правоохранительные органы, реализуя свои задачи в области защиты прав и законных интересов граждан, поддержания правопорядка в государстве непосредственно и опосредованно участвуют в обеспечении национальной безопасности, предотвращая возникающие угрозы.

Список литературы

1. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 29.02.2024.

2. Юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://multilang.etalonline.by/ru/term/index/691?langname=ru&size=25&page=1&ch=type=3&etalon=0>. – Дата доступа: 29.02.2024.

А. Б. Жайворонок

(Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск, 7675999@mail.by)

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На фоне продолжающегося глобального геополитического переустройства коллективный Запад наращивает усилия по формированию однополярного мира, активно подавляя инакомыслие и поощряя русофобские взгляды. Европейская архитектура безопасности переживает серьезный системный кризис. Налицо дефицит понимания по самому широкому кругу ключевых вопросов. Нет видимых признаков готовности ведущих «игроков» к поиску компромиссов. Это негативно отражается на обстановке, складывающейся в различных регионах мира.

Как показало время, в Европе нацизм не был искоренен в послевоенные годы и находился в латентном состоянии. При поддержке Вашингтона и ряда европейских государств в приграничных с нами странах планомерно взращивались полуфашистские правящие режимы, насаждающие неонацизм на государственном уровне.

Суверенное белорусское государство находится в эпицентре мировых событий и интересов глобальных игроков и поэтому мы не можем исключать, что против нашей страны может быть развернута агрессия. По крайней мере, такую готовность со стороны наших соседей мы видим, знаем. Недружественные нам страны подталкивают в спину этих самых соседей для того, чтобы они создавали напряженность на наших границах.

Министерство обороны Республики Беларусь отмечает следующие основные тенденции, свидетельствующие о наличии прямых вызовов военной безопасности Республики Беларусь.

1. Усиление военной активности США и Североатлантического союза на восточноевропейском направлении. Сегодня в Европе на постоянной основе дислоцируется более 60 тыс. военнослужащих США, оснащенных современным ударным вооружением, а также около 35 тыс. в рамках проводимых операций в Восточной Европе, из которых более 22 тыс. сконцентрировано в Польше и странах Балтии.

На Западе идут интенсивные военные приготовления. В Польше и странах Балтии практически завершена реконструкция большинства аэродромов; активно модернизируются военно-морские базы и порты; создаются передовые плацдармы для заблаговременного хранения техники и запасов материальных средств армии США.

Проводятся мероприятия оперативной и боевой подготовки, интенсивность которых ежегодно повышается с одновременным увеличением количества привлекаемых сил и средств. Только в 2022 году в Европе проведено более 40 учений, в которых приняли участие свыше 100 тыс. человек.

Свидетельством приверженности Вашингтона курсу на применение военной силы в качестве главного внешнеполитического инструмента является проект военного бюджета на 2023 год в рекордном размере – 847,3 млрд долларов США, что почти на 12 % больше, чем в предыдущем.

2. Беспрецедентная поддержка США и коллективным Западом Украины. Непрекращающиеся финансовые вливания, «накачивание» украинской армии современными образцами вооружения и техники – все это объективно ведет к затягиванию военного противостояния на Украине. Такое положение дел несет риски и вызовы военной безопасности для нашего государства. В условиях усиленного присутствия украинских подразделений в приграничных с нашей страной районах сохраняется вероятность возникновения вооруженных провокаций.

Серьезные вызовы формируют действующий на Украине «черный рынок» оружия и его контрабанда в другие регионы, а также националистические воинские формирования (наподобие т. н. полков «Погоня» и «Калиновского»), готовые при поддержке стран Запада развязать кровавую бойню на белорусской земле.

3. Нарращивание антибелорусской информационной кампании. Усиливается деструктивное информационное воздействие на сознание и мировоззрение белорусского населения с целью дискредитации руководства страны, Вооруженных Сил и других силовых структур.

4. Попытки реализации силового сценария смены власти в Беларуси под общим названием «план Перамога». Западные стратеги рассчитывают развязать в Беларуси гражданскую войну руками «беглой» оппозиции. Ожидается наращивание активности деструктивных сил по раскачиванию обстановки в нашей стране в ходе электоральных кампаний 2024–2025 годов.

В целях своевременного и адекватного реагирования на существующие и потенциальные риски и вызовы военной безопасности в Беларуси реализуется соответствующий комплекс мероприятий. В 2021 году – начале 2024 гг. были предприняты следующие меры по обеспечению военной безопасности Республики Беларусь:

- постоянный мониторинг международной военно-политической и стратегической обстановки вокруг нашей страны, прогнозирование ее развития для выработки исчерпывающих мер по обеспечению военной безопасности;

- своевременное, детальное и адекватное складывающейся военно-политической обстановке, экономическим возможностям нашего государства планирование противодействия;

- совершенствование законодательства Республики Беларусь по вопросам защиты суверенитета и конституционного строя;

- уточнение основных направлений и приоритетов военного строительства и развития Вооруженных Сил на ближайшую перспективу;

- поддержание требуемого уровня боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил;

- укрепление в обществе чувства патриотизма и готовности к защите национальных интересов Республики Беларусь, воспитание сознательно-отношения граждан Республики Беларусь к ее вооруженной защите;

- противодействие разведывательной деятельности других государств, а также негосударственных субъектов, в целях защиты сведений, составляющих государственные секреты Республики Беларусь;

- укрепление системы коллективной безопасности ОДКБ, развертывание российской части региональной группировки войск (сил) на территории Республики Беларусь;

- проведение мероприятий по усилению охраны и защиты Государственной границы Республики Беларусь, в том числе с Украиной.

Оборонный сектор экономики Республики Беларусь представляет собой многофункциональный научно-производственный комплекс, способ-

ный разрабатывать и производить современные типы вооружений, военной и специальной техники, а также выпускать разнообразную наукоемкую гражданскую продукцию. Широко известными отечественными брендами являются автоматизированные средства управления войсками и оружием холдинга «АГАТ», оптика «Пеленга» и БелОМО, тягачи производства МЗКТ. Признание на мировом рынке получили созданные белорусскими специалистами радиоэлектронные средства борьбы с беспилотными летательными аппаратами.

В последнее время все большую актуальность начинает приобретать сотрудничество в военно-технической сфере между Россией и Республикой Беларусь. Развитие взаимодействия стало возможным благодаря тому, что в обеих странах существуют идентичные проблемы в развитии вооружений и военной техники.

К основным факторам, обуславливающим активизацию военно-технического сотрудничества союзников, в первую очередь, необходимо отнести тот факт, что данные государства имеют не только единое таможенное и оборонное пространство. Здесь также, в силу определенных исторических обстоятельств, сложились идентичные подходы к процессу формирования военной отрасли. К тому же, не стоит забывать и о том, что вооружение и техника в национальных вооруженных силах каждого из этих государств практически одинаковая. Кроме того, большая часть военной техники, производство которой осуществляется на территории России, комплектуется составляющими белорусского производства. Так, к примеру, белорусскими запчастями укомплектованы танки Т-90С, Т-72С и Т-80У, боевые машины десанта и пехоты, артиллерийские системы, ремонтно-эвакуационные машины, противотанковые ракетные и ракетно-пушечные зенитные комплексы, средства ближнего боя и стрелковое оружие.

Своеобразной визиткой российско-белорусских отношений можно считать межгосударственную финансово-промышленную группу «Оборонительные системы», в состав которой вошли 5 белорусских и 12 российских предприятий, и которая занимается реализацией проекта по глубокой модернизации средств противовоздушной обороны ЗРК «Печора-2М». Кроме этого, 280 российских предприятий поставляет на белорусский «МЗКТ» комплектующие и материалы для производства техники, большая часть которой идет на экспорт (около половины его приходится именно на Россию). На белорусскую основу в настоящее время устанавливаются боевые средства ОТРК «Искандер», машины обеспечения СРК «Тополь-М», реактивные СЗО «Ураган-1М», комплекс «Бастион», пусковая установка берегового комплекса «Бал-Э», а также ЗРК С-400.

На процесс развития военно-технического сотрудничества между Россией и Беларусью большое влияние оказывает та ситуация, которая сло-

жила в настоящее время в международной политике. В первую очередь, речь идет о развертывании американских систем противоракетной обороны на территориях европейских государств без учета интересов России. Кроме того, необходимо отметить, что немаловажную роль сыграла и активизация военной активности НАТО в непосредственной близости от российских и белорусских границ. Об этом, в частности, заявил российский министр обороны С. Шойгу в апреле 2023 года в ходе проведения совместного заседания военных ведомств двух государств. Он также отметил, что Россия намерена и дальше обеспечивать белорусскую армию вооружением и техникой, а также заниматься подготовкой военных кадров для Беларуси. В то же время министр обороны Беларуси В. Хренин отметил, что в условиях активной реализации планов стран – участниц НАТО относительно модернизации войск и военной инфраструктуры (а это военные аэродромы, морские порты), российская и белорусская стороны вынуждены выводить сотрудничество на более высокий уровень – уровень стратегического партнерства с целью обезопасить себя от возможных угроз. Именно этим объясняется размещение на территории Республики Беларусь российских ядерных тактических ракет.

Примечательно, что российское высшее политическое руководство прекрасно понимает, что национальная безопасность государства в немалой степени зависит и от того, насколько качественными будут вооруженные силы союзных стран, к коим, конечно, относится и Беларусь. Поэтому россияне и занимаются столь активно перевооружением белорусских вооруженных сил, поставляя туда новейшие образцы и модернизированные варианты вооружений, а также военной и специальной техники.

За 2023 год белорусская армия купила 217 новых образцов вооружений и военной техники, а также 13 образцов было модернизировано и 37 – подвергнуто капитальному ремонту.

Среди того вооружения, которое было приобретено, необходимо отметить беспилотные тактические авиакомплексы ближнего радиуса действия, станции радиоэлектронной борьбы и современные средства навигации, снаряжение для спецназа, а также имитаторы и тренажеры. В декабре 2023 года 120-я зенитно-ракетная бригада получила на вооружение современные зенитно-ракетные комплексы российского производства «Тор-М2Э».

Несмотря на активную помощь России, белорусский военно-промышленный комплекс также активно работает, и ярким примером тому стало принятие на вооружение навигационно-информационных комплексов «Азимут», а также аппаратуры дистанционного управления и контроля подрыва взрывчатки. Среди тех образцов техники, которые были модернизированы, нужно назвать средства автоматизации, станции радиолока-

ционной борьбы. Принятие на вооружение белорусской армией отечественной радиолокационной станции «Роса-РБ» позволило создать на государственной границе сплошную полосу радиолокационного поля.

Сегодня необходимо продолжать усовершенствование нормативно-правовой базы, которая регулирует двустороннее сотрудничество в военно-технической сфере. Такой же точки зрения придерживается и начальник Генштаба белорусской армии В. Гулевич. По его мнению, одним из наиболее острых проблемных вопросов, которые нужно решить в первую очередь, – это продумать механизм реализации положений о передаче или обмене совместно разработанной военной продукции, в рамках двустороннего сотрудничества. Не меньшую проблему составляет и учет объектов интеллектуальной собственности, выполненных совместно.

Таким образом, успех российско-белорусского сотрудничества в военно-технической сфере в большой степени будет зависеть от того, насколько равноправными будут эти государства в этих отношениях. Совместная работа военных и гражданских учреждений двух стран позволит скорректировать основные направления военного строительства, определить наиболее перспективные инновационные технологии, решить ряд проблем с обеспечением проведения научных исследований и тем самым создать научный и технический задел, обеспечивающий поступательное инновационное развитие вооруженных сил.

Республика Беларусь рассматривает ОДКБ в качестве гаранта международной и региональной безопасности, стабильности, а также защиты на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государства.

Стоит подчеркнуть, что в 2023 году функции председателя в ОДКБ выполняла Беларусь. основополагающими целями в ходе белорусского председательства являлись: на внутреннем контуре – повышение сплоченности государств – членов ОДКБ и урегулирование противоречий между ними в целях укрепления Организации, обеспечения безопасности и стабильности в зоне ее ответственности; на внешнем контуре – усиление роли и значимости ОДКБ в системе международных отношений, а также комплексное соответствие деятельности ОДКБ контексту региональной и глобальной безопасности.

Основным мероприятием, которое позволило оценить уровень взаимодействия при принятии решения о задействовании сил и средств коллективной безопасности, стала миротворческая операция Коллективных миротворческих сил ОДКБ на территории Казахстана в январе 2022 г. В течение последних лет проведен ряд мероприятий с участием белорусских военнослужащих: командно-штабное учение «Взаимодействие – 2022» с Коллективными силами оперативного реагирования ОДКБ; спе-

циальное учение «Эшелон – 2023» с подразделениями материально-технического войск ОДКБ; специальное учение «Поиск – 2023» с силами и средствами разведки.

Беларусь никогда не была и не будет источником зла и насилия. Неоспоримой ценностью для белорусов всегда выступал и выступает мир. Об этом свидетельствует вся наша многовековая история – ни одна из множества войн, проходивших на нашей территории, не затевалась по инициативе белорусского народа. Не случайным стало и объявление в Беларуси 2023 года Годом мира и созидания. В то время как наши западные и южные соседи бездумно втягиваются в воронку военного противостояния, мы прилагаем все возможные усилия для сохранения мира и спокойствия. Но вместе с тем, мы никому не позволим покушаться на стабильность и достаток в общем белорусском доме. В нашей стране сформированы необходимые условия для предотвращения либо нейтрализации различных угроз национальной безопасности. Белорусская армия способна сберечь Республику Беларусь и стать надежной опорой для союзников.

П. А. Железняков

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, petrmail2003@mail.ru)

ХРИСТИАНСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

Консерватизм является одной из наиболее известных политических идеологий. Появившись в XIX веке, как реакция на Великую Французскую Революцию консерватизм развился до множества видов и течений. Родоначальником консерватизма считается Эдмунд Бёрк, который написал в 1790 году «Размышления о революции во Франции». В ней он критиковал революционное решение проблем и говорил о возможности эволюционного развития только при обращении к истокам и сохранении существующих институтов власти [1]. При этом, Бёрк не делал особого упора на религиозный аспект консерватизма. Данный аспект стал главным при развитии такого направления, как христианский консерватизм. Основой данная авраамическая религия станет именно среди идеологов христианского консерватизма. В России таким самобытным представителем русского христианского консерватизма и является митрополит Филарет, который помимо написания богословских трудов и перевода книг Священного Писания активно участвовал в общественной дискуссии. Его самобытные политические взгляды, тесно связанные со Священным Писанием, будут интересны к рассмотрению.

Будущего митрополита Филарета звали Василий Михайлович Дроздов, и он родился в Коломне в семье диакона в 1782 году. Его отец был потомственным священнослужителем. Соответственно, связь судьбы будущего митрополита с Церковью была вполне логичной. Он выбрал монашеский путь и благодаря высокой учёности быстро продвигался в иерархии церкви. В 1812 году он получил должность ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии, а уже в 1826 году стал митрополитом Московским, что говорит о нём ни только как о талантливом учёном-богослове, но и как об успешном администраторе. Уже на посту митрополита Филарет активно вёл дискуссии в социально-политической плоскости, а также переписывался с передовыми деятелями культуры, которые были его современниками. Так, известна его переписка с Александром Сергеевичем Пушкиным в стихотворной форме, где Святитель напомнил великому русскому поэту о смысле жизни и о высоком предназначении человека [2]. Данный факт говорит о существовавшем высоком авторитете митрополита среди его современников. Политические же взгляды Святителя расходились с популярными течениями того времени, ведь он очень негативно реагировал на массово распространявшиеся идеи нигилизма и либерализма. Главным политическим трудом мыслителя является «Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных», которое является собранным Порфирием Кременецким текстом из разных сочинений Святителя. Именно оно отражает основные политические воззрения Святителя на институт царской власти и на взаимоотношения царя и граждан. Продолжая риторику древнегреческого философа Аристотеля, митрополит Филарет сравнивает государство с большой семьёй, из чего следует, что царь является отцом, а все остальные граждане являются детьми, которые должны повиноваться главе семьи, уважая его власть и его самого [3]. Как в каждой семье считается естественной определённая иерархия, так и в государстве такая иерархия тоже представляется естественной. Естественный характер власти царя, по мнению Святителя, объясняется ещё и тем, что данную иерархию создал сам Господь для уподобления Земли Царству Небесному, поэтому институт монархии является незаменимым институтом власти. Исходя из взглядов мыслителя, можно сделать вывод, что ни одна диктатура не заменит царской власти, так как не будет иметь божественного происхождения. Также очевидным становится то, что выступление против царя и его власти, по мнению митрополита Филарета, было равно выступлению против родного отца. Подтверждает слова мыслителя Священное Писание: процедуру божественного помазания на царство и передачи власти по наследству можно найти в Псалтыри [4]. Подобный взгляд на самодержавие и царскую власть позволял мыслителю говорить о важнейшей роли царя в жизни Российской

Империи. Стоит отметить, что, мыслитель считал православие единственной и спасительной основой всей общественной и государственной жизни [5]. То есть для митрополита Филарета православие является главной идеей, определяющей все остальные политические воззрения. Такой взгляд роднит Святителя и Фёдора Михайловича Достоевского, который считал именно православное христианство основной идеей, живущей в простом народе [6]. Дополняет стройную картину взглядов митрополита Филарета тот лозунг, который предлагал Святитель. В противовес закрепившемуся при Николае I лозунгу «Православие, самодержавие, народность», имевшему руссоистские корни, митрополит Филарет говорил о необходимости создания альтернативного лозунга «Вера, царь, отечество», который бы не нёс в себе чуждых русскому человеку идей о нации [7]. По его мнению, этот лозунг отражает те три начала, которые являются важнейшими для русского человека и составляют его главные идеалы. Помимо этого, Святитель показал всю лживость современного ему понятия просвещения. Так, он считал, что под знаменем такого просвещения, связанного с рационализмом, свободомыслием и гуманизмом, происходил кровавый террор Французской революции с гильотиной, грязью и безграничной жестокостью санкюлотов [8, с. 2]. Эти события считались им закономерным итогом упора на развитие интеллектуальных способностей в людях в противовес их духовному развитию. Так митрополит Филарет демонстрирует то, что для борьбы с злоупотреблением разума необходимо заниматься духовным развитием и воспитанием общества, без которого невозможно никакое созидание. Поэтому, по мнению мыслителя, просвещение в первую очередь связано со светом Писания, а не с безудержным умственным развитием и следованием ложным идеалам. Исходя из взглядов Святителя, формируется негативное отношение к культуре научно-технического прогресса. Здесь ситуация с просвещением повторяется, так как митрополит Филарет считал негативной тенденцией то, что развитие стали связывать с эволюцией технологий и науки [8, с. 3]. Также стоит отметить, что Филарет не был категорическим противником крепостного права. Но он был одним из мыслителей, поднимавших тему необходимости гуманного отношения к своим крестьянам. Так, он считал, что помещики обязаны обеспечивать безбедную жизнь христиан, их защиту, а также должны строить приюты для сирот и помогать нищим [8, с. 4]. В этих условиях будут сохранён органический порядок вещей, где крестьяне будут работать и принимать как должное власть помещика, а помещик исполнит свои обязанности, как христианина, по заботе о своих крестьянах. Последним важным моментом, который необходимо отметить, является понимание Святителем свободы. Митрополит Филарет отмечал, что в повиновении и духовном развитии раскрывается истинная свобода, а

трактовка свободы, которая подразумевает «способность и невозбранность делать всё, что хочешь» является нехристианской и глубоко утопичной [9]. Если подводить итог, то православная вера, подчинение царю, духовное развитие, жизнь по христианским заповедям, помощь ближнему вне зависимости от его социального положения являются составляющими здорового общества митрополита Филарета.

В заключение необходимо сказать, что общественно-политические взгляды Святителя являются примером русского христианского консерватизма, в котором опора на самодержавие сочетается с православным христианством как центральной идеей, определяющей всю жизнь государства.

Список литературы

1. Талибуллина, З. Р. От школы Пюттера до Де Бональда: Генезис консервативной политико-правовой мысли / З. Р. Талибуллина // Пролог: журнал о праве. – 2021. – С. 54.
2. Хранители России. Антология. Т. IV : В поисках русского пути 1800–1850 гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Ширинянца // Фонд ИСЭПИ. – 2016. – С. 897.
3. Митрополит Филарет (Дроздов). Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподанных / Митрополит Филарет (Дроздов) // Издание Афонского русского Пантелеимонова монастыря. – 1888. – С. 4.
4. Псалтырь Псалом 88, строки 18–30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.molitvoslov.com/text418.htm>. – Дата доступа: 19.02.2024.
5. Бежанидзе, Г. В. «Священное царство» Российской империи в эпоху модернизации: попытка характеристики церковно-политической позиции митрополита Филарета (Дроздова) / Г. В. Бежанидзе, А. Н. Фирсов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – С. 289.
6. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – М. : АСТ, 2007. – 460 с.
7. Бежанидзе, Г. В. Святитель Филарет Московский и идеология николаевского царствования / Г. В. Бежанидзе // Филаретовский альманах. – 2019. – С. 71.
8. Коцюба, В. И. Взгляды митрополита Филарета (Дроздова) на принципы духовной и социальной жизни человека / В. И. Коцюба // Вестн. Мурман. гос. техн. ун-та. – 2012. – С. 2–4.
9. Протоиерей Максим Козлов. Святой Митрополит Московский Филарет о государстве, обществе, культуре // Доклад протоиерея Максима Козлова на Филаретовском вечере в МДА. – 2017. – 2 дек.

Т. В. Жмакина

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, zhmakina_tv@pac.by)

МОДЕЛЬ АНАЛИЗА, ОЦЕНКИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ АМСТЕРДАМСКОЙ ШКОЛЫ

Первоначально теоретико-методологическую базу исследования Амстердамской школы аргументации составляла *прагма-диалектика*

(*pragma-dialectics*), в рамках которой был разработан инструментарий изучения, оценки и реконструкции аргументации вообще и политической аргументации в частности.

В книге Ф. Х. ван Эмерена (F. H. van Eemeren) и Р. Гротендорста (R. Grootendorst) «Речевые акты в аргументативной дискуссии» (*Speech Acts in Argumentative Discussions*, 1984) предлагается теория аргументации, называемая прагма-диалектикой. Прагматический компонент, связанный с теорией речевых актов и дискурсивным анализом, был введен в прагма-диалектическую теорию аргументации под влиянием взглядов представителей философии языка, а диалектический компонент – под влиянием работ представителей критического рационализма, таких как Карл Поппер (Karl Popper). Выведенная в рамках прагма-диалектики идеальная модель критической дискуссии определяет использование протагонистом и антагонистом тех или иных речевых актов на различных стадиях рациональной критической дискуссии. Также прагма-диалектическая процедура ведения дискуссии основана на ряде правил, которые составляют кодекс рационального поведения участников дискуссии. Нарушение любого из этих правил ведет к неправильному ходу дискуссии, препятствуя рациональному разрешению разногласий. Неверные аргументативные шаги представляют собой определенное нарушение принципа рациональности и представляют ту или иную аргументативную ошибку.

В действительности аргументативная реальность не всегда соответствует идеальной модели критической дискуссии. В соответствии с моделью, антагонист, выражая сомнение в приемлемости точки зрения, должен на стадии конфронтации четко и недвусмысленно выразить свое сомнение. В реальности антагонист иногда может действовать скрытно. Также идеальная модель критической дискуссии включает некоторые элементы процесса разрешения конфликта мнений, которые являются очевидными или в силу другой причины (не всегда честной) остаются невыраженными. К ним относятся определение различий во мнениях, распределение дискурсивных ролей, процедурные и материальные исходные условия, отношение между аргументами в защиту точки зрения, способ связи между посылками и точкой зрения. Процедурные и материальные исходные условия предполагают, что участники аргументативной дискуссии должны иметь четкое представление по каким правилам будет осуществляться дискуссия и что является начальным дискуссионным утверждением [1, р. 36–37]. Данные элементы, как правило, выражены в дискурсе в неявном виде и нуждаются в реконструкции.

Реконструкция начинается с того, что разрешение конфликта мнений посредством аргументации проходит четыре стадии критической дискуссии. Идеальная модель критической дискуссии является средством опре-

деления того, каким образом с учетом контекстуальных и институциональных требований обосновывается аргументативное измерение. Аргументативное измерение характеризуется актуализацией четырех его составляющих, которые соответствуют четырем стадиям контекстуализованного аргументативного дискурса: начальной ситуацией (стадия конфронтации), процедурными и материальными исходными условиями (начальная стадия), средствами аргументации и критическими высказываниями / критикой (стадия аргументации) и возможным результатом (заключительная стадия).

Эмпирическими маркерами, позволяющими определить тип коммуникативной деятельности как аргументативный, являются «начальная ситуация, процедурные (процедура и нормы, регулирующие процесс коммуникации) и материальные (начальная пропозиция, тезис) исходные условия, средства аргументации и критические высказывания / критика, возможный результат» [1, р. 132], что делает теоретическую модель критической дискуссии эффективным инструментом определения и анализа аргументации.

Этапы проведения реконструкции включают определение конфликта мнений, начальных позиций и способа обоснования точки зрения; идентификацию выдвигаемых аргументов в пользу обоснования выдвигаемой точки зрения; определение используемой аргументативной схемы и аргументативной структуры, посредством которой выдвигаются аргументы в пользу защиты точки зрения; установление результата разрешения конфликта мнений.

Следует отметить, что концепция аргументации Амстердамской школы предлагает следующие типологии: различия во мнениях (расхождение во мнениях или позиция сомнения [2, р. 8]); тип точки зрения, которая, согласно общей концепции аргументации Амстердамской школы, может быть оценочной, предписательной, описательной [1, р. 4]; тип схем аргументации: «симптоматическая аргументация, или аргументация по признаку, сравнительная аргументация, или аргументация по сходству, и инструментальная аргументация, или аргументация к последствиям» [2, р. 96]; аргументативные структуры – единичная, множественная, сочинительная и подчинительная.

На стадии конфронтации исходная ситуация представлена разницей во мнениях по существу вопроса. Реконструкция включает восстановление начальных позиций участников дискуссии и определение институциональных имплицитных и эксплицитных конвенций, правил, регламента и процедур, которые составляют процедурные исходные условия и в соответствии с которыми осуществляется обмен аргументативными шагами, а также материальных исходных условий.

Реконструкция включает ряд аналитических операций или реконструкционных трансформаций, позволяющих определить элементы дискурса, играющие важную роль в разрешении конфликта мнений.

К таким операциям относятся *удаление* (deletion), *дополнение* (addition), *подстановка* (permutation) и *замена* (substitution).

Операции по удалению включают исключение из анализа всей нерелевантной информации, не влияющей на разрешение конфликта мнений: прерывания, повторы и т. д.

Операции по дополнению представляют собой включение имплицитно выраженных значимых для разрешения конфликта мнений элементов: предполагаемой или имплицитной точки зрения, невыраженных посылок и заключений.

Операции по подстановке подразумевают реорганизацию элементов дискурса и выстраивание их в порядке, отражающем процесс разрешения конфликта мнений. Элементы определенной стадии разрешения конфликта мнений переставляются местами, несогласованность между стадиями сглаживается.

Операции по замене включают перефразирование двусмысленных и нечетких формулировок, значимых для процесса разрешения конфликта мнений.

Аналитическим инструментарием по реконструкции аргументативного дискурса являются коммуникативные правила, в соответствии с которыми не следует совершать речевой акт, который является:

- 1) невразумительным (incomprehensible);
- 2) неискренним (insincere);
- 3) излишним (redundant);
- 4) бессмысленным (pointless);
- 5) неподходящим (not appropriate).

При реконструкции аргументативного дискурса следует осуществлять следующий аналитический обзор:

- 1) определить точки зрения по существу вопроса;
- 2) определить позиции, занимаемые сторонами, процедурные и материальные исходные условия;
- 3) определить эксплицитные и имплицитные аргументы, выдвинутые сторонами в поддержку своей точки зрения;
- 4) определить структуру аргументации, в соответствии с которой осуществляется защита точки зрения;
- 5) определить аргументативные схемы каждого аргумента, которые в совокупности составляют аргументацию;
- 6) определить результат дискуссии.

Данные шесть позиций важны для оценки аргументативного дискурса. Так как если нет ясности, что составляет разницу мнений, нет смысла говорить о разрешении конфликта мнений. Если не определено, какие позиции занимают стороны, нет понимания, в чью пользу разрешилась дискуссия. Если не все аргументы приняты во внимание, значимая часть аргументации остается неучтенной и оценка не является валидной. Если структура аргументации в поддержку точки зрения не установлена, нельзя говорить о согласованности аргументов. Если аргументативные схемы не определены, невозможно установить соответствие связи посылок и точки зрения. Если не учитывать позицию участников по разрешению конфликта мнений, невозможно определить соответствует ли оценка исследователя позиции участников.

Таким образом, определим метод анализа политической аргументации Амстердамской школы не как прагма-диалектический, а как **риторико-диалектический** [3], в котором диалогическая проекция политической аргументации осуществляется на основе рациональных правил защиты и атаки точки зрения и при этом соотносится с использованием риторических средств ее обоснования, которые обусловлены не только прагматическими реакциями, но и институциональными рамками и конвенциями контекста политической коммуникации, характеризующими его риторику.

Список литературы

1. Van Eemeren, F. H. Argumentation Theory: A Pragma-Dialectical Perspective / F. H. van Eemeren. – Switzerland : Springer International Publishing, 2018. – 199 p.
2. Van Eemeren, F. H. Argumentation: Analysis, Evaluation, Presentation / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, A. F. Snoeck Henkemans. – London : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. – 195 p.
3. Жмакина, Т. В. Концепция политической аргументации Амстердамской школы / Т. В. Жмакина // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества. Мир в постковидную эпоху: от разобщенности к единству : сб. ст. / БГЭУ ; редкол.: Н. Ю. Веремеев [и др.]. – Минск, 2021. – С. 16–20.

С. А. Жук

(Белорусский институт стратегических исследований, г. Брест,
sergej.zhuk.98@mail.by)

РАЗРАБОТКА ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ С. ХАНТИНГТОНА 1960-х – 1970-х гг.

Глобальные процессы современности оказывают значительное влияние на белорусское общество и государство и определяют активную по-

зицию белорусской нации в решении глобальных и региональных вызовов и проблем.

Основные положения «неоинституционального подхода» сформулированы С. Хантингтоном в программной статье «Политическое развитие и политический упадок» (1965) и книге «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968). Вызывает интерес оригинальная для своего времени периодизация теории модернизации:

а) general theory of modernization или общая теория модернизации (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.);

б) modernization revisionism или ревизионизм теории модернизации (с середины 1960-х гг.) [1, с. 34].

Для процесса модернизации в понимании С. Хантингтона характерны следующие черты:

- это революционный процесс (имеется ввиду огромное расстояние между традиционным и современным обществом: разница в мировоззрении, культуре, экономической системе, уровень урбанизации и индустриализации и др.);

- это системный и многоаспектный процесс (модернизация одного из элементов социальной системы оказывает влияние на иные элементы этой системы);

- это глобальный и длительный во времени процесс, т. к. любое общество, выходя за границы традиционного общества, неизбежно модернизируется [1, с. 36].

С другой стороны уже тогда С. Хантингтон не соглашается с мнением, что модернизация есть прогрессивный и необратимый процесс гомогенизации обществ по западному образцу, иначе говоря – вестернизация [1, с. 42]. Отметим, что данный подход до нашего времени продолжает существовать в западной науке и политической практике, когда сложный процесс модернизации сводится либо подменяется системой идеологем о быстрой рецепции институтов свободного рынка, гражданского общества, правового государства и прав человек без учета исторического опыта, культуры и социальных институтов общества-реципиента. Иначе говоря, С. Хантингтон очень верно подметил подмену понятия модернизация понятием вестернизация, свойственной западным социальным и гуманитарным наукам того времени.

С. Хантингтон определяет системообразующие черты процесса модернизации: демократизацию, урбанизацию, индустриализацию, секуляризацию, развитие системы качественного и доступного массового образования, повышение роли СМИ. С другой стороны модернизация определяется как значительный этап всемирно-исторического процесса между Традицией (традиционным (аграрным) обществом, Премодерном) и Со-

временностью [2, с. 39, 47, 185], который характеризуется сложностью и внутренней противоречивостью и, соответственно, процесс модернизации незападных обществ может привести их к иной модели Современности, отличной от западной. Модернизация, как отмечает американский ученый, неразрывно связана с институционализацией, причем под институтами он понимает устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения, т. е. это не столько учреждения, сколько основополагающие нормы социальной жизни, устойчивость которых обусловлена признанием их легитимности в сфере общественного сознания в рамках социальных и политических институтов [3, с. 32]. Таким образом, американский политолог определяет институционализацию как процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость. Политическая институционализация, исходя из этого – развитие политических организаций и процедур, а также развитие организации и институционального оформления социальных отношений, при котором они не являются простыми выразителями интересов конкретных общественных групп [3, с. 68]. Следовательно, уровень развития той или иной социальной системы соотносится с ее уровнем институционализации. Для политической модернизации, таким образом, будут важны следующие параметры: эффективность государственного управления (институциональная эффективность), масштабы политического участия и степень легитимности политического режима.

Рассматривая политические институты, С. Хантингтон вводит следующие характеристики [3, с. 42–59]:

Адаптивность-ригидность. Характеризует возможность адекватно ответить на вызовы функциональной среды и политической системы. Следовательно, важнейшую роль в процессе модернизации играет функциональная адаптивность, а не функциональная специализация

Сложность-простота. Чем сложнее организация, тем выше уровень ее институционализации. Сложность может выражаться как в умножении организационных структур, иерархическом и функциональном, так и в дифференциации отдельных типов организационных подразделений [3, с. 36]. Сложность в значительной степени определяет уровень адаптивности.

Автономия-подчинение. В условиях современного общества различные его сферы обладают определенной автономией, что отличает его от традиционного.

Сплоченность-раздробленность. Чем более сплочена организация, тем выше уровень ее институционализации; чем больше она раздроблена, тем ниже уровень институционализации.

Обобщение взглядов ученого позволяет отметить, что западная модель модернизации является только одним из возможных вариантов, причем сам не являющийся гомогенным. Ученый определяет три модели: континентальную, британскую (тюдоровский и посттюдоровский этапы) и американскую, причем для континентальной и тюдоровской характерно установление практически тотального государственного порядка – абсолютизма. Для американской модели характерно ослабление институтов государственного управления за счет институтов гражданского общества (когда американец думает о проблемах государственного строительства, его внимание направлено не на создание органов управления и укрепление власти, а на ограничение и разделение власти [4, с. 8]). Британская посттюдорская модель является промежуточной, в которой проявляются черты как континентальной, так и американской модели.

Таким образом, модернизация может быть определена как период нестабильности, для которого характерны социальные и политические конфликты, революционные потрясения («Революция – признак модернизации» [3, с. 234]), вмешательство армии в политический процесс (преторианство). Даже проведение реформ в условиях модернизации часто наталкивается на насилие. Для политической модернизации характерно увеличение количества власти в связи с увеличением круга политических акторов (армия, интеллигенция, средний класс, бюрократия, внешние акторы и др.), что может привести как к централизации в распределении власти (тоталитарная диктатура), так и к рассредоточению власти (либеральная демократия). Очевидно, что между этими крайними точками существует целый спектр различных вариаций. Таким образом, именно институты и мобилизация социальных групп являются важнейшим фактором модернизации общества. Расставленные в концепции акценты позволили С. Хантингтону в конце 1960-х гг. обосновать феномен «авторитарной модернизации», который активно стал проявляться в середине 1970-х гг. («Азиатские тигры», Чили эпохи А. Пиночета и др.).

Список литературы

1. Huntington, S. P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics / S. P. Huntington // Comparative Modernization. – New York, London, 1976. – P. 30–44.
2. Эйзенштадт, Ш. Новая парадигма модернизации / Ш. Эйзенштадт // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия : учеб. пособие / сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасова. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 470–479.
3. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс – Традиция, 2004. – 480 с.
4. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. К. Королева. – М. : АСТ, 2018. – 544 с.

К. Ф. Завершинский

(Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
zavershinskiy200@mail.ru)

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНСТАНТЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ⁶

Актуальность исследования политико-культурных проблем становления такого социально-политического объединения как Союзное государство России и Беларуси (далее – Союзное государство) достаточно очевидна в условиях нынешнего обострения геополитической конфронтации двух суверенных государств с «коллективным Западом». При первом приближении политико-культурные измерения интеграционных процессов в Союзном государстве за более чем 20-летний срок его политико-правового существования достаточно артикулированы в современной российской и белорусской политологии. Вместе с тем, комплексный анализ политико-культурных факторов интеграции этого образования продолжает, на наш взгляд, оставаться теоретической и практической проблемой, поскольку существует ряд концептуальных лакун в реконструкции эволюции и функционировании этого сообщества, а институциональная структура еще далека от оптимального функционирования. Интенсификация санкционной политики, пропагандистской и прокси-войн геополитических противников России и Беларуси привносят дополнительную проблемность при прогнозировании интеграционных процессов и позиционирования Союзного государства на международной арене. Все это, в свою очередь, стимулирует поиск *политико-культурных констант* (норм, ценностей, традиций, верований, обычаев и т. п.), способных обеспечить устойчивую пролонгацию существования этого объединения при высокой степени непредсказуемости современных политических коммуникаций.

Как правило, российские и белорусские представители политической элиты, политтехнологи, пропагандисты и культурологи, отмечая значение политико-культурных факторов интеграционных процессов в Союзном государстве акцентируют на роли «дружбы и общих ценностей», «наследия Советского Союза», «ценностно-нормативных оснований», «этики ответственности», «цивилизационном единстве двух народов», обеспечивающих накопление, трансформацию и реализацию позитивного политического опыта взаимодействий двух народов [1–3]. Не подвергая значимость ценностно-нормативной легитимации опыта взаимодействий в Союзном государстве и контрпропагандистских практик его акторов, важ-

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309>.

но видеть ограниченность подобных интерпретаций для комплексного анализа «конструктов постоянства» в его политико-культурной динамике. Легитимирующая роль процессов интеграции чаще всего рассматривается как субъективная производная от экономической или военно-политической составляющей интеграционных процессов.

Нормативные документы и исследования последних лет в предметной области изучения проблем согласования, возникших после распада Советского Союза и диверсификации политики суверенитета двух государств, чаще стали обращать внимание на дискурсивные расхождения в содержании исторической политики и специфики исторической памяти (конфликты и расхождения в «темпоритах» исторической политики; трактовке национальных традиций при обеспечении суверенитета и независимости; «несоветских», этнонационалистических, «западнорусистских» и «эмигрантских» дискурсах исторической памяти и т. п.) [4; 5, с. 438–482; 6; 7] При этом остается в «тени» критической рефлексии, а значит и потенциальных рисков, весьма противоречивая практика реализации подобных ценностно-нормативных установок суверенизации в рамках Союзного государства. Союзное государство имеет институциональные и организационные основания, но говорить об общности политической памяти, «констант» политики памяти и гражданской идентичности пока преждевременно. Особенно очевидна подобная асинхронизация процессов политической идентификации на уровне межпоколенческих кагорт как в России, так и в Беларуси.

Подобная проблемность теоретического и практического плана стимулирует не только критическое описание и сравнительное исследование российских и белорусских дискурсов исторической памяти, но и нацеливает на поиски ответа на вопрос о том, что и как превращало (превращает) многообразии политических представлений и знаний в устойчивые политические традиции. В публичной риторике и политологической литературе политические традиции часто описываются как относительно устойчивые во времени, укоренившиеся в повседневности политические ценности, нормы политического поведения и обычаи, которые передаются от поколения к поколению и свидетельствуют об их «приверженности» («позитивной» или «негативной») «политическому прошлому» («прошлым» институтам власти и идеологическим стереотипам). Подобный способ концептуализации феномена политической традиции, не умаляя его академической значимости, представляется все же односторонним. Процесс традиционирования не редуцируется к «остаткам» прошлой социальной действительности в настоящем, традиция – это всегда некий потенциал и резервуар смыслов.

Речь идет о коллективно-значимых представлениях в политической памяти о событиях и практиках в виде некоторых «ожиданий», налагающих или снимающих ограничения на действия в настоящем. То, что номинируют традицией всегда включает «настоящее» и «новационное». Опре-

деляющее значение для возникновения политических традиций и, соответственно, их описания, играет тем самым оформление политической памяти. Под национальной памятью автор понимает долговременную форму политической памяти как взаимосвязанного комплекса символических структур, порождающих своего рода «политико-культурные константы», легитимирующих солидарное существование индивидов в сложных политических сообществах посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени из настоящего. Специфика традиционирования в символических рамках той или иной политической памяти зависит от «профилей легитимации» [6, с. 36–76], включающей разнообразные смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер устойчивости или конфликтности процесса традиционирования. Таким образом, в рамках стратегии исследования согласования политико-культурной динамики нарративов и практик политики памяти в современной России и Беларуси для символического конструирования общей политической памяти Союзного государства, особое значение приобретает сравнительный анализ профилей легитимации политической памяти современной России и Беларуси и артикуляция на этой основе общности практик традиционирования, обеспечивающих воспроизводство и пролонгирование «постоянства» политической памяти Союзного государства.

Список литературы

1. Совещание по вопросам реализации исторической политики (6 янв. 2022 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki>. – Дата доступа: 10.03.2024.
2. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь (31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenku-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta>. – Дата доступа: 10.03.2024.
3. В тесном контакте // Союзное государство. Спец. вып. – 2024. – № 1. – С. 2–10.
4. Гронский, А. Год исторической памяти в Белоруссии: итоги, проблемы, перспективы / А. Гронский // Россия и новые государства Евразии. – 2023. – № I (LVIII). – С. 34–43.
5. Миллер, А. И. Выступление Президента В. В. Путина по историческим вопросам в 2019–2022 гг.: анализ мотивов и адресатов / А. И. Миллер // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 46–64.
6. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : кол. моногр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.
7. Полякова, Н. В. К вопросу о символических аспектах современной белорусской политики памяти: национализм vs западнорусизм / Н. В. Полякова // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 52. – С. 205–212.
8. Olick, J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago / J. K. Olick. – London : The University of Chicago Press, 2016. – 517 p.

Н. Е. Захарова

(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, natazakh@yandex.ru)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ

Цивилизационный подход в решении задачи оптимизации региональной политики и практики международной интеграции республики Беларусь является одним из параметров теоретико-методологической модели национально-культурной и государственной идентификации для оптимизации и прогнозирования процессов интеграции в рамках Союзного государства России и Беларуси и в формате ЕврАзЭС.

Осуществляя анализ понятий «цивилизация», «локальное общество», «цивилизационный проект» применительно к международным отношениям и политическим процессам трансграничного сотрудничества, необходимо выявить особенности применения методологии цивилизационного подхода к исследованию национально-культурной идентичности контексте модернизации и глобализации как действенного преодоления стереотипов «европоцентризма».

Что же следует понимать под «цивилизацией»? С учетом эволюции этого понятия можно сказать, что цивилизации – это большие, длительно существующие самодостаточные сообщества стран и народов, выделенных по социокультурному основанию, своеобразие которых обусловлено в конечном счете естественными, объективными условиями жизни, в том числе способом производства. Эти сообщества в процессе своей эволюции проходят (А. Тойнби) стадии возникновения, становления, расцвета, надлома и разложения (гибели). Единство мировой истории выступает как сосуществование этих сообществ в пространстве и во времени, их взаимодействие и взаимосвязь [1, с. 190]. И. А. Гобозов отмечает, что это такая стадия в развитии человечества, когда социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество развивается и функционирует на своей собственной основе. Фундамент цивилизации – общественное богатство в единстве материальных и духовных ценностей [2] в триединстве системных связей (временных, пространственных, социокультурных).

Цивилизационный подход к анализу исторического процесса, как правило, предполагает рассмотрение общества в статике, изучение традиций, обычаев, культуры, менталитета народа, стереотипов поведения этносов, их образа жизни, ценностей, религиозных предпочтений и т. д. Ключевым понятием здесь является культура во всем ее многообразии. Многогое зависит от того, какие ее аспекты оказываются в центре внимания. Чаще всего у современного сторонника цивилизационного подхода на первый

план выступает духовная культура, укорененная в народе, или ментальность (менталитет), понимаемая в узком смысле слова, т. е. как потаенные пласты общественного сознания.

Если формационная теория исторического процесса (К. Маркс) представляет собой более или менее целостное учение, то единой цивилизационной теории как таковой не существует. На деле существуют различные теории цивилизаций, а сам термин «цивилизация» многозначен. Отсюда проистекают слабые моменты цивилизационного подхода как методологии. Главный среди них – аморфность, расплывчатость критериев, по которым выделяются цивилизации, их типы; слабая определенность причинно-следственных связей между этими критериями. Недостатком цивилизационного подхода является и то, что культура рассматривается только в языковой форме, на уровне психических явлений, но не учитывается, что духовное объективировано в среде обитания (окружающей природе, инфраструктуре, технике). Если принять во внимание реальные формы бытия культуры, то при исследовании цивилизаций необходимо рассматривать черты всех сфер общества. Связывая с цивилизацией описываемые социологами сферы жизни сознание, экономика, политика, быт и инфраструктура, можно полнее описать данный феномен. В XX в. объяснительный принцип истории, господствовавший на прежних этапах, сменился принципом герменевтическим (принципом понимания). Идея мировой цивилизации оказывается сдвинутой на периферию и встречается только как производная от взаимодействия разных цивилизаций, но не как образец для их расстановки на шкале прогресса. Монистическая концепция истории окончательно сменяется плюралистической. Представители этого этапа – В. Дильтей, М. Вебер, К. Ясперс, С. Н. Айзенштадт, Ф. Бэбби, М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель и др.

В целом на сегодня определились два методологических подхода. Один – монистический, другой – цивилизационный или плюралистический. В рамках первого выделяются две концепции – марксистская и теория постиндустриального общества. Марксистская формационная концепция связана с признанием способа производства в качестве основной детерминанты общественного развития и выделением на этой основе определенных стадий; концепция постиндустриального общества выдвигает в качестве основной детерминанты технический фактор и различает в истории три типа обществ: традиционное, индустриальное, постиндустриальное (информационное). По существу, это прямое разнесение цивилизаций по шкале исторического времени, в чем проявляется формационный момент. Шкала времени есть не что иное, как шкала прогрессирующей эволюции [1, с. 199]. Поскольку устойчивыми бывают только сложные системы, именно сложная морфоструктура цивилизации как онтологическая непроявленность обеспечивает ей необходимую гибкость.

Естественно, цивилизационная структура не совпадает со структурой политической. Однако большинство современных политических конфликтов в мире вытекают из попыток их отождествления. К примеру, пишет И. Валлерстайн, европейцы навязывали свои частные ценности остальному миру, выдавая их за ценности универсальные. И таким образом защищали свое господство и богатство [3, с. 153]. Поэтому замена современных европоцентристских пристрастий на более трезвое и сбалансированное чувство истории и его культурную оценку требует острой и постоянной политической и культурной борьбы. «Следующие 25–50 лет будут отличаться не столько функционированием мирового рынка, сколько деятельностью мировых политических и культурных структур. Главное, что государства будут устойчиво терять свою легитимность, и потому для них окажется трудно обеспечивать минимальную безопасность как внутри, так и в межгосударственных отношениях. <...> Будет мало согласия в том, какое поведение считать рациональным или приемлемым» [3, с. 154].

Если западные общества проходят модернизацию, то не отказываясь при этом от своих культур и не перенимая целиком западные ценности, институты и практику. Модернизация, напротив, должна укреплять национальные культуры, которые становятся более современными и менее западными. Создатель теории цивилизации Н. Я. Данилевский пытался обосновать с научной точки зрения невозможность передачи начал европейской цивилизации России. Однако он не исключал возможность влияния одной цивилизации на другую и признавал существование трех типов преемственной связи – «колонизация», «прививка» и «удобрение». Но только последний тип, с его точки зрения, носит позитивный характер [4, с. 111].

Сохранение собственной национально-культурной доминанты, дополненное технической и технологической модернизацией, является условием успешного развития любой современной цивилизации. К примеру, от того, как интерпретируется белорусская социальная история, зависит видение исторической перспективы в контексте трансграничного сотрудничества.

Адекватная модель социально-исторического процесса, философски верный анализ расстановки сил не только детерминируют оценку настоящего, но и способны дать видение перспективы. Это особенно важно сейчас, когда резко изменилась динамика социально-исторического процесса в целом, когда трансформирующиеся на постсоветском пространстве страны снова ищут вектор своего развития, свои социально-исторические, социально-политические, социально-культурные координаты. Наличие политической независимости как условия развития самостоятельной цивилизации можно считать актуальным (решающим) принципом формирования культурно-исторической системы [5].

Диалог, интеграция и трансграничное сотрудничество могут развиваться только при условии комплементирующего взаимодействия, никогда не достигающего полного синтеза и полной «открытости» культур друг другу. Именно такой баланс позволяет сохранить социокультурные коды, защитить цивилизационную систему от разрушения и деградации, подерживает внутрисистемный детерминизм ценностей, их структурный баланс и гармонию [2].

Список литературы

1. Орлова, И. Б. Современные цивилизации и Россия / И. Б. Орлова. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 190 с.
2. Гобозов, И. А. Парадигмальный характер материалистического понимания истории / И. А. Гобозов // Социс. – 2004. – № 2. – С. 17–25.
3. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2003. – 414 с.
4. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Терра, 2008. – 457 с.
5. Русская Православная Церковь и современное российское общество: XX Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т, 2011.

М. С. Зверева

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, mariaszvereva@yandex.ru)

СЕН-СИМОНИЗМ И КОЛОНИЗАЦИЯ АФРИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Проблему изучения идей сен-симонистов затрагивает всё больше исследований, как отечественных, так и зарубежных. Учение сен-симонистов, как и А. Сен-Симона, отличается многогранностью: в их школу входили представители разных профессий, кругов, интересов. В связи с этим существует широкий спектр затрагиваемых тем, одна из которых – влияние идей сен-симонистов на процесс колонизации Африки.

Наиболее часто исследования посвящены конкретному человеку, его наследию и идеям. Например, большое количество работ написано об Исмаиле Урбене [2; 5]. Это объясняется его должностью и вовлеченностью в политический процесс, гуманным подходом к местному населению – он был ярким представителем арабофильской политики того времени. Урбен оставил ряд работ, посвященных устройству как алжирских учреждений, системы образования, местным традициям, так и проектам организации колоний, которые должны были не подавлять местную культуру, а сосуществовать с ней. Так же немало исследований уделено П. Анфантену и его работе «Колонизация Алжира», в которой он, следуя идеям сен-

симонизма, подробно объясняет необходимость примирения и единения арабского и французского обществ [3; 6].

Другой аспект изучения влияния сен-симонистов на колонизацию Алжира – взаимоотношения правительства и местного населения. Как известно, сен-симонисты активно участвовали в управлении колониями, создавали учреждения для алжирцев, например, школы. Отдельно и наиболее остро стоял вопрос религии – создание условия мирного сосуществования двух религий и учитывание особенности каждой [4].

С взаимоотношениями французского правительства и алжирцев связаны так же варианты стратегий политики в отношении алжирцев: подавление, ассимиляция или ассоциация [5]. Вопрос, который поднимался в высших политических кругах Франции стал первостепенным при организации колоний. Сен-симонисты считали, что политика ассоциации не только поможет сосуществовать на одной территории двум совершенно разным культурам, но и во многом снимет обострение между алжирцами и французами в политическом и правовом аспектах, защитит местное население от произвола правительства и судебной системы.

Восточные экспедиции французам всегда предполагали столкновение совершенно разных культур, с разным историческим опытом, разными религиями. Во время колонизации при попытках организации общин французам в местных городах всегда вставал вопрос не только столкновения культур, но и их взаимовлияния. Планировалось, что местное население постепенно станет таким же, как и французские поселенцы, получит такие же права и общество станет более однородным. Однако для достижения этих целей, необходимо было подготовить местное население для его дальнейшего «французивания». С этой целью создавались школы, воспитательные и культурные учреждения, чтобы алжирцы постепенно, изучая французский язык, французскую культуру и историю, ассимилировались, несмотря на то, что политика ассоциации оставалась преобладающей. Стоит отметить, что некоторые сен-симонисты, активно участвующие в диалоге двух культур, сами принимали ислам, брали другие имена и отдавали предпочтение арабскому миру. Сен-симонисты повсеместно организовывали школы для арабских детей, учили их языку, и вместе с тем сами изучали культуру захваченных территорий. Многие исследования посвящены такому сложному и актуальному по сей день вопросу, как попытки навязывания чужеродной культуры, в особенности с помощью системы образования [5]. К примеру, в Алжире Урбен во многом реформировал систему образования, что сильно повысило общий уровень грамотности арабских детей. Но в то время, пока Алжир впитывал культуру Франции, Франция также насыщалась культурой Алжира, что в последствии отразилось в мистицизме и арабифильстве.

Сен-симонисты старались не останавливаться на теоретическом обосновании своих проектов, а реализовать их на практике. Образовав настоящую религиозную секту, сен-симонисты пытались построить согласно своим принципам общину в Париже, декларировали их на лекциях и встречах. Такой же попыткой реализации своих идей стали колонии в Африке. Сен-симонисты, имея влияние на политиков, продвигали постулаты, соответствующие их принципам общности и братства. В исследованиях, посвященных реализации проектов сен-симонистов, рассматриваются проблемы практического исполнения их проектов [5]. Примечательно, что многие задумки в действительности просуществовали некоторое время и даже смогли благотворительно повлиять на развитие колоний. К примеру, система школ в алжирских колониях. Здесь также стоит упомянуть, что Алжир после Египта во многом стал площадкой для выработки стратегии взаимодействия с арабским населением, которому Франция несла благополучие, а всему миру – преобразование. Во многом это условие могло повлиять на благосклонное отношение политиков к проектам сен-симонистов.

Сен-симонисты стали вдохновителями таких грандиозных проектов своей эпохи как строительство Суэцкого канала. Этому факту посвящались не только книги и статьи, но даже выставки. Грандиозность и фундаментальность была присуща как Сен-Симону, так и его ученикам. В дискурсе истории построения канала отражена одна особенность сен-симонизма, а именно междисциплинарность. Среди представителей школы было много инженеров и математиков, которые оставили после себя работы, посвященные технической стороне завоевания Африканского континента. Одной из целей сен-симонистов во время их поездки в Египет была модернизация страны, в том числе в техническом плане [7].

Особое место в исследованиях сен-симонизма занимает женский вопрос. XIX век – время бурного развития феминизма, движений эмансипации женщин. Роли женщин как в теоретическом учении сен-симонистов, так и в их движении посвящены многие работы отечественных и зарубежных исследователей. Однако вопросу роли женщин в восточных походах сен-симонистов уделено мало внимания. Тем не менее, существовали сен-симонистки, самостоятельно отправившиеся в колонии и оставившие после себя воспоминания и письма [8]. Также необходимо отметить, что Анфантен, будучи в 1830-х годах заточенным в тюрьме, все еще оставался идейным лидером всей школы. И одна из задач, которая стояла перед сен-симонистами – поиск «женщины-мессии», которая станет спутницей Верховного Отца [1].

Темы исследований не только крайне разносторонние, но и переплетаются между собой, что создает новые возможности для изучения с иными точками зрения. Восточные походы Франции и процесс колонизации Афри-

ки были подвержены, помимо влияния социально-политических факторов, также влиянию факторов экономических, технических и культурных. Кроме того, сен-симонизм можно рассматривать как совокупность идей, которые были присущи целой школе, а можно как деятельность отдельных представителей общественного течения, их личный вклад в историю французских колоний. Несмотря на большое количество исследований, посвященных роли сен-симонизма и отдельным его представителям в колонизации Африки, нет комплексного исследования, рассматривавшего все аспекты влияния данного утопического на Восточную политику Франции.

Список литературы

1. Гладышев, В. А. Мушка в паутине. Мир глазами феминистки XIX века / В. А. Гладышев. – М. : Политическая энциклопедия, 2021. – 175 с.
2. Лазутина, А. Е. Роль Исмаила Урбена во франко-алжирских отношениях / А. Е. Лазутина // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2015. – № 1 (17). – С. 98–106.
3. Прусская, Е. А. Проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы) / Е. А. Прусская // Новая и Новейшая история. – 2021. – Вып. 6. – С. 31–43.
4. Прусская, Е. А. Хадж в североафриканских колониальных владениях Франции конца XVIII – первой половины XIX вв. / Е. А. Прусская // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. – 2019. – С. 172–188.
5. *Abi-Mershed, O. W. Apostles of Modernity Saint-Simoniens and the Civilizing Mission in Algeria* / O. W. Abi-Mershed. – Stanford University Press, 2010. – 328 p.
6. *L'Orientalisme des saint-simoniens* / de M. Levallois et S. Moussa. – Paris : Maisonneuve et Larose, 2006. – 294 p.
7. *Le siècle des saint-simoniens. Du nouveau christianisme au Canal de Suez* / de Coilly N. et Régnier P. – Paris : Bibliothèque nationale de France, 2006. – 186 p.
8. *Pilbeam, P. Saint-Simoniens in Nineteenth-Century France. From Free Love to Algeria* / P. Pilbeam. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – 241 p.

И. О. Змитрович

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, igor.zmitrovich@mail.ru)

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПО ВЫБОРАМ 1965 г. В ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ГРОДНЕНСКАЯ ПРАВДА»

Выборы 1965 г. в областной Совет депутатов трудящихся значительно отличались от предыдущих. Их подготовка, проведение и результаты были широко и внимательно освещены на страницах печатного органа Гродненского обкома КПБ и областных Советов – газеты «Гродненская правда».

Ноябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС ликвидировал деление партийных организаций на промышленные и сельские, восстановил прежние территориальные обкомы партии и указал на необходимость восстано-

вить по территориальному принципу единые областные Советы депутатов трудящихся [1, с. 132]. 24 ноября 1964 г. аналогичное решение принял Пленум ЦК КПБ [2].

4 декабря 1964 г. был принят указ Президиума Верховного Совета БССР об объединении областных (промышленных и сельских) Советов депутатов трудящихся, который предусматривал восстановление единых советских органов в областях Белорусской ССР. В нем также указывалось, что впредь до выборов областные Советы образуются из депутатов соответствующих промышленных и сельских Советов и что на совместной сессии Советов необходимо избрать исполкомы и постоянные комиссии объединенных областных Советов [3].

12 декабря 1964 г. состоялась совместная сессия Гродненских областных (промышленного и сельского) Советов депутатов трудящихся, которая приняла постановление об объединении двух Советов. По предложению первого секретаря обкома КПБ В. Ф. Мицкевича сессия избрала председателем исполкома областного Совета Н. Л. Молочко (до этого председателя сельского облисполкома). Заместителями председателя были избраны Е. А. Орехов, С. А. Пронько, М. Б. Сосновский, а секретарем облисполкома – М. М. Арефьев. В работе сессии принял участие первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров [4].

В начале 1965 г. была назначена дата выборов в объединенные областные Советы – 14 марта, а 27 января указом Президиума Верховного Совета БССР был утвержден состав Гродненской областной избирательной комиссии [5].

Организация и подготовка выборов получили должное освещение в материалах почти каждого номера областной газеты «Гродненская правда». Так, например, с определенной периодичностью выходили заметки и статьи в рубриках «Советское строительство» и «Заметки депутата районного Совета». С начала января 1965 г. стала почти постоянно заполняться разнообразной информацией рубрика «Навстречу выборам в местные Советы». Например, в большой редакционной статье «Больше инициативы в работе Советов» было приведено много примеров активной работы местных Советов (например, Гродненского и Слонимского городских, Волковыского и Ивьевского районных, Верейковского сельского и др.). В то же время указывались и существенные недостатки, в т. ч. и в деятельности Гродненского городского Совета, которому нельзя «лишь любоваться плодами своего труда. В городе еще большие трудности с жильем, серьезные недостатки в капитальном строительстве и ремонте жилого фонда, в благоустройстве». В конце статьи отмечалось, что «успешная организаторская работа местных Советов немыслима без постоянной опоры на самодеятельные организации населения, <...> исполко-

мы, постоянные комиссии Советов должны повседневно направлять усилия общественности на решение конкретных задач, <...> всемерно развивая ее инициативу» [6].

С 12 февраля 1965 г. почти во всех номерах газеты размещалась информация о выдвижении кандидатов в депутаты областного Совета с их краткими характеристиками. Здесь были как работники сельского хозяйства и промышленности, так и врачи, педагоги, советские и партийные работники. Например, большая статья под названием «Пионер свеклосеяния на Гродненщине» в рубрике «Кандидаты народа» была посвящена звеньевой колхоза «Путь к коммунизму» Гродненского района Е. Ф. Сидорчук, Герою социалистического труда [7]. Газета представила и многих других кандидатов в депутаты областного Совета, в том числе директора совхоза «Россь» Волковыского района Г. И. Шевякова, председателя Индурского сельсовета Е. Н. Рахманову, директора сельской школы Свислочского района А. И. Карпюк, первых секретарей Гродненского обкома и горкома КПБ В. Ф. Мицкевича и А. И. Могильницкого, облвоенкома, Героя Советского Союза И. Д. Лебедева [8]. Список всех зарегистрированных кандидатов был опубликован 26 февраля.

В день выборов, 14 марта 1965 г. в специальном выпуске «Гродненской правды» на первой странице была большая редакционная статья «Все на выборы!», обращенная к избирателям. Значительная ее часть имела эмоциональный и доверительный характер: «Взгляните на списки зарегистрированных кандидатов. Кто эти люди? Это передовые рабочие, колхозники, интеллигенты, люди различных профессий и образования, партийные и беспартийные – все те, кто облечен доверием народа». Далее для подтверждения были даны краткие, но яркие характеристики нескольких кандидатов. Например, о главвраче Гродненской городской клинической больницы В. Ю. Мирончике написаны такие строки: «Сколько людей спасли его чудесные руки исцелителя-хирурга». Об артистке областного театра Л. И. Сторожевой сказано, что своей прекрасной игрой на сцене она доставляет зрителям истинное наслаждение. А учительница Озерской СШ Мостовского района Н. И. Солдатенко представлена не только как замечательная наставница детей, но и как страстный пропагандист, душевный советчик хлеборобов. Добрыми, сердечными словами были отмечены и тракторист колхоза «Искра» Гродненского района Э. Ф. Куцевич, доярка совхоза «Гнездо» Волковыского района Г. Садовская, газосварщик Лидского авторемонтного завода М. А. Орловский [9].

Ход выборов, голосование в различных населенных пунктах области были представлены в газете 16 марта, а 19 марта «Гродненская правда» опубликовала официальные результаты выборов в областной Совет. Участие в голосовании приняли 99,97 % от общего числа избирателей,

99, 92 % из них отдали свои голоса за выдвинутых кандидатов. Всего были избраны 222 депутата, в т. ч. женщин – 38,73 %, членов и кандидатов в члены КПСС – 61,72 %, рабочих и колхозников – 50 %. Из общего числа избранных 147 чел. (66,2 %) не являлись депутатами прошлого созыва [10].

В газете за 26 марта 1965 г. содержался обширный материал о первой сессии избранного областного Совета депутатов трудящихся, которая состоялась двумя днями ранее. Председателем исполкома областного Совета был избран Н. П. Молочко, его первым заместителем – Е. А. Орехов, заместителями – С. А. Пронько, М. Б. Сосновский, А. К. Поболь. Сессия назначила заведующих отделами и начальников управлений облисполкома, образовала постоянные комиссии (мандатную, бюджетно-экономическую, по сельскому хозяйству, по промышленности, транспорту и связи, по строительству, по коммунальному хозяйству и благоустройству, по дорожному строительству, по бытовому обслуживанию населения, по народному образованию, по культуре, по здравоохранению, по социальному обеспечению, по торговле и общественному питанию, по социалистической законности и охране общественного порядка, по физической культуре и спорту и по охране природы).

Список литературы

1. История белорусской государственности : в 5 т. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; гл. ред. А. А. Коваленя ; отв. ред. тома Н. В. Смахович ; редкол.: В. В. Данилович [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2020. – Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.). – 760 с.
2. Гродненская правда. – 1964. – 25 нояб.
3. Гродненская правда. – 1964. – 5 дек.
4. Гродненская правда. – 1965. – 28 янв.
5. Гродненская правда. – 1965. – 10 янв.
6. Гродненская правда. – 1965. – 24 февр.
7. Гродненская правда. – 1965. – 13, 16 февр.
8. Гродненская правда. – 1965. – 14 марта.
9. Гродненская правда. – 1965. – 19 марта.
10. Гродненская правда. – 1965. – 26 марта.

А. А. Зоткин

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, alzo@yandex.ru)

МИФОЛОГЕМА АТЛАНТИДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЛАТОНА

В мировой литературе за повествованием Платона о некогда цветущей, но, как судом определили боги, достойной гибели стране, утвердилось название мифа об Атлантиде. Историку политической мысли этот

миф интересен помимо прочего как некая мифологема, сакральное содержание сюжета мифа [6, с. 210], которое нам раскрывает значимый безотносительно ко времени, устойчивый, непреходящий смысл.

Искомый смысл здесь тесно связан с необъяснимым парадоксом гибели страны, по сути дела всей цивилизации атлантов, основанной богами, которых чтити граждане, неукоснительно блюдя законы, данные богами при основании их государства. Для человечества, следящего чуть больше полувека за стрелками Часов Судного дня, послание Платона в вечность более чем актуально. Согласно им у нас есть ровно 30 секунд, чтобы понять, что может человечество предохранить от планетарной катастрофы.

Диалог «Критий», в котором нам представлен миф об Атлантиде, является одним поздних у Платона. Текст диалога явно не дописан автором, поставившим себе целью проиллюстрировать справедливое государство, описанное им в главном политическом и философском тексте – диалоге «Государство». И, тем не менее, нечто крайне важное Платон успел и в недописанном сказать.

Помимо «Государства» текст «Крития» опирается на непосредственно ему предпосланный Платоном диалог «Тимей», в начале которого один из собеседников Сократа, Критий, обещает рассказать (19d – 20c; 26c – 27b) о предках афинян, живущих в соответствии с идеями Платона, изложенными им в «Государстве». В нем третий собеседник, а именно Тимей, дает подробнейшее космологическое обоснование как идеального государства, так и идеального человека (69c – 92b). Лишь после этого философ переходит к следующему диалогу, намереваясь описать, как утверждает Критий, реально процветавшее когда-то государство пра-афинян.

Однако, сказанное в «Критии» не просто сопоставить с идеями Платона, изложенными им «Государстве» [4, с. 449–450], во-первых, потому, что государству предков афинян в дошедшем до нас тексте отведено совсем немного места. По большей части в нем описано другое государство, Атлантида. А во-вторых, центр повествования философом смещен на факт войны между атлантами и пра-афинянами, причины и ход которой, впрочем, не ясны, но ее вплетение в сюжет, конечно, не случайно. Платон за разом раз подчеркивает непримиримую вражду несочетаемых в своей основе общностей. Введением в рассказ войны заявлено, что государство афинян и им противостоящего, атлантов, непримиримы по своей сути. И более того, здесь сами боги оказываются сторонниками афинян, устраивая свой бескомпромиссный суд над гражданами Атлантиды. Вмешательство в войну богов утверждает неумолимую смертность пути атлантов и жизненность – афинян. Именно это хочет нам представить, древнегреческий мыслитель, предельно заостря тему правильного государства введением в центр повествования непримиримой войны между

атлантами с их умалением божественной (нравственно-космической) природы государства и сохранившими ее пра-предками Платона.

Проводя сравнительный анализ двух, по сути дела, идеальных и могущественных государств, следует отметить как общее, так и различное меж ними по трем затрагиваемым в повествовании аспектам: 1) глубинная основа любого государства и его хранительница – сопричастность космосу, Вселенной в целом, божественному миру; 2) жизнь социальная в ее широком смысле: политика, устройство государства и его правители, социальная стратификация и экономика; 3) материальное благополучие, комфорт.

По первому аспекту идеальное государство пра-афинян и Атлантида идентичны. Причина возникновения обоих и их существования одна: сопричастность божественному космосу, описанию которого во всех подробностях был посвящен «Тимей». Здесь стоит обратить внимание на то, что при всей тончайшей разработанности космической тематики Платон подчеркивает вариативность построений, которые он представляет нам (24d, 29cd, 44d, 48a, 49b, 56d, 62a, 72d). Бесспорно лишь одно: каким бы ни был космос с его законами и бытием, но общество и государство без непосредственной опоры на него немислимо: «Небо, боги нужны Платону как проекции морального принципа в мир, как утверждение «справедливости» в качестве конечного, космического начала» [5, с. 491]. У пра-афинян это Гефест и Афина, которые вложили в умы людей земли понятие о государственном устройстве, а у атлантов Посейдон, в супруги взявший женщину земли. От их детей произошли все царские династии атлантов, которые блюдут заветы Посейдона, как и афиняне по отношению к заветам своих богов, Гефеста и Афины.

Аспект второй, в широком смысле социальный. Здесь все внимание Платона сосредоточено на одной существенной черте общественного и политического устройства государства пра-афинян: «сословие воинов божественные мужи с самого начала обособили, и оно обитало отдельно. Его члены получали все нужное им для прожития и воспитания, но никто ничего не имел в частном владении» (109de). А в Атлантиде такого обособления не произошло. Воины атлантов набираются из крупных собственников земли: «Что касается числа мужей, пригодных к войне, то здесь существовали такие установления: каждый участок равнины должен был поставлять одного воина-предводителя, причем величина каждого участка была десять на десять стадиев, а всего участков насчитывалось шестьдесят тысяч» (109a). У правителей богатств неизмеримо больше: «От Атланта произошел особо многочисленный и почитаемый род, в котором старейший всегда был царем: и передавал царский сан старейшему из своих сыновей, из поколения в поколение сохраняя власть в роду, и они

скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-нибудь еще» (113e). Хотя цари неукоснительно блюли законы, оставленные им Посейдоном, и повсеместно воздвигали жертвенники и алтари, но «умаление божественной природы» и «развращенность» жителей страны приводит Атлантиду к закономерному концу: «И вот Зевс, бог богов, блюдуший законы, <...> помыслил о славном роде, впадшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару» (121c).

Материальный аспект жизни граждан Атлантиды описан в «Критии» цветисто-красочно: они создали для себя неимоверное количество удобств. Об афинянах в этом отношении написано Платоном скупо, хотя по тексту диалога очевидно, что у афинян в необходимом недостатка не было, и сил хватало, чтобы вести войну с противником, какого ранее не видел мир. Как бы то ни было, но главное, что привело к падению страны атлантов Платоном сказано не здесь, а в относящемся к двум первым, наиважнейшим, аспектам государства: 1) «умаление божественной природы граждан» при всей их внешней набожности и 2) «развращенность» их, стремление к излишествами.

Очевидно, что для Платона наиважнейшим в означенной триаде взаимодействующих аспектов государства является начало сверхматериальное, божественное, космическое, нравственное. То, что лежит в основе государства и полноценной личности. Любое государство, его теряющее, не устоит, как, впрочем, и любой отдельно взятый человек. Весь смысл Платоновой мифологемы и заключен в отсылке к этой безусловной нравственности как неотъемлемой основы жизни граждан государства. А как его конкретно применить к себе и к государству, в котором жизнь проводит человек, решать ему и государству в то время, которое для них отведено.

Список литературы

1. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 79–420.
2. Платон. Тимей / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 421–500.
3. Платон. Критий / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 501–515.
4. Бугай, Д. В. Единство платоновского «Государства» / Д. В. Бугай. – М., 2016. – 452 с.
5. Кузнецов, К. А. Платон: Введение в анализ «Государство» и «Законов» / К. А. Кузнецов // Платон: pro et contra. – СПб., 2001. – С. 476–510.
6. Коновалова, Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст / Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 209–215.
7. Лосев, А. Ф. Социальная природа платонизма / А. Ф. Лосев // Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993. – С. 773–904.
8. Эрн, В. Ф. Верховное постижение Платона / В. Ф. Эрн // Сочинения. – М., 1991. – С. 463–532.

Г. С. Зурнаджян

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, 2599495@mail.ru)

ПРОВИДЕНЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов, 1782–1867 гг.) является одним из выдающихся представителей русской духовно-политической мысли. Митрополит Филарет осуществлял активную деятельность при правлении императоров Александра I (1777–1825), Николая I (1796–1855), Александра II (1818–1881). Несмотря на свой духовный сан, он принимал участие в важных государственных делах, его мнение было авторитетным для многих государственных деятелей, представителей дворянства, интеллигенции и народа.

В учении митр. Филарета о двух царствах – Царство Небесное и Царство земное – Царство земное рассматривается как часть Царства Небесного, подчеркивая целостность Царства Божьего. Под концепцией целостности Царства Божьего понимается то, что монарх во главе государства являются частью божественного мироустройства.

В теории митр. Филарета государство – это «некоторый участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отдельный по наружности, но невидимую властью сопряженный с единством всецелого» [4, с. 281]. Далее, митр. Филарет сравнивает народы с различными семьями в пределах единого государства: «Государство – великое семейство человек, которое по умножении своих членов и разделении родов, не могли быть управляемо, как в начале, единым и естественным отцем, признает над собою в сем качестве избранного Богом и законом Государя» [4, с. 282]. В следующем определении государства, по мнению митр. Филарета, нравственный закон является единым для всех народов. Одни народы следуют божественным установлениям, а другие «поражаются правосудием как возмутительная область Божией державы»: «Государство – союз свободных нравственных существ, соединившихся между собой с пожертвованием частию своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия» [4, с. 282]. Категорию нравственности митрополит рассматривает исключительно в контексте духовной нравственности. В теории митр. Филарета зло возникает в результате того, что человек отклонился от божественных установлений, которые исключительно благие, а трагические события, которые происходят в мире, это – наказание, либо восстановление порядка.

В «Слове на день торжественного венчания на царство и священного миропомазания Благочестивейшего Государя Императора Александра Павловича» митр. Филарет сформулировал доктрину национального мес-

сианизма как реакцию на трагические события Отечественной войны 1812 года и освобождение территории России от наполеоновской армии: «Одно только есть истинное, так как и естественное направление народного могущества, направление ко благу обществу и спасению бедствующего человечества. Если Царь и народ имеют то благословение Провидения, что их сила, открываясь в собственном их спасении от опасности, простирается и на спасение других народов, страждущих под тяжким и несправедливым игом, тогда счастье оных не обманчиво и радость их исполнена. Если Бог не только нам, но и чрез нас являет спасение Свое, то мы есми не только предмет, но и действующее орудие промысла Его. <...> Силою Твоей веселится российский Царь и о Твоем токмо спасении, прежде над нами, потом чрез нас и над всем родом христианским совершающемся, радуется» [5, с. 190].

В отличие от позиции Государственного секретаря (1812–1814) А. С. Шишкова (1754–1841) который считал, что одержав победу в войне, Россия должна сосредоточиться на вопросе безопасности границ и решении внутренних задач, по мнению митр. Филарета, победа над французской армией являлась только началом провиденциальной, исторической миссии России по установлению христианского миропорядка: «Ныне заблуждающие народы познайте пути к потерянному вами и тщетно в суетных мечтаниях искомому благоденствию! Бич Божий поражает Европу так, что его удары раздаются во всех концах вселенныя. Услышьте глас Наказующего и обратитесь к нему, дабы Он был и вашим Спасителем. Ныне, благословенная Богом Россия, познай твое величие и не воздремли, сохраняя основания, на которых оно воздвигнуто! А Ты, <...> Который твердостью в правде спас Твою державу и благостью в могуществе спасаешь царства других? возвеселися Его силою и о спасении Его возрадуйся!» [4, с. 279–285].

Заключение Священного союза («Трактат братского Христианского союза» 1815 года) митр. Филарет встретил с надеждой о воплощении своей концепции Священного Царства: «Государь [Александр I] с Императором Австрийским и Королем Прусским заключили союз, которым они признают Царем Царей – Христа; самым спасительным законом – закон христианский; себя приставниками Царя Христа у своих народов; свои народы – тремя отраслями одного христианства и братьями; и к сему приглашают и прочих Государей. Итак, наконец, стали принадлежать царства мира Господу нашему и Христу его, как говорит оригинальный текст Апокалипсиса» [3, с. 199]. Монархи в понимании Александра I как помазанники Божьи объединились как братья во Христе: «<...> В отношении к подданным своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же братстве, которыми они одушевлены, для охранения веры, мира и правды» [1, с. 378].

Таким образом, в учении митр. Филарета право народа на самоопределение имеет духовно-политическое содержание: народ свободно выби-

рает власть над собой и государственную форму правления согласно божественным установлениям и духовно-нравственному закону, который является естественным для всех народов. При этом вопрос о неприкосновенности государственных границ рассматривается только в политическом измерении. По мнению митр. Филарета, народ-государство, уклонившееся от божественного порядка, не может утвердиться в едином Царстве Божиим и божественным провидением порядок неизбежно будет восстановлен. «Потому, что Христос царствует и Своим Царством утверждает вселенную, а не вселенною Свое Царство» [6, с. 201]. По мнению А. Л. Зорина, «у Филарета «отделенность» любого государства оказывается внешним атрибутом политической реальности, лишь слегка драпирующим внутреннее единство господнего миропорядка» [2, с. 262]. С данной точки зрения миссия императора и России имела вселенское значение. С точки зрения Шишкова, напротив, необходимо было принципиальное разделение своего народа от чужих границами государства, обеспечение собственной безопасности и решение внутренних проблем. Однако, изоляционизм Шишкова не соответствовал представлениям императора Александра I об исторической роли России. В этой связи, по мнению А. Л. Зорина, «христианский универсализм, основанный на ощущении особой провиденциальной миссии России и ее императора, призван был заменить шишковский изоляционизм в качестве государственной идеологии империи» [2, с. 265]. Одновременно провозглашая право народов на самоопределение согласно божественному мироустройству и неприкосновенность границ государства, можно предположить, что преимущественное значение имело не государство как отдельная единица, а народ.

Список литературы

1. Айрапетов, О. История внешней политики Российской империи 1801–1914 : в 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. – М. : Кучково поле, 2017. – 605 с.
2. Зорин, А. Л. «Кормя двуглавого орла...»: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – XIX века / А. Л. Зорин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
3. Филарет (Дроздов), свт., митр. Московский и Коломенский. Письма митрополита Московского Филарета (в мире Василия Михайловича Дроздова) к родным: 1800–1866 гг. – М. : тип. А. И. Мамонтова и К°, 1882. – 418 с.
4. Филарет (Дроздов), свт., митр. Московский и Коломенский. Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в войне с Французами 1812 года // Полная русская хрестоматия. Ч. 1. – М. : В типографии Августа Семена, 1843. – С. 279–285.
5. Филарет (Дроздов), свт., митр. Московский и Коломенский. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи : Т. 1–5. Т. 1. – М. : тип. А. И. Мамонтова и К°, 1873. – 300 с.
6. Филарет (Дроздов), свт., митр. Московский и Коломенский. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи : Т. 1–5. Т. 3. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1877. – 426 с.

О. Г. Казак

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
olegkazak90@rambler.ru)

**«ТРИАДА БРУБЕЙКЕРА»
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В БЕЛАРУСИ**

Известный американский исследователь Р. Брубейкер утверждает, что этнополитические конфликты в Центральной Европе конца 1980-х – 1990-х гг. были обусловлены сложным взаимным влиянием трех элементов – «национализирующегося государства» (то есть государства, которое проводит активную политику построения гомогенной нации), национальных меньшинств и их «внешних родин» («родственных государств»). Каждый из этих элементов внутренне неоднороден и может трактоваться как «поле дифференцированных и конкурирующих позиций». Так, в «национализирующемся государстве» политические элиты, партии, группы интересов предлагают различные проекты национально-культурной политики. Национальные меньшинства через своих лидеров также предлагают конкурирующие стратегии борьбы за культурные права, политическую автономию или даже за сецессию. Истеблишмент «внешней родины» может реализовывать различные модели участия в судьбе своих соотечественников за рубежом под предлогом защиты последних от ассимиляции или дискредитации. Для обоснования своих целей национальным меньшинствам и «внешней родине» выгодно представить «национализирующее государство» в самом негативном свете; «национализирующееся государство», в свою очередь, склонно позиционировать любые, даже весьма осторожные, требования национальных меньшинств как экстремистские и сепаратистские. Успех в этнополитическом конфликте во многом зависит от того, чья интерпретация событий станет господствующей как внутри государства, так и на международной арене [1].

Р. Брубейкер применял свою концепцию главным образом для анализа сложных процессов распада Югославии, однако эвристический потенциал модели гораздо шире. Российский политолог П. В. Осколков считает, что классическим случаем «триады Брубейкера» является ситуация вокруг Южного Тироля (итальянской автономной провинции Больцано-Альто-Адидже). В 1946 г. Италия и Австрия заключили соглашение о культурных и языковых правах тирольцев в регионе; Австрия по сей день активно участвует в судьбе Южного Тироля [2, с. 66]. Модель Р. Брубейкера применима и для характеристики этнополитических процессов на пост-

советском пространстве. По подсчетам авторов вышедшей в 2021 г. в России коллективной монографии «Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст», после распада СССР народы, которые населяли это государство, предъявили друг другу около 170 национально-территориальных претензий. В современной России также имеет место выдвижение таких претензий к «соседям». Так, то обстоятельство, что значительная часть этнических татар проживает на территории Башкортостана, вызывает стремление ряда представителей элиты Татарстана (общественных деятелей, ученых) рассматривать этот вопрос как политический и обвинять Москву и Уфу в препятствовании объединению и консолидации татарской нации [3, с. 235–236].

Этнополитические процессы в Беларуси конца 1980-х – 1990-х гг. также подтверждают актуальность и высокий объяснительный потенциал «триады Брубейкера». В качестве примера рассмотрим польское, западнополесское и украинское этнополитические движения в Беларуси. Все указанные движения в той или иной мере являлись ответом на проявления директивной белорусизации позднесоветского периода и первых лет существования суверенной Беларуси, значительно ослабили или вовсе сошли на нет (как западнополесское движение) после прихода к власти Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, взявшего курс на построение гражданской нации и на отказ от гиперболизации языкового вопроса. Наибольшим конфликтным потенциалом отличалось польское этнополитическое движение. Имела место заинтересованность государственных и общественных структур Польши («Польское сотрудничество», «Фонд помощи полякам на Востоке», «Semper Polonia», «Польско-американский фонд свободы» и др.) в поддержке своих соотечественников за рубежом. Значительная часть католического населения Беларуси придерживалась стереотипа «католик – значит поляк», что поощрялось ксендзами, большая часть которых прибыла для службы в Беларусь из Польши. После раскола в «Союзе поляков Беларуси» (2005 г.) Варшава поддерживает контакты не с «официальной» организацией, а с одноименной «нелегальной» институцией, деятельность которой направлена на искусственную дискредитацию политики белорусских властей [4; 5].

Активисты западнополесского этнополитического движения утверждали, что южные районы Брестской области населяет отдельный народ – западные полешуки (ятвяги), который обладает уникальными культурой и языком и имеет право на культурную и политическую автономию (в некоторых публикациях ставился вопрос о создании в отдаленной перспективе независимого государства). Лидер движения Н. Н. Ше-

лягович являлся весьма креативным «этническим предпринимателем», однако подавляющее большинство населения региона не поддержало идею создания нового этноса [6]. Кроме того, очевидным слабым местом движения было отсутствие «внешней родины» – важного элемента «триады Брубейкера». Н. С. Козловский и активисты возглавляемого им «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области» утверждали, что автохтонное население Брестчины является этническими украинцами с «неразбуженным национальным самосознанием». Данные лозунги, как и в случае с западнополесским движением, нашли поддержку лишь у немногочисленной группы интеллигенции. Н. С. Козловский мог рассчитывать на помощь «внешней родины» (Украины), но, как свидетельствуют финансовые документы организации, такая помощь не была существенной и в основном исходила от частных лиц [7].

Таким образом, «триада Брубейкера» является перспективной объяснительной моделью, в рамках которой подчеркивается, что предметом анализа для исследователя должно быть не только общество, в котором происходит этнополитический конфликт, но и окружающая среда регионального и глобального масштаба.

Список литературы

1. Brubaker, R. National Minorities, Nationalizing States and External National Homelands in the New Europe / R. Brubaker // *Daedalus*. – 1995. – Vol. 124, № 2. – P. 107–132.
2. Осколков, П. В. Очерки по этнополитологии / П. В. Осколков. – М. : Аспект Пресс, 2021. – 176 с.
3. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст : моногр. / В. А. Ачкасов [и др.]. – СПб. : Изд-во РХГА, 2021. – 640 с.
4. Казак, О. Г. Деятельность Союза поляков Беларуси / О. Г. Казак // *Негосударственные акторы: на изломе эпох* : моногр. / под науч. ред. О. С. Пустошинской. – М. : ИНФРА-М, 2023. – С. 179–240.
5. Казак, О. Г. Католическая церковь Беларуси в позднесоветский период и первые годы независимости: оценки чиновников / О. Г. Казак // *Молодежь. Духовность. Отечество: история и вызовы современности* : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. в рамках епархиального этапа XXXI междунар. Рождественских образовательных чтений, Брест, 15 нояб. 2022 г. / под ред. Н. П. Яловой [и др.]. – Брест, 2022. – С. 41–44.
6. Казак, О. Г. Западнополесское этнополитическое движение в Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) : моногр. / О. Г. Казак, А. С. Серeda. – Минск : Колорград, 2023. – 101 с.
7. Казак, О. Г. Украинский фактор в этнополитических процессах Беларуси: деятельность «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области» в 1990-е гг. / О. Г. Казак, А. С. Серeda // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды* : сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых, Москва, 24–27 окт. 2023 г. / отв. ред.: Ю. А. Петров, М. М. Беклемишева ; Ин-т рос. истории РАН. – М., 2023. – С. 391–398.

И. И. Капальгина

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
kapalygina_ii@grsu.by)

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ОБЩЕСТВА

На современном этапе развития информационного общества наблюдается чрезмерное насыщение электронного рынка информационной продукцией разного порядка и содержания. Мощность информационных потоков достигла такого масштаба, что справиться с ними не в силах человек. Современное информационное пространство характеризуется открытостью для воздействия зарубежных радио- и телекоммуникационных средств, печатных изданий, глобальной компьютерной сети Интернет. В данном случае целесообразно рассматривать вопрос об информационной безопасности личности. Проблема обеспечения информационной безопасности личности в настоящее время становится все более актуальной.

Безопасность общества – явление сложное и многоплановое. Многофакторный подход к пониманию феномена безопасности вполне согласуется с принципами современной постнеклассической науки (полипарадигмальность, междисциплинарность, контекстуальность и т. п.), далекими от классического редукционизма, стремящегося дать монистическое понимание некоторого социального факта, обстоятельства, процесса. Возникает вопрос о степени допустимого расширения границ применения концепта «информационная безопасность» в социокультурном контексте современности, выявлении тех социокультурных форм и мероприятий, которые могли бы рассматриваться как основа для формирования его структурных компонентов.

С момента возникновения данной терминологической единицы произошла существенная эволюция представлений о феномене информационной безопасности. Если на первых этапах его применения речь шла, скорее, о формальной (внешней) стороне безопасности – обеспечении и поддержке технических параметров функционирования информации (хранение, накопление, обмен, передача данных) посредством технических устройств, то в последующем представление об информационной безопасности значительно расширилось за счет включения в него внутренней (содержательно-смысловой) составляющей.

Внимание к внутренней стороне информационной безопасности актуализировало проблему логико-гносеологического и аксиологического анализа того контента, который формирует информационное пространство современного социума на самых разных уровнях его функционирования. Отказ от узкого понимания информационной безопасности как затрагивающей исключительно технические параметры ее проявления, использова-

ние широкой трактовки данного феномена строится на конвергентных стратегиях исследовательской аналитики, предполагающих выработку научных взглядов на безопасность с учетом данных самых различных наук: политологии, философии, педагогики, психологии, экономики, физики, электроники, микроэлектроники, биологии и т. д.

Расширение представлений о базовых факторах социальной динамики, произошедшее в последние десятилетия в рамках неклассической и постнеклассической научных парадигм, актуализировало значение комплексного подхода при изучении тех или иных социальных феноменов [2; 5]. В частности, возникла необходимость комплексной оценки феномена безопасности, перехода от узкой его трактовки к максимально широкому пониманию, указывающему на необходимость сохранения благополучия во всех сферах социального функционирования (от социально-экономической до политической и духовной).

На сегодняшний день выработано значительное число дефиниций, раскрывающих суть понятия безопасности. В одних делается акцент на индивидуально-личностном аспекте данного феномена, где под безопасностью понимается «защищенность естественно-физиологических, социально-экономических, идеально-духовных и ситуативных потребностей в ресурсах, технологиях, информации и нравственных идеалах, необходимых для жизнедеятельности и развития населения» [1, с. 22].

Безопасность – это ценность человеческого существования, и ее значимость повышается в случае реализации других ценностей. Общественные отношения зачастую приобретают другую окраску, и устранения внешних угрожающих факторов бывает недостаточно, чтобы человек чувствовал себя в безопасности. Защищенность личности от деструктивных воздействий, способных разрушать представления и потребности, связанные с полноценным развитием, представляет собой *психологическую безопасность*.

Информационную психологическую безопасность личности можно рассматривать как общее состояние защищенности психики от воздействия многообразной информации, препятствующей и затрудняющей формирование, функционирование и развитие личностной структуры, адекватной системы поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе [3]. Таким образом, безопасность взаимосвязана с психофизиологическими характеристиками и устойчивыми личностными качествами. Человек самостоятельно должен формировать умения безопасного поведения и существования.

Индивидуально-личностные аспекты безопасности включают сохранность психического и социального здоровья, построение безопасных отношений, противостояние групповому и виртуальному давлению и другим деструктивным воздействиям. Вопросы, связанные с критериями и показателями безопасности личности, разработаны не в полной мере. Но

в данном случае необходимо, чтобы сам человек ответственно относился к своей безопасности, моделировал перспективные безопасные ситуации, осуществлял самоконтроль своего поведения, сохранял мотивы к сбережению себя, исключая и внешние соблазны.

Решение проблемы безопасности может быть достигнуто двумя способами: каким образом человек способен защищаться от внешних угроз; выбрать способы деятельности, поведения без риска для жизни и здоровья [4]. В основе безопасности лежит безопасное поведение человека, поскольку сам человек должен уделять этому внимание. Формирование навыков безопасного поведения происходит постоянно. Наиболее интенсивно этот процесс происходит в подростковом возрасте.

Психологическая защита личности состоит из двух аспектов: защита от внутреннего психологического дискомфорта и внешнего психологического дискомфорта. Определяющим является наличие в потребностно-мотивационной сфере базовой потребности в безопасности. Однако, находясь в Интернете, человек не всегда чувствует опасность либо угрозу жизни. Отсутствует необходимость защищаться, так как он не чувствует психологического дискомфорта, а скорее наоборот. Он просто общается, заводит новые знакомства, попадает на разные сайты, где ему интересно. Необходимо каждому человеку знать уловки «электронных» преступников, опасности попадания на различные сайты – словом, все то, что может угрожать его жизни и здоровью. Представления о собственной безопасности необходимо закладывать с раннего детства.

Подводя итог представленного методологического анализа, можно сделать выводы. Подходы к определению различных понятий, связанных с пространством, представляют интерес для педагогики как науки. Безопасность информационно-образовательного пространства состоит в том, чтобы обучающийся обладал компетенциями защиты от информации, несущей угрозу здоровью и развитию, и мог регулировать свое поведение, владел механизмами защитного поведения в проблемной ситуации относительно происходящего.

Список литературы

1. Гончарова, Л. Н. Национальная безопасность как результат духовно-нравственной, экономической и политической безопасности / Л. Н. Гончарова // Экономика и управление в современных условиях : сб. науч. тр. / Сибир. ин-т бизнеса, управления и психологии. – Красноярск : СИБУП, 2016. – С. 21–26.
2. Душкина, М. Р. Психология влияния в социальных коммуникациях: психологическое воздействие методы и технологии : моногр. [Электронный ресурс] / М. Р. Душкина. – М. : Юрайт, 2020. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/457273>. – Дата доступа: 20.08.2020.
3. Легкобытов, А. В. Основы психологической безопасности личности. 511 кл. : метод. пособие / А. В. Легкобытов, Б. И. Мишин, С. Р. Александрова. – М. : Дрофа, 2009. – 158 с.

4. Носкова, Т. Н. ИКТ-инструменты профессиональной деятельности педагога: сравнительный анализ российского и европейского опыта / Т. Н. Носкова, Т. Б. Павлова, О. В. Яковлева // Интеграция образования. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 25–45.

5. Черкасова В. П. Медиа-манипулирование общественным политическим сознанием: Телевидение и Интернет [Электронный ресурс] / В. П. Черкасова. – М. : Весь Мир, 2019. – 152 с. – Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/10914609.html>. – Дата доступа: 20.09.2020.

А. С. Касяновская

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Vojtexhik_AS@grsu.by)

К. А. Адасик

(ГУО «Средняя школа № 41 имени А. М. Кузнецова г. Гродно», г. Гродно, adasikkсениya@gmail.com)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

В условиях динамично меняющегося мира, процесс обучения, его содержание, методы, средства и организационные формы ориентируются на индивидуальные особенности и потребности обучающихся, становятся более эффективными именно при активном использовании инновационных технологий обучения, основанных на методически обоснованном использовании информационно-коммуникационных технологий.

Определяющая роль в цифровой трансформации образования отводится системному подходу, в который входят переработка методики преподавания и обучения, повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, создание легкодоступного контента. Формируются сквозные технологии при направлении развития цифровой среды: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, технологии виртуальной и дополненной реальности и др.

В Республике Беларусь цифровое образование, основывающееся на электронном обучении, выбрано в качестве приоритетного направления до 2024 года. В Беларуси для этого разработаны и реализуются ряд программных документов: государственные программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 с последующими изменениями и дополнениями) [1], «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 № 57), Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года (утв. приказом Министра образования Республики Беларусь от 29.11.2017 № 742) и др. Основные направления Государственной программы «Циф-

ровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы»: построение информационных систем и автоматизация процессов управления; развитие и модернизация информационно-коммуникационной инфраструктуры системы образования и укрепление материально-технической базы; формирование современного электронного образовательного контента; развитие сервисов [2, с. 88–89].

С целью развития системы образования Министерством образования разработана и утверждена Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы (далее – Концепция цифровой трансформации) [3]. Концепцией цифровой трансформации определены два приоритетных направления: цифровая трансформация непосредственно образовательного процесса и цифровая трансформация процессов, сопутствующих образовательному. Целями цифровой трансформации процессов в системе образования являются: подготовка обучающихся к жизни в цифровом обществе; подготовка системы образования к работе в условиях быстрых изменений: внедрение инновационных технологий, изменение образовательных парадигм, гибкое формирование требований и программ; оптимизация процессов, протекающих в системе образования; обеспечение качества и мобильности предоставляемых образовательных услуг на всех уровнях образования; повышение узнаваемости национальной системы образования и увеличение экспорта образовательных услуг.

В рамках реализации Концепции цифровой трансформации проводится работа над созданием республиканской информационно-образовательной среды (РИОС). Цель создания РИОС – технологическое, информационное и аналитическое обеспечение процессов цифровой трансформации национальной системы образования. РИОС представляет собой единую государственную информационную систему в сфере образования, направленную на развитие информационных ресурсов, электронных услуг, а также программно-технической инфраструктуры.

К образовательным продуктам нового поколения можно также отнести симулятивное обучение (например, технологии виртуальной реальности (VR)), игровое «обучение с элементами виртуальной реальности, когнитивное обучение (продукты, предназначенные для улучшения оперативной памяти, способности к восприятию, к принятию решений, поиску решения задач, развития логического мышления и др.)», обучение с помощью искусственного интеллекта и т. д.

Для того чтобы развить у учащихся навыки, соответствующие XXI веку, работники образования должны научиться уверенно использовать ИКТ и интегрировать цифровую грамотность с другими своими профессиональ-

ными компетентностями в жизни. Цифровая грамотность преподавателей должна включать в себя знания и навыки в области образовательной политики и этики применения ИКТ, они должны следить за темпом инноваций в цифровом образовании. Цифровая грамотность преподавателей должна включать в себя способность эффективно использовать ИКТ в обучении, профессиональном развитии и организации учебной деятельности, разнообразные комплексы навыков, необходимых в этих сферах [4, с. 44]. Для решения различных учебных задач современные педагоги все чаще обращаются к ресурсам LearningApps.org и WordWall.net, которые позволяют самостоятельно создавать электронные интерактивные упражнения с использованием изображений для объяснения нового материала, для закрепления, тренинга, контроля. Данные сервисы просты в использовании и помогают педагогу создавать упражнения, как для коллективной или групповой работы на интерактивной доске, так и для индивидуальной работы учащихся [5; 6].

Учащиеся в процессе обучения в школе приобретают базовые и стандартные цифровые навыки, поэтому при поступлении в высшие учебные заведения у них уже сформированы первичные цифровые компетенции. Определенная категория учащихся обладает продвинутыми навыками в области цифровой грамотности, в основном, это будущие студенты математического, физико-технического, инженерно-строительного факультета.

Несмотря на то, что в Республике Беларусь проводится активная работа над развитием отраслевой информационно-коммуникационной инфраструктуры, разработкой информационных систем и образовательного контента, на сегодняшний день нет единой выработанной стратегии того, каким должно быть цифровое образование, какими компетенциями должен обладать педагог и какие компетенции в рамках цифровой грамотности необходимо развивать у учащихся.

Кроме того, необходимо отметить недостаточное количество квалифицированных экспертов в области цифровой трансформации, которые могут взять на себя функцию оценки и продвижения реальных инновационных подходов, а также нехватку педагогических работников, способных в полной мере реализовывать направления цифровой трансформации процессов в системе образования. Вместе с тем, необходимость адекватного реагирования на вызовы современного мира делает актуальными вопросы, связанные с разработкой эффективных подходов к формированию цифровых навыков, обучающихся на уровне общего образования. Использование цифровых образовательных ресурсов – эффективный инструмент не только для обучения, воспитания и развития учащихся, но и для подготовки их к жизни в цифровом обществе.

Список литературы

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soft-m.info/project/soc/scantron.htm>. – Дата доступа: 10.11.2022.
2. Князькова, В. С. Интеллектуальный потенциал электронной экономики Республики Беларусь / В. С. Князькова // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : материалы XIX междунар. науч. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. : в 3 т. / Науч.-исслед. экон. ин-т М-ва экономики Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Пинигин [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 2. – С. 88–89.
3. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iso.minsk.edu.by/main.aspx?guid=34963>. – Дата доступа: 30.05.2023.
4. Клименко, В. А. Профессиональная компетентность специалиста в условиях дигитализации современного общества / В. А. Клименко // Социологический альманах. – 2021. – Вып. 12. – С. 131–141.
5. Образовательные платформы для учителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dyjalog.by/68-potryasayushhix-onlajn-instrumenta-dlya-uchitelej>. – Дата доступа: 10.10.2022.
6. Олимпиада для школьников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecogames.bs.u.by/konkurs>. – Дата доступа: 07.10.2022.

А. А. Кизюкевич

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
anastasia_kizyukevich@mail.ru)

ИНТЕРЕСЫ И ЦЕННОСТИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Теория поколений рассматривается как одна из методологических основ анализа и прогноза политического поведения подрастающего поколения. Теория поколений – это система научного знания, содержащие идеи о сущности феномена поколения, особенностях различных поколенческих катогр, закономерностей их формирования и развития. Данная теория является одной из актуальных социально-политических теорий нашего времени.

В современной научной литературе рассматривается такая научная теория как «теория поколенческих архетипов» У. Штрауса и Н. Хоу.

На постсоветском пространстве выделяют следующие группы поколений [1]:

1. **«Молчаливое поколение» (1925–1944 гг.)**. «Молчаливое поколение» характеризуется рядом событий: Великая Отечественная война, Сталинские репрессии, послевоенная реабилитация людей и страны и другое. Для представителей данного поколения очень важны семейные ценности, да и в принципе слово «семья» для них на первом месте. Во времена Сталинских репрессий были актуальны доносы на соседей и коллег по

работе. Человека могли расстрелять даже только за его слова, принимая информацию доносчика за истину. Исходя из этого и следует название данного поколения – молчаливое.

2. **«Поколение бэби-бумеров» (1944–1967 гг.)**. Представители данного поколения отличались значительным оптимизмом. На людей данного возраста оказали влияние идеалы Советского Союза. Они росли в духе патриотизма, никто не сомневался в завтрашнем дне, все слепо верили в светлое будущее. Бэби-бумеров можно причислить к потерянному поколению, так как в 90-е годы случился распад СССР. Это произошло в период, когда они еще не были пожилыми, следовательно, отрезок взрослой жизни во время реформ и после них эти люди провели с другими правилами и традициями, отличительными от тех, которые были ранее. Также в этот период времени развалилась их жизненная идеология, в период перестройки, когда люди потеряли работу, статус, а все их финансовые сбережения утратили свою ценность. Стоит отметить, что в отличие от «молчаливого поколения», «поколение бэби-бумеров» любители «почесать языками» и поучить потомков жизни.

3. **«Поколение X (икс)» (1967–1984 гг.)**. Можно сказать, что большая часть данного поколения была предоставлена самим себе в детстве и в подростковый период. За редким исключением, когда родители занимались воспитанием детей, они пытались внушить представителям данного поколения свои социалистические взгляды на жизнь: внушение про светлое будущее и труд во благо своего народа и государства. «Поколение X» искренне верили в то, о чем твердило старшее поколение, однако в силу возраста не могли до конца понять и прочувствовать всю суть данной философии. Распад СССР начинается, как только многие представители этого поколения достигают так называемого сознательного возраста (20–25 лет). В этот момент все заложенные идеалы и принципы рушатся за несколько лет у них на глазах. Поэтому неудивительно, что «поколение X» не проявляет особого интереса к политике. Данное поколение людей очень недоверчиво ко всему, что их окружает, начиная от рекламных продуктов и громких лозунгов, заканчивая уверенностью в завтрашнем дне. Следовательно, им присуще полагаться только на самих себя. Можно сделать вывод, что «поколение X» выросли в тяжелом периоде разногласий и перемен, вследствие чего им больше остальных присущи депрессии, психическая неустойчивость и душевные переживания.

4. **«Поколение Y (игрек), или миллениалы» (1984–2000 гг.)**. Название данного поколения происходит от латинского слова «миллениум» – тысячелетие, поскольку «поколение Y» родились на стыке тысячелетий. Данная категория людей выросла в очень непростой период: перестройка, войны и эпидемии. Однако стоит отметить, что были и положитель-

ные переменные: глобальный прогресс в информационных технологиях. У большинства представителей «поколения Y» на первом месте стоит саморазвитие и получение благ от мира, а уже потом мысли о семье и детях. Одной из причин данных убеждений – это постоянные переменные в жизни «поколения Y», начиная от экономических переворотов, заканчивая немыслимо быстрым развитием технологий. Они не уверены в завтрашнем дне и в пригодности того, чем они занимаются сегодня. Поэтому не видят оснований для построения планов на дальнейшее будущее.

5. «Поколение Z (зет), или зумеры» (2000–2015 гг.). Представители данной категории людей не нуждаются в комфортных условиях, стабильной работе и финансовых привилегиях. Они тянутся к новому и неизвестному. Осознание опасных последствий их действий очень невелико. Самое важное – это получить порцию новых ощущений здесь и сейчас. Они отдают предпочтения духовным составляющим, нежели материальным ценностям.

Теоретики Н. Хоу и У. Штраус ссылаются на идею цикличности поколений, в каждом из которых меняется соотношение силы общественных институтов и индивидуальных стратегий поведения. Смена поколений происходит каждые 20–25 лет, характеризуясь:

- кризисом («молчаливое поколение» и «зумеры») – происходит формирование людей ориентированных на благоденствие общества и заинтересованных в создании новых социальных институтов;

- подъемом («бэби-бумеры») – сопровождается развитием социальных институтов;

- пробуждением («поколение X»), где усиливается роль индивидуальности, а также характеризуется возникновением недовольства социумом;

- распадом («поколение Y» или «меллениалы»). В данном цикле общество идёт по пути индивидуализма [2, с. 190–195].

Данная цикличность, выделенная Н. Хоу и У. Штраусом, характеризуется: кризисом, в момент наступления которого происходит формирование ценностей консенсуса, сильных институтов, идеалов самопожертвования, и подъемом, где этика самореализации и индивидуализма выходят на первый план. Причиной циклов становится потребность молодого поколения «детей» исправить ошибки «отцов» [3; 4]. Поведение молодежи рассматривается как этакое поведение «героя», миссией которого выступает объединение и создание новых институтов для решения глобальных проблем.

Характеристика поколений постсоветского пространства наглядно показывает, как политические события влияют на поведение и ценности поколений. Это сталинские репрессии, Вторая мировая война при «молчаливом поколении». При «поколении бэби-бумеров» прекрасным при-

мером служит советская оттепель. Также тут стоит сказать, что на сегодняшний день представители данного поколения являются политической, экономической и социальной элитой общества, так как ключевые посты заняты представителями именно этого поколения. На поведение и ценности представителей «поколения X» оказали влияние такие события, как новый виток «холодной войны», гуманизм и война в Афганистане, которая коренным образом детерминировала поведенческие модели в русской специфике поколения. Также стоит сказать о распаде СССР и «лихих 90-х», на которые пришлась молодость и зрелость данного поколения, вследствие чего его можно назвать «потерянным», поколением, выключенным, прежде всего, из политической элиты. У «поколения Y» проявляющиеся поведенческие и мировоззренческие модели связаны с такими событиями, как распад СССР, перестройка, локальные военные конфликты, развитие цифровых технологий. Основными событиями, влияющими на «поколение Z», стала война против мирового терроризма, мировой экономический кризис 2008 года, существенное изменение климата. На примере поколения «Z» мы наблюдаем наибольшую степень влияния на его становление и формирование именно общемировых тенденций и факторов. Из этого следует, что доля внутренних событий, влияющих на формирование мировоззренческих и поведенческих парадигм поколения, сводится к минимуму.

Список литературы

1. Prostudio.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prostudio.ru/journal/generation-x-y-z>. – Дата доступа: 01.03.2024.
2. Исаева, М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува / М. А. Исаева // Знание. Понимание. Умение. – М., 2011. – С. 190–195.
3. Strauss, W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069 / W. Strauss, N. Howe. – New York, 1991.
4. Strauss, W. The fourth turning: What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny / W. Strauss, N. Howe. – Crown, 2009.

Р. Н. Ключко

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
r.kliuchko@grsu.by)

ОТ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА К ПРАВОВЫМ МЕХАНИЗМАМ ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Универсальный принцип суверенного равенства государств, закрепленный в Уставе ООН, образует политико-правовую основу международ-

ной стабильности и безопасности, мирного демократического развития всего человечества. Отражающие суверенитет государства его верховенство и полнота власти на своей территории и самостоятельное осуществление внутренней и внешней политики фиксируют неразрывную связь государственного суверенитета с территорией государства. Взаимосвязь и взаимозависимость политико-правовых феноменов «суверенитет» и «территория», образующих самостоятельные признаки государства, находят закрепление в правовом поле, прежде всего в положениях основного закона – конституции государства. В соответствии со ст. 9 Конституции Республики Беларусь «территория Республики Беларусь является естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа, основой его благосостояния и суверенитета Республики Беларусь». С другой стороны, именно суверенитет государства лежит в основе определения пространственно-правовых пределов регулирования общественных отношений и разрешения споров юрисдикций с учетом актуальных задач по обеспечению национальной безопасности.

В условиях цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности проблема обеспечения суверенной власти государства актуализируется в части определения пределов ее реализации в информационном пространстве, включая национальный сегмент сети Интернет. Появление и развитие информационно-коммуникационных технологий, изменяющих пространственно-временные параметры взаимодействия акторов информационного обмена, модифицирует спектр угроз суверенитету государства. В сложившихся объективных условиях особо насущной представляется задача предупреждения и противодействия угрозам внешнего информационного управления политическими, экономическими и социальными процессами с использованием манипулятивного либо агрессивного информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Сегодня совершенно очевидно, что в современных геополитических реалиях попытки ослабления государственных суверенитетов с использованием информационного пространства как сферы противостояния приобретают характер устойчивой тенденции. Модификация характера и уровня угроз в информационной сфере с учетом изменения ее значения предполагает совершенствование стратегии и тактики обеспечения информационной безопасности как основы суверенитета государства.

Появление угроз суверенитету государства, реализуемых с использованием информационного пространства, не ограниченного его территориальными границами, трансформируют само понятие государственного суверенитета и предопределяют появление в доктринальном и правовом поле новой категории «информационный суверенитет». Несмотря на то, что настоящему времени доктринальное понятие «информационный су-

веренитет государства» не является устоявшимся, так как оспаривается и точность такой терминологической конструкции, проблема реализации суверенитета в информационном пространстве актуализируется, а категория «информационный суверенитет» начинает артикулироваться в правовом поле.

Впервые понятие «информационный суверенитет» получило формально-юридическое закрепление в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 года № 1, где под ним понимается «неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность». В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь отражается как сфера реализации государственного суверенитета – информационная, так и взаимосвязь суверенитета и информационной безопасности: информационный суверенитет определяется в качестве важнейшей целевой установки обеспечения информационной безопасности; отмечается, что информационный суверенитет «достигается, прежде всего, путем формирования системы правового регулирования отношений в информационной сфере, обеспечивающей безопасное устойчивое развитие, социальную справедливость и согласие».

Источником развития доктрины информационного суверенитета государства являются правовые положения о значимости и признаках информационного суверенитета государства. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь в этой части нашли отражение в Решении от 14 марта 2019 г. № Р-1166/2019 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году», в котором Конституционный Суд Республики Беларусь подчеркнул значимость правового обеспечения информационного суверенитета страны в условиях усиления роли информатизации и цифровизации на современном этапе. В Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196, при определении задач по совершенствованию правовой политики в сферах законодательства об обороне и национальной безопасности также отмечается необходимость «повысить защиту информационного суверенитета страны, разрабатывать наднациональные стандарты и правила в области информационной безопасности с акцентом на продвижение национальных правовых интересов».

Анализ доктринальных и правовых положений свидетельствует о появлении и развитии концепции информационного суверенитета, актуаль-

ности проблем его обеспечения в современных условиях нарастающего информационного давления, прежде всего через создание правовых механизмов обеспечения информационной безопасности общества и государства. При этом необходимо отметить, что без определения механизма реализации суверенных прав государства в информационном пространстве невозможно обеспечение прав, свобод и безопасности субъектов информационных отношений, так как не обладающее суверенитетом государство не может выражать волю своего народа и принимает решения в интересах управляющих им субъектов.

Новые вызовы и угрозы в информационной сфере предопределяют необходимость создания системы правовых гарантий обеспечения информационного суверенитета, объективно обуславливают трансформацию ландшафта правового регулирования информационных отношений на уровне актов национального и международного права. В эпоху цифровой трансформации объективной действительности, которая создает условия для повышения уровня и расширения спектра угроз международной безопасности, реализуемых в информационном пространстве, обостряется необходимость межгосударственного взаимодействия и сотрудничества с целью их нейтрализации на основе принципа суверенного равенства государств. Классификация угроз информационного характера связана с их дифференциацией на угрозы информационно-технологические (киберугрозы в узком смысле слова) и угрозы информационно-психологической безопасности (угрозы в сфере смыслов). Деструктивное информационное воздействие, определяемое сегодня в качестве одной из базовых гуманитарных угроз в информационной сфере, связанное с вмешательством во внутренние и внешние дела государства, направлено на модификацию устоявшихся норм социального поведения, разрушение традиционных ценностей, уничтожение исторической памяти, преследует цель разрушения национальной идентичности, наращивания глобального конфликтного потенциала и управляемой хаотизации международных отношений. Изменение форм и методов информационного противоборства, используемых не только государственными, но и негосударственными акторами в условиях возможностей трансграничного информационного обмена, актуализирует необходимость совершенствования механизмов противодействия иностранному контролю над национальным сегментом информационного пространства, имеющего цель причинения вреда не только национальной информационной инфраструктуре, но и трансформации национального менталитета и общественного сознания.

Суверенизация государства в информационном пространстве невозможна без определения системы правовых гарантий, среди которых особое место занимают правовые средства охраны информационной безо-

пасности субъектов информационных отношений, лежащей в основе информационного суверенитета государства. Информационная безопасность общества и государства и государственный суверенитет как два взаимосвязанных и взаимозависимых элемента национальной безопасности требуют определения контуров национального и регионального сегментов правового регулирования информационных отношений для обеспечения национальных интересов государства.

И. В. Ковалёва

(Минский государственный лингвистический университет, г. Минск,
iryna-kavaliova@yandex.ru)

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ЕАЭС

Одним из приоритетов внешней политики Республики Беларусь является активное участие в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Евразийский экономический союз является объединением пяти суверенных государств, призванным решать совместные экономические проблемы. Государства-участники связаны прошлой совместной историей, однако в период после обретения независимости достигли различных уровней социально-экономического развития, что было обусловлено объективными факторами (географическими, социальными, демографическими), а также осуществлёнными социально-экономическими преобразованиями последних тридцати лет в различных сферах.

Вступивший в силу 1 января 2015 года Договор о Евразийском экономическом союзе создал условия для свободного передвижения товаров и услуг, а также капитала и рабочей силы государств-участников, что способствует углублению социально-экономических интеграционных процессов [1]. На сегодня трудовой потенциал стран ЕАЭС включает 93 млн работников, которые могут свободно работать в любой из стран Союза. В 2022 году общее количество трудовых мигрантов на территории Союза составило 1 миллион 647 тысяч человек, что на 35 тысяч человек больше, чем в 2021 году [2]. Договором о ЕАЭС предусмотрено предоставление трудящимся и членам их семей из государств – членов данного объединения социальных гарантий, равных с гарантиями гражданам государств трудоустройства. Договор определяет правила пребывания и проживания трудящегося и членов его семьи на территории государства трудоустройства, возможности получения образовательных и медицинских услуг, правила получения пенсионных выплат и многие иные вопросы, связанные с условиями труда. Создание единого эффективно функционирующего рынка труда способствует миграции населения в страны с лучшими условиями

для самореализации трудящегося – лучший заработок, перспективы карьерного роста, высокие социальные гарантии. Поэтому интеграцию можно рассматривать в качестве предпосылки формирования единой социальной политики ЕАЭС.

Возможность реализации в отношении трудящихся мигрантов общей социальной политики основано на схожести Трудовых кодексов стран ЕАЭС, предусматривающих наличие норм, закрепляющих предмет, принципы, источники трудового права, статус субъектов, а также регулирующих занятость, трудовые контрактные отношения и условия трудовой деятельности – величину заработной платы, продолжительность рабочего дня, отдыха, социальные гарантии, охрану труда и иные аспекты. Какие же социальные гарантии предусмотрены для трудящихся мигрантов?

В разделе «Трудовая миграция» договора предусмотрено, что срок временного пребывания или проживания трудящегося и членов его семьи на территории государства трудоустройства определяется сроком действия трудового или гражданско-правового договора, заключенного с работодателем. Если договор расторгается досрочно, то после истечения 90 суток с даты въезда, трудящийся мигрант имеет право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый трудовой и гражданско-правовой договор. Процедура получения разрешения на работу для трудовых мигрантов, которые ранее устанавливали страны в целях защиты внутреннего рынка труда, исключена. Договор освобождает трудящихся мигрантов и членов их семей в течение 30 суток с даты въезда на территорию государства трудоустройства от регистрации (постановки на учет по месту пребывания). В случае пребывания на территории другого государства-члена свыше 30 суток с даты въезда они обязаны зарегистрироваться в соответствии с законодательством государства въезда.

Обеспечение равных прав трудящихся с гражданами государства трудоустройства предусматривают равенство как в части уплаты страховых и пенсионных взносов, так и в части назначения и выплаты социальных пособий и пенсии. Социальное страхование и пенсионные отчисления осуществляются в соответствии с законодательством государства трудоустройства. С 1 января 2015 года трудовой стаж работающих засчитывается в общий трудовой стаж для целей социального обеспечения в соответствии с законодательством государства трудоустройства. С 1 января 2021 года вступило в силу Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза [3]. Согласно статье 3 данного Соглашения, уплата пенсионных взносов должна осуществляться в соответствии с законодательством государства, на территории которого граждане выполняют работу, независимо от их места проживания. При этом для назначения пенсии необходимо наличие не менее

12 полных месяцев стажа работы, приобретенного на территории государства-члена, согласно законодательству которого трудящийся претендует на назначение пенсии.

В Республике Беларусь будет начисляться и выплачиваться трудовая пенсия по возрасту, по инвалидности, по случаю потери кормильца, за выслугу лет (кроме пенсий военнослужащих, приравненных к ним лиц, членов их семей и государственных служащих). За стаж работы до вступления в силу Соглашения (до 1 января 2021 г.) пенсия будет назначаться и выплачиваться в соответствии с законодательством государства – члена ЕАЭС, где человек осуществлял трудовую деятельность, с учетом Соглашения о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 года, а для Республики Беларусь и Российской Федерации – с учетом Договора между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24 января 2006 года.

Соглашением предусматривается суммирование стажа работы, приобретенного на территории ЕАЭС, для определения права на пенсию. Если стажа на территории Республики Беларусь будет недостаточно для права на пенсию, то может быть учтен также стаж, приобретенный на территориях других государств – членов ЕАЭС в соответствии с законодательством каждого из государств-членов, за исключением случаев, когда такой стаж работы совпадает по времени. Также предусматривается экспорт пенсий: трудящийся имеет право обратиться за пенсией как в государстве проживания, так и в государстве трудоустройства, но только в одной из них.

В соответствии с законодательством государства трудоустройства гарантируется предоставление трудящимся мигрантам медицинской помощи и образования. Трудящиеся мигранты и члены их семей имеют право на получение экстренной и неотложной медицинской помощи, в остальных случаях медицинская помощь предоставляется в соответствии с законодательством государства-проживания. В Республике Беларусь трудящиеся граждане Армении, Казахстана, Киргизии могут получить медицинскую помощь на платной основе, трудящиеся же из России (за исключением семей) на основе двустороннего соглашения между странами имеют равные права с гражданами Беларуси и имеют доступ к медицинской помощи на бесплатной основе. В России трудящиеся имеют право на получение бесплатной медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования на тех же условиях, что и граждане России. Члены семей трудящихся могут получить такую помощь только на платной основе. В Казахстане и Кыргызстане трудящиеся из стран ЕАЭС и члены их семей могут получить медицинскую помощь в рамках обязательного медицинского страхования. Дети трудящегося мигранта, совместно прожи-

вающие с ним на территории государства трудоустройства, имеют право на посещение дошкольных учреждений и получение образования в соответствии с законодательством государства трудоустройства.

Таким образом, законодательное регулирование прав трудящихся мигрантов в странах ЕАЭС может стать фундаментом построения согласованной социальной политики.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176>. – Дата доступа: 26.02.2024.

2. Васильева, Ю. Как в странах ЕАЭС защищают трудовых мигрантов [Электронный ресурс] / Ю. Васильева // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/03/15/rabota-bez-granic.html>. – Дата доступа: 26.02.2024.

3. Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F01900511>. – Дата доступа: 26.02.2024.

Л. Е. Ковалёва

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно)

Е. О. Шейко

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, sheiko.office@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ С БЕЛОРУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Общественно-политическая сфера является решающей и важной в жизни общества, тесно взаимосвязана с другими сферами жизнедеятельности человека. Как и любая другая наука современности, общественно-политическая имеет соответствующий лексический состав, который исследуется специалистами-филологами разной направленности.

Исследуя общественно-политическую лексику с позиции прикладной лингвистики, ученые обращают внимание на ее широкое применение не только в политическом дискурсе, но и в художественном. Авторы художественных произведений, в том числе и белорусские, широко использовали и продолжают использовать общественно-политическую лексику (реалии⁷)

⁷ В. С. Виноградов: «Все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия» [1, с. 37].

для описания исторических и политических событий в своих текстах. Общественно-политические реалии представляют интерес и для практикующих переводчиков в области художественного перевода.

Художественное произведение, достойное внимание читателя как представителя той языковой культуры, для которого оно первоначально предназначалось, с течением времени будет переведено на другой язык. И одним из сложных этапов, с которым придется столкнуться переводчику при передаче содержания с одного языка на другой, является перевод общественно-политических реалий.

Данному вопросу уделяли внимание такие ученые, как С. Влахов и С. Флорин, которые разработали классификацию реалий, и по предметному признаку выделили группу общественно-политических реалий, включающую подгруппы лексических единиц, обозначающих административно-территориальное устройство, органы и носители власти, общественно-политическую жизнь, военные реалии [2]; Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, которые выявили семь групп слов, наделенных национально-культурной семантикой, среди которых есть советизмы (появились в результате перестройки общественной жизни в России после Октябрьской революции) и историзмы (предметы и явления предшествующих исторических периодов) [3, с. 42]. В научных трудах ученые подчеркивают не только важность владения обоими языками, технологией перевода, приемами перевода реалий (калькированием, транскрипцией, транслитерацией, функциональным аналогом, описанием и т. д.), но и наличие широкого кругозора, эрудиции у переводчика.

Переводческому сопоставительному анализу подверглись произведения белорусских писателей («У гарах дажджы» Иван Мележ (Р. А. Липатов), «Вєраніка» Иван Навуменка (М. В. Минц), «Слепата» Янка Скрыган (Р. А. Липатов), «Лясная песня» Піліп Пестрак (А. А. Вейзе), «Начлег у весцы Сінегах» Кузьма Чорны (М. В. Минц), «Андрэй-лягун» Міхась Лынькоў (А. А. Вейзе и Р. А. Липатов), «Усюды вада» Аляксей Кулакоўскі (А. А. Вейзе), «Дняпроўская чайка» Мікола Лупсякоў (Р. А. Липатов), «Алені» Иван Пташнікаў (А. А. Вейзе), «Восеньскі ўспамін» Міхась Стральцоў (А. А. Вейзе), «Дзікае паляванне караля Стаха» Уладзімір Караткевіч (М. В. Минц)), из которых были отобраны общественно-политические реалии.

Поскольку произведения белорусских писателей иллюстрируют различные общественные и политические события в истории народа, реалии данной группы обозначают актуальные или же исторические понятия и явления государственного строя и общественной жизни.

В произведении В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» описываются события, происходящие в конце XIX века, и представленные исторические реалии обозначают сословие (*шляхта – the gentry*), администра-

тивно-территориальную единицу (*зуберня – province*), единицу земельной площади (*50 дзесьяцiн беднай зямлi – 50 dziesiacinas of poor land*), историческое наименование помещичьего хозяйства (*фальварак – estate*), звания, титулы (*гетман літоўскі – the Lithuanian hetman*), государственный аппарат (*прадстаўнікам дзяржаўнай улады – the representatives of the State Power*), например, «Але ен пакуль што збіраў сілы і дыпламатычна туманіў вочы прадстаўнікам дзяржаўнай улады» – «He gathered his forces in the meantime, and with great diplomacy clouded the heads of the representatives of the State Power». При передаче авторского неологизма переводчик предпочел использовать прием нейтрализации, в то время как остальные лексемы, обозначающие должности и звания передавались аналогами: «Гэта былі суддзя, пракурор і адвакат, адзiн з тых «аблакатаў», што абдзіралі кліентаў як ліпку, а пасля здраджвалі» – «These men were the judge, the prosecutor and an advocate, one of those advocates who skin their clients like a plaster and then betray them».

Следует отметить, что большинство произведений описывают советский период в истории Беларуси, что повлияло на частотность использования реалий-советизмов. В проанализированных текстах представлены реалии, обозначающие государственное устройство (*калгас – collective farm*), административно-территориальные единицы (*Вiцебшчына – the Vityebsk Region of Byelorussia*), советские праздники (*Кастрычніцкія святы – celebrate the October Revolution*), государственные учреждения (*вечэрняя школа – evening school, раённы Дом культуры – the House of Culture of the district centre*), награды (*ордэн Чырвонага Сцяга – Order of The Red Banner*), оружие, социальные движения, военные звания, например, «Але плечы муляў аўтамат. Час ад часу даносілася страляніна: партызаны ў лагеры выпрабавалі зброю» – «However, the submachine-gun kept chafing his shoulder and from time to time shooting was heard in the distance: the guerillas in the camp were trying out their weapons», «Прыгніцеся! – загадаў старшы сержант, ружавеючы ад гневу» – «Bend down! – the section sergeant ordered, his face turning red with rage».

Основная часть представленных реалий переведена с белорусского на английский язык при помощи калькирования, функционального аналога или описательного приема перевода. Однако некоторые из них требуют особого внимания и рассмотрения в соответствующем контексте.

В приведенных выше примерах встречаются реалии-аббревиации – *сельсавет – the Village Council, саўгас – state farm*. В англоязычном переводе они «расшифровываются» и становятся словосочетаниями. На наш взгляд, это происходит не потому, что переводчик стремится сделать текст перевода понятным читателю, а потому что данный вид аббревиатур не характерен для английского языка.

В отдельных случаях использовался прием генерализации. Так, в переводе использовались единицы с более широким значением для того, чтобы не «загромождать» текст перевода длинными описаниями того или иного слова: *кутузаўцы – guerillas, партызаны – the guerillas*.

Использование приема функциональной замены необходимо было для того, чтобы вызвать у зарубежного читателя такие же ассоциации, как и у читателя исходной языковой культуры: «...школа тут аднакамлектная: на ўсе чатыры класы адна настаўніца – ...» – «...that their school was a *primary school*, with only one teacher for all the classes, – ...».

Описательный прием перевода применяется для передачи разговорного наименования оружия, появившегося в годы Великой Отечественной Войны: «і па той бок занавесак мігцела “кацюша”» – «*and Katyushas, rocket mortars, were sending up flashes from the direction of the front*». Однако следующее наименование оружия переведено на английский язык при помощи приема компенсации: «...аказваецца, гэта ж свой танк – нашая «трыццацьчацвёрка» – «...the tank turns and Ivan is filled with indescribable horror – *it is a Soviet T-34*». Белорусскому читателю в контексте будет понятно, что значит «*трыццацьчацвёрка*» или «*кацюша*», однако смысл данных реалий необходимо донести и до иностранного читателя.

На перевод общественно-политических реалий большое влияние оказывают экстралингвистические факторы, контекст и образность высказывания.

Список литературы

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 343 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 247 с.

И. И. Ковяко

(Белорусский государственный университет, г. Минск, klq2034@mail.ru)

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГЕРМАНСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XX в.

Германский вопрос в послевоенное время являлся одной из центральных проблем европейской безопасности. Последние два десятилетия XX века можно отнести к периоду его особой актуализации и тесной взаимосвязи с безопасностью Европы. В 1980-е гг. это было обусловлено но-

вым качеством отношений сверхдержав и пересмотром стратегии НАТО, которая предусматривала размещение дополнительных вооружений на территории европейских партнеров. Данный разворот в международной политике казался несовместимым с реализацией немецкого национального интереса – развитием отношений по линии ФРГ–ГДР с перспективой восстановления германского единства. В такой ситуации реализация политики НАТО привела к нарастанию противоречий внутри Альянса, которые свидетельствовали о готовности ФРГ защищать интересы немецкой нации в условиях обострения международной обстановки. Особая позиция ФРГ, подкрепленная ее объективным потенциалом, не всегда находила понимание в Лондоне и Вашингтоне.

Окончание разрядки и начало нового этапа холодной войны привело к переосмыслению германской проблемы в англо-американском научном дискурсе. ФРГ и ГДР, заметно укрепив сотрудничество в процессе Новой восточной политики, были заинтересованы в его дальнейшем развитии. Западная Германия к концу 1970-х гг. установила тесные экономические и торговые связи с социалистическими странами и оказалась не готова пожертвовать ими ради политики санкций. Помимо этого, в ФРГ развернулось мощное антивоенное движение, призванное заблокировать размещение на территории Германии ракет средней дальности НАТО. В условиях нарастающей блоковой конфронтации немцы по обе стороны стены осознали, что в случае прямого столкновения сверхдержав они станут его первыми жертвами. Вопрос безопасности нации и германского суверенитета переместился в общеевропейскую плоскость и оказался напрямую зависим от отношений Москвы и Вашингтона [1].

На протяжении 1980-х гг. авторы нередко рассматривали германскую проблему как составную часть комплекса вопросов европейской безопасности. В англо-американской историографии неуступчивость западных немцев рассматривалась, с одной стороны, как объяснимое явление, с другой стороны – возрождало призраки Рапалло и нейтрализации Германии. Антивоенное движение в ФРГ и других странах Европы активно поддерживали левые партии и группы, а СССР неизменно высказывался в поддержку разоружения на международных площадках. Антивоенные митинги нередко расценивались как демонстрация поддержки Кремля и одновременно протест против политики Запада. Авторы отмечали возросшую самостоятельность ФРГ и ГДР от своих старших партнеров и стремление немецких государств решать многие вопросы по межгерманским каналам, что приводило к трениям между Берлином и Москвой, а также Бонном и Вашингтоном [2; 3]. Тем не менее, большинство исследователей сходились во мнении, что нейтрализация ФРГ и новое Рапалло маловероятны. Прогресс в германском вопросе мог быть достигнут ис-

ключительно дипломатическим путем при наличии политической воли со стороны США и СССР [4; 5; 6].

Если в 1980-х гг. изменения в европейской безопасности рассматривались как причина беспокойства немецких государств и нарастания их противоречий со сверхдержавами, то после объединения Германии в 1990 г. сложилась противоположная ситуация. Создание единого суверенного германского государства стало вызывать тревогу и беспокойство за будущее европейской безопасности.

Объединение сопровождалось дезинтеграцией социалистической системы в Центральной и Восточной Европе – регионе, который имел тесные исторические, экономические и культурные связи с Германией. Ситуация стала еще более непредсказуемой после распада СССР и образования на территории ЦВЕ «относительного геополитического вакуума». Исследователи отмечали, что Германия ввиду своего географического положения и экономического потенциала будет стремиться заполнить этот вакуум и сформировать зону особого влияния [7; 8]. Эти идеи полностью соответствовали концепции немецкого ученого Фридриха Науманна о формировании Средней Европы под эгидой Германии. Ф. Науманн опубликовал свою работу в 1915 г., спустя 80 лет она обрела новую актуальность и активно обсуждалась на страницах научных публикаций Великобритании и США. Дискуссия сводилась к главному вопросу: какое влияние окажет восстановление германского суверенитета на европейскую безопасность? Выводы и прогнозы авторов сводились к двум основным сценариям: объединенная Германия сохранит свою верность евроатлантическим структурам и будет действовать в регионе ЦВЕ в качестве проводника их интересов [9; 10; 11] либо она предпримет попытку ослабить связи с западными партнерами и сформировать сферу исключительного влияния [12; 13; 14].

Пессимистичные оценки ситуации превалировали в первой половине 1990-х гг., что было обусловлено высокой неопределенностью зарождающегося порядка. Начиная с середины 1990-х гг. наблюдалось преобладание оптимистичных прогнозов [15]. Это объяснялось активным участием ФРГ в экономической переориентации бывших социалистических государств, а также содействием их вступлению в НАТО. С точки зрения Великобритании и США, включение государств региона в евроатлантические структуры должно было решить две важные задачи: прототватить установление немецкой гегемонии и усилить влияние атлантистов на континенте. К концу 1990-х гг. этот процесс был в целом завершен, а вместе с ним завершилась и дискуссия о роли объединенной Германии в Европе.

Список литературы

1. Blechman, B. M. The silent partner. West Germany and arms control / B. M. Blechman, C. Fisher. – Cambridge, Mass. : Ballinger Publishing, 1988. – 266 p.
2. Sandford, J. The sword and ploughshare. Autonomous peace initiatives in East Germany / J. Sandford. – London : Merlin Press, 1983. – 111 p.
3. Childs, D. The GDR: Moscow's German ally / D. Childs. – London : Allen&Unwinn, 1983. – 346 p.
4. Larrabee, F. S. Relations between the two German states: problems and prospects / F. S. Larrabee // German Studies Newsletter. – No. 6, Special Issue on Security (November 1985). – P. 13–16.
5. McAdams, A. J. Inter-German Cooperation in the 1980s / A. J. McAdams // German Studies Review. – Vol. 13, DAAD Special Issue (1990). – P. 99–114.
6. Moreton, E. The German question in the 1980s / E. Moreton // Germany between East and West / ed. by E. Moreton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 3–20
7. Rothschild, J. Return to Diversity: A political history of Eastern Europe since World War II / J. Rothschild. – New York : Oxford University Press, 1989. – 288 p.
8. Okey, R. Central Europe / Eastern Europe: Behind the Definitions / R. Okey // Past & Present. – 1992. – No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. – P. 102–133.
9. Marsh, D. Germany and Europe. The crisis of unity / D. Marsh. – London : Heinemann, 1994. – 236 p.
10. McGhee, G. At the creation of a new Germany: from Adenauer to Brandt: An ambassadors account / G. McGhee. – New Haven and London : Yale University, 1989. – 289 p.
11. Stent, A. The one Germany / A. Stent // Foreign Policy. – No. 81 (Winter 1990–1991). – P. 53–70.
12. Layne, C. America's Stake in Soviet Stability / C. Layne // World Policy Journal. – Vol. 8. – No. 1 (Winter, 1990/1991). – P. 61–88.
13. Ash, T. G. In Europe's name: Germany and the divided continent / T. G. Ash. – New York : Random House, 1993. – 664 p.
14. Watson, A. Choices Change for Germany / A. Watson // The World Today. – 1998. – Vol. 54, No. 8/9. – P. 212–215.
15. Ковяко, И. И. Объединенная Германия и Mitteleuropa: новый анализ старой концепции в англо-американской историографии 1990-х гг. / И. И. Ковяко // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений : сб. ст. Вып. 11 / под общ. ред. С. И. Дмитриевой. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2020. – С. 55–68.

Д. А. Козлова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, daryak.msu@yandex.ru)

**КОНЦЕПЦИЯ КОНФЛИКТА ВОСТОКА И ЗАПАДА
Э. ЮНГЕРА В РЕЦЕПЦИИ К. ШМИТТА**

Актуальность исследования обусловлена обострением межнациональной напряженности и тенденцией трактовать международные конфликты, опираясь на концепции столкновения цивилизаций и конфликта идентичностей. Данное обстоятельство подводит нас к необходимости изуче-

ния иных концепций конфликта цивилизаций, возникавших в истории социально-политической мысли в разные исторические периоды.

Плодородной почвой для подобного рода исследований является социально-политическая мысль Германии, имеющая в своем основании долгую историю всестороннего теоретического осмысления проблемы войны и мира в целом. В рамках данного доклада автор сосредоточил свое внимание на концепции конфликта Востока и Запада, предложенной немецким мыслителем XX века – Эрнстом Юнгером (1895–1998) и ее рецепции в творчестве Карла Шмитта (1888–1985).

Актуальность изучения работ Юнгера напрямую связана с отсутствием единой оценки творчества мыслителя в отечественной и мировой историографии, а недоступность большинства социально-политических трудов автора на русском языке приводит к тенденциозному толкованию его работ.

Цель исследования сводится к установлению характера рецепции К. Шмитта на концепцию конфликта цивилизаций Э. Юнгера

Комплексный анализ рецепции обуславливает необходимость использования широкого набора научных методов. Среди них можно выделить политико-текстологический, историко-биографический, сравнительный анализ, дискурс-анализ, индукцию и дедукцию.

В своем эссе «Гордиев узел» (1953) Эрнст Юнгер рассмотрел характер современного конфликта Востока и Запада, что стало логичным следствием эволюции концепции войны и мира автора [1]. Юнгер считал, что Европа и Азия – это два пласта человеческого существования и в то же время спорные термины, обладающие границами, не совпадающими ни в географическом, ни в историческом, ни в каком-либо ином плане. Отличия Востока и Запада, по мысли Юнгера, проявляются в таких дихотомиях, как свобода и произвол, согласие и покорность, отречение и свержение и т. д.

В 1955 г. Шмитт опубликовал рецензию на работу Юнгера, в которой подверг критике ключевые положения его эссе. С точки зрения Шмитта, антагонизм Востока и Запада в своей основе может иметь экономические, социальные и нравственные противоречия, а также различия в историко-философских интерпретациях по поводу существующего социально-политического состояния. В поиске первопричины противостояния Востока и Запада автор опирается на термин «иконография пространства», введенный Ж.Готтманом. Под ним подразумеваются «различные мировоззрения и идеи, возникшие из разных религий, традиций, исторического прошлого и социальных организаций, образующих свои собственные пространства» [6, с. 526]. Этому термину Шмитт противопоставляет «идеологию» в качестве понятия, потерявшего свое истинное значение. Иконография пространства может видоизменяться со временем, заменяя одни образы, мифы, символы и т. д. на другие.

Объединяя разные интерпретации легенды о гордиевом узле и образы современной эпохи Шмитт проводит параллели между возможностями справиться с «узлом» XX века и тенденциями своего времени: промышленная механизация сравнивается с мечом, рассекающим клубок старых образов и моральных запретов, психоанализ – с ослаблением пояса, а современная живопись – с распутыванием клубка и заменой его на новую «головоломку» [6, с. 526].

Шмитт согласен с Юнгером в том, что Восток и Запад не являются географическими понятиями, в отличие от севера и юга они относительны и изменчивы. При этом, к Востоку Шмитт причисляет Россию, Китай и Индию, а к Западу – все полушарие, покрытое Тихим и Атлантическим океанами. В то же время для Юнгера ключевыми центрами силами Востока и Запада являются Россия и США. В основу противостояния Востока и Запада Шмитт кладет более глубокое различие – различие между Сушей и Морем: «Контраст между континентальным и морским миром – это та глобальная реальность, от которой мы должны исходить, чтобы правильно поставить вопрос об исторической структуре напряжений сегодняшнего мирового дуализма» [6, с. 528]. Для Земли и Моря характерны различные понятия о войне, враге и о трофеях [2, с. 109]. Юнгер же этой классификации касается вскользь, сосредотачивая свое внимание на «вопросе свободы и принуждения судьбы», который нашел отражение в конфликте Востока и Запада [4].

Юнгеровской идее полярности Шмитт противопоставляет «мировой дуализм», определяющий структурное отличие нынешнего конфликта, не имеющего исторических параллелей в своей структуре. Мышление в полярностях отличается от конкретно-исторического мышления, которого придерживается Шмитт. Если Юнгер говорит об одновременности возникающих противоположностей, которые повторяются снова и снова в разных исторических контекстах, то в основе методологии Шмитта лежит идея о последовательности конкретного исторического вопроса и конкретного политического ответа, что «определяет структуру уникальных исторических явлений и эпох» [6, с. 531].

Юнгер верил в цикличность мировой истории, проявляющей себя в повторении конфликта Востока и Запада, создающего новые формы напряженности и выхода из нее, он пытался предложить общую картину исторического развития. Шмитт же стремился проанализировать конкретную историческую эпоху и отыскать в ней тот судьбоносный вопрос, который приведет к изменению миропорядка через волевое решение конкретного политического субъекта. Шмитт был уверен в том, что глобальный мировой дуализм Востока и Запада, возникший в XX веке, должен быть рассмотрен сквозь призму противостояния суши и моря.

Похожая ситуация, по мысли Шмитта, сложилась в мире во время промышленной революции в Англии. С его точки зрения, технологическое развитие стало следствием того, что Англия отделилась от европейского континента и сделала шаг к чисто морскому существованию, установив там господство над мировым океаном. Это и был уникальный политический ответ на неповторимый исторический вызов: «Мировой океан открылся и бросил вызов народам Земли к новому виду исторического существования» [6, с. 539].

Таким образом, глобальный вопрос XX века Шмитт обозначил так: «Каким образом нынешний дуализм Востока и Запада может быть рассмотрен как противостояние суши и моря?» [6, с. 538]. Шмитт критикует проект мирового государства Юнгера [5], основанный на объединении полярностей. С точки зрения автора «мировое государство не положит конец полярностям и их вечному повторению, а только отложит их» [6, с. 525]. Тем не менее, сам Шмитт в данном эссе не дает ответа на завлекательный вопрос, но подчеркивает, что победитель прошлой эпохи будет вынужден пропустить новый зов истории.

Вариации решений проблемы гордиевого узла появляются на страницах «Нового номоса земли». Появление воздушного пространства и развитие техники актуализирует борьбу Суши и Моря за новое пространство человеческой активности и осуществления господства. Шмитт предлагает три варианта разрешения конфликта: во-первых, иррациональный и неосуществимый вариант, заключающийся в победе одного из противников, который завершится окончательным единством мира под диктатом победителя; во-вторых, вариант, основанный на традиции, подразумевающий удержание прежней структуры миропорядка, в котором на место Великобритании приходят США, объединяя под своей властью морское и воздушное пространство; в-третьих, рациональный вариант, обозначающий равновесие многих самостоятельных больших пространств и блоков, устанавливающих новый миропорядок [3, с. 111–113].

Список литературы

1. Козлова, Д. А. Концепция войны и мира в творчестве Э. Юнгера / Д. А. Козлова // Вестник молодых ученых-международников. – М., 2023. – № 1. – С. 377–394.
2. Шмитт, К. Море против земли // «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море / К. Шмитт, Н. Спикмэн. – М. : Родина, 2022. – С. 101–105.
3. Шмитт, К. Новый номос земли // «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море / К. Шмитт, Н. Спикмэн. – М. : Родина, 2022. – С. 106–113.
4. Jünger, E. Der Gordische Knoten / E. Jünger // Sämtliche Werke. Band. 7 : Betrachtungen zur Zeit. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1978.
5. Jünger, E. Der Weltstaat / E. Jünger // Sämtliche Werke. Band. 7 : Betrachtungen zur Zeit. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1978.
6. Schmitt, K. Die geschichtliche Struktur des heutigen Welt-Gegensatzes von Ost und West. Bemerkungen zu Ernst Jüngers Schrift: «Der Gordische Knoten» (1955) / K. Schmitt // Staat, Großraum, Nomos. – Berlin : Duncker & Humblot, 1995. – С. 523–551.

Р. Н. Козыренко

(Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Могилёв, r6260974@mail.ru)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ОБЩНОСТЕЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЯДРО СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ

Справедливость, как мы полагаем, есть категория политической науки для обозначения социального института как совокупности представлений, норм и действий, посредством которых властвующий субъект политически организованного сообщества людей экономической (по К. Марксу) общественной формации регулирует распределение жизненных благ по принципу определенного соответствия их деяний и воздаяний за них между индивидами и социальными группами.

Для белорусской нации справедливость является одной из безусловных социальных ценностей. Это означает, что справедливость всегда будет в центре идейных исканий белорусского народа, связанных с размышлениями о его исторической судьбе, выборе исторического пути, отношении к родной истории.

Понятие «символический капитал» впервые использовано французским социологом П. Бурдьё в рамках предложенной им теории капиталов [1, с. 520]. В настоящее время это понятие «относится не просто к духовной ценности и к духовному производству, а к социально мобилизованной духовности, выступающей как инструмент людского социального сплочения» [2, с. 190].

Как указывает А. С. Панарин, для того, чтобы объединиться в собственно человеческом смысле, людям надо иметь общую духовную ответственность: общие ценности и общую память – коллективный символический капитал. К общим ценностям относятся те ценности, которые объединяют людей без принуждения и которые они готовы защищать. К общей памяти – не только обычаи, которым следуют не рассуждая, но и культурные герои, продолжающие служить образцами [2, с. 191].

История государств и народов, современная геополитическая ситуация свидетельствуют, что коллективный символический капитал – мощнейший ресурс созидания государства и общества. Игнорирование и отрицание этого капитала, как правило, может приводить к разрушению политических институтов, разрыву социальных связей, формированию норм поведения, не базирующихся на традиционных духовных ценностях, т. е. к уничтожению государства, общества и личности.

Постоянное осмысление коллективного символического капитала белорусской нации обусловило возникновение множественных, в том числе

полярных суждений относительно потребности в этом капитале. Новые геополитические реалии, прокси-столкновение России и Североатлантического альянса на территории Украины актуализировали в общественно-политическом дискурсе тему наследия Древнерусского государства – для выяснения преемственности традиций древнерусской государственности, национальной идентичности, степени родства, общности, исторического, культурного и духовного единства трех восточнославянских народов – белорусов, русских и украинцев. «Мы понимаем, что в этом мире надо сохранить ту цивилизацию, которая существовала издревле и существует сегодня на нашем общем Отечестве», – констатировал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, оценивая взаимоотношения Беларуси, России и Украины [3].

Представления о справедливости как о конституционно защищаемой в Республике Беларусь ценности зарождались и кристаллизировались в процессе становления государственности на белорусских землях. В период Древнерусского государства наметился ряд существенных особенностей, которые впоследствии обусловили отличный от западного, уникальный путь формирования и развития белорусов как этнической общности и обусловили политические, экономические, моральные стороны ее жизни: отсутствие проблемы пространства, политического вассалитета, жесткой иерархии и четкого разделения трудовых и военных функций в обществе, невысокий уровень экономического продукта, территориальная община как форма социальной организации, большое количество горизонтальных общественных связей, сосуществование православной веры и язычества, славянский литургический язык и др. В этот период формировались отличительные черты мирозерцания древнерусских общностей, сохранившиеся в своих основных характеристиках до нашего времени. Об этом свидетельствуют топонимика, содержание устного народного творчества, многих народных традиций, обычаев, обрядов, праздников, сохраняющих и в наши дни черты как языческих, так и христианских верований.

Дореволюционный богослов и философ А. С. Хомяков, размышляя о духовном наследии Древнерусского государства, отметил его высокую идейность и гуманистическую направленность: «Мы в это время образовали свой ум и душу – и потому-то ни одно царство, возникшее из средних веков, не представит нам памятников XII столетия, подобных Слову Игоря, Посланию Даниила к Георгию Долгорукому и многим другим сочинениям на славянском языке даже и IX, и X столетий» [4, с. 21].

Российский историк А. Г. Кузьмин обоснованно указывал, что «форма государства во многом зависит от догосударственных традиций того или иного народа. <...> Поэтому мы не сможем понять специфики госу-

дарственной системы на любой территории, если не учтем тех форм, в которых социальная организация существовала у проживавших на этой территории племен и народов до образования государства» [5, с. 7].

Политические события в Древнерусском государстве привели к появлению идеи единства Русской земли, положили начало развитию представлений о народном управлении, о народе как о верховной власти. Эти представления, несмотря на определенную их трансформацию в последующие исторические периоды, оказали влияние на выбор формы правления созданного в 1919 году первого в истории белорусского национального государства – Социалистической Советской Республики Белоруссии.

Понимание справедливости как единства государства и общества в борьбе с внешним врагом против уничтожения и порабощения, всенародной защиты Русской земли, самопожертвования ради сохранения общности, сформированное в Древнерусском государстве и сохраненное в народной памяти, во многом объясняет героизм и Победу советского народа в Великой Отечественной войне и установление основ послевоенного мироустройства.

В формализованном виде ценность справедливости получила закрепление в Конституции Республики Беларусь, как один из важнейших принципов формирования правопорядка и государства [6]. В результате выразительно обозначены государственные приоритеты в отношении справедливой внутренней и внешней политики, частью которой является объективная оценка значения для белорусского народа его исторического прошлого.

Находясь в силу своего географического положения в центре Европы, белорусские земли на протяжении длительного времени являлись территорией, население которой, независимо от формы государственности, испытывало влияние и взаимодействие различных культур, религий, вероисповеданий, традиции и обычаев, идеалов, форм повседневного поведения и жизнедеятельности. Однако, несмотря на такое влияние, представления древнерусских восточнославянских общностей о справедливости, передаваясь из поколения в поколение, сохранились до наших дней как изначальное ядро коллективного символического капитала белорусской нации или, иначе говоря, как ее общая духовная собственность. Развивающиеся и кристаллизирующиеся на опыте сменяющихся друг другом поколений такого рода ценности и основанные на них социальные практики служат инструментом сплочения нации без административного или экономического принуждения. Вместе с тем, они обуславливают принадлежность белорусов к семье народов родственной цивилизационной идентичности.

Список литературы

1. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / науч. ред. В. В. Радаев. – М., 2004. – С. 519–565.
2. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – М. : Изд-во «Алгоритм», Изд-во «Эксмо», 2006. – 352 с.
3. Встреча с высокими российскими гостями во Дворце Независимости [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – 2023. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/soyuznoe-sotrudnichestvo-otkryto-printsipialno-chestno.html>. – Дата доступа: 01.09.2023.
4. Хомяков, А. С. Несколько слов о философическом письме, напечатанном в 15 книжке «Телескопа» / А. С. Хомяков // Антология. Зачем мы верим в Россию / авт.-сост. Л. Орлова. – Минск : Харвест, 2010. – С. 17–22.
5. Кузьмин, А. Г. Предисловие // Откуда есть пошла русская земля. Века VI–X (Книга 1) / А. Г. Кузьмин. – М. : Мол. Гвардия, 1986. – С. 3–20.
6. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 27.02.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

И. К. Комарова

(Частное учреждение образования «БИП – Университет права и информационных технологий», Гродненский филиал, г. Гродно, kom-ik@mail.ru)

**БЕЛАРУСЬ В ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ЕАЭС:
ТЕНДЕНЦИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

Евразийский экономический союз – мощный экономический, геополитический и идеологический проект, который объединяет пять государств с населением 183,8 млн чел., его территория составляет 14 % суши. Здесь сосредоточена пятая часть мировых запасов газа, 15 % нефти и ресурсы практически всех элементов таблицы Менделеева. Суммарный ВВП ЕАЭС составлял в 2023 г. 1701,3 трлн долл. (103,1 % к уровню 2022 г.), а инвестиций в основной капитал освоено на 10,3 % больше уровня аналогично-го периода 2022 г. [1].

Стимулированию развития региональных связей в ЕАЭС способствует общая история и опыт совместного ведения хозяйственной деятельности государств – участников, отсутствие языкового барьера, понимание национальных культур. Единый промышленный, транспортный, энергетический комплексы с начала 1990-х гг. стали движущими силами процесса возобновления конструктивного диалога между новыми независимыми государствами, перехода от взаимных упреков к экономическому сотрудничеству. Кроме того, укрепление внутренних позиций ЕАЭС сопровождается развитием отношений с другими крупными региональными организациями современного мира, такими как СНГ, ШОС, АСЕАН, что являлось приоритетом в 2023 г. и в нынешнем 2024 г.

Однако с началом специальной военной операции России на Украине, введением западных санкций против ЕАЭС, перспективы развития евразийской интеграции были поставлены под вопрос. Поиск зарубежных партнеров стал для Союза особенно сложной и политически обусловленной задачей. Так, к примеру, Россия в разрез с договором о ЕАЭС, не согласовала с остальными странами Союза вынужденное введение в апреле 2022 г. продуктового эмбарго, которое распространяется на ЕС и другие западные страны. Это вызвало недовольство со стороны стран участников ЕАЭС [2].

Но стимулом для стран ЕАЭС не выходить из Союза, являются низкие таможенные пошлины, что даёт толчок к большему товарообороту между ними и упрощает логистику. Отметим, что три государства из пяти (Армения, Киргизия и Беларусь) не имеют выхода к морю, но благодаря России и Казахстану могут осуществлять экспорт/импорт морским путем. Казахстан, как субъект международной торговли, более 40 % своего импорта получает из ЕАЭС [2]. В 2023 г. взаимная торговля между странами ЕАЭС побила рекорды и достигла более 80 млрд долл. [1].

Республика Беларусь наиболее глубоко интегрирована в ЕАЭС. Важность участия в Союзе для нее определяется преимущественно высокой долей стран-партнеров в общем объеме внешнеэкономических связей государства. Наша страна является единственной, у которой внешняя торговля ориентирована, главным образом, на партнеров по интеграции. По данным Белстата, доля стран ЕАЭС в общем торговом обороте Республики Беларусь в 2021 г. составила 50,5 %, т. е. более половины, в том числе в экспорте – 43,6 %, в импорте – 57,1 % [6]. Только за прошлый, 2023 г. экспорт вырос больше, чем на 5,5 млрд долл., а часть товаров Беларусь производит совместно с партнерами [3].

Ведущие позиции Беларуси по развитию партнерских отношений объясняются стабилизацией и развитием ее экономики. ВВП нашей страны за 8 мес. 2023 г. поднялся на 3,1 %. В зоне роста находится более 80 % отраслей. Главные драйверы ускорения ВВП – промышленность, строительство и торговля [4]. Сегодня Беларусь является флагманом во многих областях союзного сотрудничества. Например, она лидер по росту промышленного производства в ЕАЭС. В 2023 г. оно приросло в стране на 7,1 %. При этом, заметно увеличился удельный вес инновационной продукции в ее общем объеме. Это показатель того, что наши предприятия смогли адаптироваться к новым условиям работы и найти новые рынки сбыта. Для сравнения, в России промышленное производство за январь – июль 2022 г. увеличилось на 2,6 %, в Казахстане – на 3,6 %, в Армении – на 0,5 %, а в Кыргызстане снизилось на 1,8 % [1].

При этом, первым фактором мотивации участия Беларуси в ЕАЭС является то, что членом Союза является наш стратегический партнер – Россия, хотя и другие страны-участники важны. Активизация кооперации со

странами ЕАЭС, в условиях западных санкций, объясняется, отчасти, стремлением Беларуси занять те ниши, которые освобождают европейские и американские компании в России. Вторым значимым фактором присутствия Беларуси в ЕАЭС является поиск и расширение доступа на рынки стран «дальней дуги», посредством подписания соглашений о свободной торговле. Подобные соглашения есть уже с Вьетнамом, Сербией, Ираном, планируются соглашения с ОАЭ, Египтом, Индонезией и другими странами. С 2013 г. активно ведется работа с Китаем по реализации инициативы «Один пояс, один путь». Третий фактор пребывания, в рамках ЕАЭС, основан на том, что Беларусь имеет возможность использовать для защиты своих интересов авторитет наднациональных органов, прежде всего Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и, как показывает опыт последних лет, активно пользуется этой возможностью [2].

Необходимо отметить роль Союзного государства России и Беларуси в развитии ЕАЭС. СГРБ является локомотивом для торгово-экономического сотрудничества двух братских народов и ядром развития ЕАЭС. Так, объем товарооборота между Беларусью и Россией в 2022 г. достиг рекордных 46 млрд долл., что говорит об эффективности сотрудничества [6].

Выделим основные направления сотрудничества Республики Беларусь со странами участниками ЕАЭС:

Обеспечение равноправного доступа к энергоресурсам и инфраструктуре для их транспортировки с учетом недискриминационных подходов к ценообразованию.

Цифровой и информационный суверенитет. Создание совместной интегрированной информационной системы государственных информационных ресурсов и систем государств Союза, для защиты внутренних интересов стран-участников.

Технологическая безопасность: развитие производства высокоточного оборудования, микросхем, электронной и оптической продукции, чипов, интегральных схем, технологий беспилотного управления, роботизации обрабатывающей промышленности.

Логистические коридоры для привлечения дополнительных объемов грузов при организации контейнерных перевозок в страны – члены ЕАЭС и в третьи страны.

Зеленая повестка – модернизация экономик с учетом бережливого отношения к ресурсам, правильного обращения с отходами, ответственности бизнеса [5].

Таким образом, значение ЕАЭС для Беларуси заключается не просто в получении выгоды, а в продвижении этой организации, укреплении ее позиций в мире, вхождении в региональные и трансконтинентальные интеграционные альянсы в будущем.

Список литературы

1. Сычевич, В. Эксперты ожидают ускорения экономического роста в ЕАЭС по итогам 2023 года: какие тенденции в Беларуси [Электронный ресурс] / В. Сычевич // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/uverennye-plyusy.html>. – Дата доступа: 19.01.2023.
2. Ремизов, Д. К Особенности функционирования ЕАЭС в новых глобальных условиях [Электронный ресурс] / Д. К. Ремизов // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2022. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-eaes-v-novyuh-globalnyh-usloviyah>. – Дата доступа: 20.01.2024.
3. Румянцев, В. А. О роли ЕАЭС для Республики Беларусь в условиях применения недружественными странами санкционной политики [Электронный ресурс] / В. А. Румянцев, Н. В. Гончарик // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-eaes-dlya-respubliki-belarus-v-usloviyah-primeneniya-nedruzhestvennymi-stranami-sanktsionnoy-politiki>. – Дата доступа: 19.01.2023.
4. Беларусь увеличила товарооборот со странами ЕАЭС: что пользуется наибольшим спросом? [Электронный ресурс] // Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» (Беларусь). – 2023. – Режим доступа: <https://by.mir24.tv/news/143330>. – Дата доступа: 20.01.2024.
5. Лешенюк, О. Экономический щит: какие выгоды приносит Беларуси развитие Евразийского союза [Электронный ресурс] / О. Лешенюк // Евразия эксперт. – 2023. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/kakie-vygoty-prinosit-belarusi-razvitie-evraziyskogo-soyuza>. – Дата доступа: 20.01.2024.
6. Опубликована статистика ЕАЭС за 10 месяцев 2023 года [Электронный ресурс] // ЕЭК. – 2023. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/opublikovana-statistika-eaes-za-10-mesyatsev-2023-goda>. – Дата доступа: 25.01.2024.

О. А. Коряковцева

(Ярославский государственный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского, г. Ярославль, youth1@mail.ru)

ВЛИЯНИЕ ВЛАСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Современная социально-политическая ситуация в России отличается от ситуации предыдущего столетия. Модернизационные процессы во всех сферах общества – вот важнейшие факторы, определяющие политику государства, и в первую очередь политику, связанную с формированием гражданской идентичности молодого поколения, с особенностями и тенденциями воспитания и развития патриотизма, любви к Родине.

Гражданская идентичность сегодня является индикатором стабильности российского государства и общества. В ситуации социокультурных перемен в стране без сформированной личностной гражданской идентичности россиян нельзя говорить о динамичном развитии государства, сложно устоять перед мировыми политическими вызовами.

В последние годы вопрос об общероссийской гражданской идентичности, о патриотизме поднимается на всех уровнях власти, в научных и

общественных кругах. Утвержденные 9 ноября 2022 года Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» стали основным документом стратегического планирования обеспечения национальной безопасности страны. В данном документе не только обоснованы нравственные ориентиры, которые формируют мировоззрение граждан России, но и подчеркнута значимость традиционных ценностей как основы единства российского общества, укрепления нашего цивилизационного суверенитета и развития личности Гражданина России.

Наблюдается кризис государственной молодёжной политики и в нормативной, и в деятельностной сферах. На первый план выходит коммуникативная деятельность, которая либо выражается в информации для всех участников, либо выливается в ни к чему не обязывающую дискуссию. О полезной деятельности молодых граждан для общества и государства мы знаем мало. Осознавая это, научное сообщество и практики работают над эффективными технологиями и методиками взаимодействия с новым поколением, в том числе и в вопросах становления гражданской идентичности. Разработанные учеными научно-практической лаборатории «Изучение гражданской идентичности студентов: сущность, условия развития, перспективы» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» структурные и содержательные характеристики гражданской идентичности отражают все её обязательные компоненты, которые формируются в процессе последовательного развития «активности духа» и «активности действий» подрастающего поколения.

Сегодня особенно важно трансформировать отношения власти, общества и личности в вопросах воспитания гражданина России. Очевидно, что это возможно только при условии их высокой социальной мотивации, конструктивной гражданской позиции и взаимодействия на основе субъект-субъектных отношений.

Реформирование современного российского общества требует расширения пространства такой социально-общественной практики, в ходе которой представители новой генерации идентифицировали бы себя как Граждане России. Мы понимаем, что современный молодой гражданин автономен и способен выражать себя свободно, но в то же время он обязан осознавать свою правовую и социокультурную принадлежность к нашей цивилизации, нашему обществу и государству и понимать ответственность за судьбу многонациональной и многоконфессиональной страны. В современном многополярном мире отношения личности, социума и госу-

дарства многогранны, а это значит, что созданы организационные условия для проявления гражданской индивидуальности. И тем не менее, роль государства, роль органов власти в процессе гражданской идентификации молодого поколения страны сегодня становится особенно значимой. Важно не только сохранить традиционные ценности национальной, социальной и политической культуры, но и умело внедрять в неё стихийно возникающие, позитивные для нашего цивилизационного развития современные элементы.

Еще одной из основ становления гражданской идентичности молодёжи является сохранение исторической памяти, чему властные структуры федерального и регионального уровня уделяют особое внимание.

Безусловно, становление гражданственности личности начинается в семье, развивается посредством государственной системы образования и усилий институтов гражданского общества в дошкольном образовательном учреждении, школе, колледже, армии и высшей школе. Необходимо только объединить усилия названных общественных и государственных институтов, и результатом совместной работы явится новое поколение с адекватной гражданской позицией и патриотическими чувствами. Уверены, что при условии соответствующего нормативно-правового обеспечения подобная общественно-государственная система воспитания Гражданина будет эффективной.

К сожалению, пока при всех позитивных тенденциях в решении проблемы формирования гражданской идентичности и воспитания патриотизма у подрастающего поколения государственные механизмы только начинают запускаться. Таким началом можно считать введение в школах урока «Разговоры о важном», реализацию образовательных проектов общества «Знание», деятельность организации «Движение первых» и др.

В вопросах формирования гражданской идентичности молодежи особая роль сегодня отводится наставникам, а уровень их компетентности, безусловно, зависит от качества профессиональной подготовки и самообразования. Практика работы подтверждает, что большинство из наставников не готовы к выполнению профессиональных функций, и это связано как с недостаточным уровнем знаний и навыков, так и с отсутствием моральной и материальной мотивации, а главное, – с недостаточным собственным уровнем патриотического сознания. Очевидна не только проблема подготовки самих наставников, но и проблема готовности родителей, политиков, представителей власти и общественно-политических организаций к патриотическому воспитанию новых поколений россиян. Вот почему современная наука считает актуальными поиск новых методик и технологий, разработку и реализацию программ дополнительного профессионального образования для специалистов по патриотическому воспита-

нию и развитию гражданской идентичности российской молодежи, представителей власти, курирующих данное направление, общественных и политических деятелей, педагогов и родителей.

Размышляя над важнейшей сегодня для цивилизационного развития России проблемой формирования гражданской позиции молодежи, мы обращаемся к вопросам, на которые ещё предстоит ответить.

Будет ли гражданская позиция современного молодого россиянина сопряжена с проблемой выбора и активного созидания новой реальности?

Сможет ли предложенная общественно-государственная система формирования гражданственности помочь человеку социализироваться посредством развития индивидуальной культуры мышления?

Смогут ли представители нового поколения осмыслить традиционные российские духовно-нравственные ценности и на этой основе генерировать позитивные изменения в себе лично и в стране?

Изменит ли российское общество взаимовлияние мировоззренческих оснований индивидуального и общественного поведения?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужна постоянная системная работа, объединяющая деятельность всех государственных и гражданских институтов.

А. П. Косов

(Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, г. Витебск,
alekos1979@mail.ru)

ПРОБЛЕМА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Стремительное развитие информационных технологий в конце XX – первой четверти XXI в. сделало киберпространство одной из наиболее значимых сфер жизнедеятельности человечества. Оно стало ареной как сотрудничества, так и соперничества между различными акторами мировой политики, в том числе РФ и США. Недаром в 2010 г. известный британский журнал «The Economist» назвал киберпространство «пятой сферой войны, после земли, моря, воздуха и космоса» [8]. Однако в отличие от обычного или ядерного оружия киберсредства непрозрачны и непредсказуемы, что делает их дестабилизирующим инструментом [4].

На сегодняшний день РФ и США (наряду с КНР) являются ведущими кибердержавами, поэтому их отношения в области информационной безопасности принципиально важны для всего мирового сообщества. Взаимодействие Москвы и Вашингтона в данной сфере в различных форматах насчитывает более двадцати лет. Еще в 1998 г. РФ предложила США подписать двустороннее соглашение, которое бы запрещало милитаризацию

информационного пространства. Оно предусматривало «согласование взглядов мирового сообщества на проблемы возможного использования информационно-коммуникативных технологий в военных целях; определение основных понятий «информационное оружие», «информационная война»; выявление возможностей использования ИКТ для совершенствования существующих и создания новых систем оружия; сотрудничество по вопросу о целесообразности создания международной системы мониторинга угроз информационной безопасности; выработку многостороннего договора о борьбе с информационным терроризмом и преступностью» [6, с. 29.]. Однако американцы отвергли данное предложение, стремясь сохранить свободу рук в военном использовании ИКТ [4].

По свидетельству А. В. Крутских, Вашингтон практически всегда находился в активной оппозиции мирным инициативам Москвы в области обеспечения международной информационной безопасности. Любое политическое продвижение к компромиссам давалось с большим дипломатическим трудом [5, с. 201]. Наивысшей точкой двустороннего взаимодействия можно считать «Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о новой области сотрудничества в укреплении доверия», которое было подписано в 2013 г. на полях саммита G8 в североирландском Лох-Эрне. Оно включало в себя три документа, оговаривающих создание между Москвой и Вашингтоном прямых линий связи по предотвращению эскалации киберинцидентов, обмен информацией между кураторами вопросов национальной безопасности и группами экстренной готовности к инцидентам [4].

Стороны начали проводить межведомственные консультации в сфере кибербезопасности. Однако после присоединения Россией Крыма американцы перестали в них участвовать до 2016 г., когда состоялась женеvская встреча по вопросам обеспечения международной информационной безопасности [1]. Правда, вскоре двусторонний диалог вновь прервался. На этот раз причиной стали обвинения Вашингтона в адрес Москвы о вмешательстве в президентские выборы 2016 г. Представители американской элиты, не имея убедительных доказательств, наперебой утверждали о «русских хакерах», действия которых были якобы санкционированы Кремлем.

В 2017 г. Россия предложила США создать рабочую группу по обеспечению кибербезопасности, направив запрос о налаживании взаимодействия для предотвращения киберугроз и укрепления доверия между странами в цифровой среде, а также организовать консультации «по противодействию криминальным электронным взломам». Однако в условиях русофобской истерии, захлестнувшей Америку, в Вашингтоне не отреагировали на российские предложения, что свидетельствует об отсутствии действительно беспокойства по поводу угрозы, исходящей от так называемых «русских хакеров». В свою очередь, это подтверждает лукавство американцев.

Тем не менее Москва продолжала прилагать усилия по активизации российско-американского сотрудничества в целях обеспечения глобальной кибербезопасности. Так, 25 сентября 2020 г. С. В. Лавров озвучил заявление В. В. Путина о комплексной программе мер по восстановлению двустороннего диалога в области международной информационной безопасности [3]. Оно стало следствием растущего числа обвинений со стороны политических кругов США в российском вмешательстве в американские выборы. Однако США не поддержали предложение Путина [4].

После прихода в Белый дом Дж. Байдена в Москве вновь появились некоторые надежды на возрождение диалога в сфере кибербезопасности. В частности, согласно совместному заявлению двух президентов по итогам женевской встречи в июне 2021 г., было принято решение начать «интегрированный двусторонний диалог о стратегической стабильности», который позволит заложить основу для будущих мер по контролю над вооружениями и снижению рисков [7, с. 152]. В данном контексте в июле 2021 г. была создана рабочая группа в области кибербезопасности. В октябре 2021 г. РФ и США внесли на рассмотрение ГА ООН проект совместной резолюции об ответственном поведении государств в киберпространстве, которая и была принята в декабре 2021 г. [2].

Однако, к сожалению, наладить конструктивное взаимодействие в сфере кибербезопасности Москве не удалось. Российские инициативы не нашли должного отклика со стороны Вашингтона. В одностороннем порядке Вашингтон вышел в 2022 г. из рабочей группы в сфере кибербезопасности, а также отказался от дальнейшего обсуждения с РФ вопросов безопасности объектов критической информационной инфраструктуры [5, с. 203].

Таким образом, все попытки России наладить диалог с США в сфере кибербезопасности заканчивались неудачей. Причиной была неконструктивная позиция Вашингтона, пытавшегося диктовать Москве свои условия. Единичные примеры взаимодействия сторон в конечном итоге всегда становились жертвами русофобского курса Соединенных Штатов, которые вознамерились нанести России стратегическое поражение. Подобный курс вел лишь к эскалации конфронтации, в том числе и в информационной сфере.

Список литературы

1. В Женеве завершилась российско-американская встреча высокого уровня по проблематике международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/news/1068.html>. – Дата доступа: 25.08.2021.

2. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности и поощрение ответственного поведения государств в сфере применения информационно-коммуникационных технологий. А/С.1/76/L.13. Семьдесят шестая сессия. Первый комитет. 8 окт. 2021 г. [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных

Наций. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n21/281/04/pdf/n2128104.pdf?token=SCHjKKA5wgJcyvLvbD&fe=true>. – Дата доступа: 18.04.2022.

3. Заявление Владимира Путина о комплексной программе мер по восстановлению российско-американского сотрудничества в области международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – 25.09.2020. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64086>. – Дата доступа: 18.10.2021.

4. Зиновьева, Е. Международная информационная безопасность в двусторонних отношениях России и США [Электронный ресурс] / Е. Зиновьева // РСМД. – 2023. – 22 февр. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-v-dvustoronnikh-otnosheniyakh-rossii-i-ssha>. – Дата доступа: 18.04.2023.

5. Крутских, А. В. Угрозы безопасности в цифровой среде и международное сотрудничество в области цифровой безопасности / А. В. Крутских // Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И. С. Иванова [и др.]. – М. : НП РСМД, 2023. – С. 190–204.

6. Крутских, А. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности / А. Крутских // Международные процессы. – 2007. – Январь – апрель. – Т. 5, № 1. – С. 28–37.

7. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция / А. Г. Арбатов [и др.]; отв. ред. А. Г. Арбатов [и др.]. – М. : Весь Мир, 2023. – 432 с.

8. War In the Fifth Domain. Are the Mouse and Keyboard the New Weapons of Conflict? [Electronic resource] // The Economist. – 2010. – July 1. – Mode of access: <https://www.economist.com/briefing/2010/07/01/war-in-the-fifth-domain>. – Date of access: 18.04.2018.

А. А. Косоруков

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, kosorukov@spa.msu.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНЦИДЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Политический инцидент-менеджмент (ПИМ) представляет собой современную управленческую концепцию, возникшую на стыке теорий нового публичного менеджмента [1], цифрового государственного управления [2] и концепции «умного наблюдения» [3]. ПИМ выступает одним из элементов системы реагирования органов государственной власти на негативные сообщения в информационно-коммуникационном пространстве, включает в себя как программно-технические инструменты, так и организационно-правовые механизмы взаимодействия органов власти и управления различных уровней и профилей, направленные на снижение уровня медиа-негативизации какой-либо политической, социальной и экономической проблемы или противоречия. Будучи цифровым инструментарием политического управления, ПИМ отражает стремление власти использовать в государственном секторе корпоративные стандарты работы с информационным пространством, быстро и эффективно реагировать на

инциденты в онлайн- и офлайн- пространстве коммуникаций, нашедшие свое отражение в сообщениях и обращениях граждан как реакция на событийный ряд [4].

Основной целью политического инцидент-менеджмента выступает создание благоприятных условий для осуществления своевременного обнаружения, оперативного реагирования и закрытия инцидента. Важно учитывать, что данная работа ведется в интересах граждан как объектов информационного воздействия и направлена на предотвращение и/или снижение негативного влияния инцидентов на выполнение административно-управленческих и шире – политических процессов в государстве, отдельном регионе или городе. Учитывая, что инциденты могут оказывать существенное дестабилизирующее влияние на рутинное функционирование государственных институтов и в итоге могут отразиться на жизни каждого гражданина, работа по их нейтрализации ведется исполнительными органами власти на постоянной основе и вписывается в приоритеты обеспечения государственной безопасности.

В этой связи основными политическими задачами, решаемыми государством в сфере инцидент-менеджмента в онлайн- и офлайн-пространстве являются:

- своевременное обнаружение инцидентов (на начальном этапе медиа-негативизации проблемы/противоречия);
- оперативное реагирование на инциденты в соответствии с требованиями законодательства (без необходимости пользоваться инструментами правоохранительной системы);
- координация деятельности работников структурных подразделений исполнительных органов власти федерального и регионального уровней в рамках процессов реагирования и закрытия инцидентов;
- ведение базы данных зарегистрированных инцидентов, формирование цифровых профилей граждан и организаций, прямо или опосредованно связанных с инцидентами, моделирование сетевых взаимосвязей;
- накопление и повторное использование знаний по обнаружению инцидентов и реагированию на них;
- анализ, оценка эффективности и совершенствование процессов инцидент-менеджмента в России;
- предоставление руководству России, руководителям субъектов федерации и главам соответствующих министерств и ведомств отчетной информации по результатам работы с обнаруженными инцидентами.

Следует отметить, что на практике существующий в России цифровой инструментарий политического инцидент-менеджмента представляет собой три обособленных подсистемы (ситуационные центры, Координационный центр и ЦУРЫ, системы «умного управления» городами). Так, ситу-

ационные центры, обеспечивая поддержку процесса принятия управленческих решений на уровне руководителей органов государственной власти федерального, регионального и муниципального уровней, позволяют президенту, премьер-министру, министрам, губернаторам и главам муниципальных образований оперативно реагировать на возникновение политических инцидентов, предоставляя им всю возможную информацию в одной точке. Координационный центр вместе с ЦУРаи решает задачи по оперативному реагированию на инциденты, требующие совместной работы федеральных и региональных органов власти и их информационных систем, обеспечивает актуальными ведомственными данными Правительство России в процессе принятия государственных решений. Инструментарий «умного управления» городами и муниципалитетами представляет собой разрозненную совокупность региональных и местных цифровых продуктов, сопряжение которых может занять не один год, в то время как задача по реагированию на инциденты становится все более актуальной.

Объединение цифрового инструментария ситуационных центров, Координационного центра и ЦУРов, городских систем «умного управления» в единую систему политического инцидент-менеджмента наталкивается на отсутствие у государства не только единого подхода, но и базовой стратегии ПИМ, в котором нашли бы свое отражение вопросы сквозной интеграции цифровых платформ, порталов и облачных решений государства, повсеместного внедрения технологий умной видеоаналитики и Интернета вещей, сбора и анализа больших данных и др. В результате, каждый уровень и элемент ПИМ смог бы в режиме реального времени регистрировать и рассматривать по существу инциденты любого масштаба и концентрировать для работы с ним силы и средства институтов публичной власти (от экспертного, гражданского и медиа-сообществ до силовых органов).

Единственная интегрированная во властную вертикаль система политического инцидент-менеджмента, которая в настоящее время внедрена и охватывает практически все федеральные и региональные органы исполнительной власти, работает под управлением Координационного центра Правительства России и центров управления регионами, где идет постоянная обработка сообщений и обращений граждан и организаций, осуществляется мониторинг социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники» и «Яндекс Дзен») и мессенджеров (чат-боты органов власти в Telegram, Viber и др.). Являясь наиболее продвинутой системой политического инцидент-менеджмента в современной России, она представляет собой информационную систему управления коммуникациями в социальных сетях, включая мониторинг и многофакторный анализ медиа-сферы. Система позволяет проводить автоматизированное отслеживание штатных и нештатных ситуаций, вопросов, мнений и критических замечаний граждан и юри-

дических лиц, охватывает наиболее распространенные соцмедиа, использует технологии искусственного интеллекта для их фильтрации и дает обратную связь в установленные сроки. С помощью данной системы Координационный центр Правительства России успешно осуществляет мониторинг общественного мнения, проводит регулярную оценку медиа-образов политиков на федеральном и региональном уровнях, оценивает качество их упоминаний в медиа-сфере, анализирует эффективность используемых инфоповодов и площадок, оперативно контролирует региональные власти в вопросах качественного реагирования на негативные инциденты.

Благодаря широкому функционалу модули ПИМ устанавливаются в органах исполнительной власти как «окна» в сквозную платформу с целью оперативного реагирования на каждый инцидент на федеральном, региональном или муниципальном уровне с момента его регистрации в системе и до момента реализации сценарного решения. Так, специалисты ЦУРа и профильного ведомства, получив в своем личном кабинете задачу от системы ПИМ, обязан ее обработать и отреагировать в рамках своих полномочий в течение 24 часов. По всем обработанным и необработанным инцидентам ведется непрерывная статистика, которую в режиме реального времени могут отслеживать администраторы вышестоящего уровня вплоть до Администрации Президента.

Список литературы

1. Plastrik, P. Banishing bureaucracy: The Five Strategies For Reinventing Government / P. Plastrik, D. Osborne. – USA : Basic Books, 1997. – 397 p.
2. Dunleavy, P. The Second Wave of Digital Era Governance: a quasi-paradigm for government on the web / P. Dunleavy, H. Margetts // Philosophical Transactions of the Royal Society A. – 2013. – Vol. 371, iss. 1987. – P. 1–17.
3. Petersen, J. K. Introduction to Surveillance Studies / J. K. Petersen. – UK : Routledge, 2012. – 416 p.
4. Котляров, М. В. Технологии анализа и управления коммуникациями как индикатор изменения публичной сферы в России / М. В. Котляров // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 2. – С. 75–82.

К. И. Костиневич

(Белорусский государственный экономический университет,
kostinevich.kirill@mail.ru)

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Политическая коммуникация власти и общества представляет собой это процесс обмена информацией между органами власти и обществом на разных уровнях с целью поддержания стабильного функционирования политической системы. Эффективность данного процесса зависит от раз-

нообразия и автономии его каналов, средств, инструментов, форм и методов, уровня развития институтов-посредников и каналов обратной связи, что обеспечивает перманентный характер взаимодействия власти и общества и их взаимозависимость.

Роль различных элементов и процесса политической коммуникации в целом возможно оценить при помощи моделирования [1]. В политической коммуникативистике широко применяются модели, разработанные, как в социальных, так и в естественных и математических науках. Разработанная нами обобщённая модель политической коммуникации органов власти и общества в Республике Беларусь представлена на рисунке 1.

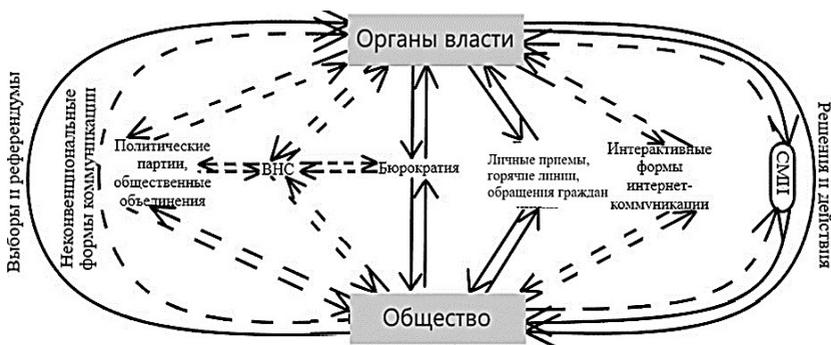

Рисунок 1 – Модель политической коммуникации органов государственной власти и общества в Республике Беларусь

Основными элементами представленной модели являются политико-коммуникационные субъекты (органы государственной власти, общество). Субъекты политической коммуникации (коммуникаторы) выступают инициаторами коммуникационного акта, они определяют направление передачи информации и кодируют сигналы в сообщения, а при получении сообщений они становятся объектами информационного обмена. Основными политическими коммуникаторами являются государство и общество. Ключевым каналом обратной связи «общество – органы государственной власти» выступают выборы и референдумы, а также обращения граждан и юридических лиц, которые обеспечивают непрерывный поток сообщений «снизу-вверх». Неконвенциональные формы взаимодействия в Республике Беларусь долгое время не оказывали существенного влияния на политическую коммуникацию и не являлись стабильным каналом передачи сигналов. Однако несоответствие степени применения интерактивных форм интернет-коммуникации органами государственной власти тем-

пам и масштабам их распространения в обществе снижают устойчивость модели и могут провоцировать рост неконвенциональных форм политического участия граждан в политике.

Ключевыми каналами связи «органы государственной власти–общество» выступают принимаемые решения, действия, СМИ. Каналы политической коммуникации – это средства передачи политической информации от субъекта к объекту, они адаптируют сообщения для получателя, а также являются средством обратной связи для отправителя. Согласно Д. Ниммо, каналы коммуникации «являются средством ведения переговоров о постоянном регулировании социальных конфликтов» [2, р. 161] и состоят из символов и их комбинаций, методов и средств передачи информации. Каналы по масштабу делятся на: межличностные (очные и опосредованные), организационные (формальные и неформальные) и массовые.

В политической коммуникации Республики Беларусь для традиционных медиа приоритетным направлением передачи информации является поток «сверху–вниз», тогда как их роль в качестве каналов обратной связи менее значима, что отражает прерывистая линия в модели. Данная особенность телевидения, радио и печатной прессы обусловлена изначальным способом обмена информацией в рамках данных средств, которые, в отличие от Интернета, не предусматривают осуществления быстрой обратной связи на постоянной основе.

Существенными каналами связи «органы государственной власти–общество» выступают бюрократия и такие формы прямой коммуникации, как личные приёмы, обращения граждан и телефонные прямые и «горячие линии» с представителями органов власти. Данный тезис подтверждают результаты опроса Института социологии Национальной академии наук Беларуси, проведённого в 4 квартале 2023 г. Так, «для жителей Беларуси наиболее предпочтительной формой работы местных органов власти с населением является личный прием (45,8 %)» [3] далее идут обращения граждан по телефону (26,1 %), телефонные «горячие линии» (22,5 %) и электронные обращения (22,2 %). При этом интернет-коммуникация граждан с органами власти ещё во многом носит формирующийся характер, что отражено в модели прерывистой связью. Так, о возможности обращения в государственные органы через электронную почту или специальную рубрику на официальном сайте организации знают 83,8 % белорусов, однако лишь 8,3 % из них пользовались такой возможностью [3]. В свою очередь, по данным национального статистического комитета Республики Беларусь, для взаимодействия с органами государственного управления в 2022 г. интернетом пользовались 30,2 % белорусских интернет-пользователей [4, с. 55].

Важным элементом обмена информацией в любой политической системе выступают институты-посредники (медиаторы), которые, с одной стороны, являются субъектами процесса при самостоятельном инициировании коммуникации, а с другой – когда они «борются за выдвижение своей проблемы на повестку дня политики» [5, с. 11] – опосредованными каналами, «связующими институтами» власти и общества. Нами среди таких медиаторов были отмечены бюрократия, общественные объединения, партии и Всебелорусское народное собрание. Следует отметить, что они неравномерно включены в процесс, что привело к пересмотру их роли посредством изменения законодательных актов, регулирующих деятельность политических партий и общественных объединений и перерегистрации политических партий. Также к числу подобных процессов следует отнести формирование законодательной базы для функционирования Всебелорусского народного собрания как политического коммуникатора, который ранее выступал в качестве PR-технологии [6]. Данный процесс является отражением существования запроса на диалоговый формат политической коммуникации власти и общества. В результате того, что данный процесс находится в стадии развития, мы не можем обозначить данные институты-посредники как окончательно встроенные в процесс взаимодействия органов власти и общества, что на рисунке отражено прерывистыми линиями.

Таким образом, политическая коммуникация власти и общества как обмен информацией представляет собой процесс, который включает в себя множество элементов. Так, взаимодействие в первую очередь происходит между органами власти и обществом. Данный процесс осуществляется посредством ряда связей и подсистем. Так, связь «сверху-вниз» обеспечивается во многом при помощи политических решений, действий и традиционных медиа-каналов, связь «снизу-вверх» в первую очередь должны обеспечивать выборы и референдумы. Помимо этого, качество политической коммуникации определяется разнообразием, ролью и эффективностью институтов-посредников, которые, с одной стороны, должны обеспечивать обмен информацией между обществом и государством во всех направлениях, а с другой, они сами могут выступать политическими коммуникаторами. В результате преобразования роли и появления новых институтов-посредников в политической коммуникации Республики Беларусь мы можем отметить встраивание политических партий, общественных объединений и ВНС в данный процесс. Исключением среди медиаторов выступает бюрократия, которая играет роль основного посредника между властью и обществом вследствие того, что она активно участвует в агрегации интересов граждан посредством личных приемов, обращений и телефонных «горячих и прямых линий».

Список литературы

1. Костиневич, К. И. Моделирование в исследовании политической коммуникации / К. И. Костиневич // Молодежь, наука, практика : сб. науч. тр. 59-й Нац. науч.-практ. конф. студ., магистр. и аспирантов с междунар. участием : в 2 т. / Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федер. ; под ред. В. А. Кваши, А. В. Юрченко. – Ярославль, 2019. – Т. 2. – С. 125–129.
2. Nimmo, D. Political communication and public opinion in America / D. Nimmo. – Santa Monica : Goodyear Publ. Co, 1978. – XIII, 465 p.
3. Мнение населения страны о работе государственных органов и организаций [Электронный ресурс] // Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/mnenie-naseleniya-strany-o-rabote-gosudarstvennyh-organov-i-organizatsij>. – Дата доступа: 25.02.2024.
4. Информационное общество в Республике Беларусь = Information society in the Republic of Belarus : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведова [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. – 65 с.
5. Решетников, С. В. Методология анализа государственной политики / С. В. Решетников, Н. А. Антанович // Проблемы управления. – 2001. – № 1. – С. 10–13.
6. Костиневич, К. И. Политическая коммуникация и легитимация власти в Республике Беларусь / К. И. Костиневич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 136–144.

И. В. Котляров

(Белорусское отделение Международного фонда единства православных народов, igor.kotlarov1508@gmail.com)

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

XXI столетие ознаменовано рядом важнейших открытий, когда на основе знаний намечился прогресс науки и техники, существенно расширивший возможности человеческого разума. Существенными темпами шло развитие производительных сил, менялись общественные отношения, повышался уровень и качество жизни людей, в том числе, и в нашей стране. В то же время, как отметил Президент Республики Беларусь на совещании по вопросу совершенствования системы планирования и контроля за реализацией стратегических проектов, научная деятельность и аналитическая работа в стране требуют существенного совершенствования. Он подчеркнул, что «реальный сектор экономики массово использовать труды ученых почему-то не стремится. До производства доходят не все новые разработки» [1]. Причем, по его словам, прорывных проектов создано не так много. Новых инновационных открытий с каждым годом становится все меньше. Сокращается научный потенциал, и не видно перспектив.

Современный мир работает на пределе возможностей и требует новых эффективных парадигм борьбы с проблемами. Разрушаются традиции, нормы и стереотипы, уничтожается историческая память, нивелируются прежние ценности, новые существуют во множестве непонятных моделей

и матриц, парадигм и вариантов. Имеющиеся политические и экономические, социальные и конфессиональные регуляторы сыграли свою роль, а стереотипы мышления и управления, выработанные за долгие десятилетия, не допускают новых механизмов принятия решений. Наблюдается постоянное падение престижа науки и сокращение ученых, «утечка мозгов» и потеря интеллектуального капитала, деградация институтов и академий. Огромной проблемой является не востребованность результатов научных исследований, особенно в политической науке. Отчетливо проявились противоречивость, неполнота и неадекватность многих моделей, парадигм и концепций политической теории, ее неспособность справляться с кризисами. За последние годы в Беларуси не опубликована ни одна серьезная работа по политологии, о которой заговорили бы за пределами страны. Политическая наука в Беларуси находится в жесточайшем кризисе. Все это показывает, что необходима ревизия фундаментальных понятий науки в целом, политической, в частности, нужен принципиально новый механизм управления, способный выйти за привычные парадигмы действий и успешно перерабатывать когерентную информацию. Требуется смена общего понимания управленческой науки, поиск принципиально новых теорий ее развития в современных условиях.

Такой моделью может стать концепция цивилизационного кодирования, позволяющая выйти за рамки научной рефлексии, детерминировать действия цивилизационно ориентированных субъектов, направленные на воплощение стратегических замыслов реформирования политической реальности, предложить реформирование системы развития общества на более высоком технико-технологическом, системном и структурном уровнях и стать настоящей цивилизационной потребностью [2].

Материалы и методы / теоретические основы.

Концепция цивилизационного кодирования как методологическая основа исследования политики в сложнейших современных условиях направлена на создание знаний, отражающих свойства политической реальности и основана на теориях функциональных и сложных систем [2; 3].

Метод, при помощи которого выполнялось данное исследование, был создан доктором социологических наук, профессором И. В. Котляровым. Теория, методология и методика цивилизационного кодирования были разработаны и усовершенствованы в ходе социологического мониторинга изучения социально-политической ситуации в Беларуси, проводимого с 1990 года под его руководством. Результаты исследования были изложены И. В. Котляровым в 2017 году на Всемирном саммите ведущих мозговых центров мира в Пекине. Затем доклады по этой тематике были представлены им на международных конференциях в Ташкенте (2021 год), Стамбуле (2022 год) и Шарм-эль-Шейхе (2023 год).

Результаты и обсуждение.

Цивилизационный код как важнейший методологический инструмент развития цивилизаций состоит из нескольких кластеров (экономического и политического, технико-технологического и культурного, социального и демографического, экологического и конфессионального, коммуникационного и генетического), которые детерминируют движение человечества в самых различных направлениях, обеспечивают возможности его развития, определяют смыслообразующие факторы, целенаправленное воздействие на которые дает предполагаемые и ожидаемые для социума результаты [2; 3].

Политический код – это целостная, устойчивая, идущая через времена и пространство матрица часто неосознаваемых политических предписаний и поведенческих практик. Она достаточно сложна, отлажена, но постоянно меняется, учитывая вызовы и риски политической реальности. Каждый член общества является носителем политического кода, которому присуща система определенных ценностей и характеристик, мифов и традиций, проектов и технологий формирования эпистемологических матриц, образующих систему политических процессов на всех уровнях – от индивидуального до государственного [2; 4].

В центре политического кодирования находится не только трансформация политических организмов и властных механизмов, перемены политической реальности, но и модель совершенствования смыслов и ценностей будущих политических структур, анализ их действий в условиях хаоса и неопределенности в нелинейном мире с изменившейся скоростью социального времени. Как показывают социологические исследования, теория политического кодирования способна найти эффективное политическое противоядие националистическим проявлениям, культурной эклектике и моральному синкретизму, кризисным настроениям и интеллектуальной растерянности. Уникальность политического кода заключается в том, что он формирует историческое понимание прошлого, порождает определенное отношение к современной политической реальности и детерминирует создание моделей будущего состояния обществ.

Политический код – это глубинный, трудно фиксируемый источник социально-политического мышления и поведения субъектов, их самобытности и суверенности, детерминирующий ментальность, историческую закономерность и изменчивость во времени, поведенческие конструкты, показывающие влияние коллективной памяти и современных социальных технологий на образ и качество жизни людей. Он воздействует на общество через общественное мнение, способен тормозить его развитие или ускорять его, влиять на совершенствование цивилизаций. Код является своеобразной характеристикой уровня и направленности политического

сознания (индивидуального и группового), его способности к усвоению политических норм и идеалов, принципов и ценностей, коллективных эмоций и настроений, воздействию на него окружающей среды и опыта предшествующих поколений.

Политические коды – это матрицы формирования будущего. Это смысловые матрицы и социально-политическая практика, историческая память и смысл жизни, идеология и мировоззрение людей, их ценности и традиции, которые являются своеобразным ключом к пониманию будущего обществ и государств и передают будущим поколениям важнейшие морально-нравственные ценности и уникальные особенности национально-культурного менталитета, унаследованные от предков. Они через механизмы преемственности, закрепления и трансляции социокультурного опыта транслируют в будущее смыслы, ценности и знания, исторический опыт и общественные устремления, таким образом, в определенной степени детерминирует его формирование. Благодаря транзиту знаний, закрепленных в политических кодах, человечество формирует основу будущих состояний социумов, государств и цивилизаций.

Список литературы

1. Совещание по вопросу совершенствования системы планирования и контроля за реализацией стратегических проектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchaniye-po-voprosu-sovershenstvovaniya-sistemy-planirovaniya-i-kontrolya-za-realizaciey-strategicheskikh-proektov>. – Дата доступа: 20.10.2023.
2. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 392 с.
3. Котляров, И. В. Теоретические основы социального проектирования / И. В. Котляров. – Минск : Наука и техника, 1988. – 234 с.
4. Котляров, И. В. Борьба за будущее: политические коды в современном мире / И. В. Котляров // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества : сб. ст. IV междунар. науч.-практ. конф. / Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск : БГЭУ, 2023. – С. 87–91.

П. И. Кравцов

(Белорусский институт стратегических исследований, г. Минск,
pavelargent@gmail.com)

ТЕХНИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА: ОПЫТ БЕЛОРУССКОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В современном мире объем информации, генерируемой в сети Интернет, неуклонно увеличивается. В результате говорить о ручной обработке таких объемов данных не приходится – нужна автоматизация мониторингово-аналитических процессов.

В данном контексте автоматизированные мониторинговые системы (в Белорусском институте стратегических исследований – это система «Инфометрика») являются одним из ключевых инструментов для решения задач мониторинга общественного мнения, прогнозирования социальных рисков и анализа информационной обстановки.

В связи с этим роль аналитика в связке с системой становится все более определяющей и значимой. Как показывает опыт Белорусского института стратегических исследований, аналитик должен обладать достаточными знаниями в области информационных технологий, анализа данных и технологий информационного противоборства. Его задача заключается в интерпретации результатов технического анализа и формулировании требований к нему.

Следует отметить, что мониторинговая система «Инфометрика» является собственной разработкой Белорусского института стратегических исследований [1]. Мощности системы располагаются на нашей собственной серверной базе. Это позволяет нам обеспечить безопасность и конфиденциальность проводимых исследований. Помимо этого, инструментарий не является избыточным с точки зрения функционала и ресурсной базы. Мы исходим из реальных потребностей пользователей. Однако видим потенциал развития системы в будущем в зависимости от запроса аналитического сообщества.

Задачи, которые мы успешно решаем при помощи мониторинговой системы: контент-анализ СМИ, социальных медиа и экспертных оценок («облако тегов»), политический анализ медийных трендов за любой временной период, оперативная аналитика по остро резонансным и актуальным темам, формирование медийных портретов персоналий и организаций, страновой анализ. На методике странового анализа давайте остановимся подробнее.

Методика странового анализа представляет собой комплексный подход, позволяющий выявить общие тренды, а также оказывающие влияние на образ Беларуси в информационном пространстве зарубежной страны. Для этого используется разработанная в Белорусском институте стратегических исследований мониторинговая система «Инфометрика».

Методика состоит из следующих этапов:

- подготовка базы информационных источников зарубежной страны. Необходимо учитывать «ловушку размерности» любых мониторинговых систем и на систематическом уровне пополнять источниками базу, отбирая необходимые из общего массива. При этом аналитику важно понимать идеологическую принадлежность этих ресурсов, их влияние на медийный ландшафт и аудиторию;

- анализ топовых тем внутри анализируемой страны. На этом этапе технически выявляются наиболее обсуждаемые темы в стране, их медийное присутствие и влияние на внутреннюю аудиторию;

- оценка уровня значимости темы Беларуси и ее увязки с конкретными темами и вопросами. При помощи инструментария определяется, насколько важна тема Беларуси для властей анализируемой страны и как она используется в их информационной политике. В целом делается вывод, находится ли тема Беларуси в фокусе общественного дискурса или нет;

- анализ тем в отношении Беларуси. Технически определяются доля каждой темы в инфопотоке, акценты и тональность публикаций, а также основные «нюсмейкеры» по каждой теме. В дополнение используется инструментарий математической статистики и анализа с целью определения наличия или отсутствия корреляции между определенными социально-политическими событиями. Алгоритмы мониторинговой системы позволяют определить, существует ли линейная связь между двумя отдельными в информационном пространстве новостными сюжетами;

- прогнозирование развития темы Беларуси в инфополе анализируемой страны. Дается оценка вероятности снижения или увеличения присутствия темы Беларуси в инфополе, а также определяются факторы, которые могут повлиять на это;

- формулирование обобщающего вывода. На заключительном этапе на основе результатов всего анализа формулируется вывод, как тема Беларуси представлена в информационном пространстве анализируемой страны и как это влияет на образ Беларуси в глазах населения и политикоформирующих кругов.

Данная методика может быть использована для мониторинга медиапространства любой страны. Вместе с тем Белорусский институт стратегических исследований находится в поиске лучших практик.

В целом в условиях динамичной эволюции информационного пространства ключевым фактором выступает постоянное обновление и совершенствование мониторинговых систем, а также их интеграция с возможностями искусственного интеллекта.

Такая интеграция представляет собой новый качественный и логический этап в автоматизации аналитической деятельности («Аналитик – Мониторинговая система – Искусственный интеллект»). Несмотря на все преимущества искусственного интеллекта, необходимо учитывать его ограничения. Важно проводить верификацию его работы на всех этапах взаимодействия с ним, загружая в него объективную информацию (обучая его) и оценивая полученные результаты с точки зрения информативности, полезности, достоверности и релевантности. Только такой подход позволит обеспечить высокое качество работы искусственного интеллекта и минимизировать возможные ошибки или искажения в полученных результатах.

Мы провели небольшое исследование, разложив аналитическую деятельность на ряд этапов и направлений, и увидели отдельные кейсы использования искусственного интеллекта в аналитической работе. Одним

из примеров выступает автоматическое определение ключевых событий через тематическую кластеризацию новостных сюжетов. Возможности искусственного интеллекта также позволяют формировать лексические единицы для словаря по любым критериям, что качественно улучшает мониторинг и анализ информационного пространства любой страны. Кроме того, искусственный интеллект может использоваться для автоматического создания сводок и отчетов.

С целью получения максимальной пользы от работы с мониторинговой системой аналитику необходимо применять возможности искусственного интеллекта даже в том плане, что это позволит связке «Аналитик – Мониторинговая система – Искусственный интеллект» самообучаться. Данное обстоятельство в конечном итоге сделает подготавливаемые аналитические продукты более гибкими и адаптивными к изменяющимся условиям и требованиям. Именно поэтому Белорусский институт стратегических исследований, видя такой тренд, уже планирует расширение функций «Инфометрики» за счет внедрения решений на основе нейросетей.

Таким образом, техническая аналитика является быстро развивающейся областью, открывающей новые возможности для анализа общественных процессов. Мы понимаем, что без использования современных технологий не получится шагнуть в ногу со временем и готовимся к этому. Все это позволяет повысить качество и эффективность аналитического обеспечения и сопровождения работы лиц, принимающих решения. Белорусский институт стратегических исследований находится в поиске успешных кейсов и подходов. Поэтому мы открыты для диалога, сотрудничества в этой сфере и обмена опытом.

Список литературы

1. Информационно-аналитическая система мониторинга [Электронный ресурс] // Белорусский институт стратегических исследований. – Режим доступа: <https://bisr.gov.by/proekty-BISR/infometrix>. – Дата доступа: 28.02.2024.

С. Н. Крамак

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, svetik-sk@mail.ru)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

На рубеже тысячелетий мировое сообщество пришло к закономерному выводу – общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм, объединяющих всех граждан. Государство без идеоло-

гии, как и человек без мысли, не может жить и развиваться, тем более противостоять внутренним и внешним угрозам и вызовам.

Идеология для государства – то же самое, что иммунная система для живого организма. Если иммунитет ослабевает, любая, даже самая незначительная, инфекция становится смертельной. Точно так же с государством: когда разрушается идеологическая основа общества, то гибель становится только делом времени.

Белорусская идеология имеет ориентацию на традиционные ценности: способность трудиться не только ради наживы, но и для блага общества, коллектива, других людей. Потребность в идеалах и высоких целях, взаимопомощь, коллективизм, социальная опека, уважительное отношение государства и народа – вот те черты, которые издревле характеризуют белорусский народ [3, с. 272].

На современном этапе молодежь находит максимум возможностей для самореализации в рамках суверенной и процветающей Беларуси. У государства есть молодое поколение, ориентированное на устойчивое развитие и созидательный груд во имя будущего страны. Молодежная политика белорусского государства не раз становилась объектом исследования.

В Республике Беларусь можно выделить четыре основных этапа становления государственной молодежной политики, совпадающих с этапами государственного строительства в Республике Беларусь: адаптации (1991–1994), периферийности (1994–1996), приоритетности (1996–2001), реконструкции (2001 – по настоящее время) [2, с. 115].

Период адаптации характеризуется в первую очередь отсутствием у политических элит перспективной стратегии государственной молодежной политики и относительно низким интересом с их стороны к данной сфере. Политическая практика наглядно продемонстрировала несоответствие применяемых управленческих технологических параметров реальных политических прогрессов. В марте 1992 года был создан республиканский орган управления по делам молодежи – Комитет по делам молодежи при Совете Министров Республики Беларусь. В соответствии с законодательством он был обязан обеспечивать комплексное управление молодежной политикой и координацию деятельности министерств и ведомств в сфере молодежной политики. Но ни по статусу в иерархии органов власти, ни по ресурсам, находящимся в его непосредственном распоряжении, Комитет не был способен эффективно выполнять эту задачу.

В целом в период с декабря 1991 по июль 1994 года были сформированы правовые и институциональные основы системы государственного управления процессами молодежной политики в Республике Беларусь, однако они были относительно с низкой степенью эффективности. Применяемые политические технологии не были адекватны масштабам политических задач [2, с. 115–128].

Период периферийности связан с реструктуризацией политической системы и характеризуется тем, что государственная молодежная политика занимает периферийное положение в иерархии политических задач руководства страны, что автоматически отразилось на системе государственного управления процессами молодежной политики. Комитет по делам молодежи становится структурным подразделением Министерства образования и науки. В результате в Комитет вообще перестали поступать на согласование ведомственные программы, касающиеся проблем молодежи. На местах начался процесс реорганизации и ликвидации структурных подразделений по работе с молодежью: их сливали с отделами образования, культуры, спорта либо попросту упраздняли.

По этой же причине прекратилось финансирование программ молодежных организаций. В течение 1995 года прекратили свое существование более половины молодежных организаций. Таким образом, к 1996 г. политическое руководство страны первоначально не только не усилило, но даже ослабило систему государственного управления процессами в молодежной политике.

Период приоритетности начинается с осознания этих политических обстоятельств, и государственная молодежная политика становится одним из приоритетов для политического руководства страны. Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 4 апреля 1996 г. № 238 утверждается республиканская программа «Молодежь Беларуси» на 1996–1999 гг. Комитет по делам молодежи Министерства образования и науки преобразуется в самостоятельный орган управления – Государственный комитет по делам молодежи Республики Беларусь.

С июня 1996 г. следует ряд поручений Главы государства по решению проблем социальной защиты молодежи и поддержке деятельности молодежных общественных объединений. Президент стремился не к восстановлению модели государственного управления, а к использованию иных политических технологий – реализации государственной молодежной политики через массовую молодежную общественную организацию, интегрированную в систему органов государственного управления.

В этот период началось формирование нового молодежного союза не на базе существующих организаций, а «с нуля». В июле 1997 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 380 «О государственной поддержке Белорусского патриотического союза молодежи». Данным Указом были созданы правовые основы для интеграции БПСМ в систему органов государственного управления: оплата труда работников БПСМ за счет средств республиканского бюджета, включение представителей БПСМ в состав коллегий республиканских органов управления и местных исполнительных органов. Но возник целый ряд вопросов, связанных

с отсутствием четкого распределения функций между государственными и общественными институтами, участвующими в реализации государственной молодежной политики.

С появлением БПСМ встал вопрос и о разделении функций: де-юре комитеты БПСМ не подчинялись отделам по делам молодежи, де-факто находились практически в равном статусе с последними. Единственной специфической функцией госструктур по работе с молодежью было распределение бюджетных средств, выделенных на реализацию государственной молодежной политики. То есть, поручив организации заниматься социальными проблемами молодежи, государство не обозначило, в чем должна заключаться специфика этой работы в БПСМ в отличие от аналогичной деятельности государственных организаций и учреждений. Институты, задействованные в реализации государственной молодежной политики, дублировали друг друга и на этой почве невольно конфликтовали между собой.

Период реконструкции стал временем поисков путей оптимизации системы государственного управления процессами молодежной политики в Республике Беларусь [1, с. 85–101].

В соответствии с Указом Главы государства № 516 Государственный комитет по делам молодежи был упразднен, задачи реализации государственной молодежной политики были возложены в основном на Министерство образования, в структуре которого для этого был создан Департамент по делам молодежи. Отделы по делам молодежи (за исключением территории Минской области) были упразднены либо введены в состав управлений образования. В сентябре 2002 г. БПСМ и БСМ слились в единую организацию, получившую название Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ).

Не утрачивал и до сегодня не утрачивает своей актуальности задача по обеспечению слаженности и эффективности взаимодействия государственных органов и общественных объединений в реализации молодежной политики.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко неоднократно подчеркивал, что идеология белорусского государства «зиждется на любви к своей земле, уважении к людям и гордости за свое государство. Это – идеология патриотизма. Она конструктивна, потому что направлена на созидание, содержит мощнейшее мобилизующее начало».

Первостепенное значение в идеологической работе с молодежью придается структурным подразделениям Белорусского республиканского союза молодежи. Сегодня перед ним стоит масштабная задача – объединить большую часть молодежных объединений республики в деле патриотического воспитания молодежи.

Роль БРСМ исключительно важна. Как неоднократно подчеркивал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, Союз молодежи совместно с профсоюзами, Советами депутатов, женскими и ветеранскими организациями консолидирует белорусское общество, являясь одной из его опор. БРСМ призван укреплять стабильность и мир в обществе, содействовать адаптации молодежи в трудовых и студенческих коллективах.

Список литературы

1. Молодежь Беларуси на современном этапе: состояние, проблемы и пути их решения : книга для педагогов и организаторов воспитательной работы с молодежью / под ред. С. Д. Лаптенка. – Минск : ИСПИ, 2004. – 292 с.
2. Идеология и молодежь Беларуси : пособие / под ред. Л. Е. Землякова, С. Д. Лаптенка. – Минск : Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 386 с
3. Яскевич, Я. С. Основы идеологии белорусского государства: Вопросы и ответы / Я. С. Яскевич. – Минск : Тетра Системс, 2004. – 690 с.

Л. Е. Криштапович

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск,
lvtkrishtapovich@gmail.com)

**ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОКЛЯТИЯ ЗАПАДА
К СООБЩЕСТВУ ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Развитие современного мира предполагает наличие принципиально новых отношений между государствами и народами. Сегодня очевидно, что западная модель, которая так упорно преподносилась поверхностно мыслящими экспертами и политиками в качестве универсальной, канула в Лету. И это вполне закономерно. Нельзя же все время обманывать, лицемерить, бесстыдствовать, извращаться и своекорыстные олигархические интересы выдавать за общечеловеческие. Раньше или позже все-таки должен был наступить момент истины, когда для всего человечества стало ясно: западная социально-экономическая и политическая система, как андерсеновский король, оказалась голой, то есть не содержащей в себе ни демократии, ни свободы, ни справедливости, ни ума.

Западное буржуазное мышление всегда подходило к прогрессу в контексте противостояния западной цивилизации с другими народами и странами. Взять хотя бы бесчеловечную колониальную политику Запада, которая оправдывала грабеж незападных народов под ханжеским предлогом приобщения их к своей цивилизации. Не прогресс вообще, как любят утверждать западные идеологи, а западный прогресс потому и не состоялся, что он основывался на такой логике и практической политике, которая разрывала человеческое сообщество на враждующие образования, принципом сожительства которых была непрерывная война всех против

всех. Обусловлена такая философия и поведение ложной трактовкой греховности человеческой природы. В самом деле, если человек по своей природе греховен, зол, агрессивен, то люди будут всегда находиться в состоянии вражды друг с другом, и здесь открывается большое поприще для появления всевозможных расистских, ксенофобских, европоцентристских концепций, что Запад в соответствии со своим религиозным ханжеством с удовольствием навязывал и навязывает другим народам. Образно говоря, Запад пытается в глазах всего человечества выставить себя таким космическим Богом и навязать собственные греховные помыслы и действия другим народам, которые по причине приписываемой им природной греховности, должны Западу безропотно повиноваться и постоянно каяться, чтобы заслужить его милость и прощение. Кстати, от этой греховной трактовки природы человека вытекает и ловушка древнегреческого историка Фукидида, а также инквизиции и индульгенции католической религии. Отсюда западные ультиматумы, санкции, интервенции против неугодных стран и правительств, неприличные претензии выставить свой образ жизни в качестве обязательного для всего человечества, ритуальная фразеология о демократическом, свободном и открытом западном обществе, жрецы которого сами сознают, что говорят не о живом создании, а о покойнике. Как остроумно заметил Бернард Шоу, статуя Свободы в США находится на том месте, где эта свобода похоронена. В этом и заключается историческое проклятие Запада, который свою греховную, мертвящую сущность хочет сделать сущностью всего человечества.

В чем принципиальное отличие китайского подхода к современному развитию от западной геополитики? В том, что Китай мыслит прогресс как общее дело всех стран мирового сообщества. Логика здесь такова: существует Китай и другие такие же страны, которые одинаково стремятся к справедливости и счастью, – вот единственно человеческое выражение принципа общего дела, а следовательно, и принципа прогресса. Китай и другие такие же по природе страны – что это такое, в самом деле, как не чувство симпатии, ведущее к объединению стран одного и того же человеческого сообщества. Как все люди по своей природе одинаковы (все люди одинаково выражают радость и горе, все люди одинаково хотят быть счастливыми, и никто не хочет быть несчастным), так и все народы по своей природе одинаковы. Что это, как не разумный, хорошо понятый общий интерес, который учит нас тому, что подлинные интересы одних народов не противоречат интересам других народов. Отсюда следует, что когда государство не противопоставляет свой интерес интересам другого государства, то каждое из них словно забывает о своих собственных выгодах, перестает мыслить в логике игры с нулевой суммой, чтобы выра-

ботать сознание общего дела, общего интереса для всех государств, что и является условием достижения реальной выгоды и настоящего счастья. Китайский лидер Си Цзиньпин в своем выступлении на Форуме международного сотрудничества на высшем уровне «Один пояс и один путь» 14–15 мая 2017 года акцентировал: «Мы должны сформировать международные отношения нового типа, центром которых станет сотрудничество и взаимный выигрыш. Мы должны создавать партнерство на основе диалога, а не конфронтации, создавать союз единомышленников, а не альянс» [1, с. 20]. Историческое проклятие западных государств, в том числе и США, в том и состоит, что, навязывая собственный греховный интерес другим государствам в качестве их собственного интереса, они тем самым культивируют чувство вражды, ведущее к разъединению стран и постоянной войне внутри одного и того же по своей природе человеческого сообщества.

Китай же инициирует новую парадигму прогресса человечества – развитие мира через мир. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на форуме-диалоге 30 ноября 2017 года в Пекине между Компартией Китая с различными политическими партиями мира, подчеркнул, «что безопасность одной страны невозможно обеспечить за счет других. Необходимо создавать архитектуру безопасности, которая будет характеризоваться равенством, справедливостью, совместным строительством. Предстоит создавать мир без бедности, мир процветания» [2, с. 2]. Само собой разумеется, что только на основе мира как общего дела всего мирового сообщества можно объединить все страны и народы. И понятно, что только на основе такой концепции развития человечества и возможна реализация самого мирового прогресса, а следовательно, и построения Сообщества единой судьбы человечества. Сообщество единой судьбы человечества объективно должно исходить из того фундаментального принципа, что как отдельный человек, так и человеческое сообщество в целом по своей природе праведны, добры, а не греховны, злы, что все люди, а следовательно, и все народы одинаково стремятся к справедливости, равенству и счастью. Отсюда у всех нас одна судьба, а значит, мировая цивилизация вступает в период своего безопасного, мирного и счастливого развития. Тем самым снимается историческое проклятие Запада, когда счастье незначительной части человечества основывалось на несчастье большинства человеческого сообщества. Тем самым государства избегают ловушки Фукидида и достигают общего выигрыша [3, с. 34]. Как отметил видный политик Китая Ван И, Си Цзиньпин «предложил всему миру китайский проект по противодействию глобальным вызовам, с которыми сталкивается человеческое общество, при этом превратил сгенерированные китайской стороной концепции в международный консенсус» [4, с. 21].

Поэтому не случайно современный мир обращает свои взоры на Китай как реальную альтернативу человеческому развитию в противоположность западному обману и фарисейству. И дело здесь не только в том, что Китай является ведущей экономикой мира. Проблема обстоит гораздо глубже. Китай предлагает человечеству новую систему ценностей. Эта новая система ценностей основывается на принципах, которые свойственны человеческой природе, а именно: открытость, доброта, равенство, справедливость, счастье. Именно такая ценностная парадигма позволяет создать новый тип международных отношений, основанный на общей заинтересованности всех стран и народов. Речь идет не просто о взаимовыгодном экономическом сотрудничестве между государствами, а о новой концепции и новой модели развития, ориентированной на весь человеческий мир.

Список литературы

1. Си Цзиньпин. Совместно продвигать строительство «Одного пояса и одного пути» / Си Цзиньпин // Китай. – 2017. – № 6. – С. 18–23.
2. Делегация КПБ приняла участие в международном форуме партий в Пекине // Коммунист Беларуси. – 15.12.2017. – С. 1–2.
3. Хань Цинсян. Формирование сообщества единой судьбы человечества / Хань Цинсян // Китай. – 2017. – № 11. – С. 34–35.
4. Ван, И. Внешняя политика Китая вступает в новую эпоху / Ван И // Китай. – 2018. – № 1. – С. 20–23.

Т. Т. Кручковский

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, t.kruchkovski@grsu.by)

ГРОДНЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ: ВИДЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕГО РУКОВОДИТЕЛЕЙ⁸

В настоящее время Гродненский областной Совет депутатов, сокращённо Гродненский облсовет – законодательный представительный орган местного самоуправления на территории Гродненской области. В состав депутатского корпуса входит 60 депутатов избираемых по мажоритарной системе. Срок полномочий Гродненского областного Совета депутатов – 4 года.

В советские времена областной Совет депутатов играл в основном роль кадрового резерва будущих руководителей исполнительной власти и од-

⁸ Статья написана в рамках реализации совместного междисциплинарного проекта ГрГУ им. Янки Купалы и Гродненского областного Совета депутатов «Народовластие на Гродненщине: история и современность» на 2024 год.

новременно роль почетной пенсии для ряда руководителей. Эта роль зависела от превратностей политических судеб тех или иных партийных или хозяйственных руководителей. Срок полномочий Гродненского областного Совета депутатов был тогда – 2 года, а затем 2,5 года.

В связи с этим практически отсутствуют исследования, касающиеся деятельности Гродненского областного Совета депутатов, в отличие от политической деятельности Гродненского областного исполнительного комитета. До сих пор не существует опубликованной источниковой базы, т. е. архивов Гродненского областного Совета депутатов. Существует потребность в разработке его архивов, в том числе периода конца 70-х – начала 90-х годов XX века. Одной из форм возможного исследования истории деятельности Гродненского областного Совета депутатов является видение его через призму его руководителей. В связи с такой постановкой исследовательской задачи автор опирался на ряд положений просопографического направления в историографии [1].

В современной историософской литературе отмечается, что идея научной универсальности (одна из основных в позитивистской историософии) признана устаревшей, ее место заняла установка на принципиальное разнообразие познавательных перспектив. Будущее исторической науки будет определяться многообразием методологических подходов и исторических концепций, которые все не смогут претендовать на универсальность [2, с. 41]. Это состояние философии истории и историографии, как одной из форм проявления философского осмысления прошлого, и объясняет, почему в последние десятилетия не появилось принципиально новых концепций исторического процесса [3, с. 48].

Следует отметить, что первые шаги в этом направлении были сделаны в исследовательском проекте, посвященном анализу политических процессов в регионах Беларуси в целом, а так же в регионах Беларуси в частности. Так исследовательский проект «Политическая элита белорусских регионов», посвящен анализу политических процессов в регионах Беларуси – в шести областях и столице республики городе Минске. Создание настоящего сайта составляет часть исследовательских проектов «Региональная и субрегиональная политика в посткоммунистических странах» (апрель 1999 г. – март 2002 г.) и «Формирование новых регионов в Восточной Европе и влияние расширения Евросоюза» (апрель 2002 г. – март 2006 г.), финансируемых Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии. База данных сайта содержит биографии и характеристики представителей элиты белорусских регионов (включая первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов), занимавших руководящие посты в республике с конца 1980-х годов. Эта информация дает возможность получить представление о региональной составляющей поли-

тической жизни и об основных принципах кадровой политики Беларуси. Был собран значительный фактологический материал, другое дело, какими были оценочные подходы и позиции авторов данного проекта.

Роль законодательной представительной власти местного самоуправления зависела от союзного центра. Именно он показывал пример сочетания местной законодательной и судебной власти. В период после принятия Конституции СССР 1977 года, а в 1978 году Конституции БССР, произошло слияние поста председателя законодательной представительной власти местного самоуправления и председателя областного исполнительного комитета.

В Гродненской области в советские времена сформировалась региональная группа номенклатуры. Основателем ее стал первый секретарь обкома партии – Леонид Герасимович Клецков. В течение долгих лет руководства областью он подбирал себе в окружение доверенных людей, формировал команду. В его команду входили Григорий Фомичёв (1972–1978) и Сергей Терентьевич Кабяк (1978–1983), ставшие поочередно председателями Гродненского облисполкома и одновременно облсовета из состава которого и формировался исполком.

В период перестройки, когда М. С. Горбачев стал президентом СССР, началась новая волна в отношении представителей местной власти – волна возвышения руководителей исполнительной власти: как в свое время разделяли посты председателей облсоветов и облисполкомов, так их начали вновь объединять. Это нововведение естественно затронуло и Гродненскую область. Хотя в городе Гродно сохранялось соединение этих постов. Так с июня 1990 по октябрь 1993 г. – председателем исполкома и городского Совета депутатов г. Гродно был – Домаш Семен Николаевич.

В 1990–1991 годы – последним председателем Гродненского областного совета советского периода был Дубко Александр Иосифович, ставший на выборах компромиссной фигурой, ввиду раскола голосов облсовета между В. Семеновым и И. Мошко. А. И. Дубко в 1994–2001 годах, уже в период независимости Республики Беларусь, стал председателем Гродненского областного исполнительного комитета.

Список литературы

1. Шумейко, М. Ф. Генезис и развитие белорусского сегмента «просопографического направления» / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. – 2015. – № 4. – С. 136–141.
2. Нечухрин, А. Н. Содержание понятия «кризис историографии» / А. Н. Нечухрин, С. П. Рамазанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – Вып. 3. – С. 35–46.
3. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. – Минск, 2017. – 338 л.

В. А. Ксенофонов

(Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, nksena777@gmail.com)

МИРОВАЯ ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях усиления военно-силового фактора в международных отношениях существенно возрастает роль философского осмысления насилия, а точнее роль *философии войны*. Дело в том, что философия войны во многом определяет облик системы национальной безопасности. Разработанная философия войны формирует содержание стратегической культуры государственных и военных управленцев, способствует обоснованию стратегии войны как науки о ведении войны, одной из областей военного искусства, высшего его проявления. Философия войны становится одним из приоритетных направлений исследования, что обусловлено задачей сохранения и развития государства [1].

Тотальная война, ведущаяся западной коалицией (во главе с США) против Союзного государства, представляет собой часть стратегии *мировой гибридной войны* (далее – МГВ), результаты которой будут определять будущее мировой цивилизации. Как отмечает, член-корреспондент АВН А. А. Бартош: «В эпоху глобального противоборства страны формируют стратегический «треугольник», вершинами которого являются США, Россия и Китай. Лидеры «треугольника» при поддержке союзников и партнеров стремятся изменить мир в соответствии со своими предпочтениями и утвердить свое видение миропорядка» [2, с. 3]. В условиях МГВ особое значение приобретает противоборство в информационной сфере (ментальная война) [3; 4], в экономике и военной техносфере.

Под *МГВ* понимается «многомерный междивизиционный военный конфликт, в ходе которого стороны прибегают к целенаправленному адаптивному применению как военно-силовых, так и несиловых форм и способов противоборства, включая экономическое удушение противника, развязывание войн чужими руками, использование подрывных информационных и кибертехнологий» [2, с. 56].

Цель МГВ заключается в том, чтобы «всеми доступными методами измотать, “перенапрячь” целевое государство: подорвать его экономику и политическую стабильность, повлиять на моральный дух населения, уменьшить волю к сопротивлению и в конечном счете вынудить элиты, а затем и страну, капитулировать перед Западом» [2, с. 21].

МГВ осуществляется посредством проведения операций, в которых применяются ее *инструменты*: информационно-психологическая (когнитивная) и прокси-война, технологии «цветных революций» при одновременном жестком воздействии на экономику противника. *Стратегия МГВ* преследует решительную цель: истощение, изоляция и развал государства

противника путем нанесения ему поражения во всех сферах – административно-политической, идеологической, экономической, военной, дипломатической [2, с. 184].

Как отмечает эксперт А. А. Бартош, *смысл* МГВ в широком понимании состоит в борьбе за влияние и доступ к ресурсам в Большой Евразии, на Большом Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке – в противовес конкуренции за технологическое лидерство между Западом и Востоком в предыдущие годы. В контексте противоборства с Россией и Китаем МГВ рассматривается США как основной инструмент хаотизации Большой Евразии.

В узком понимании смысл МГВ США и западной коалиции против России заключается в ликвидации российской государственности, фрагментации страны, переводе ее частей под внешнее управление. Следующим шагом планируется установление контроля над другими частями Евразии – Китаем, Индией и др. [2, с. 56].

Важно учитывать, что разработка и реализация стратегии ГВ на противника включает следующие этапы:

- *первый* – четкое формулирование смысла и целей войны;
- *второй* – формирование серой зоны – театра ГВ как промежуточной среды между черным и белым, войной и миром, среды скрытого противостояния государственных и негосударственных образований, существующего на грани международного вооруженного конфликта, способного перейти такую грань;
- *третий* – вскрытие слабых и уязвимых сторон в сферах обеспечения внутренней и внешней безопасности страны-противника;
- *четвертый* – формирование комплекса гибридных угроз с учетом местной специфики для воздействия на объект агрессии;
- *пятый* – стратегическое планирование на основе конкретного учета национальных сил и средств, предназначенных для воздействия на узкие и уязвимые места противника в политико-административной, финансово-экономической и культурно-мировоззренческой сферах, а также анализа его ожидаемого противодействия (вероятной контрстратегии);
- *шестой* – последовательное разрушительное воздействие на ключевые сферы управления страны-жертвы с сосредоточением основных усилий на наиболее критичных факторах, обеспечивающих военную безопасность государства (экономика и энергоснабжение, коммуникации, системы стратегической связи, государственного и военного управления, финансы, моральный дух армии и населения);
- *седьмой* – разворачивание необъявленных военных действий, в ходе которых страна-агрессор атакует государственные структуры и регулярную армию противника с помощью местных мятежников и сепаратистов, поддерживаемых оружием и финансами из-за рубежа. Важное место от-

водится приобретающим экстремистский характер действиям пятой колонны и агентов влияния, используемых для нанесения таранных ударов по власти в ходе одной или нескольких «цветных революций»;

- *восьмой* – выдвижение ультимативных требований полной капитуляции государству-жертве [2, с. 56].

Чтобы не допустить внезапности применения против Беларуси и России современных подрывных технологий МГВ, особое внимание необходимо уделить вскрытию мероприятий, реализуемых противником при подготовке и ведении агрессии. Разработка и применение США и НАТО стратегии МГВ содержит угрозу национальной безопасности Союзному государству.

ГВ, навязанная Беларуси и России геополитическими соперниками, превратилась в средство межгосударственного противоборства, а проводимые в рамках нее операции воздействуют на все жизненно важные сферы государств-участников. Комплекс операций, проводимых западной коалицией, выступает как средство стратегического неядерного сдерживания, давления и устрашения.

Сущностное различие между стратегиями гибридной и конвенциональной войн состоит в том, что в первой применение вооруженных сил не является единственным обязательным условием достижения победы над противником [2, с. 57]. Военная сила в ГВ применяется в сочетании с невоенными методами воздействия: информационно-психологическими операциями, подрывом экономики противника, попытками его изоляции и блокады в целях изнурения и подавления воли к сопротивлению, кибератаками, инструментами традиционной дипломатии.

В ГВ отсутствует линия фронта, поэтому необходимо предусмотреть в оборонительной стратегии переход «от формы прикрытия пространства военно-политической, экономической и культурно-мировоззренческой сфер государства к функциональному контролю над наиболее важными стратегически элементами каждой сферы» [2, с. 58].

Ставка в ГВ делается на овладение стратегической инициативой в ходе проведения операций по экономическому, информационно-психологическому сокрушению противника, направленных на подавление его воли и подчинение внешним управляющим импульсам за счет хаотизации обстановки и дезорганизации системы военного и государственного управления. Напомним, что *война* – это управление противником и подчинение его воли агрессору. В МГВ активно задействуется фронт прокси-войны [5]. В гибридном насилии происходит «переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции, результатом которого становится уклонение от физического овладения территорией и прямого боевого столкновения» [2, с. 60].

Таким образом, МГВ является актуальной формой современного противоборства. В целях сохранения государства и условий его развития следует наращивать усилия не только в изучении технологий насилия (войны), но и комплексно укреплять систему национальной безопасности. При этом приоритетное развитие должна получить военная сфера, соответствующая опасностям и угрозам XXI века.

Список литературы

1. Ксенофонтов, В. А. Военная сфера в контексте трансформации войны / В. А. Ксенофонтов // Выш. шк. – 2021. – № 4. – С. 52–56.
2. Бартош, А. А. Мировая гибридная война / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2023. – 544 с.
3. Ксенофонтов, В. А. Ментальная война и национальная безопасность / В. А. Ксенофонтов // Изв. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитарных наук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 351–364.
4. Ильницкий, А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2023. – № 6. – С. 18–36.
5. Бартош, А. А. Прокси-война / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2023. – 256 с.

Е. Г. Кудрицкая

(Брестский государственный технический университет, г. Брест,
helenkudrizkaya@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ КОНТЕНТОМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Манипуляции как социальный феномен являются широко обсуждаемой и дискуссионной темой. Это связано со многими факторами, прежде всего, социально-политической и экономической ситуацией в стране и в мире. На сегодняшний день социальные сети считаются наиболее удобным и общепринятым местом для демократического осуществления коммуникации. Современные информационные технологии напрямую связаны со всеми сферами общественно-политической жизни способны предоставлять практически любые сведения или данные. Такая неограниченная свобода информационно-коммуникативного общения, которая характеризуется высокой скоростью распространения информации, делает ее удобной для коммуникаций на всех уровнях, формируя тем самым современное информационное общество. Вместе с тем информация может носить противоречивый и даже опасный характер для ее пользователей. Именно поэтому изучение механизмов манипулирования сетевого пространства является актуальной темой, требующей специфических подходов к анализу в комплексе междисциплинарных знаний.

Каждый год аналитическое агентство We Are Social и крупнейшая SMM-платформа Hootsuite готовят совместно дайджест со статистикой интернета и социальных сетей в мире по глобальному цифровому рынку global digital. По стоянию на 2023 год численность населения планеты составляет чуть более 8 миллиардов человек. Согласно данным статистических отчетов на начало 2023 года глобальной сетью Internet пользуются 5,16 миллиардов человек. Из них 4,76 миллиардов являются активными пользователями социальных сетей, что составляет чуть менее 60 % от общей численности населения земли [1].

Важно отметить, что использование цифровых технологий имеет отличия в разных странах, на фоне постоянного роста в их востребованности. Так, в Республике Беларусь на начало 2023 года было зафиксировано 8,27 миллионов интернет-пользователей, что составляет 86,9 % от общего числа жителей страны, при этом количество пользователей соцсетей в возрасте от 18 лет и старше превысило 4,27 миллионов, что составляет 44,9 % от общей численности населения. Из них 56,2 % – это женщины, 43,8 % – мужчины. Особый интерес представляет рейтинг контента отдельных соцсетей и платформ. Самой массовой и востребованной у белорусской аудитории являются TikTok – 4,27 миллионов в возрасте от 18 лет и старше, второе место по популярности занимает Instagram (3,4 млн пользователей), затем идут LinkedIn (800 тыс.), Facebook (662,8 тыс.) и Twitter (230,9 тыс.). Данные отчета приводят статистику и по рынку мобильной связи в Беларуси за 2023 год. Так количество подключений на начало года насчитывает 11,55 миллионов, что составляет 121,3 % от общей численности населения. Обращает на себя внимание и рост скорости интернет-соединения, которая в мобильной сети составила в среднем 11,71 Мбит/с, а в фиксированной – 50,27 Мбит/с [2]. Являясь наиболее динамичным элементом в информационной среде, глобальная сеть считается одним из атрибутов современной жизни общества. Ежедневно значительное количество людей имея кардинально разные потребности обращаться к онлайн-ресурсам и нуждаются в доступе к сети интернет. Учитывая сложность цензурирования, в сравнении с традиционными СМИ глобальная сеть становится доминирующим информационным источником. Такое взаимопроникновение приводит к использованию технологий манипулирования с применением социально-психологических механизмов, которые воздействуют на сознание человека.

Если говорить о манипуляции, необходимо дать определение этому термину. Манипуляция (фр. manipulation) «в политике: 1) махинация; 2) система психологического воздействия, ориентированная на внедрение иллюзорных представлений» [3, с. 163]. По мнению Е. Л. Доценко, это «скрытое психологическое воздействие на отдельную личность или

группу (объект управления) со стороны манипулятора, с целью изменения их поведения, деятельности при котором реализуются цели манипулятора. При этом вред, ущерб или иные негативные последствия для объекта манипуляции в принципе могут отсутствовать» [4, с. 58]. Негативное понимание манипуляции с позиции социально-психологического аспекта связано с его скрытым воздействием на объект, который может и не быть осведомленным об истинных целях манипулятора. Это психологическое давление, направленное на управление поведением людей, основанное на полной уверенности и абсолютном доверии в восприятии любой информации. Основой манипуляции является эксплуатация эмоций человека, прямое воздействие на его рефлексивный контент. С. Г. Кара-Мурза отмечает, что «природа манипулятора имеет двойное действие и вместе с открытым сообщением манипулятор направляет адресанту некий «закодированный сигнал», который направлен на то, чтобы «разбудить» в сознании получателя сигнала те образы, которые нужны манипулятору». Данное скрытое действие направлено на «неявное знание», которое имеется у получателя сигнала и на способность массовой аудитории создавать в собственном сознании образы, которые могут влиять на их чувства, мысли и поведение» [5]. Таким образом, искусство манипуляции состоит в том, чтобы сосредоточить воображение целевой аудитории в нужном направлении. При этом объект воздействия не должен заметить скрытых сигналов, побуждающих его поступить по-другому.

Сегодня известно множество манипулятивных технологий. Наиболее распространенными являются следующие: использование стереотипов; применение повторов; фрагментарный, отрывистый способ подачи информации; коннотации; эвфемизмы; упрощение и др. Данные технологии, широко применяются в социальных сетях, с целью социально-психологического, политического, экономического, коммерческого, криминального и даже физического принуждения. Это происходит через создание и поддержку в глобальной сети сайтов, социальных страниц, блогов, форумов, ботов, чатов. Специфические особенности Интернета таковы, что здесь есть возможность одновременно использовать аудиальные, визуальные и текстовые средства и методы воздействия. Важным компонентом манипулирования контентом в социальных сетях выступают социально-психологические механизмы, которые характеризуются тем, что информация воспринимается человеком избирательно, в зависимости от его психологических установок. Манипулятор, в обход его сознания, целенаправленно стремится оказать воздействие на поведение человека, с учетом его готовности воспринимать те или иные сведения или данные. Распространенными механизмами информационного воздействия является: 1) искажение информации; 2) ограничение оперативной памяти (т. е. ак-

центрируя внимание на непроизвольном запоминании возникает проблема в сложности удержать большое количество информации); 3) сложность в подборе точных семантических эквивалентов обозначения предметов или событий, в результате которых происходит постепенная фальсификация смысла; 4) «домысливание» фрагментов отсутствующей информации; 5) отсутствие критичности, что приводит к одностороннему восприятию информации без уточняющих вопросов.

Таким образом, глобальная сеть как уникальное пространство для коммуникаций используется в самых различных сферах и областях социума. В связи с повсеместным распространением и развитием информационных технологий социальные сети становятся не только ведущим мировым СМИ, но и основным ресурсом социально-психологических механизмов манипулирования ее контентом.

Список литературы

1. Статистика интернета и социальных сетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] // WebCanape – digital-агентство. – 2024. – Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii>. – Дата доступа: 20.02.2024.
2. Digital 2023: Belarus [Электронный ресурс] // Отчет Digital Data Report Belarus для белорусского бизнеса и интернет-специалистов. – 2024. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-belarus>. – Дата доступа: 22.02.2024.
3. Политология : энцикл. словарь / Ю. И. Аверьянов [и др.] ; под общ. ред. Ю. И. Аверьянова. – М. : Изд-во Моск. коммерческого ун-та, 1993. – 431 с.
4. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Изд-во «Экс-мо», 2005. – 832 с.

И. И. Кузнецов

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, 444politbum@yandex.ru)

ИНСТИТУТ ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИИ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК 2020 ГОДА: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

Конституционные нормы, фиксирующие форму правления в России, являются основой для функционирования механизмов взаимодействия ветвей государственной власти. Изменения российской модели разделения властей происходят практически на всем пути развития Конституции Российской Федерации. Тем не менее в своей основе смешанная, президентско-премьерская модели остается неизменной, заметного смещения в сторону парламентской или чисто президентской не происходит.

Очередной этап внесения изменений в Конституцию России, начавшийся с январского 2020 года обращения Президента России к Федеральному Собранию, стал самым масштабным по объему поправок, глубине их влияния на всю политическую систему и уровню общественно-политического резонанса до и после их принятия. Текст Конституции увеличился на треть, поправки затронули значительное количество статей, в том числе тех, которые фиксируют полномочия Президента, Государственной Думы, Правительства и других органов государственной власти. Если вначале планировалось поправить 22 статьи, то ко второму чтению их количество возросло до 40 и появилось еще 5 новых.

Рабочая группа по обсуждению проекта поправок к Конституции России, сформированная Распоряжением Президента Российской Федерации насчитывала 75 человек, представляющих широкий спектр общественных и государственных институтов⁹. Среди участников данной группы депутаты и сенаторы, представители общественных движений и организаций, известные деятели культуры и искусства. Заметное место в данном сообществе занимали признанные эксперты в сфере конституционного права, представляющие академические организации и российские университеты¹⁰. Стоит отметить, что деятельность этой Рабочей группы привлекала внимание обращением к весьма важным вопросам конституционного законодательства, затрагивающим практически все сферы общественно-политической жизни: от социальных гарантий и фиксации приоритетов государственной политики до проблем обеспечения государственного суверенитета и совершенствования работы государственной власти и местного самоуправления. Ко второму чтению законопроекта о поправках в Государственной Думе в марте 2020 года поступила 391 поправка, а всего в Рабочую группу их было представлено более 1000.

Стоит поддержать появление у Государственной Думы полномочий утверждать по представлению премьер-министра кандидатуры зампредов Правительства и так называемых «гражданских» федеральных министров (пункт а1, часть 1, статья 103), а также полномочие Совета Федерации проводить консультации по предложенным Президентом кандидатурам руководителей блока силовых министерств, а также министра иностранных дел. Это может улучшить взаимодействие и координацию в этом важном звене государственной власти, повысить ответственность назначаемых лиц (хотя бы тем, что им придется с самого начала быть в центре

⁹ О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Президента Рос. Федер., 15 янв. 2020 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62589>.

¹⁰ Например, среди членов Рабочей группы были правоведы С. А. Авакян, С. А. Белов, М. Н. Марченко, Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас, П. В. Крашенинников, политолог А. Ю. Шутов и др.

внимания парламентариев, понимать важность политической позиции представительной власти в данном вопросе).

Несмотря на имеющийся опыт применения парламентских расследований (на основе соответствующего закона)¹¹, постоянно звучала критика имеющейся ограниченной практики и предложения о расширении возможностей парламентского контроля. Появилась соответствующая статья 103¹: «Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц».

Еще одним позитивным итогом внесения поправок можно считать появление конституционной нормы о заслушивании Государственной Думой ежегодных отчетов Центрального банка (ст. 103 п. «г1»). Учитывая, что здесь еще немало вопросов о формате таких отчетов и возможных действиях нижней палаты в результате их принятия, выскажем осторожный оптимизм – курс верный, но требует более детальной реализации данной процедуры (дабы не было соблазна оценивать ее как формальность).

Как определенное достижение стоит признать появление в Конституции упоминания о Государственном Совете: среди полномочий Президента России теперь имеется и такое: «формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; статус Государственного Совета Российской Федерации определяется федеральным законом» (ст. 83. «е5»). Теперь Госсовет получил конституционную «прописку» и встроен в единую систему органов государственной власти. Но, в то же время, отметим, что в ст. 11, п. 1, где упомянуты основные институты государственной власти поправку не вносили (глава 1!).

Вместе с тем, некоторые изменения в российской модели разделения властей после поправок 2020 года вызывают серьезные вопросы и беспокойство по поводу возможной ревизии формы правления. Так, например, поправка 2014 года о представителях Федерации в составе Совета Федерации (не более 10 % от числа членов данной палаты – представителей регионов) трансформировалась в новое число – «не более» 30 человек (из них – не более 7 человек могут быть назначены пожизненно, ст. 95 п. 2 «в»). Можно предположить, что таким образом значительно увеличено количество тех сенаторов, которые будут назначены Президентом и, скорее всего, будут полностью лояльны его политической линии. Возможно, той же цели слу-

¹¹ О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации : Федер. Закон от 27 дек. 2005 г. № 196-ФЗ.

жит новое наименование статуса этих лиц – «сенаторы». Соответственно, практически гарантируется контроль за прохождением через Совет Федерации законов (вкупе с появлением нормы о «предварительном конституционном нормоконтроле» выглядит даже избыточным), а также делает практически невозможным реализацию процедуры импичмента президента¹².

Если оценивать совокупность поправок в Конституцию, которая затронула статьи посвященные конкретной реализации формы правления, полномочиям органов государственной власти, то нетрудно заметить, что существенного приращения возможностей палат парламента не произошло. А вот полномочия главы государства заметно расширены.

Уточнение полномочий главы государства на уровне поправок к главе 4 Конституции привело к их фактическому расширению. Отметим только некоторые. Теперь глава государства может освободить Председателя Правительства от должности без согласования этого шага и без привязки к отставке Правительства в целом. На практике такое происходило и ранее, но сейчас эта возможность прямо предусмотрена.

В статье 83 «б» появилось дополнение «Осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации», что наряду с имевшейся фразой «вправе председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации», существенно расширяет возможности. При этом глава государства не несет политической ответственности за деятельность кабинета. Прямое подчинение «силового блока» Президенту влечет за собой сосуществование двух типов министров – согласуемые и утверждаемые, что может привести к сосуществованию двух кабинетов: один «силовой» – под Президентом, второй – под Председателем Правительства? В новой версии Конституции Президент представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности не только судей, но и председателей и заместителей председателей высших судов, назначает судей федеральных судов, их руководство, а также вносит в Совет Федерации представления о прекращении полномочий судей высших, кассационных и апелляционных судов. Налицо значительное приращение возможностей Президента, повышение зависимости судей от него.

Полномочие назначения Генерального прокурора, его заместителей и прокуроров субъектов Российской Федерации по согласованию с Советом Федерации дополнено возможностью единоличного отстранения их от должности (ранее это делалось Советом Федерации по представлению главы государства). Видимо такая ситуация, когда верхняя палата может попытаться заблокировать решение Президента по отставке Генпрокурора («дело Ю. И. Скуратова» 1998–1999 гг.) практически не реализуема. Нако-

¹² Виноградова, Е. В. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль ex ante как институт отечественного и зарубежного конституционализма / Е. В. Виноградова, И. Л. Данилевская // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 7–18.

нец, поправки зафиксировали пожизненную неприкосновенность Президента лишиться которой он может только в порядке аналогичного процедуре отстранения от должности, что практически нереализуемо.

Отдельно стоит отметить самую дискуссионную поправку, вызвавшую большой медийный резонанс, получившую определение «поправка В. В. Терешковой» (ст. 81, п. 3.1). На наш взгляд, данная поправка приобрела большое значение вследствие того, что появилась только ко второму чтению в Государственной Думе и была предназначена для конкретного лица в той уникальной ситуации, которая сложилась к началу 2020 года. Конечно, в том, что поправка была внесена уважаемым и очень известным человеком, Героем Советского Союза, летчиком-космонавтом В. В. Терешковой, просматривается определенный политехнологический замысел, завершившийся вполне успешно: поправка была принята¹³. Согласие главы государства с данным предложением было представлено одновременно с условием, что данную норму поддержит Конституционный Суд, а также граждане России в ходе всенародного голосования.

Конституционный Суд, рассмотрев обращение, дал заключение 16 марта 2020 года, где пришел к выводу, что порядок вступления в силу статьи 1 Закона о поправке к Конституции соответствует Конституции России; а не вступившие в силу положения этого Закона – положениям её глав 1, 2 и 9. И здесь снова мы можем отметить некоторую непоследовательность сформулированной позиции. Ведь в аналогичной ситуации, когда Государственная Дума направляла запрос в КС более двадцати лет назад (1998 г), был получен четкий ответ: никакой неопределённости в том, что Президент России был избран в 1996 году на второй срок подряд нет.

Отдельно стоит отметить, что принятие поправок 2020 года проходило в особых условиях пандемических ограничений в связи с распространением COVID-19 и это оказало существенное влияние на саму процедуру всенародного голосования (многодневная процедура, использование возможности дистанционного, электронного голосования в ряде субъектов, специальные решения, касающиеся противоэпидемических мер на участках и др.).

Таким образом, поправки в Конституцию России стали органичной частью политического курса на укрепление суверенитета России, повышение возможностей продвижения национальных интересов. Это заметно по целому ряду новаций, связанных с фиксацией принципа неотторжимой территории страны, закреплением роли языка «государствообразующего народа», запретами и ограничениями для лиц, занимающих государственные должности, и др. Кроме того, некоторые поправки впервые масштабно затрагивают наиболее чувствительную сферу (социальные гарантии),

¹³ Однако стоит напомнить, что другая поправка, которую представил в Государственной Думе депутат А. Карелин (о роспуске Нижней палаты Парламента), не нашла поддержки. Возможно, это можно считать также частью общего технологического замысла.

что полностью отвечает существующему общественному запросу. Однако остается весьма серьезный вопрос: насколько эти новации могут повлиять на укрепление социальной солидарности российского общества и повысят ли доверие граждан к власти?

Список литературы

1. Виноградова, Е. В. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль ex ante как институт отечественного и зарубежного конституционализма / Е. В. Виноградова, И. Л. Данилевская // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 7–18.

2. О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации [Электронный ресурс] : Распоряжение Президента России, 15 янв. 2020 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62589>.

3. О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации : Федер. Закон, 27 дек. 2005 г., № 196-ФЗ.

А. И. Курадовец

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
kuradovec1951@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Экономический потенциал любого государства определяет его возможности по удовлетворению всех общественных потребностей, в том числе и по своевременному и всестороннему обеспечению материальными и финансовыми ресурсами его вооруженных сил и на этой основе гарантирует национальную безопасность.

Республика Беларусь является малой страной с открытой экономикой, имеющей своеобразную структуру, что оказывает свое влияние на ее возможности в обеспечении своей экономической безопасности, а на ее основе – и национальной безопасности. Наличие вооруженного конфликта в Украине, наращивание военной мощи в сопредельных государствах (Польша, страны Балтии) при одновременном ужесточении санкционных мер со стороны недружественных стран объективно обуславливают необходимость укрепления военной и национальной безопасности страны. При этом следует учитывать, что в современных условиях прослеживается устойчивая тенденция к увеличению затрат, связанных с обеспечением вооруженных сил новейшими видами вооружения и военной техники, высокоподготовленными кадрами, материально-техническими и мобилизационными ресурсами. В силу ограниченности собственных экономических возможностей, обеспечение военной и национальной безопасности Рес-

публики Беларусь возможно только на путях интеграции с более мощными союзниками, главным из которых является Российская Федерация. Углубление и расширение кооперационных связей, прежде всего, в высокотехнологических отраслях (микроэлектроника, станкостроение, авиастроение и тр.), в том числе и в оборонном секторе, позволит обеспечить рост ВВП, удовлетворение военно-экономических потребностей страны, успешно противостоять экономическим санкциям, гарантировать технологический суверенитет Республики Беларусь.

Таким образом, совершенствование и углубление военно-экономического сотрудничества с Российской Федерацией является для нашей страны гарантом обеспечения ее суверенитета, военной и национальной безопасности в современных условиях.

Д. Ю. Кургинова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
kukurg@rambler.ru)

«КРАСНАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЯПОНЦА»: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ НАКАХИРЫ АКИРЫ

Нынешнее состояние России является загадкой для японцев, более того, это загадка для всего мира.

«Asian Review», 1920 г.

«Общество черного дракона» – японская организация, основанная в 1901 г. и объединившая сторонников ультранационалистических взглядов под руководством политического деятеля Утиды Рёхея [2]. Её члены не просто призывали к началу экспансии, но и выстроили на Дальнем Востоке обширную шпионско-диверсионную сеть в преддверии русско-японской войны. Кроме того, «Общество черного дракона» активно занималось издательской деятельностью, нередко публиковало статьи русофобского содержания [1; 2].

В частности, с февраля 1920 по ноябрь 1921 г. одним из направлений работы организации стало издание ежемесячного журнала «Азиатское обозрение» на английском языке («Asian Review»), который возглавлял Утида. Причем, как отмечают исследователи, его содержание значительно отличалось от аналога на японском языке [9]. Литературным консультантом англоязычного «Азиатского обозрения» выступил ирландский писатель Джеймс Казинс (James H. Cousins), читавший в университете Кейо (Токио) с 1919 по 1920 г. лекции по английской литературе [8]. Генеральным

советником стал француз Пауль Ричард (Paul Richard), который с 1916 по 1920 г. проживал в Японии и приобрел в стране восходящего солнца популярность как поэт и философ [7]. Бизнес-менеджером издания выступил некий Акира Сино (Akira Chino).

За год в журнале был опубликован ряд заметок о Советской или «Красной России». Особенно среди них выделяется тревелог Накахира Акиры (Akira Nakahira) в двух частях – «Красная Россия глазами японца» («Red Russia as Seen by a Japanese (Part I)») и «Советская Россия глазами японца» («Soviet Russia as Seen by a Japanese (part II)»), а также статья «Правда о России под советской властью» («The Truth About Russia Under Soviet Rule»), в которой были представлены телеграммы Накахиры и корреспондента Татсуджи Фусэ (Tatsuji Fuse) о текущей ситуации в России.

Журналисты отправились в Россию в 1919 г., когда в условиях дефицита информации о ходе гражданской войны, возникла важная задача: помочь «японскому народу получить первые знания о Красной Республике» [10, с. 457]. Однако на страницах «Азиатского обозрения» вышли путевые заметки только Накахира Акиры. Скорее всего потому, что, как отмечает редакция, «Г-н Фусэ завершил свое путешествие, не испытав почти никаких притеснений со стороны большевиков ни в Сибири, ни в европейской части России» [10, с. 458]. В результате его материал получился недостаточно провокационным и шокирующим. Более того, в дальнейшем Фусэ написал о своей поездке книгу «Возвращаясь из рабоче-крестьянской России» с восторженными отзывами о России. За эту книгу реакционная японская печать назвала журналиста «большевистским агентом». В период «красной угрозы» в Японии она даже была запрещена, а все обнаруженные экземпляры уничтожены [6, с. 7].

А вот Накахира Акира столкнулся в Советской России с серьезными проблемами, что придало ЕГО заметкам подлинный драматизм. «Большевистские военные власти даже приговорили его к смертной казни, и, если бы не удачная уловка с его стороны, он, возможно, не смог бы вернуться домой» [10, с. 457].

Именно эти путевые очерки и разместило на своих страницах «Азиатское обозрение».

Важно заметить, что претензии большевиков к Накахире были неслучайны. Так, в своих заметках журналист упоминает важную деталь: паспорт для путешествия он получил от омского «белого» правительства, накануне пообещавшись с офицером деникинской армии. Следовательно, будучи осведомленным о ходе гражданской войны в России, Накахира достаточно наивно предполагал, что «красные» окажут ему «теплый прием». К тому же, хотя журналист и не пишет этого напрямую, он скорее симпатизировал «белым», чем «красным».

Интересно, что при задержании журналист потребовал у солдат-большевиков телеграфировать В. И. Ленину, так как тот, по мнению Накахиры «знаком с газетой “Асахи”» [10, с. 459]. Далее на страницах «Азиатского обозрения» эта сюжетная линия никак не развивается. При этом, судя по всему, Накахира и Фусэ, преодолев все трудности, не просто добрались до Москвы, но и взяли интервью у «вождя пролетариата» в Кремле [4; 5]. По неизвестным причинам в «Азиатское обозрение» оно включено не было.

В итоге, Накахира в своей телеграмме делает акцент на территориальном вопросе, который наиболее интересовал националистическое движение. Например, он упоминает следующие слова Ленина: «Ленин боится перехода Японии в наступление и даже намерен уступить Японии Амурскую губернию» [10, с. 643]. Вместе с тем, Накахира одним из первых заставляет японское общество задуматься о реальности «красной угрозы», хотя исход гражданской войны ещё не был окончательно предreshен. Он замечает, что Ленин «желает воевать с Европой, объединив вокруг себя все азиатские страны» [10, с. 643]. И в контексте распространения в японском обществе того периода идей «Азии для азиатов» и объединения Азии во главе с Японией, подобные утверждения звучат как претензия на конкуренцию за мессианскую роль в дальневосточном регионе. Накахира также призывает соотечественников обратить внимание на опасность, исходящую от Советской России: «большевики всеми силами стараются большевизировать Персию, и пока им это удастся весьма успешно. Препятствуя Японии, они стараются расшевелить ее народ и уделяют самое пристальное внимание рабочему движению в Японии» [10, с. 643]. Он подчеркивает: все слова Ленина – это уловка. Его подлинная цель «большевизация» Японии, а последствия её возможной реализации – террор, и это хорошо видно на примере гражданской войны в России. Накахира предупреждает: «с этой же целью они намерены уступить Японии Приамурскую губернию. Также с этой целью они предлагают сделать Владивосток свободным портом. Они также посылают в Японию большое количество молодых большевиков» [10, с. 643].

Таким образом, статьи Накахиры в «Азиатском обозрении» позволяют заметить первые признаки алармистских настроений относительно «красной угрозы» в Японской империи 1920-х годов. Как известно, далее, после Второй мировой войны антикоммунизм и антисоветизм в Японии возобновились с новой силой. В 1949–1950 гг. под руководством оккупационных сил США были проведены незаконные и несправедливые увольнения членов Коммунистической партии Японии и их сторонников с государственных должностей или из частных компаний – «красная чистка», во время которой по оценкам газеты «Акахата Синбун» работу потеряли более 40 000 японцев [11].

Эмоциональный эффект от статей Накахиры усиливался дефицитом новостей «о стране Советов». Это, в свою очередь, подтверждает то, что значительный период времени путевые заметки являлись одним из ключевых источников информации о «новой России» [3]. Как подчеркнула редакция «Азиатского обозрения»: «Это первые два японца (Накахира Акира и Татсуджи Фусэ. – *Прим. Д. К.*), совершившие поездку в Советскую Россию и, хотя их наблюдения не обязательно совпадают, они пролили значительный свет на изучение правды о России» [10, с. 642].

Список литературы

1. Авилов, Р. С. «Какой вздор!»: военный министр А. Н. Куропаткин о трудах японских националистов / Р. С. Авилов // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 875–887.
2. Болдин, В. А. «Нам жаль русских, ...нужно помочь страдальцам» / В. А. Болдин, Д. Ю. Кургинова, А. А. Шириняц // RussianStudiesHu. – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 121–136.
3. Болдин, В. А. Образ «значимого Другого» в путевых очерках иностранцев о Советском Союзе (1920–1930-х гг.) / В. А. Болдин, Д. Ю. Кургинова // Русская политология. – 2023. – Т. 26, № 1. – С. 98–107.
4. Беседа с японским корреспондентом Р. Накахира, представителем газеты «Осака Асахи» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1981. – Т. 41. Май – ноябрь 1920. – С. 129–131.
5. Беседа с японским корреспондентом К. Фусэ, представителем газет «Осака Майнити» и «Токио нити-нити» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1981. – Т. 41. Май – ноябрь 1920. – С. 132–134.
6. Цветов, В. Я. Наш корреспондент сообщает из России / В. Я. Цветов // Юность. – М. : Правда, 1969. – Вып. 4 (167). – С. 4–13.
7. Krämer, H. M. An anti-secularist pan-Asianist from Europe: Paul Richard in Japan, 1916–1920 / H. M. Krämer // Modern Asian Studies. – 2023. – No. 57. – P. 487–504.
8. Snell, W. James Cousins and Sherard Vines at Keio University: 1919–1920 / W. Snell // 慶應義塾大学日吉紀要. 英語英米文学, 2007. – No. 50. – P. 43–68.
9. Pan-Asianism: a documentary history. Vol. 1 : 1850–1920 / ed. by Sven Saaler and Christopher W.A. Szpilman. – Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2011. – 358 p.
10. 黒龍会関係資料集 (日本国家主義運動資料集成). 東京: 柏書房, 1992. 第9巻. 560頁. (Сборник материалов, связанных с Обществом Черного Дракона: сборник материалов японского националистического движения. – Токио : Касива Сёбо, 1992. – Т. 9. – 560 с.
11. レッド・パージってなんですか? // しんぶん赤旗. (Что такое красная чистка? // Газета Красное знамя). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik4/2005-04-02/ftp12_01.html. – Дата доступа: 08.03.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авдеевич О. А., Гецевич А. К.</i> К вопросу о состоянии и совершенствовании деятельности органов управления Союзного государства России и Беларуси.....	3
<i>Аветян Н. С.</i> Социальная и культурная адаптация мигрантов: методологические основы.....	6
<i>Авласенко И. М.</i> Трансформация системы европейской безопасности в работах российских исследователей.....	11
<i>Авцинова Г. И., Березнев Ю. А., Кряжева Д. А.</i> Новая формация сверхдержавы – Российской Федерации.....	15
<i>Адуло Т. И.</i> Идея органического развития мира И. Гердера в контексте глобальных проблем современности.....	18
<i>Алейникова С. М.</i> Матрица как инструмент анализа и прогнозирования политических процессов.....	22
<i>Антанович Н. А.</i> Политический дискурс проблематики этнокультурных отношений и идентичности (применительно к постсоветскому пространству).....	24
<i>Арлукевич А. Б.</i> Методологические основания исследования теоретических конструктов белорусского национального государства в программно-политическом дискурсе на рубеже XIX–XX вв.	30
<i>Архипов А. И.</i> Новая внешняя политика Азербайджана: предпосылки и векторы развития.....	32
<i>Ачкасов В. А.</i> Право на самоопределение и проблема соотношения между границами государства и границами наций.....	36
<i>Бабосов Е. М.</i> Суверенитет – безопасность – интеграция: триединый категорический императив государственного развития Беларуси в XXI веке.....	39
<i>Бабосов Е. М., Старжинский В. П.</i> Стратегические приоритеты созидания экономики знаний.....	42
<i>Байчоров А. М.</i> Внешняя политика КНР в третьем десятилетии XXI века: некоторые новые аспекты.....	45
<i>Белозорович В. А.</i> Реализация государственной исторической политики в Республике Беларусь.....	50
<i>Белявцева Д. В.</i> «Маятник государственного строительства» и обеспечение суверенитета, безопасности и управляемости государства....	54
<i>Бережко К. А.</i> Кэтрин Маколей как пример борьбы за равноправие в XVIII веке.....	57
<i>Bogush T., Xu Hailiang.</i> Social management of HR in educational branch and roots of optimization.....	61
<i>Бойко С. И.</i> Легитимность как фактор суверенитета.....	66

<i>Болдин В. А.</i> «Дневник офицера Великой армии в 1812 году» Цезаря Ложье де Белленкура как источник по изучению дискурса о России и русских во французском обществе первой половины XIX в.	69
<i>Бондарь Ю. П.</i> Национальная культура – ресурс модернизации белорусского общества.....	72
<i>Борковская И. Л.</i> Политическая безопасность – константа суверенного государства.....	75
<i>Бояшов А. С.</i> Потенциал социологических методов в области защиты электорального суверенитета.....	78
<i>Буева А. О.</i> Историческая память как константа устойчивого государственного развития.....	81
<i>Бурда М. А.</i> Государственная миграционная политика Российской Федерации: практика ограничительных механизмов.....	84
<i>Буховец О. Г.</i> Имиджелогия как меж- и наддисциплинарное научное направление.....	88
<i>Вардомский Л. Б.</i> Геополитические факторы евразийской регионализации.....	90
<i>Василенко И. В.</i> Актуальные вопросы экономической безопасности и интеграции на постсоветском пространстве.....	94
<i>Ватиль В. И.</i> Историческая правда и противодействие геноциду на уроках истории в старших классах.....	97
<i>Ватиль В. Н.</i> Межрегиональное сотрудничество Беларуси и ЕАЭС: особенности институционального регулирования и управления.....	99
<i>Ватиль Н. В.</i> Защита информации, содержащей врачебную тайну, как часть социальной политики государства в здравоохранении.....	102
<i>Вишневская Т. И., Зимин В. О.</i> Баланс прав и обязанностей личности как необходимое условие социальной гармонии, стабильности и суверенности государства.....	104
<i>Власюк Н. И.</i> Интертекстуальность политического и экономического дискурсов.....	108
<i>Вологина Н. В.</i> Гражданская политическая культура как основа современного белорусского общества.....	111
<i>Вонсович Л. В.</i> Евразийская интеграция в многополярном мире: проблемы и перспективы развития.....	114
<i>Гаврилик О. Н.</i> Экономическая культура белорусской и российской молодёжи как основа интеграционных процессов.....	118
<i>Голубева К. А.</i> Таможенная политика Республики Беларусь: историография понятия.....	121

<i>Голубничий Д. В.</i> Об отдельных аспектах применения методологии прогнозирования.....	125
<i>Гончарова (Филимонова) Е. С. А. С. Панарин</i> о привилегированных маргиналах глобального мира.....	127
<i>Горелик А. А.</i> Возможности и риски использования нейронных сетей в политической науке.....	130
<i>Горелик А. В.</i> Система представительства интересов малого и среднего бизнеса в Беларуси: некоторые политические аспекты.....	133
<i>Грошева Л. И.</i> Специфика гражданской идентичности в среде молодёжи в условиях геополитической нестабильности.....	138
<i>Грошев И. Л., Грошева И. А.</i> Динамика изменений протестных настроений молодёжи в условиях изменения внешней политики государства.....	141
<i>Гурын А. В.</i> Міжнародна-палітычныя даследаванні як накірунак навукі аб міжнародных адносінах у Рэспубліцы Беларусь (1992–2022 гг.).....	144
<i>Гуторов В. А.</i> Элиты и образование: о некоторых тенденциях современных дискуссий.....	148
<i>Давыденко С. С.</i> Роль органов государственного управления в реализации внутренней и внешней политики в Беларуси.....	151
<i>Дединкин А. Л., Николаева И. В.</i> Экстремизм как угроза суверенитету Республики Беларусь (к вопросу о вербализации понятия в гуманитарной науке).....	154
<i>Денильханов А. Х.</i> «Правда-истина» и «правда-справедливость» в учении Н. К. Михайловского как метод социального исследования.....	158
<i>Джигило В. П.</i> Электоральный суверенитет и цифровая трансформация института политических партий.....	161
<i>Джух Е. Н.</i> Региональная идентичность как социокультурный феномен: ценностный компонент.....	165
<i>Достанко Е. А.</i> Развитие отношений Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества.....	168
<i>Драгун Д. В.</i> Радикальный исламизм как угроза национальной безопасности: теоретико-методологические аспекты.....	171
<i>Ермак Ю. Г.</i> К вопросу о реализации политики гендерного равенства органами местного самоуправления (историческая ретроспектива).....	175
<i>Ёдко Н. А.</i> Правоохранительные органы в системе обеспечения национальной безопасности в Республике Беларусь.....	178
<i>Жайворонек А. Б.</i> Особенности военно-технической политики Республики Беларусь на современном этапе.....	181

<i>Железняков П. А.</i> Христианский консерватизм митрополита Филарета (Дроздова).....	187
<i>Жмакина Т. В.</i> Модель анализа, оценки и реконструкции политической аргументации Амстердамской школы.....	190
<i>Жук С. А.</i> Разработка теории модернизации в политической философии С. Хантингтона 1960-х – 1970-х гг.	194
<i>Завершинский К. Ф.</i> Политико-культурные константы Союзного государства: общее и особенное в политике памяти.....	198
<i>Захарова Н. Е.</i> Цивилизационный подход как методология социально-политического анализа процессов интеграции.....	201
<i>Зверева М. С.</i> Сен-симонизм и колонизация Африки: проблемы изучения.....	204
<i>Змитрович И. О.</i> Избирательная кампания по выборам 1965 г. в областной Совет депутатов трудящихся на страницах газеты «Гродненская правда».....	207
<i>Зоткин А. А.</i> Мифологема Атлантиды в творчестве Платона.....	210
<i>Зурнаджян Г. С.</i> Провиденциальная миссия России в творчестве митрополита Филарета (Дроздова).....	214
<i>Казак О. Г.</i> «Триада Брубейкера» и перспективы её использования в исследовании этнополитических процессов в Беларуси.....	217
<i>Капалыгина И. И.</i> Безопасность как фактор устойчивого развития информационного пространства общества.....	220
<i>Касяновская А. С., Адастик К. А.</i> Цифровая трансформация образования в Беларуси.....	223
<i>Кизюкевич А. А.</i> Интересы и ценности разных поколений в контексте политических событий.....	226
<i>Ключко Р. Н.</i> От концепции информационного суверенитета государства к правовым механизмам его обеспечения.....	229
<i>Ковалёва И. В.</i> Регулирование социальных гарантий трудовых мигрантов в ЕАЭС.....	233
<i>Ковалёва Л. Е., Шейко Е. О.</i> Особенности передачи общественно-политической лексики в художественном переводе с белорусского на английский язык.....	236
<i>Ковяко И. И.</i> Европейская безопасность и германский суверенитет в англо-американском научном дискурсе конца XX в.	239
<i>Козлова Д. А.</i> Концепция конфликта Востока и Запада Э. Юнгера в рецепции К. Шмитта.....	242

<i>Козыренко Р. Н.</i> Представления древнерусских восточнославянских общностей о справедливости как ядро символического капитала белорусской нации.....	246
<i>Комарова И. К.</i> Беларусь в партнёрских отношениях ЕАЭС: тенденции и основные направления развития.....	249
<i>Коряковцева О. А.</i> Влияние власти на формирование государственно-общественной системы развития гражданской идентичности молодёжи.....	252
<i>Косов А. П.</i> Проблема кибербезопасности в российско-американских отношениях: позиция России.....	255
<i>Косоруков А. А.</i> Политический инцидент-менеджмент как инструмент обеспечения информационной безопасности.....	258
<i>Костиневич К. И.</i> Модель политической коммуникации органов власти и общества в Республике Беларусь.....	261
<i>Котляров И. В.</i> Политическое кодирование: теоретические и методологические аспекты.....	265
<i>Крацов П. И.</i> Техническая аналитика: опыт Белорусского института стратегических исследований.....	268
<i>Крамас С. Н.</i> Основные этапы становления государственной молодёжной политики в Республике Беларусь.....	271
<i>Криштапович Л. Е.</i> От исторического проклятия Запада к Сообществу единой судьбы человечества.....	275
<i>Кручковский Т. Т.</i> Гродненский областной Совет депутатов: видение через призму его руководителей.....	278
<i>Ксенофонтов В. А.</i> Мировая гибридная война как угроза национальной безопасности.....	281
<i>Кудрицкая Е. Г.</i> Социально-психологические механизмы манипулирования контентом в социальных сетях.....	284
<i>Кузнецов И. И.</i> Институт Президентства в России после конституционных поправок 2020 года: особенности развития формы правления.....	287
<i>Курадовец А. И.</i> Экономические основы обеспечения военной и национальной безопасности Республики Беларусь в современных условиях.....	292
<i>Кургинова Д. Ю.</i> «Красная Россия глазами японца»: путевые заметки Накахиры Акиры.....	293

Научное издание

**СУВЕРЕНИТЕТ – БЕЗОПАСНОСТЬ – ИНТЕГРАЦИЯ
КАК КОНСТАНТЫ УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ.
К 30-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ:
МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ**

Материалы X международной научно-практической конференции
(Гродно, 31 мая – 1 июня 2024 г.)

В 2 частях
Часть 1

Издаётся в авторской редакции
Ответственный за выпуск: *В. Н. Ватыль*

Редактор *Я. Я. Пекарь*
Техническое редактирование: *М. В. Вахмянина*
Компьютерная вёрстка: *И. П. Зимницкая*
Подготовка обложки: *А. И. Соболева*

Подписано в печать 06.06.2024. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 91 экз. Заказ 027.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/261 от 22.02.2024.
Ул. Ожешко, д. 22, 230023, Гродно